

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ УКРАЇНИ
Одеський національний університет імені І. І. Мечникова

МОВА

**Науково-теоретичний часопис
з мовознавства**

№ 16

Одеса
«Астропринт»
2011

УДК 81(05)

Головний редактор
Главный редактор
Editor-in-chief

Дмитро Семенович ІЩЕНКО
Дмитрий Семёнович ИЩЕНКО
Dmytro S. ISHCHEENKO

Заступники головного редактора
Заместители главного редактора
Vice-editors

Олександр Іванович Бондар
Александр Иванович Бондарь
Oleksandr I. Bondar

Ірина Михайлівна Колегаєва
Ирина Михайловна Колегаева
Iryna M. Kolehajeva

Відповідальний секретар
Ответственный секретарь
Secretary

Євгеній Миколайович Степанов
Евгений Николаевич Степанов
Yevgeniy N. Stepanov

Редакційна колегія

Н. В. Бардіна, Л. М. Голубенко, В. В. Горбань,
Л. М. Гукова, Д. Дзевановська, М. І. Зубов,
Н. Г. Іванова, Т. Ю. Ковалевська, В. О. Колесник,
Л. О. Петрова, С. В. Плотницька, Л. Ф. Фоміна

Редакционная коллегия

Н. В. Бардина, Л. Н. Голубенко, В. В. Горбань,
Л. Н. Гукова, Д. Дзевановская, Н. И. Зубов,
Н. Г. Иванова, Т. Ю. Ковалевская, В. А. Колесник,
Л. А. Петрова, С. В. Плотницкая, Л. Ф. Фомина

Часопис засновано в 1993 році

Свідоцтво про реєстрацію в Державному комітеті телебачення і радіомовлення України
КВ № 8932 від 6 липня 2004 р.

Часопис «Мова» постановою президії ВАК України від 12 червня 2002 р. № 1-05/6 включено
до переліку № 10 наукових фахових видань України

Рекомендовано до друку вченою радою ОНУ імені І. І. Мечникова

Випуск 16 видано за фінансової підтримки Фонду “Русский мир” згідно з Договором гранту
№ 274Гр/1081–09 від 16 вересня 2009 р.

У збірнику представлені дослідження актуальних теоретичних і прикладних проблем лінг-
вістики на матеріалі різних мов: української, російської, білоруської, англійської, французької,
польської, вірменської, естонської, казахської, узбецької, азербайджанської, латинської.

Адресовано широкому колу філологів: науковцям, вчителям, методистам, студентам.

Адреса редакції / Адрес редакции / Address: Французький бульвар, 24/26, кімн. 111, 113
Одеса, 65058, Україна

Телефон / Phone: +38 (048) 776-22-77;
e-mail: odessarussyaz@rambler. ru

Факс / Fax: +38 (048) 746-51-14

ЗМІСТ

ПИТАННЯ ЗАГАЛЬНОГО МОВОЗНАВСТВА І СОЦІОЛІНГВІСТИКИ

- Друзина Н. В.* Модусы существования человека как типологические характеристики языка 5
Степанов Е. Н. Национальные варианты русского языка или русские территориальные койне? 9

ПИТАННЯ КОМУНІКАТИВІСТИКИ ТА КОГНІТИВНОЇ ЛІНГВІСТИКИ

- Харченкова Л. И.* Выявление межкультурных расхождений, возникающих в процессе коммуникации русских и финнов 15
Желтухина М. Р., Омельченко А. В. Маркированность воздействия европейских СМИ на адресата 18
Яроцкая Г. С. Основные направления лингвистических исследований феномена политэкономического сознания 24
Дробышева Н. Л. Чувственно-перцептивное познание в профессиональной номинации 28
Моцаж М. Переводческие процедуры и межкультурная коммуникация (на примере переводов путеводителей по Польше для туристов) 31
Еременок О. И. Языковая личность студента в условиях межкультурной коммуникации 35

ПИТАННЯ КОНЦЕПТОЛОГІЇ ТА МОВНОЇ КАРТИНИ СВІТУ

- Искакова З. Ж., Еремеева Г. А.* Языковая система в её отношении к языковой картине мира 39
Кушнир О. Н. К вопросу о лингвоконцептологическом анализе текста 43
Заикина А. И. Пространственная картина мира в текстах белгородских поэтов 47
Сизикова Н. А. Средства создания языковой личности в произведениях Бориса Акунина 51
Костина Д. М. Этноконцепт “индивидуализм” в русской и английской лингвокультурах 56

ПИТАННЯ ІСТОРІЇ МОВИ ТА ДІАЛЕКТОЛОГІЇ

- Убийвовк Н. В.* До проблеми походження української мови 60
Джуанышбеков Н. О. Кыпчакская строка в “Слове о полку Игореве” 66
Пристуна Т. И. К вопросу о смешении основ мужского рода на -*Ō*- и на -*Ĭ*- (лингвосториографический аспект) 72
Лобачёва Н. А. Из истории наименований бросовых угодий (*печище, селище*) в русской письменности донационального периода 77
Тахмезова Э. Б. Сопоставление согласных звуков терекемейского говора азербайджанского языка с русским и дагестанскими языками 80

ПИТАННЯ ЛЕКСИКОЛОГІЇ, СЕМАНТИКИ І ПРАГМАТИКИ

- Плотникова Л. И.* Лексические инновации в текстах газетной публицистики (специфика, типология, когнитивный потенциал) 84
Павлова Н. А. Возрастные номинации человека в русской национальной традиции и прозаических текстах 87
Слива Т. В. Актуализация темпоральных семантических признаков в рефлексемах кауземы *ЛЕТО* 91
Литвин О. В. Семантическая освоенность иноязычных заимствований 95
Авдоница М. Ю. Полисемия заимствованных русских слов в английском и французском языках 100
Позднякова Л. Е. Синонимические группы слов в сопоставительном аспекте 106
Дьячок Н. В. Новое в вопросе об особенностях омонимии номинатом типа “словосочетание + универб” 108
Volochina N., Pantchenko I., Teletskaja T. Théorie du prototype dans la lexicologie contemporaine française 113

ПИТАННЯ ОНОМАСТИКИ

- Бойко Н. А.* Предложные конструкции в дегидронимных ойконимах Восточной Славии 118
Смаль Е. Л. Реализация восточнославянской географической терминологии в микротопонимии левобережья Киева 121

ПИТАННЯ ТЕРМІНОЗНАВСТВА

Розен С., Тер-Казарян М., Павленко Р. И., Микельсаар М., Африкян Э. Г., Усманходжаев А.
 Ассимиляция видовых эпитетов бинарных названий важнейших патогенных бактерий в русском, украинском, эстонском, армянском и узбекском языках 125

Шонц О. П. Способи творення української термінології цифрових телекомунікаційних технологій 139

Філюк Л. М. Словотвірні типи термінів інформатики зі значеннями “подібний за структурою” та “подібний за формою” 141

ПИТАННЯ ФРАЗЕОЛОГІЇ

Крапотина Т. Г. Фразеология как отражение эмоционального и рационального в русской языковой картине мира 146

Медведева У. Ю. Новые окказиональные сочетания как единицы зоны лексико-фразеологической переходности (на материале периодических изданий) 151

Петренко Е. Е. Функционирование фразеологизмов в художественных текстах (на материале текстов круга детского чтения) 156

ПИТАННЯ СИНТАКСИСУ, ТЕКСТИКИ, ДИСКУРСОЛОГІЇ

Гейна О. В. Роль субъектно-объектных детерминантов в модально-номинативном плане выражения 161

Жабо Н. И. Лингвостилистические особенности рекламных текстов экологической тематики 164

Добровольская Л. В., Иванова Н. Г., Кириченко Л. Г. Научный стиль речи: аутентичный текст как объект рецептивной текстуализации 169

Лаевская Т. Е. Лексико-синтаксические особенности жанра издательской аннотации к современным художественным произведениям 171

Габидулина А. Р. К вопросу о дискурсивных стратегиях учебного текста (на примере школьного учебника русского языка) 176

Побережная О. Ю. Дискурсивная специфика аннотирования текста: гендерный аспект 181

Полонский А. В., Донникова М. С. Публицистика Татьяны Толстой: на гранях дискурса 185

Юрченко Е. М. Художественный образ ребёнка-жертвы и языковые способы его репрезентации в рассказе Ф. М. Достоевского “Мальчик у Христа на ёлке” 189

ПИТАННЯ ГЛОТОДИДАКТИКИ І МЕТОДИКИ ВИКЛАДАННЯ МОВИ

Новикова Т. Ф. Лингвокультурологические понятия как новые лингводидактические единицы в культуросообразном преподавании родного языка 194

Самосенкова Т. В. Интерпретация текста в практике преподавания русского языка иностранным студентам 199

Юзефяк С. Место грамматики русского языка как иностранного в межкультурной коммуникации 202

Филиппова О. В. Влияние литературных произведений на формирование коммуникативной компетенции иностранных студентов гуманитарного профиля (из опыта работы) 208

Плотницкая С. В. Иноязычно-речевая коммуникативная компетенция студентов, сформированная средствами Internet-ресурсов 211

Шилофост Н. М. Особенности гуманизации процесса обучения русскому языку как иностранному в условиях глобализации 215

Матвеева Н. М., Миракьян И. Г. Культурно-воспитательная работа в педагогической системе обучения иностранцев как способ интенсификации межкультурного общения 217

Богачёва Т. А., Овчаренко Л. Г. Проблема формирования мотивации межкультурной коммуникации у иностранных студентов подготовительного факультета 221

Пахалкова-Соїч Т. В. Використання навчального посібника “Російська мова” у групах іноземних студентів з викладанням польською мовою 224

НАШІ АВТОРИ 228

НАШІ АВТОРЫ 230

Модусы существования человека как типологические характеристики языка

В статье известное противопоставление “иметь”-языков и “быть”-языков рассматривается, с одной стороны, в связи с важностью соответствующих модусов в жизни культурных сообществ, а с другой — с зависимостью способа грамматикализации систем разных языков от основ структур сознания, воспроизводящих по-своему определенные структуры действительности. Показано, что данное разграничение языков проходит не только по признаку основного способа выражения посессивных отношений.

Ключевые слова: дихотомия “обладание — бытие”, “иметь”-языки и “быть”-языки, грамматикализация, бытийность, посессивность.

Как известно, дихотомия “обладание — бытие” является стержнем многих философских учений. Эмпирические антропологические и психоаналитические данные указывают на то, что обладание и бытие представляют собой два основных способа существования человека и доминирование одного из них определяет различия в индивидуальных характеристиках людей и типах социального характера. В связи с экономически-идеологической и правовой проблемами это положение не так давно находило свое отражение и в “классификации обществ на общества “być — быть” (социалистические) и общества “mieć — иметь” (капиталистические) [9: 175–176].

Из этого следует, что отнесенность концептов “быть” и “иметь” к категории “культурных” [6: 240–241] обусловлена, в первую очередь, тем, что они “суть модусы человеческого существования” [3: 72], имеющие постоянное выражение в языке. В связи с этим бесспорным представляется факт грамматикализации систем разных языков на основе структур сознания, “которые, каждая по-своему, отражают определённые структуры действительности” [7: 31].

Именно благодаря большему разнообразию глагольных форм в исследуемых германских (английском и немецком) и романских (французском и испанском) языках в разряд грамматических, следовательно, обязательных значений попадает то, что в русском языке передаётся лексически и при желании может быть опущено.

Так, “самой-за-себя-говорящей” является в этих языках форма перфекта. В русском языке значение завершенности действия передаётся средствами совершенного вида, выражаемого обычно приставками или суффиксами. Значение обладания в перфектных формах было отмечено еще С. Ф. Поттом, который писал, что действие, особенно когда оно завершено, как это имеет место в перфекте, вполне хорошо может быть представлено в виде собственности, приобретенной действующим лицом и ему принадлежащей [12: 291–292]. (Примечательно, что в русском языке никогда не было форм перфекта с глаголом *иметь*.) Частотность глагола “иметь” повышается и за счет того, что любое указание на владение чем-л. требует обращения к этому глаголу, в то время как в русском языке и здесь используется глагол *быть*. В результате обладание мыслится в германских и романских языках как активное действие, а в русском — как что-то происходящее извне, а не как проявление собственной активности. Последнее стало поводом к утверждениям, что основной религиозной и мировоззренческой идеей русского народа стала идея страдания, которая нашла отражение в языке: конструкция УХ (есть) Y, выражающая идею обладания, предполагает, что активным является именно предмет, а его владелец — лишь страдательное лицо [10].

Несмотря на возможную привлекательность подобных гипотез, не стоит забывать, что “в подавляющем большинстве случаев выделение понятий и “членение” мира социально и исторически не обусловлено и выступает как известная случайность” [4: 82].

Тем не менее, нельзя не учитывать, что практически весь опыт современного человека организуется, направляется и контролируется психосемантическим пространством языка. Становясь средой обитания человека, данный конкретный язык не может не детерминировать его внутренний мир. Не исключено, что в результате высокой частотности глаголов с семантикой обладания “в соответствии с принципом буквализма возрастает и значимость самого процесса обладания: “то, что так часто упоминается, не может быть пустяком” [8: 227]. Это даёт основания говорить, что исследуемые западноевропейские языки более сосредоточены на обладании чем-то, по сравнению с русским, в котором частотность глагола “иметь” на порядки меньше.

Таким образом, известное противопоставление “иметь”-языков “быть”-языкам отражает значимость соответствующих модусов в жизни культурных сообществ. Вместе с тем интерпретация самого факта преимущественного выражения обладания в русском языке конструкцией с глаголом *быть* как свидетельства особого, “легкого” отношения русских к собственности, отличающего их от носителей “иметь”-языков, не представляется нам убедительной. Пословицы подобные *Что было, то сплыло; Что упало, то пропало; Вдруг густо — вдруг пусто; Деньги пух — только дунь на них — и нет* и т. п., приводимые Ю. А. Рыловым для аргументации подобного мнения [11: 41], иллюстрируют нестабильность материального положения, несовершенство законодательной системы, регулирующей имущественные отношения. Исследователь ссылается также на работу С. Г. Тер-Минасовой, в которой анализируется отношение англоговорящих и русского народов к богатству и также отмечается пренебрежительное отношение русских к материальным благам. В частности, приводится сравнение “новых русских”, беззаботно сорящих деньгами, с аналогичным поведением в свое время русских купцов. Но то, что “новые русские” определяются не количеством денег, не счетами в банке, так как богатые люди есть во всех странах и у всех народов, а отношением к деньгам, тем, как легко они расстаются со своим богатством” (цитируется по [11: 42]), скорее объясняется не характерными чертами русского мироощущения, зафиксированного в языке, как полагает Ю. А. Рылов, а лёгкостью приобретения этого богатства и отсутствием других качеств, достойных демонстрации в обществе. Что касается поведения русских купцов, то с не меньшим основанием его можно было бы рассматривать как своего рода пиар-технологии того времени, рассчитанные на публичную демонстрацию своего материального благополучия и, следовательно, конкуренто- и кредитоспособности.

Возвращаясь к особенностям представления объекта обладания в виде грамматического подлежащего, позволим предположить вероятность маркированности таким способом отношения к роли посессора, отнесение ее ко “второму плану”, что и получило закрепление в языке. Напомним в этой связи об известной роли народной стихии в формировании русского языка. Творец последнего был большей частью лишён права собственности даже на самого себя. Допускаем вероятность влияния данного фактора на приоритетность фиксации внимания на существовании объекта, а не на роли посессора по отношению к объекту. Что касается современного российского общества, то в нём, с одной стороны, ещё сохраняются стереотипы предыдущей социально-экономической формации, обуславливающие характеристику человека по его отношению к собственности, а с другой — вновь наблюдается значительное социальное расслоение именно по имущественному признаку. Нельзя оставлять без внимания непосредственную связь отношения к собственности с другими культурными концептами и, прежде всего, отношением к труду, к счастью и к Богу.

Итак, основанием для разделения языков на “быть”-языки и “иметь”-языки послужил, по существу, только способ выражения посессивных отношений. Свяжем вопрос о типологических характеристиках языка с вопросом о полифункциональности фундаментальных глаголов бытия и обладания.

В русском языке глагол *быть*, по сути, является ядром семантического поля бытийности.

Во французском в этой роли выступает наряду с бытийным *être* “бытийная формула” *il y a* — безличный оборот со значением “имеется, есть”, в который входит глагол обладания *avoir*:

...tu sais qu'*il y a* des nains et des lémures jeteurs de sort (Tournier).

В испанском языке данная функция может соотноситься с безличным глаголом *haber*.

— Sí, señor; *hay* algunas muy bestias (Cela).

Английский язык в качестве конкурента глагола *be*, семантика которого непосредственно связана с представлением бытийности, использует оборот с этим же глаголом:

There's no object in going back to that (Maugham). *There were* a number of rooms over (Maugham).

В немецком языке представление бытийности может интерпретироваться посредством безличного оборота *es gibt*:

...in der Zeitung stehe, *es gebe* bald Brotkarten (Seghers).

Если рассматривать глагол *geben* (давать) как фазисную модификацию по отношению к значению принадлежности (“владеть чем-л., потому что это было дано”), то немецкий оказывается ближе к французскому и испанскому языкам.

Общепризнано, что семантика, касающаяся сферы внутреннего мира человека, его состояния, идиоматична и глубоко национальна. Определим в исследуемых языках семантические соответствия наиболее распространённых фразеологических эквивалентов, относящихся к означенной сфере, и выделим компоненты, соответствующие глаголу *avoir* во французском языке, образцовом “иметь”-языке:

avoir besoin — (исп.) *tener necesidad*, *tener / haber menester*, (англ.) *to be in need*, (нем.) *nötig haben*, (рус.) нуждаться → мне нужно;

avoir chaud — (исп.) *tener calor*, (англ.) *to be hot*, (нем.) *mir ist (es) heiß*, (рус.) испытывать жару → мне жарко;

avoir froid — (исп.) *tener frío*, (англ.) *to be cold*, (нем.) *mir ist kalt*, (рус.) испытывать холод → мне холодно;

avoir faim — (исп.) *tener hambre*, (англ.) *to be hungry*, (нем.) *hungrig sein / Hunger haben*, (рус.) *быть* голодным / хотеть есть;

avoir soif — (исп.) *tener sed*, (англ.) *to be thirsty*, (нем.) *Durst haben*, (рус.) испытывать жажду / хотеть пить;

avoir sommeil — (исп.) *tener sueño*, (англ.) —, (нем.) *schläfrig sein*, (рус.) хотеть спать;

avoir mal → *elle a mal à la tête* — (исп.) *me duele la cabeza*, (англ.) *to have a pain / to be in pain / he has a headache*, *he has a sore throat*, (нем.) *eine Krankheit haben*, (рус.) испытывать боль → у меня болит голова;

avoir peur — (исп.) *tener miedo*, (англ.) *to be afraid*, (нем.) *Angst haben*, (рус.) бояться;

avoir raison — (исп.) *tener razon*, (англ.) *to be right*, (нем.) *recht haben*, (рус.) *быть* правым;

avoir tort — (исп.) *no tener razon / ser injusto*, (англ.) *to be wrong*, (нем.) *unrecht haben / im Unrecht sein*, (рус.) *быть* неправым / ошибаться.

Таким образом, французской конструкции “*avoir* + существительное”, выражающей состояние или ощущение, в других языках могут соответствовать как конгруэнтные конструкции, так и конструкции, предикативный элемент которых, глагол *быть*, требует после себя употребления прилагательного или существительного с предлогом. И если испанский язык отдаёт более чем очевидное предпочтение фразеологизмам с посессивным компонентом, а английский — конструкциям с бытийным компонентом, то немецкий сочетает, а в ряде случаев рассматривает как синонимичные, оба типа.

В свою очередь французский язык располагает некоторым числом фразеологизмов-эквивалентов слов с компонентом *être*. Например:

être pressé — (исп.) *tener prisa*, (нем.) *Eile haben*, (англ.) *to be in a hurry*, (рус.) торопиться.

Подобные фразеологизмы находим и в испанском языке, в частности: *estar de prisa* — спешить; *estar en todo* — вникать во всё.

В означенном ключе следует, по нашему мнению, рассматривать и выбор способа оформления высказываний бытового характера, в которых наряду с другими аспектами различают внутренний аспект, или узус, отражающий тенденции к использованию тех или иных языковых форм [5: 6]. Ограничимся самыми распространёнными высказываниями, связанными с выражением понятий “бытовой хронологии”:

(рус.) Вчера *была* суббота. Завтра (*будет*) двадцать четвертое июля.

(фр.) *Nous sommes en mars*. Quelle date *avons-nous*? / Quelle date *sommes-nous*?

(исп.) ¿Qué fecha *es hoy*? ¿A cuántos *estamos hoy*?

(англ.) *Today is the 7th of May*. *Today is Friday*.

(нем.) *Wir haben heute Freitag. Wir haben heute den dritten März.*

Здесь также прослеживается как предпочтение только посессивного или бытийного компонента, так и их сосуществование в качестве функциональных эквивалентов.

Вышеизложенное достаточно убедительно свидетельствует, по нашему мнению, в пользу того, что определение места того или иного языка на “оси” “иметь”-языки — “быть”-языки требует привлечения к анализу разнообразного языкового материала. В отношении романских языков представляет несомненный интерес вероятность связи частотности употребления посессивных конструкций со степенью развития артиклевости в конкретном языке.

Если лингвисты устанавливают ту или иную меру непосредственной связи фундаментальных глаголов бытия и обладания, то философы подчёркивают противоположную мысль: “Между “бытием” и “обладанием” существует постоянный и обостренный конфликт, “напряжение”, ибо человеческое существование в обществе, среди людей требует либо подчинения первого второму, либо пожертвования вторым ради первого” [3: 70]. Самым убедительным доводом ученых является наблюдаемый нами экологический кризис: понимая мир как свое “обладание”, стремясь им овладеть и обладать, человек разрушает условия своего существования. Примечательно, что именно с языковой картиной мира Б. О. Майер и И. Н. Топешко связывают озабоченность англичан экологией [8: 229]: в системе английских глагольных форм, кроме исследуемых нами *to be* и *to have*, задействован и глагол *to do* (делать).

Известно, что степень оязыковления культурного концепта обусловлена значимостью его ценностной составляющей для социума. Характеристики отношения к собственности, обнаруживающие непосредственную зависимость от состояния общества и происходящих в нем изменений, находят выражение в языке [2]. Особенности социально-исторического развития России немало препятствовали формированию положительного отношения к собственности. Вместе с тем, по замечанию В. Либкнехта, “понятие собственности есть только рефлекс, только продукт условий государственной и общественной жизни и, естественно, понятие это подчиняется вместе с означаемыми условиями постоянным изменениям” [1: 348].

Отражение этого рефлекса фиксируется, в частности, в поговорках. Интересно, что наряду с известной поговоркой “Не имей сто рублей, а имей сто друзей”, широко цитировавшейся в советской культуре, существует и целый ряд других, собранных в своё время В. Далем. В частности, сегодня трудно возразить таким примерам русской народной мудрости как: “*Есть грош, так будет и рожь*”, “*Есть в мошне, так будет и в квашне*”, “*Без денег — бездельник*”, “*Без денег — везде худенек*”. Собственность как социальное благо нашла представление в немецкой поговорке “*Wer nichts hat, kann nichts geben*” — досл. “Кто ничего не имеет, ничего не может дать”.

1. Алексеев Н. Н. Собственность и социализм // Исупов К., Савкин И. Русская философия собственности (XVII–XX вв.) — СПб., 1993. — С. 190–193.
2. Бабаева Е. В. Культурно-языковые характеристики отношения к собственности (на материале немецкого и русского языков): Дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 1997.
3. Богомолов А. С. “Быть” и “иметь”: эллинизм и современность // Вопросы философии. — 1984. — № 6. — С. 66–72.
4. Гак В. Г. К диалектике семантических отношений в языке // Принципы и методы семантических исследований. — М., 1976. — С. 73–92.
5. Гак В. Г. Отношение носителей языка к своему языку как проявление национально-культурной специфики языкового поведения // Национально-культурная специфика речевого поведения (на материале романских и арабского языков): Тезисы докладов. — М., 1991. — С. 6–7.
6. Друзина Н. В. Культурные концепты “быть” и “иметь” // IV Степановские чтения. Язык и Культура. Мат-лы докладов и сообщений. — М., 2007. — С. 240–241.
7. Дурст-Андерсен П. В. Ментальная грамматика и лингвистические супертипы // Вопросы языкознания. — 1995. — № 6. — С. 30–42.
8. Майер Б. О., Топешко И. Н. Особенности картины мира в контексте языковых репрезентаций // Философия образования. — Новосибирск, 2003. — № 8. — С. 219–230.
9. Писаркова К. Посессивность как грамматическая проблема (на примере польского языка) // Грамматическое описание славянских языков. — М., 1974. — С. 171–176.
10. Правосуд О. А. Бытийные предложения с глаголом “быть” (*to be*) и “иметь” (*to have*) в лингвофилософском аспекте // Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты: Тезисы докладов II Междунар. научно-практ. конф. — Бийск, 2004. — Сайт филологического факультета: http://www.bigpi.biysk.ru/ff/viewpage.php?page_id=84#pravosud
11. Рылов Ю. А. Аспекты языковой картины мира: итальянский и русский языки. — Воронеж, 2003.
12. Pott S. F. Verschiedene Bezeichnung des Perfekts in einigen Sprachen und Lautsymbolik // Zeitschrift für Völker psychologie und Sprachwissenschaft. 1884. — Bd. 15. — S. 291–292.

N. V. Druzina

HUMAN EXISTENCE MODUSES AS TYPOLOGICAL LANGUAGE CHARACTERISTICS

The known contraposition of “be” languages and “have” languages is discussed in the article on one side in connection with significance of corresponding moduses in the life of cultural communities, and on the other side depending on the way of grammaticalizing the systems of different languages from the basics of conscious structures which reproduce definite structures of reality in their own manner. It is shown that this language differentiation lays not only in the main way of identification of possessive relations.

Key words: dichotomy “having — being”, “have” languages and “be” languages, grammaticalization, existence, possessiveness.

Н. В. Друзіна

МОДУСИ ІСНУВАННЯ ЛЮДИНИ ЯК ТИПОЛОГІЧНІ ХАРАКТЕРИСТИКИ МОВИ

У статті розглядається відоме протиставлення “мати”-мов і “бути”-мов, з одного боку, у зв’язку з важливістю відповідних модусів у житті культурних спільнот, а з іншого — із залежністю способу граматикалізації систем різних мов від основ структур свідомості, які відтворюють по-своєму певні структури дійсності.

Ключові слова: дихотомія “володіння — буття”, “мати”-мови та “бути”-мови, граматикалізація, буттєвість, посесивність.

УДК 811.161.1’272’282

Е. Н. Степанов

Национальные варианты русского языка или русские территориальные койне?

Статья предлагает пути решения вопроса о региональной вариативности русского языка после распада СССР. Дискутируя с авторами и сторонниками концепции Журавлёвой-Рудякова, согласно которой современный русский язык имеет несколько национальных вариантов, автор статьи утверждает, что в новейшей истории ни одна русская диаспора не стала новой нацией и не слилась с другой нацией, образовав общую третью нацию, следовательно, в современном своём состоянии русский язык не имеет национальных вариантов, а региональными вариантами единого национального русского языка являются территориальные койне (региолекты). Каждое территориальное койне имеет разные степени реализации приобретённых особенностей в зависимости от групп носителей: представителей русской диаспоры, русскоговорящих представителей других наций, носителей русского языка как неродного.

Ключевые слова: русский язык, социолингвистика, национальный вариант языка, территориальное койне, носители русского языка.

Национальный язык в лингвистике рассматривается как социально-историческая категория для обозначения языка, являющегося средством общения нации и функционирующего в устной и письменной формах. Состояние национального языка определяет конкретный состав компонентов: единая форма литературного языка или вариантная, функционирование определённого количества диалектов, полудиалектов, койне и т. п. Один национальный язык противопоставляется другим национальным языкам в дихотомии “свой” — “чужой” [14]. Во 2-й пол. XX в. в социолингвистике стали выделять полинациональные языки. Полинациональным называют язык, осознаваемый и используемый как национальный несколькими нациями. Среди таких языков в конце XX в. называли английский, испанский, немецкий, арабский, суахили [5: 5, 10 и др.], французский, португальский, некоторые другие. С начала XXI в. появляются работы, включающие в список полинациональных русский язык [9: 58–60; 7]. При этом в качестве глав-

ного аргумента такой характеристики для русского языка выдвигается появление дивергентных процессов, зарождающихся в живой речи стран, в которых широко функционирует русский язык с дифференцирующим компонентом, обуславливающим региональную норму полигосударственного (полинационального) языка [9: 59].

Внешние законы функционирования полинациональных языков, по мнению Г. В. Степанова, обуславливают появление в каждом из них национальных вариантов [14; 5: 10–11]. Среди экстралингвальных причин возникновения идиомов, называемых обычно национальными вариантами полинациональных языков, в первую очередь, следует выделить их автономное территориальное функционирование. Территориальная автономия может проявляться в географической отдалённости того или иного языкового анклава от языкового материка, этно-исторических и политических особенностях региона. Наличие политической автономии усиливает тенденции появления вариантов полинациональных языков, поскольку внутренняя политика (этноязыковая, идеологическая, конфессиональная, экономическая, образовательная, миграционная, социальная, экологическая и под.) материка и анклава может иметь много различий. Например, испанский язык является официальным в Испании, Мексике, Аргентине, Боливии, на Кубе, в ряде других стран. Однако в каждой из этих стран функционируют свои национальные варианты испанского языка, имеющие разные речевые нормы с самобытными чертами в фонетике, просодии, лексике, реже — в грамматике. Речевые нормы влияют на формирование норм орфографии. (В Word'e отмечено 20 территориальных вариантов испанской орфографии). В каждой из испаноязычных стран дифференцирующий компонент в национальном варианте испанского языка (чаще называемого в Латинской Америке кастильским языком) составляет значительный вес. Это связано с территориальной удалённостью языковых анклавов от языкового материка, их длительной внешнеполитической самостоятельностью, различиями во внутренней политике, в идеологических приоритетах, наличием значительного периода самостоятельного исторического развития. На национальные варианты языка по-разному воздействуют языки неиспаноязычных граждан. Создаются свои системы топонимов и оттопонимных образований, эпонимов, прагматонимов, этнонимов и квазиэтнонимов, многих других групп лексики; реализуются национальные варианты речевого этикета. В каждой стране испаноязычного мира развивается своя культура, литература, служащие источниками разных национальных фразеологизмов, паремий, прецедентных феноменов, лексической семантики, словообразовательных и синтаксических моделей, различий в частотности использования, прагматических и аксиологических характеристик единиц общего для всех национальных вариантов языкового компонента.

Среди факторов, обуславливающих формирование национальных вариантов языка, могут быть также традиции его диалектного членения, авторитет в том или ином регионе распространения языка разных городских койне (обычно койне политического, экономического, культурного, научного центра страны), лингвистический сепаратизм части языкового коллектива. Так, разная диалектная база лежит в основе северного и южного вариантов нидерландского языка, функционирующих, соответственно, в Нидерландах и Бельгии. Национальный вариант французского языка Бельгии основан на валлонской диалектной базе и нередко именуется носителями валлонским языком. В основе нормы австрийского национального варианта немецкого языка лежит die Wienerische — венское городское койне (полудиалект), развившееся на баварской диалектной базе и являющееся основным экспонентом разговорно-бытовой речи австрийцев. Ситуация, при которой определённая часть граждан тех стран, в которых функционирует национальный вариант полинационального языка, считает этот вариант самостоятельным языком, по мнению А. И. Домашнева, наблюдается в отношении аргентинского и чилийского национальных вариантов испанского языка, австрийского национального варианта немецкого языка [5: 10–11]. Подобным же образом обстоит дело с американским национальным вариантом английского языка, канадским и бельгийским национальными вариантами французского языка и т. д.

В начале XXI в. ряд исследователей обратил внимание на то, что обретение русским языком полинационального статуса обусловило предпосылки для регионализации стандартного русского языка [см. напр., 9; 1; 19].

Отметим, что в русском языкознании во 2-й пол. XX в. утвердилось понятие региональной речевой нормы [15]. Вопрос же регионализации норм русского литературного языка является

спорным и сопряжён с признанием национальных вариантов русского языка и самостоятельных наций, для которых эти варианты были бы главным средством коммуникации.

Е. А. Журавлёва в докторской диссертации утверждает о наличии казахстанского национального варианта русского языка, носителями которого признаёт только этнических русских Казахстана: “Расширение концептосферы национального русского языка и, соответственно, этнических русских [разрядка наша. — *Е. С.*], проживающих в Казахстане, происходит за счёт включения в её состав основополагающих концептов, относящихся к концептосфере казахского языка” [8: 8]. При этом исследовательница всё же не решается идти против истины до конца, поскольку прямо не заявляет о некоей *казахстанской русскоязычной нации, а лишь переносит на неопределённый срок в будущем формирование “казахстанской идентичности” путём корректировки ментальных черт этнических русских с помощью включения казахских культурных концептов в русский язык Казахстана [8: 8]. Аналогичные идеи в отношении функционирования русского языка на Украине высказали в своих докладах на IV Международной научно-практической конференции “Русский язык в поликультурном мире” в Ялте (июнь 2010 г.) крымские исследователи А. Н. Рудяков (“Георусистика — русистика XXI века”), Р. В. Забашта (“Особенности номинативной системы украинского варианта русского языка”), Ю. В. Дорофеев (“Принципы исследования вариативности языка”), московский исследователь О. Г. Ровнова (“Идеи георусистики глазами диалектолога”) [10; 11; 12; 6: 69] и некоторые ученики А. Н. Рудякова, не включённые в программу конференции.

Выводы о существовании национальных вариантов русского языка сделаны указанными авторами на основе существования концептуального и лексического дифференцирующего компонента в русском языке разных регионов. В одной из газетных статей А. Н. Рудяков как пример существования национальных вариантов языка приводит даже различия в английском языке Нью-Джерси, Техаса и Огайо [12]. Неужели техасцы, огайцы, нью-джерсийцы разные нации, поэтому их речевые различия могут быть признаны как различия национальных вариантов английского языка?! Доводы учёного весьма странны, ибо наличие безэквивалентных слов, фразеологизмов и фоновых лексических и концептуальных различий в речи носителей русского языка при его функционировании в разных геоклиматических и историко-культурных регионах успешно изучалось лингвистами и в советскую эпоху с её центростремительными тенденциями в обществе, рассматриваясь как естественный процесс развития языка межнационального общения, взаимообогащения активно контактирующих языков. Такая вариативность оценивается в лингвистике как региолектное либо диалектное разнообразие языка и свойственна всем многофункциональным языкам. Заметное влияние на речь носителей одного языка других языков в разных регионах и городах, проявляющееся в наличии субстратных и/или адстратных явлений, как правило, приводит к формированию региональных и городских койне [16: 81].

Сторонники выделения национальных вариантов русского языка на современном этапе его функционирования не учитывают нескольких важнейших аспектов понятия ‘нация’.

Во-первых, национальные варианты русского языка могли бы существовать только при условии осознания русским и/или русскоязычным населением тех или иных территориальных автономий себя представителями самостоятельных наций, отличных от русской либо других наций, не утративших своих национальных языков. Национальный вариант языка осознаётся таковым, когда сформирована новая нация, основным средством вербальной коммуникации которой служит данное языковое образование. Однако этнические русские Казахстана, Украины, Белоруссии, стран Балтии, Средней Азии, Закавказья позиционируют себя как неотъемлемую часть русской нации. Выше мы упоминали о точке зрения Е. А. Журавлёвой, согласно которой носителями “казахстанской идентичности” оказываются только русские. Казахи, таким образом, представляют титульную казахскую нацию, а русские — *казахстанскую (неких *русских?); непонятно тогда, к какой нации относит автор концепции корейцев, татар, немцев, украинцев, узбеков Казахстана. Ведь многие из них основным языком общения тоже считают русский и нередко стремятся обучать детей в русских школах. Отказано ли в казахской идентичности тем из них, кто свободно говорит по-казахски, овладев не только казахской концептуальной, но и языковой картиной мира? И почему тогда в “казахстанской идентичности” отказано тем казахам, которые, живя на территории Казахстана, владеют русским языком как родным? Так же противоречивы утверждения А. Н. Рудякова и его учеников о сформированности укра-

инского национального варианта русского языка. Ведь более 90 % граждан Украины в той или иной мере владеет русским языком, немного меньше — украинским. По данным Всеукраинской переписи населения 2001 г., украинцами себя в стране назвали 77,82 % граждан, русскими — 17,28 %, белорусами, крымскими татарами, молдаванами, болгарами, венграми, румынами, поляками, евреями, армянами — от 0,54 % до 0,21 %, есть и меньшие этнические группы. В то же время, украинский язык родным считали 67,6 %, а русский — 29,8 % граждан; 14,8 % граждан Украины, назвавших себя этническими украинцами, родным определили русский язык, а 3,9 % этнических русских — украинский [13; 20]. При преимущественно свободном владении русским языком большинства граждан Украины непонятно, кто же является носителем так называемого украинского национального варианта русского языка: этнические русские, русскоязычные этнические украинцы или этнические украинцы-билингвы? Ведь русская речь всех указанных групп реализует общерусские концепты и концепты, специфические для концептуальной картины мира жителя Украины. Закономерен вопрос о соотношении украинской нации и так называемой *новой русской нации Украины (неких *русукров?).

Во-вторых, сторонники национально-вариантного подхода к современному русскому языку игнорируют различия между понятиями ‘этно-нация’ и ‘политическая нация’, рассматривают нацию как феномен индустриальной эпохи, как этносоциокультурную общность с единым языком и территорией проживания, не учитывая изменений места и роли этнической принадлежности и языка в формировании наций в условиях глобализации [3; 18], особенно в постиндустриальную эпоху.

В целом, концепция Журавлёвой-Рудякова отражает особенности современного информационного общества с ведущей ролью в его структуре знания и информации, в том числе подаваемых в ходе информационных войн. Провозглашение национальных вариантов русского языка является, на наш взгляд, одним из звеньев замеченного Бенедиктом Андерсоном в конце XX в. процесса целенаправленного создания “воображаемых сообществ” — искусственных наций, процесса, характерного для современного “печатного капитализма” [2]. Ведущая роль в этом процессе, по мнению Эрнеста Геллнера, принадлежит интеллигенции, а сам процесс связан с особенностями “урбанизованного национализма” в индустриальном обществе, когда “нарушение ... принципа соответствия государства и нации глубоко оскорбляет националистическое чувство” [4: 44–45, 80–86, 93–94 и др.].

Анализ концепции Журавлёвой-Рудякова показывает, что национальный вариант русского языка в ней рассматривается как разновидность русского языка, реализующаяся за пределами России этническими русскими, концептуальная картина мира которых содержит общерусские и специфические (безэквивалентные и фоновые) инациональные концепты, заимствованные у других этнических общностей в процессе совместного с ними проживания на одной территории. Следовательно, общность, использующая такую разновидность русского языка как основное средство коммуникации, позиционируется авторами концепции как самостоятельная нация. Однако в социологии данную общность людей принято называть диаспорой, но не нацией. Основной же особенностью диаспоры является не этнонациональный сепаратизм, а как раз сохранение общего с исторической родиной национального самосознания, проявлений своей национальной культуры, языка путём создания и развития институтов, служащих этим целям. Примеры реализации в русской речи Казахстана и Украины тех или иных концептов, лексических единиц, фразеологизмов, заимствованных, соответственно, из казахского и украинского языков, свидетельствуют о существовании не казахстанского и украинского национальных вариантов русского языка, а территориальных русскоязычных койне, являющихся региональными вариантами национального русского языка. Носителями региональных (территориальных) русскоязычных койне являются и этнические русские, и представители других этносов, определяющие русский язык как родной либо один из родных, и представители титульных наций с родным титульным, использующие русский как язык межнационального и международного общения. Суть регионального (территориального) койне в том и заключается, что оно, имея одну языковую базу, служит разным диалектным и/или национальным группам, совместно проживающим на ограниченной территории, в качестве общего вербального средства коммуникации. Процесс субституции, приспособления базового для койне языка к особенностям речи использующих это койне носителей диалектов данного языка

и носителей других (обычно титульных) языков формирует характерные для этого койне черты, отличающие его от норм базового литературного языка, и норму самого койне [17]. Промежуточный результат этих давно происходящих дивергентных процессов, сменявшихся периодически конвергентными, как раз и наблюдается в русской речи Украины, Казахстана, Литвы, Молдавии, Киргизии, других постсоветских государств. Кроме того, подобные процессы приводили и приводят к формированию ряда территориальных койне в самой России. Правда, российские лингвисты предпочитают давно известному в лингвистике термину ‘койне’ новый термин ‘региолект’. В виде региональных (территориальных) койне функционирует и русская речь эмигрантов в странах дальнего зарубежья, объединяющихся в диаспоры и интегрирующихся в новые национальные общности с желанием сохранять свою прежнюю концептуальную и языковую картины мира.

Таким образом, разные по численности группы русских, оказавшихся в новейший исторический период по разным причинам гражданами не России, постоянно проживающих за её пределами, но не утративших языковую, культурную, конфессиональную связь с исторической родиной, являются русскими диаспорами. Русская речь представителей каждой диаспоры, не утрачивая общерусской концептуальной базы, нередко приобретает фонетические, лексические, грамматические и другие особенности, связанные с влиянием концептуальных и языковых картин мира тех политических наций, в состав которых с разной степенью активности интегрируются русские, формируя территориальные койне (региолекты). В новейшей истории ещё ни одна русская диаспора не стала новой нацией и не слилась с другой нацией, образовав общую третью нацию. Следовательно, в современном своём состоянии русский язык не имеет национальных вариантов, а территориальные койне (региолекты) функционируют как территориальные (региональные) варианты единого национального русского языка. В свою очередь, каждое из территориальных койне имеет разные степени реализации приобретённых особенностей в зависимости от групп носителей. В наименьшей степени эти особенности проявляются в русской речи этнических русских, то есть представителей русских диаспор новейшего времени; в большей степени — в русской речи представителей титульных наций, для которых русский язык стал родным или одним из родных; в наибольшей степени — у представителей титульных наций с родным титульным.

1. *Авина Н. Ю.* Региональные особенности русского языка: вопрос о нормативном статусе (на материале русского языка в Литве) // Русский язык сегодня. — Вып.4. Проблемы языковой нормы. — М., 2006. — С. 4–13.
2. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. — М., 2001.
3. *Бодуэн де Куртэн И. А.* Национальный и территориальный признак в автономии. — С. Пб., 1913.
4. *Геллер Э.* Нации и национализм. — М., 2005. — [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://www.i-u.ru/biblio/archive/gelner/01.aspx>
5. *Домашнев А. И.* Концепция национального варианта языка в трудах академика Г. В. Степанова // Филологические исследования: памяти академика Георгия Владимировича Степанова. — М., 1990. — С. 4–17.
6. *Дубчак И. Е.* IV Международная конференция “Русский язык в поликультурном мире” // Русский язык, литература, культура в школе и вузе. — Киев, 2010. — № 4. — С. 68–71.
7. *Журавлёва Е. А.* Русский язык в Казахстане: к проблеме полинациональности // Ломоносов 2005: Тезисы докл. Международ. науч. конф. — Астана, 2005. — Ч. 2. — С. 185–186.
8. *Журавлёва Е. А.* Вариативность лексической системы: русский как полинациональный язык: Автореф. дисс. ... докт. филол. н.: 10.02.01 — русский язык. — Алматы, 2007.
9. *Мечковская Н. Б.* Постсоветский русский язык: новые черты в социолінгвістическом статусе // Russian Linguistics. — 2005. — Vol. 29. — P. 49–70.
10. *Рудяков А. Н.* Георусистика и лингвистические механизмы формирования национальных вариантов языка. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.iling-ran.ru/conferences/2010_yazyk_i_obschestvo/Part1.pdf
11. *Рудяков А. Н.* Обер-русистика // Крымская правда. — 7.07.2010.
12. *Рудяков А., Иванченко И.* Язык — живая система, которая развивается вместе с человечеством // Крымские известия. — 8.04.2010.
13. *Статистика населения Украины* // Карты Украины: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://ukrmap.org.ua/Statistika_nasel.htm
14. *Степанов Г. В.* Национальный язык // Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990. — С. 325–326.
15. *Степанов Е. Н.* Предпосылки создания одесской русской речевой нормы на рубеже XIX — XX вв. // Мова. — Одеса, 2003. — № 8. — С. 231–235.
16. *Степанов С. М.* Російське мовлення Одеси: Монографія. — Одеса, 2004.
17. *Степанов Е. Н.* Норма городского койне // Русский язык сегодня. — Вып.4. Проблемы языковой нормы. — М., 2006. — С. 506–518.

18. Степанов Е. Н. Актуальность научного наследия И. А. Бодуэна де Куртенэ в языковой политике Украины и других постсоветских государств // Информационный бюллетень УАПРЯЛ. — Киев, 2006. — Вып. 15. — С. 59–64.
19. Тудосе В. И. Грамматические особенности русской речи жителей Молдавии // Мова. — Одеса, 2006. — № 11. — С. 72–76.
20. Языковой состав населения Украины // Численность и состав населения Украины по итогам Всеукраинской переписи населения 2001 года. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/language/> Время доступа: 24.01.2005.

Ye. N. Stepanov

NATIONAL VERSIONS OF RUSSIAN OR RUSSIAN TERRITORIAL CONTACT VERNACULARS?

The article suggests the solutions of the problem of regional variability of the Russian language after the collapse of the USSR. Discussing Zhuravleva's and Rudyakov's concept, according to which the modern Russian language has a number of national versions, the author of this article insists that in recent history, neither the Russian diaspora has become a new nation, nor it merged with another nation, creating a common third nation. Therefore, the Russian language in its modern state has no national versions, and regional variations of a single national language are the Russian territorial contact vernaculars (regiolects). Each territorial contact vernacular has different degree of realization of acquired characteristics, depending on native speakers' groups: representatives of the Russian diaspora, Russian-speaking representatives of other nations, speakers of Russian which is not their mother tongue.

Key words: Russian, sociolinguistics, the national version of the language, territorial contact vernacular, native speakers of Russian.

Є. М. Степанов

НАЦІОНАЛЬНІ ВАРІАНТИ РОСІЙСЬКОЇ МОВИ ЧИ РОСІЙСЬКІ ТЕРИТОРІАЛЬНІ КОЙНЕ ?

Стаття пропонує шляхи вирішення питання про регіональну варіативність російської мови після розпаду СРСР. Дискутуючи з авторами та прибічниками концепції Журавльової-Рудякова, згідно з якою сучасна російська мова має декілька національних варіантів, автор статті стверджує, що в новітній історії жодна російська діаспора не стала новою нацією та не злилася з іншою нацією, утворивши спільну третю націю, отже, в сучасному своєму стані російська мова не має національних варіантів, а регіональні варіанти єдиної національної російської мови є територіальними койне (регіолектами). Кожне територіальне койне має різні ступені реалізації надбаних особливостей залежно від груп носіїв: представників російської діаспори, російськомовних представників інших націй, носіїв російської мови як нерідної.

Ключові слова: російська мова, соціолінгвістика, національний варіант мови, територіальне койне, носії російської мови.

ПИТАННЯ КОМУНІКАТИВІСТИКИ ТА КОГНІТИВНОЇ ЛІНГВІСТИКИ

УДК [811.162.1+811.161.1]’255.4:168.522(438):(036)

Л. И. Харченкова

Выявление межкультурных расхождений, возникающих в процессе коммуникации русских и финнов

Статья посвящена проблемам выявления кросскультурных различий, которые возникают в процессе межкультурного взаимодействия русских и финнов. На основе данных социологического опроса были выявлены расхождения в национальных стереотипах, этнических константах и аксиологических предпочтениях представителей разных лингвокультурных общностей.

Ключевые слова: русские и финские респонденты, национальные стереотипы, этнические константы, аксиологические предпочтения, межкультурная коммуникация.

С целью выявления различий в аксиологических предпочтениях и этнических константах представителей разных лингвокультурных общностей нами был проведен социологический опрос русских и финских респондентов. Опрос проводился среди студентов филологического факультета РГПУ им. А. И. Герцена и студентов университета г. Ювяскюля (по 15 человек с каждой стороны). Студентам было предложено произвести анализ своей культуры по модели, включающей следующий круг проблем: хаос и беспорядок, понятие о человеке, индивид и общество, природа и культура, понятие о нравственности, духовные ценности, время, пространство и др.

Опрос показал, что отношение к **хаосу** и **беспорядку** существенно отличается в рассматриваемых культурах. В финской культуре представления о порядке связаны прежде всего с обществом и домом: 1. *“Финны привыкли к тому, что их общество очень упорядочено и стабильно”*. 2. *“Если квартира в беспорядке, то и хозяина квартиры считают беспорядочным и беззаботным человеком”*.

Русские респонденты продемонстрировали диалектическое, более широкое и объемное понимание **хаоса** и **беспорядка**, нормального и аномального. Понятие нормы связывается с традициями, религиозными предписаниями, воспитанием, правом: 1. *“Нормально то, что в границах культуры или традиции”*. 2. *“Границы определяются в зависимости от общепринятых норм. Хаос — когда все переворачивается с ног на голову, отсутствие правил”*. 3. *“С ненормальным ассоциируется некое уродство, нечто нехорошее, враждебное, непонятное... То, что нормально, отражено в законах правового общества, религиозных предписаниях, стереотипах поведения”*.

Понятие о **человеке** у финнов связано с присущими финскому менталитету представлениями об упорстве, старательности, физическом и психическом равновесии, во многом сформировавшимся под влиянием лютеранства: *“Финский человек здоровый, упорный и старательный”*.

Финны ценят здоровье, боятся болезней, но их не замалчивают: *“Когда у человека крепкое здоровье (психическое и физическое), тогда он может жить в равновесии... Если у кого-нибудь есть продолжительная болезнь, то ему надо привыкать жить с ней”*.

С точки зрения финских респондентов, смерть так же естественна, как и рождение, обе категории характеризуют жизненный процесс: *“О смерти не думают слишком много, но относятся к ней очень серьезно. Христианское понятие вечной жизни имеет значение до сих пор”*.

В ответах русских респондентов отмечается философское отношение к **человеку**, его жизни и смерти, сформированное длительной православной традицией, при этом выделяется триада: тело — душа — дух:

“Человек представляет собой гармонию тела и души, объединенных духом. Тело и душа — природная часть человека. Дух — его стремление к вечному совершенству... Жизнь — это праздник, дар человеку, а смерть — это главный вопрос для человека”.

Отношение к **природе** у финнов традиционно уважительное и бережное:

“Природа имеет большое значение для многих финнов. Сельское хозяйство, охота и рыболовство были очень долгое время важными промыслами, и они сейчас для многих достаточно важны, во всяком случае, как хобби... Природа близка к людям в совершенно конкретном смысле: города сравнительно маленькие, и попасть “в природу” можно без всяких хлопот”.

Российские студенты пишут о сопоставлении идеального и реального в отношении к **природе**, каким оно должно быть и каким оно зачастую является сегодня: 1. *“Природа — это весь живой мир, включая человека. К сожалению, в последнее время человек все чаще оказывается в оппозиции к природе. Природа добра и заботлива. Если человек жесток, значит, он отъединяется от природы”.* 2. *“Человек, по точному определению Блеза Паскаля, — “мыслящий тростник”, т.е., с одной стороны, человек — часть природы, но с другой — не совпадает с ней, “выламывается” из неё. Природа — это “открытая книга”, данная человеку Богом. Надо учиться читать!”*

Относительно структуры **общества** как финские, так и русские респонденты отмечают расщепление современного общества на богатых и бедных. Но при этом финны уверены в социальных гарантиях государства, а русских отличает крайнее недоверие к государству, русский человек надеется только на себя. 1. *“...финское общество ... все-таки достаточно заботится о каждом своем члене: безработные, нетрудоспособные, пенсионеры и студенты получают дотации от государства, и средства к существованию гарантированы”.*

Российские студенты подчеркивают, что разница между богатыми и бедными является очень значительной: *“Основание для деления общества на классы в нынешних условиях России — уровень материального достатка. И, исходя из этого, общество делится на три группы: нищие, бедные и богатые”.*

Судя по ответам финских респондентов, финская **женщина** чувствует себя уверенно и защищенно: *“Положение женщины в Финляндии хорошее. Мужчина и женщина — они оба равны и на работе, и дома. В Финляндии мужчина не является главой семьи, как обычно в русской культуре. В Финляндии у женщин есть власть, и это видно. Женщин ценят”.*

Российские студенты единодушны в том, что русская традиция ведущую роль в семье отводит **мужчине**, хотя нередко главой семьи фактически является **женщина**. Вместе с тем отмечается, что в современных условиях у женщин много возможностей для самореализации:

1. *“Традиционно в нашей русской культуре главенствующую роль играл мужчина (“да убоится жена мужа своего”). Основная тенденция остается, но процессы в русской жизни последнего времени позволяют женщине участвовать в политической, экономической, социальной жизни (И. Хакмада, Н. Дементьева и др.)”.* 2. *“Мужчина должен быть в семье главнее, он должен решать все вопросы (деньги, отдых). Но, к сожалению, на практике главой семьи оказывается женщина как более способная к адаптации в новых условиях”.*

Понятие о **честности** в финской культуре принадлежит к числу этнических констант, финны единодушны в представлениях о честности и морали: 1. *“У финна относительно высокий уровень морали. На преступников и преступность не смотрят ни в коем случае положительно и осуждают тех, кто так может поступать. Честность — одна из “финских” черт, она отражается и на общественном уровне”.* 2. *“По-моему, честность — это финская основная добродетель, так как во все времена честность высоко оценивается. В нашей народной традиции много поговорок об этом, например, “честность наследует земли”.*

Ответы русских респондентов свидетельствуют о том, что в русской ментальности понятие нравственности связано прежде всего с христианскими ценностями, многое также заложено классической русской литературой: *“Добро и зло — ключевые понятия. Они часто не определены, но в то же время очень фиксированы... Человек должен быть добрым = щедрым, всепрощающим. Добрый и честный — не синонимы... Безнравственность — нарушение общественных законов, подлость, ложь. Нравственный человек — человек принципов, честный, но у каждого свои принципы, и поэтому все относительно, хотя добро и зло считаются понятиями абсолютными”.*

Однако в некоторых анкетах русских респондентов можно обнаружить двоякое толкование понятия **“честность”** — честность в отношениях с окружающими людьми и честность в отношениях с государством, что существенно отличает русский менталитет от финского: *“Честность — величайшая добродетель, но не в отношении государства. Быть честным с государством — величайшая глупость”.*

Говоря о **духовных ценностях**, финские респонденты подчёркивают прагматизм, свойственный финской культурной традиции. В религии привлекает прежде всего обрядовая сторона: *“Финская культура и финское общество скорее материалистические, чем духовные. Большая часть финнов принадлежит церкви, но чаще всего это означает лишь участие в церковных обрядах, как например, свадьба и похороны”*.

В ответах российских студентов подчёркивался приоритет **духовных ценностей**, что, с нашей точки зрения, является этнической константой для русского этноса: *“Несмотря на тяжелейшие условия нынешней жизни в России, расслоение общества и кризис идеологии, “здоровая” часть общества понимает единственность выхода — в духовном возрождении страны”*.

Для финна работа — это и источник его благосостояния, и средство оценки его как члена общества: *“Работа — это очень важно, и её ценят. Понятие оценки человека и его рабочая занятость — вещи очень взаимосвязанные. “Кто не работает, тот не ест” — наверное, и этот принцип отражает представление финна о связи человека с миром”*.

Русские респонденты разделяют понятия “работа”, “труд”, “дело” и хотели бы, чтобы наряду с заработком работа приносила моральное удовлетворение и была творческой: *“Работа и дело (труд) — разные понятия. Работа как принуждение. Труд как творчество, “дело жизни”, смысл жизни”*.

Категория **времени** является достаточно значимой в финской культуре, финнов отличает бережное отношение к своему и чужому времени: все планируется заранее, опоздания не приняты: *“Финны относятся ко времени очень серьезно: согласованное время выдерживают как в бизнесе, так и в личной жизни. Одним днём не живут, а тщательно планируют будущее”*.

Цикличность природных событий и явлений определила идею магической фигуры — круга, увиденного древними славянами в мире, поэтому неслучайно в ответах наших студентов слышатся отголоски этих древних языческих представлений: 1. *“Время — вечно. В России оно идёт по кругу (а не по спирали, как в нормальных странах). Настоящее зависит от того, на какой срок имеется представление о будущем”*. 2. *“Бег по кругу, то есть настоящее, будущее — возвращение прошлого. Время — веремя — веретено”*.

Модели **пространства** в финской и русской культуре значительно отличаются. Финну в силу специфики менталитета (привычка жить обособленно, хуторская система хозяйствования) необходимо сохранение дистанции, неслучайно стереотип “одинокий финн” существует в сознании самих финнов, ср. слова из известной финской песни: *“uksinainen suomalaisen” — “одинокий финн”*: *“Финну необходимо пространство вокруг себя. Только близким разрешается приближаться близко, “приближение” остальных нежелательно. Прикосновения между чужими людьми также нежелательны”*.

Пространство оказало решающее влияние на формирование национального русского характера, в частности, обусловило появление таких черт, как стремление к воле, максимализм, широта души и др.: *“Для России пространство — одно из главных ее достоинств и в то же время самая серьезная проблема. Русский человек “широк”, потому что огромна Россия. Следовательно, тысяча километров для нашего человека — это не беда: взял да пошел”*.

В целом, результаты проведённого анализа позволяют сделать вывод о том, что аксиологические предпочтения, а также этнические константы финских и русских учащихся значительно отличаются, что следует учитывать преподавателю РКИ при обучении финских студентов в условиях языковой среды.

L. I. Kharchenkova

THE REVELATION OF THE CROSSCULTURAL DIFFERENCE AS A RESULT OF INTERCULTURAL COMMUNICATION BETWEEN THE RUSSIANS AND THE FINNS

This article covers the problems of crosscultural difference, which appears as a result of intercultural communication between the Russians and the Finns. On the basis of poll's results the distinctions in the national stereotypes, ethnical constants and axiological preferences between representatives of various lingua cultural communities were discovered.

Key words: Russian and Finnish respondents, national stereotypes, ethnical constants, axiological preferences, intercultural communication.

Л. І. Харченкова

ВИЯВЛЕННЯ МІЖКУЛЬТУРНИХ РОЗБІЖНОСТЕЙ, ЩО ВИНИКАЮТЬ У ПРОЦЕСІ КОМУНІКАЦІЇ РОСІЯН І ФІНІВ

Статтю присвячено проблемам виявлення кроскультурних розбіжностей, що виникають у процесі міжкультурної взаємодії росіян і фінів. На основі даних соціологічного опитування були виявлені розбіжності в національних стереотипах, етнічних константах і аксіологічних перевагах представників різних лінгвокультурних спільнот.

Ключові слова: російські та фінські респонденти, національні стереотипи, етнічні константи, аксіологічні переваги, міжкультурна комунікація.

УДК 659.3:4:[801+803.0/1+808.2]:155.5(4)

М. Р. Желтухина, А. В. Омельченко

Маркированность воздействия европейских СМИ на адресата

В статье рассматриваются особенности маркированности воздействия европейских СМИ на адресата. Для современных коммуникативных исследований актуальным признается вопрос о том, как создается, хранится и используется информация, воздействует на адресата в массмедиальном дискурсе в различных лингвокультурах.

Ключевые слова: массмедиальный дискурс, информация, воздействие, адресат, лингвокультура.

Для выявления маркированности воздействия европейских СМИ на адресата, были проведены ассоциативный эксперимент и лингвистическое интервьюирование [3]. Их итоги отражают наибольшую психологическую яркость парадигматических ассоциаций (дублирующие или уточняющие компоненты, выявленные в ходе анализа семантики предложенных номинаций по толковым, идеографическим и синонимическим словарям). Что касается культурологических ассоциаций, отражающих наиболее актуальные связи (как правило, называются имена участников недавних или текущих политических, социальных, экономических событий), то они тоже занимают доминирующее положение. Синтагматические ассоциации выявляют типичные контексты сочетаемости слов, принципиально не отличающиеся от отмеченных нами при анализе рекламных, информационных, информационно-аналитических текстов и других компонентов массмедиального нарратива. В результате проведения ассоциативного эксперимента и анализа научной литературы была выявлена специфика маркированности воздействия европейских СМИ на адресата. Остановимся на основных аспектах.

1. Преувеличение/преуменьшение создаёт позитивное или негативное впечатление о человеке, приводящее к его переоценке, преувеличению (гипербола) или недооценке, преуменьшению (литота, мейозис). Тропы, отражающие подобные восприятия, оказывают воздействие на адресата.

1) Фактор превосходства по качеству представляет собой “гало-эффект”/эффект ореола, искажающее влияние эмоциональных состояний, предрассудков как тенденцию адресата преувеличивать однородность личности адресанта, переносить благоприятное впечатление об одном его качестве, превосходящем качество адресата, на все его другие качества. Наиболее частотна схема восприятия в случае неравенства коммуникантов в социальной, интеллектуальной и др. сферах (если адресат болезненный и слабый, но хочет быть здоровым и сильным, видит пышущего здоровьем и силой адресанта, то переоценивает его по всем параметрам: в глазах адресата он будет красив, умён и добр).

2) Отношение адресата к адресанту. Если человек нам нравится внешне, то одновременно мы склонны считать его более хорошим, умным, интересным и т. д. (если адресант и допускает речевые ошибки, то адресат оправдывает это, называя ошибки шуткой, намеренной игрой словами).

3) Отношение адресанта к адресату. Человек, который нас любит или хорошо к нам относится, кажется нам значительно лучше. Например: *Демократические газеты и демократический телезритель изо дня в день радуют нас сообщениями о непоколебимо высоком рейтинге президента Владимира Путина. Женщины бальзаковского возраста от его походки впадают в томление и бросают в воздух чепчики. Чиновники оптом скупают его портреты, чтобы украсить ими стены кабинетов и “чистить себя под Путиным”. На одном из машиностроительных заводов Челябинской области, по сообщениям прессы, ударными темпами осваивается серийное производство бюстов президента. Стоимость Путина из чугуна — 3 тысячи рублей, из бронзы — 10 тысяч. А что вы хотите? Второй великий демократ-реформатор. После Б. Ельцина или даже наравне с ним. Говоря словами Маяковского, заслужил “бронзы многопудье”* (фрагмент из статьи А. Афанасьева “В поэтическом бреде” о газете “Любимый президент”, ВТ, 26.04.2002).

Негативная проекция заключается в приписывании другому человеку тех собственных качеств, обладателем которых чувствовать себя неприятно (раздражительные, агрессивные, завистливые люди видят в других эти качества, самонадеянные осуждают других за непредусмотрительность и т. п.). Например, Г. Зюганов (лидер КПРФ): *Когда приезжает “главный разрушитель страны и гениальный продавец Родины” и начинает с помощью рубильника выкручивать руки ... нужно просто проявлять характер* (Э, № 7, 2002). Ю. Лужков (мэр Москвы): *Какие-то злоумышленники хотят эту точку на карте Москвы пустить под коммерческие цели* (Э, № 7, 2002) (о конфликте вокруг здания циркового училища).

Эмоциогенность. Введение в определённое эмоциональное состояние позволяет испытать эмоции, искажающие оценки и впечатления (негатив — неприятные ощущения, позитив — любовь, радость, расположение, приязнь). Например:

ВНИМАНИЕ
ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНАЯ УДАВКА!
НЕ МОЖЕТ БЫТЬ! ТОЛКУЕТ НАШ ЖИЛЕЦ, СИДЯ ЕЩЕ ПОКА В ТЕПЛОЙ КВАРТИРЕ.
ПРОДВИНУТЫЙ РОССИЯНИН НА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ О ВЫСЕЛЕНИИ ЗА ДОЛГИ ПО КВАРТПЛАТЕ
ОПЯТЬ ТОЛКУЕТ — НЕ МОЖЕТ БЫТЬ!
МЫ, КОММУНИСТЫ РКРП—РПК ОТВЕЧАЕМ: — УЖЕ ЕСТЬ! — ВЫСЕЛЯЮТ. ПОКА ОСТОРОЖНО — И
САМЫХ УЩЕРБНЫХ (ПЬЯНИЦ И Т. П.) ОПАСАЮТСЯ СОЦИАЛЬНОГО ВЗРЫВА.
МЫ ГОВОРим — ВСЕ МОЖЕТ БЫТЬ КОГДА СТРАНОЙ ПРАВЯТ НАЕМНИКИ И ПРОВОДНИКИ
ПОЛИТИКИ ИМПЕРИАЛИСТОВ ЗАПАДА, И ПРОЧИЕ ГАДЫ.
МЫ ГОВОРим — БУДЕТ ЕЩЕ ХУЖЕ, ЕСЛИ ОТСИЖИВАТЬСЯ ПО СВОИМ УГЛАМ И ШЕПТАТЬ:
— А МОЖЕТ ПРОНЕСЕТ? А МОЖЕТ УЦЕЛЕЮ?
МЫ ГОВОРим: — НЕ ПРОНЕСЕТ! НЕ УЦЕЛЕЕТЕ! СОЖРУТ С ПОТРОХАМИ. ПОТОМУ КАК ДЛЯ
КАПИТАЛИСТА ПРИБЫЛЬ СВЯТОЕ ДЕЛО И О КАКОЙ ЛИБО ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ОТНОШЕНИИ
К ТРУДЯЩИМСЯ МАССАМ СО СТОРОНЫ БУРЖУА ГОВОРить НЕ ПРИХОДИТСЯ.
ВОЛГОГРАДСКИЙ ОК РКРП—РПК

Данная листовка Российской коммунистической рабочей партии — Революционной партии коммунистов дается без авторской (М. Ж.) редакции, поскольку представляет значительный интерес из-за большого количества грамматических ошибок, что оказывает воздействие на

адресата определенного уровня образованности, наблюдается настройка на волну адресата. Негативная тональность представленной листовки вызывает отрицательные эмоции и отношения у адресата. Кроме того, представляется, что у данной листовки отсутствует суггестивный заряд нужной силы, поскольку выдерживаются не все элементы механизма суггестивности. Смысл данной листовки остается во фрейме проблемы: *ЖКХ — удавка. Будет еще хуже.*

4. Эффект снисходительности или Полианны (Pollyanny) проявляется в том, что все люди оцениваются положительно. Люди, особенно женщины, чаще стремятся использовать позитивные оценки, чем негативные. Например, Л. Путина: *Очень важно для страны, что вы, молодые люди, действительно затрагиваете эти темы, что думаете об этом. А такая ответственность у меня вызывает восхищение.* (О конкурсе на самую некурящую школу).

5. Многозначность невербалики. Различие в толковании жестов, мимики, взгляда, походки, поведения, зависящее от национально-культурной характеристики коммуникантов, способствует оказанию воздействия на адресата. Например, *After the first historic meeting in Genoa between President George W. Bush and Russian President Vladimir V. Putin, the newly-elected American leader told the world press, "I looked the man in the eye and I was able to get a sense of his soul". In subsequent meetings, as reported in the eXile and other major media, Mr. Bush has not been able to find Mr. Putin's soul. He has looked everywhere — in Putin's mouth, in Putin's ears, in the webs of his hands.* (Тех, N9, 15–29.05.2002) *После первой исторической встречи в Генуе между президентом Джорджем Бушем и Российским президентом Владимиром В. Путиным вновь избранный Американский лидер сказал мировой прессе: "Я посмотрел человеку в глаза и я был способен понять его душу". На последующих встречах, как сообщали eXile и другие главные средства массовой информации, г-н Буш не мог найти душу г-на Путина. Он смотрел всюду — в рот Путина, в уши Путина, в сплетение его рук.*

6. Физиогномическая стереотипность. Физиогномические социо- и нациостереотипы и стереотипы внешности содержат устойчивое представление о каких-либо явлениях или людях, свойственное представителям той или иной группы. В ситуации первого знакомства в СМИ адресат автоматически идентифицирует себя с определённой группой "своих", чаще с большинством. Адресат сличает вновь поступающую информацию с социальными эталонами и стереотипами, являющимися частью культуры и усваиваемыми человеком с детства. Например, стереотипы связи между физическими чертами внешности и чертами личности и характера, возраста, национальности, происхождения, экспрессии, самооценки (*глаза с прищуром — хитрый; рыжий — хитрый; высоколобый — умный*); аналогии-стереотипы (*рот несколько старушечий; смуглая, вероятно, южанка; лицо кавказской национальности*). Например, реклама АЛЬФА-БАНКА (2002–2003) в виде комикса или видеоролика на ТВ, реализующая девиз: *С каждым клиентом мы находим общий язык!* Комикс из 4 картинок:

1. Подстрочник: *В офисе Альфа-Банка...* (сотрудник банка — мужчина в светлой сорочке и клиент чукча)!
2. Клиент: *Даааа... Деньга — большой, а чукча — хитрый. Чукча маржа ищет, когда маржа большой, чукча довольный.*
Подстрочник: *Мой бизнес развивается успешно. Я хочу открыть валютный счёт в Альфа-Банке под хороший процент!*
3. Сотрудник банка: *Твоя правильно к нам приходит. Наш маржа — всем маржам маржа! Твоя какую бы деньгу хочеть? Зелёную или вторую?*
4. Клиент: *Фифти-фифти! 50/50*

7. Ценностная стереотипность. Установка на восприятие черт, системы ценностей, аналогичных собственным, особенно проявляется при характеристике интересов другого человека. Стереотипизация вызывает определённую оценку и неизвестных, не относящихся к делу свойств и качеств, что способствует неадекватности коммуникации. В эксперименте [2], проведённом также в целях данного исследования, реципиентам предъявлялись фотографии одного и того же человека, сопровождаемые краткой вербальной установкой (*герой, преступник, ваш кандидат, наш губернатор, бизнесмен, новый русский, хозяйственник, промышленник и т. п.*). При этом фотография оценивалась по-разному ("+" — *добрый, честный, верный, солидный, умный, мужественный, справедливый* и т. п., / "—" — *злой, гадкий, неприятный, мелочный, мерзкий, вредный, враждебный, подлец, лгун* и т. п.). Массмедиа используют специфику восприятия информации адресатом, многократно повторяя сообщение о событии в разных источниках, в разных ракурсах: наиболее точное впечатление о человеке формируется в течение двух недель, дальше нарастают ошибки,

начинают влиять взаимоотношения, приязнь-неприязнь, симпатия-антипатия, предположения о личных отношениях, формируются предубеждения. Например, реклама АЛЬФА-БАНКА (2002–2003) в виде комикса или видеоролика на ТВ под девизом: *С каждым клиентом мы находим общий язык!* Комикс из 12 картинок:

1. Подстрочник: *В офисе Альфа-Банка...* (сотрудник банка — женщина в синем костюме, белой блузе)
2. Клиент (молодой парень): *Йо! Тема есть!*
Подстрочник: *Здравствуйте!*
3. Клиент: *Замути хитовый расколбас!.. Залей мой грин в понтовый пластик!..*
Подстрочник: *Я хочу как можно быстрее открыть пластиковую карточку в Альфа-Банке.*
4. Клиент: *Ща мы дэил перетрем, че там из-под меня, и эшкен!..*
Подстрочник: *Сколько это стоит?*
5. Клиент: *А то че я, реально, как лох с налом тусуюсь?*
Подстрочник: *Наличные деньги сейчас неактуальны... Хочется быть respectableным!*
6. Сотрудник банка: *Релакс, мэн!*
Подстрочник: *Не беспокойтесь!*
7. Сотрудник банка: *Мимо шняги зафигачим!*
Подстрочник: *Вы получите нужную карту. Это недорого.*
8. Сотрудник банка: *Йо! Надо только кэш галимый забашлять и, типа таво, — секи по клокам!*
Подстрочник: *Внесите деньги (проверить наличие запятой) и оформление не займёт много времени.*
9. Подстрочник: *Дома. После работы...* (сотрудник банка возвращается домой, входит в квартиру)
10. Дочь: *Хай, ма!* (дочка выходит из комнаты, застегивая брюки)
11. Удивлённое лицо молодого человека, выглядывающего из комнаты.
12. Молодой человек (клиент): *Вот это маза...* (*восхищенное лицо молодого парня, удивлённое лицо матери*)

8. Имиджевая самопрезентация — это направленное формирование впечатления о себе, специальным образом организованное и структурированное в контексте “Я”, имеющее отсылку к более общей, престижной категории людей. Центральную часть имиджа составляет продуманный внешний облик, который должен сигнализировать о профессионально-ценных свойствах личности и способствовать формированию репутации (имидж кандидата в депутаты, губернаторы и т. д. в период предвыборной кампании). Например, *Начала было внедряться у нас западная манера, когда шефа зовут по имени-отчеству — без “лично” и “дорогой”, будто вы с вышестоящим два плейбоя, но ныне выродилось в фотографии, где Первое Лицо либо в теннис скачет, либо моржом в проруби плавает. Ну или в свитере его изобразят, когда он герой дня без галстука. Но никаких тебе хлопаний по плечу, Бобов и Джорджей. Шеф должен чувствовать себя солнцем, дающим жизневительные силы всякой былиночке.* (Профиль. Карьера № 11, 11.1999).

*Не входите, девки, в блоки,
Блоки нехорошие!*

Криво там стоит вопрос,

И тезисы взъерошены. (КП, 2003) (Карикатура Балабаса: И. Хакамада с микрофоном в окружении двух политиков с балалайками поёт частушки).

9. Поэтическая трансформация. В порождаемых адресантом массмедиаальных текстах инвариантная модель бывалой ситуации трансформируется во взаимодополняющие по отношению друг к другу небывалые ситуации-варианты с увеличением разрыва между ними. Стихотворная модель (рифмованные рекламные тексты, листовки, граффити и др.) всегда оказывается сложнее прозаической, поскольку состоит из непосредственного содержания (подающегося прозаическому пересказу) и модели структуры стихотворения [4]. Эффект разрыва наблюдается потому, что смысл не может реально существовать без одновременного отложения в виде известной структуры, которая, представляя собой морфологическую сторону смысла, способствует смысловой расшифровке и порождению нового смысла [5; 6]. Например, в рекламе фирм *ELSEVE*, *KIKIDENT* и т. п. используется рифма для придания экспрессивности и ответственности тексту:

Doesn't Your hair

deserve the best care? (шампунь)

(Разве Ваши волосы не заслуживают лучшего ухода?)

Wer es kennt, nimmt “Kikident”! (зубная паста)

(Кто это знает, берёт “Кикидент”!)

Haste Kummer mit den Deinen — trink dich einen! (напиток)

(разг. *Haste... = Hast du...: Если ты горюешь со своими — выпей это!*)

10. Упрощённость и повтор проявляются в резком сужении тематики, упрощённости подачи проблемы (предъявление одной темы во время предвыборной кампании), в употреблении ключевых слов, простых, но выразительных образов, в постоянном повторении лозунгов, тавтологичности [1]. Например, *Русский экстремизм — это экстремизм Пересвета, Ивана Сусанина, Александра Матросова...* (3, № 2, 1999).

11. Лозунговость. Использование лозунговых слов подавляет аналитическую деятельность, вызывает удовлетворение от узнавания ожидаемого, способствует укреплению солидарности единомышленников. Например, А. Привалов: *Вот обнарудовал главный коммунист семь своих предвыборных тезисов. Вчитывался кто-нибудь в них? Ничуть не бывало. Сторонники восприняли их, видимо, так, как человек воспринимает любимую музыку — не столько вслушиваясь в подробности, сколько радуясь привычным мотивам* (ИЗ, 18.02.2000).

12. Навешивание ярлыка [7] позволяет имени не только характеризовать денотат и относить его к определённом классу, но и обвинять его в чём-либо. Это связано с затемнением или размыванием понятийного ядра слова и индукцированием резко отрицательной коннотации враждебности. Фиксация реальной или мнимой социальной девиации с учётом позиций общества или группы проявляется в следующих лексических группах:

1) неполитическая пейоративная лексика, обозначающая отступление от социальных, этических норм (*предатель, мародёр, отморозок, лжец, коррупционер, хапуга*);

2) нейтральные и эмоциональные этнонимы (*нерусские, инородцы, чукчи, лица кавказской национальности, хачики, москаль, янки*);

3) политические антропонимы в форме множественного числа (*немцы, чубайсы, бурбулисы, гайдары*), экспрессивно-искажённые, паронимические, контаминированные, сокращённые формы (*Жирик = Жириновский, Горбоельцин = Горбачёв+Ельцин, Позорькин = Зорькин, Рыбкин-Килькин = Рыбкин, Шубейкомышь = Шумейко, Ель = Ельцин, Берёза = Березовский*);

4) политические термины: а) оценочно-нейтральные/амбивалентные (*коммунист, либерал, демократ, олигарх, патриот/национал-патриот*); б) политические пейоративы (*диктатор, фашист, экстремист, сепаратист, расист, террорист*); в) политические дисфемизмы с гиперболизацией пейоративного признака (*грабёж, оккупанты, контрреволюция, шабаш*). Например, *БАБ с воза — старухе легче. (Название статьи) Бедный Борис Абрамович! Даже древняя старуха ему отказала. Старуха Англия. Не дала. Ни политического убежища. Ни уверенности в завтрашнем дне. Даже за деньги не дала.* (Ж, № 26, 9.04.2003).

Выявленная маркированность воздействия европейских СМИ позволяет сделать некоторые предположения относительно влияния массмедиа на взгляды и установки человека. Прямое воздействие средств массовой информации достаточно редко является настолько сильным, чтобы полностью изменить мнение человека по какому-либо вопросу. Чаще это воздействие вызывает некоторые сомнения в своей правоте. Принимая во внимание тот факт, что адресат, подвергнувшийся такому воздействию, будет крайне избирателен при обсуждении вызывающего сомнения вопроса, можно утверждать, что его точка зрения в целом останется неизменной. Влияние средств массовой коммуникации представляется наиболее успешным в условиях, когда адресат по той или иной причине не может осуществить редукцию диссонанса.

Воздействие информации на неактуальную тему видится более эффективным. Аналогично адресат, имеющий очень ограниченное число социальных контактов, более подвержен влиянию средств массовой информации. Кроме того, воздействие массмедиа действительно в том случае, когда обсуждение информации происходит в однородной диссонантной аудитории. Уменьшение диссонанса сигнализирует об эффективности оказанного влияния. Зачастую люди осознают трагический и разрушительный характер массмедиального воздействия. Присутствие диссонанса ведет к поиску новой информации, которая обеспечивает познание, консонантное с существующими когнитивными элементами, и избирательности источников новой информации. Принудительное или случайное знакомство с новой информацией, которая может увеличить диссонанс, может привести к неверному истолкованию и ошибочному восприятию адресатом этой информации с целью избежать увеличения диссонанса.

1. *Grieswelle D.* Rhetorik und Politik: Kulturwissenschaftliche Studien. — München: Minerva, 1978. — 155 S.
2. *Бодалев А. А.* Восприятие и понимание человека человеком. — М.: Изд-во МГУ, 1982. — С. 37–39.
3. *Желтухина М. Р.* Тропологическая суггестивность массмедиального дискурса. Монография. — М. — Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2003.
4. *Иванов В. В.* Избранные труды по семиотике и истории культуры. В 2-х т. — М.: Яз. рус. культуры, 1998. — Т. 1. — 911 с. — Т. 2. — 879 с.
5. *Фрейденберг О. М.* Метафора // Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. — М., 1978. — С. 180–205.
6. *Фрейденберг О. М.* Поэтика сюжета и жанра. — М.: Лабиринт, 1997. — 448 с.
7. *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса: Монография / Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ун-т. — Волгоград: Перемена, 2000. — 368 с.

Список источников материала и принятых сокращений

Тех — The Exile
ВТ — Волгоградская трибуна
Ж — Жизнь
З — Завтра
ИЗ — Известия
КП — Комсомольская правда
Э — Экспресс

M. R. Zheltukhina, A. V. Omelchenko

THE MARKING INFLUENCE OF THE EUROPEAN MASS-MEDIA ON THE ADDRESSEE

The marking influence of the European mass-media on the addressee is considered in the article. For modern communicative research it is actual how the information is created, saved, used and how it influences the addressee in mass-media-discourse of various linguocultures.

Key words: mass-media-discourse, information, influence, addressee, linguoculture.

М. Р. Желтухіна, А. В. Омельченко

МАРКОВАНІСТЬ ВПЛИВУ ЄВРОПЕЙСЬКИХ ЗМІ НА АДРЕСАТА

У статті розглядаються особливості маркованості впливу європейських ЗМІ на адресата. Для сучасних комунікативних досліджень актуальним є питання способів творення, зберігання та використання інформації, впливу на адресата мас-медійного дискурсу в різних лінгвокультурах.

Ключові слова: мас-медійний дискурс, інформація, вплив, адресат, лінгвокультура.

Г. С. Яроцкая

Основные направления лингвистических исследований феномена политэкономического сознания

В статье рассматривается феномен политэкономического сознания как концептуальной системы, создающей политэкономическую картину мира. Обозначены специфические свойства политэкономического сознания, выделены основные направления исследования.

Ключевые слова: картина мира, концептуальная система, политэкономическое сознание, языковое сознание.

Проблемам взаимодействия и функционирования языка и сознания посвящены многочисленные работы по когнитивной и психолингвистике, лингвокультурологии, суггестивной лингвистике, а также философии, психологии, антропологии. Действительно, сознание не дано для изучения непосредственно, а лишь через результаты своей деятельности, выраженные в языковой форме [7: 141]. Ещё со времён Древней Греции существует актуальная и сегодня точка зрения на язык как “инструмент” сознания, помогающий материализовать смыслы, генерируемые сознанием. Многочисленные исследования в рамках вышеупомянутых наук привели к выявлению характера взаимосвязи этих двух феноменов и формированию понятий “языковое сознание”, “языковая картина мира”, “ассоциативно-вербальные сети”, “концептуальная система” и т. д.

Изучение особенностей структуры и функционирования сознания (с привлечением методов психологии, философии, лингвистики) привело к возможности выделения “аспектов” сознания — концептуальных систем, отображающих и конструирующих определённую “область деятельности” человека: этическое сознание, политическое сознание. Эти концептуальные системы не функционируют обособленно, а находятся в постоянном взаимодействии между собой, определяя особенности восприятия человеком мира. Таким образом, обозначенные “аспекты” сознания являются неотъемлемым элементом человеческого сознания и мышления.

Являясь универсальными структурами для человеческого сознания в целом, эти концептуальные системы различаются по своему содержанию у разных народов, что обусловлено различиями в системах ценностей, историческом опыте и других факторах, составляющих основу культурной специфики нации. Они отображают характерные особенности восприятия мира в рамках данной культуры и, таким образом, являются носителями культурной специфики, выявляемой через анализ упомянутых концептуальных систем. Изучение “аспектов” сознания в рамках определённой лингвокультуры помогает выявить не только универсальные механизмы восприятия и переработки знаний разного рода в сознании человека, но и особенности миро-восприятия нации.

Наличие большого числа работ, посвящённых взаимодействию сознания и языка (А. А. Леонтьев, А. Д. Шмелёв, Т. Н. Ушакова, А. А. Залевская, Р. Джеккендофф, Ф. Джонсон-Лэрд) и анализу концептуальных систем (В. З. Демьянков, Н. Н. Болдырев, М. В. Пименова, З. Д. Попова, И. А. Стернин), показывает разнообразие методов исследования этих феноменов, что вызвано их многоаспектностью и многофункциональностью. В основном, авторы стремятся выявить универсальный метод изучения языкового сознания, являющийся комплексом методов различных лингвистических направлений. Однако, на наш взгляд, каждый “аспект” сознания (этическое, политическое, экономическое сознание) имеет собственную специфику и обусловлен той сферой человеческой жизнедеятельности, которую он отображает, что необходимо учитывать при выборе методов и принципов его исследования.

Целью данной статьи является описание методов и принципов исследования концептуальной системы *экономического сознания* с учётом как специфики этого “аспекта” сознания, так и его культурнообусловленных характеристик.

В последнее время (очевидно, в связи с происходящими глобальными экономическими процессами) многие исследования направлены на изучение экономического сознания как кон-

цептуальной системы, содержащей экономические знания и экономический “взгляд” на мир. Экономическое сознание отображает весь комплекс знаний, представлений, установок, чувств, ассоциаций, сопровождающих экономическую деятельность человека, и, таким образом, оказывает влияние на все сферы человеческой жизни, включая остальные “аспекты” сознания, в частности, этическое сознание. По мысли экономиста Ж. Жореса, “в человеке есть такое слияние самого человека и экономической среды, что невозможно отделить экономическую жизнь от жизни моральной; нельзя разрубить историческое человечество на две части, отделить в нем идеальную жизнь от жизни экономической” [2: 9]. Ведущий российский эксперт по вопросам менеджмента и маркетинговой политики А. И. Пригожин в трактате “Дезорганизация” говорит о прямой связи этоса народа (ценностей, убеждений и норм определенной культуры) и уровня развития экономики страны, которую этот народ населяет. Культура и этос определяют экономическое сознание нации и отдельного индивида. “Экономический анализ не рождается из головы экономиста на пустом месте, существует до-аналитический процесс, несущий отпечаток ценностей” [5: 397].

Менее явной, однако значительно взаимообусловленной является связь политического и экономического сознания. Сегодня из уст ученых-экономистов, психологов, культурологов, политологов, а также “практиков” — финансистов и политиков — всё чаще звучит мысль о теснейшей взаимосвязи экономических и политических процессов, хотя точка зрения на то, что является в этой взаимосвязи определяющим — экономика или политика, — различается в зависимости от сферы интересов автора. Вспомним, что первые труды классиков экономики назывались работами по *политэкономии*, что подчеркивает невозможность разделения этих двух сфер человеческой жизнедеятельности. По выражению философа и экономиста Дж.Дьюи, “Политика — это тень, которую бизнес отбрасывает на общество” [8:71]. Выдающийся лингвист Н. Хомский, анализируя современное состояние этих двух важных областей человеческого взаимодействия, отмечает, что в современном обществе настоящая власть сосредоточена не в политической системе, а в экономике: “Власть спрессована там, где решают, какие товары производить, куда пойдут инвестиции, у кого будет работа и кто будет контролировать ресурсы” [3: 90]. Таким образом, представляется более целесообразным говорить о *политэкономическом сознании* как феномене, объединяющем экономическую и политическую картины мира в их целостности и взаимодействии.

Анализ политэкономического сознания необходимо должен учитывать полиаспектность этого феномена, его междисциплинарный статус, а также его “двойственную” (политически и экономически обусловленную) природу.

Политэкономическое сознание как концептуальная система образует специфические репрезентативные структуры в сознании человека, фиксируемые и отображаемые с помощью языка. Таким образом, изучение политэкономического сознания — это фактически изучение языка политики и экономики на разных уровнях их осмысления представителями конкретной нации. Речь идёт о научной и обыденной, или практической, картинах мира, создаваемых политэкономическим сознанием. Анализ каждого из этих аспектов опирается на собственные принципы и методы исследования. Хотя научная картина мира составляет важную часть политэкономического сознания (как и любого другого аспекта сознания), она прежде всего характеризуется отсутствием культурной компоненты, что предопределяет вынесение анализа этой части политэкономического сознания за рамки данной работы. Заметим лишь вкратце, что научная картина мира характеризуется такими особенностями, как типичность (терминологичность, отсутствие уникальности, культурной обусловленности), относительность, незавершенность, структурированность, объяснительная сила [1: 144].

Изучение практической картины мира способно выявить механизм взаимосвязи политических и экономических явлений в жизни как отдельного индивида, так и целой нации, особенности структуры и функционирования соответствующих репрезентативных систем в сознании человека, выявить значение культурного и ценностного фактора в политэкономической жизни нации.

Следует отметить, что в современных публикациях большое внимание уделяется исследованию политического сознания, выделено даже отдельное направление — политическая лингвистика (работы А. Н. Баранова, А. П. Чудинова, Ю. А. Сорокина, В. Г. Костомарова), — тогда

как экономическое сознание до недавнего времени оставалось вне поля зрения исследователей. Безусловно, при анализе целостного элемента — политэкономического сознания — необходимо учитывать имеющиеся достижения в сфере политической лингвистики. Однако, вслед за Н. Хомским, Дж.Дьюи и Дж.Соросом признавая экономические процессы определяющими в этом двуедином феномене, в анализе политэкономического сознания будем опираться прежде всего на “язык экономики” — языковой материал, отображающий концептуальную систему экономического поведения и взаимодействия людей. Соответственно, разнообразие как самого подобного материала, так и подходов к его изучению предопределяет наличие нескольких концепций, или направлений, исследования политэкономического сознания.

Рассмотрим вкратце эти направления.

Исследование специфики экономического текста — анализ конкретных единиц в рамках экономического текста. Подобные исследования, например, языка политики, позволили выявить общие характеризующие его черты: смысловая неопределённость, фантомность, фидеистичность, эзотеричность, дистанцированность, театральность [9: 20]. Насколько нам известно, подобный анализ экономических текстов в отечественной науке не проводился (если не считать анализа идиолекта отдельных авторов). Однако отдельные утверждения исследователей в области экономики, экономической психологии, психологии денег можно рассматривать как гипотетические основы для теории экономического текста. Например, Б. А. Райзберг в труде “Экономическая психология” говорит о таких характеристиках языка экономики, как оперирование абстрактными понятиями, несущими отпечаток общечеловеческих ценностей, интерпретативность, психологичность (фидеистичность, опора на подсознание — многие политэкономические тексты создаются с целью убедить коммуниканта, навязать ему точку зрения автора) [6: 22].

Исследование идиостилей авторов экономических теорий. Подобные исследования направлены прежде всего на выявление особенностей политэкономического сознания автора как индивидуальности, но также способны отобразить культурную специфику, систему ценностных ориентиров нации и эпохи, представителем которой является данный автор. В отечественной науке существует ряд подобных исследований, большинство из которых посвящены классикам марксизма-ленинизма.

Исследования политэкономического сознания в диахронии — анализ и сопоставление текстов экономических теорий различных периодов истории человечества. Подобный анализ способен выявить особенности структуры и качественной динамики политэкономического сознания, прояснить основные принципы и установки этого феномена, выявить политэкономические и ценностные доминанты определённой эпохи. Подобный анализ также способен многое дать для прояснения причин изменений в политэкономическом сознании человечества и, соответственно, происходящих экономических процессов. По мысли американского экономиста Р. Хайлбронера, “чтобы разобраться в характере изменения глобальных экономических систем, ... необходимо обратить внимание на важнейшее изменение в манере экономистов излагать собственные мысли: от абстрактных терминов покупки-продажи ... до рассуждений ... об удовольствии, боли и Арифметике Счастья, ...” [8: 403].

Исследование жанров и стилей экономического языка. Экономическая мысль продолжительное время развивалась и воплощалась в письменном тексте, приобретая вид научной теории, публицистического очерка, даже юмористического рассказа и экономической сатиры (произведения Т. Веблена, Й. Шумпетера, К. Вандербильта). Сегодня этот ряд можно пополнить новостными сюжетами, Интернет-статьями и записями в блогах и на Интернет-форумах. Необходимо также отметить устные выступления ключевых фигур экономической и политической сфер — политиков, экономистов, финансистов — что также предполагает разнообразие жанров — от монологического выступления до полилогичных дебатов и конференций (например, встреча “Большой Двадчатки”); надписи на плакатах митингующих, предвыборные лозунги политических партий и т. д. Следует отметить, что обыденное политэкономическое сознание также проявляется в каждодневной жизни людей — в жанре бытовой беседы, обмена мнениями, диалога покупателя с продавцом и т. д.

Дискурсивное исследование экономического поведения отдельных индивидов, социальных групп, наций, государств. Необходимо отметить, что, хотя работ по экономическому дискурсу сравнительно немного (в основном это исследования дискурса покупки-продажи и сопутствующих

им процессов — например, работы Т. Д. Венедиктовой по дискурсу торга, а также большое количество работ по дискурсу рекламы), сегодня осуществляется большое количество исследований политического дискурса, содержанием которых становится информация экономического характера (дискурс дебатов, митингов, обращений политиков к народу и т. п.). Перспективным представляется исследование коммуникативных ролей, стратегий и тактик в межгосударственном политическом и экономическом взаимодействии, так как подобный анализ способен выявить основные направления деятельности государства как представителя определенного народа, его идеологию, базовые культурные ценности.

Когнитивные и лингвокультурологические исследования политэкономического сознания. К этому направлению относятся концептуальный анализ, исследование когнитивных метафор, изучение ассоциативно-вербальных полей и т. п. Такие исследования в основном носят экспериментальный характер и направлены на выявление особенностей структуры и содержания политэкономического сознания, специфики его функционирования, взаимодействия с другими “асpekтами” сознания. Перспективным для изучения обыденного политэкономического сознания представляется концептуальный анализ экономических текстов разных жанров, а также произведений фольклора (сказки, анекдоты), использование экспериментальной методики “свободных определений” ключевых экономических концептов, методики ассоциативного эксперимента, метафорического моделирования.

Сопоставительные лингвокультурологические исследования. Для выявления культурной и ценностной специфики политэкономического сознания целесообразным является сопоставление структуры и содержания, а также способа функционирования политэкономического сознания различных наций. Учитывая определяющее влияние системы ценностей на характер политэкономического сознания, можно предположить, что у народов с близкой культурой и общим историческим опытом даже при наличии различной степени экономического благосостояния (наличия ресурсов) развитие политэкономического сознания будет сходно, что непременно проявится в сходстве экономических систем соответствующих государств.

Таким образом, политэкономическое сознание представляет собой сложный многоаспектный феномен, отображающий политико-экономические знания, представления, установки, эмоции и т. п. людей и социальных групп, проявляющиеся в их политической и экономической деятельности. Как концептуальная система политэкономическое сознание является ценностно- и культурнообусловленным, что предопределяет его различия у представителей разных наций. Политэкономическое сознание проявляется в разнообразии жанров и стилей политэкономического дискурса и функционирует как целостный механизм, что предопределяет его междисциплинарное исследование с помощью методов лингвистики, психологии, философии. Наиболее перспективным представляются когнитивные (концептуальный анализ, исследование когнитивных метафор), а также диахронические и сопоставительные (межкультурные) исследования политэкономического сознания, направленные на выявление особенностей его структуры и функционирования, а также исторической динамики и ценностно-культурной обусловленности.

1. *Дискурс як когнітивно-комунікативний феномен* / [Безугла Л. Р., Бондаренко Є. В., Донець П. М. та ін.]; під загальн. ред. Шевченко І. С.: Монографія. — Харків: Константа, 2005. — 356с.
2. *Жорес Ж.* Социалистическая история французской революции / Жан Жорес. — М.: “Прогресс”, 1981. — 680с.
3. *Интервью с Наумом Хомским* // Журнал “Эсквайр”. — окт., 2007. — С.:84–92.
4. *Попова З.* Семантико-когнитивное направление в российской лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин // *Respectus Philologicus*. — 2006. — № 10 (15). — С.: 43–51.
5. *Пригожин А. И.* Дезорганизация: Причины, виды, преодоление / А. И. Пригожин. — М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. — 402с. — (Серия “Синергичная организация”).
6. *Райзберг Б. А.* Психологическая экономика. Учебное пособие / Б. А. Райзберг. — М.: Инфра-М, 2005. — 432с.
7. *Ушакова Т. Н.* Языковое сознание и принципы его исследования / Т. Н. Ушакова // *Языковое сознание и текст: теоретические и прикладные аспекты* // Сб. под ред. Н. В. Уфимцевой, 2003.
8. *Хайлбронер Р. Л.* Философы от мира сего / Роберт Л. Хайлбронер ; пер. с англ. И. Файбисовича. — М.: Издательство КоЛибри, 2008. — 432с. — ООО “Издательская Группа Аттикус”, 2008.
9. *Чудинов А. П.* Политическая лингвистика: учеб. пособие / А. П. Чудинов. — 3-е изд., испр. — М.: Флинта : Наука, 2008. — 256с.
10. *Montero B.* Economics and the Mind / B. Montero, M. White. — N. — Y.: Routledge, 2006. — 240 p. — (Series: Routledge INEM Advances in Economic Methodology).

G. S. Yarotskaya

THE GENERAL APPROACHES TO THE STUDY OF THE POLITICAL-ECONOMIC MIND PHENOMENON IN LINGUISTICS

The article provides the general description of the political-economic mind phenomenon as a conceptual system, making the political-economic world's picture. The peculiarities of the political-economic mind are marked, the general approaches to the study are described.

Key words: the conceptual system, the language mind, the political-economic mind, the world's picture.

Г. С. Яроцька

ОСНОВНІ НАПРЯМИ ЛІНГВІСТИЧНИХ ДОСЛІДЖЕНЬ ФЕНОМЕНУ ПОЛІТЕКОНОМІЧНОЇ СВІДОМОСТІ

У статті розглядається феномен політекономічної свідомості як концептуальної системи, що створює політекономічну картину світу. Визначені специфічні властивості політекономічної свідомості, виокремлені основні напрямки дослідження.

Ключові слова: картина світу, концептуальна система, політекономічна свідомість, мовна свідомість.

УДК 811.161.1'23'276.6

Н. Л. Дробышева

Чувственно-перцептивное познание в профессиональной номинации

Рассматривается роль вербализованного чувственно-перцептивного опыта в профессиональном познании, в профессиональной деятельности, а также функциональные особенности специальных лексических единиц в зависимости от заключенного в них знания.

Ключевые слова: чувственно-перцептивный, номинация, термины, профессионализмы.

Способность человека получать информацию об окружающей действительности с помощью органов чувств, именуемая чувственно-сенситивной способностью или чувственным (конкретно-чувственным, чувственно-перцептивным) познанием, имеет первостепенное значение для ориентации человека в окружающей среде, является исходной позицией в познании сущности объектов, в овладении объектами в процессе профессиональной деятельности и обеспечивает возможность "...воспринимать мир в его целостности и в его совокупности" [6:633].

Чувственное познание имеет биосоциальную природу, знаковую и образную стороны отражения действительности, что позволяет получать информацию о тех или иных объективно существующих свойствах предметов в ощущениях, целостные конкретно-чувственные образы предметов и явлений в восприятии и образы-модели или чувственно-наглядные образы предметов и явлений действительности в виде наглядно-образного знания, сохраняемого и воспроизводимого в представлениях. При этом реализация чувственно-перцептивной способности человека осуществляется с участием механизма абстрактного мышления, т.е. в единстве чувственного и рационального.

Ощущения, восприятия и представления — это не только результат воздействия внешней среды на человека, но и результат практики, активного деятельного отношения человека к окружающей среде, в частности, его профессиональной деятельности.

Следует отметить роль чувственно-перцептивного опыта в профессиональном познании. По мере приобретения и углубления практического профессионального опыта (особенно в преде-

лах узкої спеціалізації) кількість чуттєвих вражень, зв'язаних з виробництвом, у спеціаліста збільшується. Тому чим більше диференційовані відзначаються спеціалістом сторони, властивості та відносини предметів в процесі практичної виробничої діяльності, в частині, чим більше чуттєвих вражень отримує спеціаліст і свідомо їх утримує, тим вище компетенція спеціаліста. Саме кількість та якість спеціального досвіду, ступінь залученості в сферу професії визначають формування рівня професійної компетенції.

Познавальні здатності людини пов'язані передусім з органами почуттів, за допомогою яких людина отримує інформацію про тех чи інших властивостях предметів, про субстрат предметів, їх властивості та в певній мірі про їх структуру. Інформація, що надходить від органів почуттів, нерозривно пов'язана з оцінкою відчуттів, сприйнятих, представлених, визначенням їх значимості для людської діяльності.

Все це демонструє важливу роль чуттєвого відображення в пізнанні світу як на рівні побутового сприйняття світу (побутове знання), так і наукового — органи почуттів надають первинну інформацію, необхідну, щоб з багатьох боків пізнати об'єкти, щоб розвинути наукове та професійне знання. Емпіричне наукове знання надано людині в чуттєвому сприйнятті. Предметна діяльність здійснюється, передусім, за допомогою інформації, отриманої органами почуттів. Світогляд людини ґрунтується на чуттєвому світі земних речей.

“Знання — це психоментальна структура в внутрішньому світі особистості, що складається з раціонально організованих інформаційних блоків. Виникає в результаті постійного притоку зовнішніх вражень, з яких спонтанно складаються або цілеспрямовано формуються вказані блоки” [1: 90].

Комунікативна та когнітивна функції є основними для мови. Щоб стати дійсною реальністю для інших, свідомість повинна бути представлена в мові, і чим багатіше, повніше та точніше знання, тим більше потрібно мовних знаків для його вираження і навпаки. При цьому різні типи знаків відображають різне знання про світ. Відповідно до когнітивно-комунікативної парадигми, активно розроблюваної з кінця ХХ століття [2], природа знання розуміється в його постійному взаємодії з мовою.

Сфера професійної діяльності обслуговується мовами для спеціальних цілей (ЯСЦ), за допомогою яких здійснюється професійна комунікація. ЯСЦ представляють собою результат когнітивної діяльності спеціалістів. При цьому ЯСЦ розглядається як нерозривне єдинство спеціальних знань в певній області та способів їх репрезентації в мові, а дослідження ЯСЦ — як вивчення кореляцій між структурами спеціального знання та структурами мови [4:91]. Будучи системою лінгвістичних засобів національної мови, ЯСЦ неоднорідні за своїм лексичним складом і включають в себе терміни, професіоналізми, професійні жаргонізми, а також загальноупотребительну лексику.

Термін як когнітивно-комунікативна одиниця, що належить до семантичного ядра книжної ЯСЦ, накопичує в собі побутове, загальнонаукове та спеціальне знання та відображає досвід взаємодії спеціаліста з предметним та представляємим світом в процесі професійної діяльності.

Професіоналізми, подібно термінам, позначають спеціальні поняття, але належать до розмовної різновидності мови для спеціальних цілей і в силу цього мають ряд специфічних особливостей, в тому числі вони відрізняються своєю тісною зв'яззю з побутовим знанням, опорою на результати чуттєво-перцептивного пізнання об'єктів професійної сфери, виражають оцінкові стереотипи, характерні для конкретної професійної діяльності.

Професіоналізми часто виступають як усні семантико-стилістичні варіанти термінів. Г. П. Мельников звертає увагу [3] на те, що процес найменування тісно пов'язаний з процесом усвідомлення, який ґрунтується на співставленні об'єктів та представлень про них з метою виявлення їх загальних та відмінних властивостей та ознак. За думкою Рассела [5: 118], слово повинно означати те, що може бути усвідомлено, а для цього потрібне будь-яке розпізнавальне якість. Такими розпізнавальними якостями, що виступають

виде мотивировочных признаков и основы для образования наименований профессиональных реалий в классе профессионализмов, зачастую являются результаты чувственно-перцептивного познания профессиональной действительности.

Нами было изучено более 500 наименований — профессионализмов технической сферы деятельности. Анализ показал, что внешние объективные признаки реалий производственной деятельности, такие как форма, размер, протяженность, число, движение, объем, цвет, температура, плотность и др., информацию о которых представляют органы чувств и познание которых является непосредственным, оказываются наиболее удобными и востребованными для процесса номинации в классе профессионализмов.

Известно, что наиболее значимая роль при ощущении и восприятии окружающей действительности в процессе познания принадлежит органам зрения. В силу этого профессиональная наблюдательность специалиста в значительной степени касается внешних визуальных признаков производственных реалий.

Значительное количество наименований профессионализмов образовано исходя из признаков формы и расположения (*кругляк* — вид топлива, *носик излива смесителя*, *игла* — гибкая подводка, *сабля* — кронштейн, *сапог* — трубный узел, *хвостовик* — концевая часть, *концевик* — концевая часть, *стаканчик* — монтажная деталь).

Используемые модели метафорических переносов (антропо- и зооморфизма, артефактные модели и др.) создают наглядные и легко узнаваемые образы, которые не сложны для восприятия и понимания, кратки и удобны для устного общения.

В качестве отличительного признака нередко выступает положение элемента в технической системе (*лежак*, *стояк*, *лежень* и др.).

В обследованном корпусе профессионализмов в качестве номинативнообразующего признака нередко используется признак числа (*четверик*, *пятерик*, *шестерик*, *восьмерик* — фасонные изделия с соответствующим числом отводов; *двойка*, *тройка*, *четверка* — профессиональные наименования сварочных электродов с размером диаметра 2,0; 3,2; 4,0 мм).

Со зрительным восприятием профессиональных реалий связан ряд колористических наименований (*белая пряда* — пакля, *черная труба* — неоцинкованная труба, *белый чугун* — чугун особого сплава и др.).

В актах профессиональной номинации получают обозначения те фрагменты чувственно-перцептивного человеческого опыта, которые включены в определенный вид профессиональной деятельности, вследствие чего они соответствующим образом осмыслены и интерпретированы. Например, в производственных процессах, связанных с разными температурами, в основе ряда наименований—профессионализмов лежат признаки, продуцируемые ощущениями тепла-холода (*теплый пол*, *горячая подводка*, *холодный монтаж* — монтаж в зимних условиях, *холодная сварка* — склеивание, изгиб *по-горячему* — с медленным нагревом, *тепляк* — нагревающее устройство, *холодный шов* — герметичный шов).

Выбор номинативного признака определяется важностью и значимостью его для той или иной стереотипной производственной ситуации. Например, в процессе профессиональной деятельности сантехников важно знание внешнего признака производственных реалий: *сухой* — мокрый, *твердый*, *жесткий* (*сухое топливо* — пеллеты, *сухотрубный стояк* — пожарный стояк, *сухой теплообмен*, *мокрый ротор*, *жесткий поливинилхлорид* — непластифицированный ПВХ, *жидкая резина* — гидроизоляционное покрытие и др.)

Таким образом, именно опыт является источником выработанных на его основе чувственно-перцептивных языковых репрезентаций объектов профессиональной деятельности. В процессе практической профессиональной деятельности отдельные ощущения или восприятия (синтез ощущений) могут становиться реально значимыми и актуальными в определенных стереотипных производственных ситуациях как носители информации о тех или иных свойствах объекта (предмета или явления), об изменениях этих свойств, важных для более дифференцированного выделения объекта из ряда подобных.

1. Бачинин В. А. Психология. Энциклопедический словарь — СПб., 2005.
2. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. — М., 2004.
3. Мельников Г. П. Анализ процесса наименования // Доклад в Институте языкознания АН СССР. — М., 1968.

4. Новодранова В. Ф. Роль обыденного знания в формировании научной картины мира // Терминология и знание. Материалы I международного симпозиума (Москва, 23–24 мая 2008 г.). — М., 2009. — С. 89–91.
5. Рассел Б. Человеческое познание, его сфера и границы — М., 1957.
6. Фейербах Л. Избранные философские произведения. Т 11. — М., 1955.

N. L. Drobysheva

PERCEPTIBLE COGNITION IN PROFESSIONAL NOMINATION

The role of verbalized perceptible experience in professional cognition, in professional activities, and functional peculiarities of special lexical units depending on knowledge comprised in them are considered.

Key words: perceptible, nomination, terms, professionalisms.

Н. Л. Дробишева

ПОЧУТТЄВО-ПЕРЦЕПТИВНЕ ПІЗНАННЯ У ПРОФЕСІЙНІЙ НОМІНАЦІЇ

Розглянуто роль вербалізованого почуттєво-перцептивного досвіду у професійному пізнанні, у професійній діяльності, а також функціональні особливості спеціальних лексичних одиниць у залежності від уміщеного в них знання.

Ключові слова: почуттєво-перцептивний, номінація, терміни, професіоналізми.

УДК [811.162.1+811.161.1]’255.4:168.522(438):(036)

М. Моцаж

Переводческие процедуры и межкультурная коммуникация (на примере переводов путеводителей по Польше для туристов)

Статья посвящена анализу двух основных переводческих процедур: экзотизации и адаптации, используемых переводчиками с целью передать культурные понятия языка оригинала так, чтобы получатель переводного текста (путеводителя для туристов) имел возможность познакомиться с познавательной категорией как конститутивным признаком такого текста.

Ключевые слова: польско-русский перевод, межкультурная коммуникация, экзотизация, адаптация, семантизация, жанр путеводителя.

Существование понятия интеркультурности обуславливается двумя факторами: во-первых, гетерогенным характером отдельных культурных систем и, во-вторых, их открытостью, благодаря которой культурные пространства находятся во взаимодействии, готовы вступать в контакт с другими культурами. Открытый характер культурных пространств ведёт к межкультурной коммуникации, одним из основных способов осуществления которой является перевод. Соприкосновение культуры оригинала, присутствующей в переводном тексте, с кругом получателей этого текста порождает интеркультурность. Таким образом, интеркультурность является своеобразным "третьим пространством" [2: 25], в пределах которого встречаются две культуры (оригинала и перевода), а иногда и элементы так называемой "третьей культуры", т.е. иной, чем культура носителей языка оригинала и культура носителей языка перевода. Возникающее таким образом новое пространство не может отождествляться исключительно ни с культурой оригинала, ни с культурой перевода, так как в нём существуют элементы культуры оригинала, иногда элементы третьей культуры в контексте культуры перевода. Такое пространство является звеном, соединяющим разные культуры и представляющее собой гибридное явление.

Гибридный характер интеркультурности в переводе предполагается выбором соответствующих стратегий или процедур. Под понятием "стратегия" мы понимаем вполне сознательные и последовательные решения переводчика, относящиеся к тексту как комплексному явлению. Второе понятие "процедура" лишено такого глобального, комплексного подхода к тексту, оно применяется к отдельным, конкретным решениям переводчика [5: 72; 3: 120]. В контексте обсуждаемых понятий необходимо вспомнить известную дилемму Шлейермахера, т.е. перенести читателя перевода в страну оригинала или наоборот — максимально приблизить к такому читателю реалии культуры оригинала. Соответственно выделяются два типа стратегий/процедур: 1) экзотизация и 2) адаптация. Цель экзотизации — получить текст перевода, насыщенный элементами, типичными для культуры оригинала, благодаря чему повышается познавательная ценность такого текста. Адаптация ведёт к максимально приближенному переводу культурных явлений к реалиям культуры перевода [4: 145]. Она постигается путём использования переводчиком т.наз. функциональных аналогов, т.е. понятий, выполняющих в культуре перевода функцию, подобную соответствующим понятиям культуры оригинала. Благодаря стратегии адаптации переводной текст воспринимается читателем легче, так как он становится более понятным.

Туристические путеводители, которые служат объектом исследования, относятся к жанру бытовых текстов. Термин "бытовой текст" предопределяет их функциональный характер, который проявляется в возможности повседневного общения при помощи таких текстов. Поэтому доминирующей функцией считается прагматическая функция с главной установкой на получателя. Такой получатель, читая текст путеводителя, должен лучше и быстрее ориентироваться в месте, которое он посещает или куда он собирается поехать. Наряду с прагматической функцией текстам путеводителей присуща познавательная функция, благодаря которой читатель получает конкретную информацию. Жанровые и прагматические показатели путеводителей обуславливают способ передачи информации получателям как исходного, так и переводного текстов. Эти тексты предназначены для широкого круга получателей информации, значит, они должны восприниматься довольно легко. Информация, которая в них даётся, должна быть однозначной, ясной. Следовательно, можно предполагать, что в переводе такого типа текста будет преобладать адаптация. Тем временем проведенный анализ текстов выявил, что наиболее частотным явлением считается экзотизация, понимаемая скорее всего не как стратегия, а как процедура — вследствие непоследовательности действий многих переводчиков. Высокая частотность употребления именно экзотизации объясняется тем, что таким типам текстов свойственна категория иного, которая представляет собой важную, конститутивную для этих текстов познавательную категорию. Благодаря экзотизации перевод не лишён такой категории. Широкое применение переводчиками экзотизации является возможным благодаря приёму семантизации, т.е. выявлению общего или более конкретного смысла культурных понятий. Ведь от переводчика требуется применение соответствующих переводческих приемов, которые позволят получателю-туристу быстро, без затруднений познакомиться с местом, которое он посещает. В ходе анализа исследуемых текстов были обнаружены следующие типы семантизации.

1) Вербальная семантизация, при которой экспликация культурного понятия осуществляется при помощи вербальных средств, причём здесь имеем дело либо с частичной, либо с полной семантизацией. Суть первой заключается в выявлении основного смысла того или иного понятия, необходимого для правильной общей идентификации понятия, названного автором. В случае же второй — полной — наблюдаем тщательное истолкование культурного явления.

2) Наглядная семантизация, выражаемая при помощи невербальных средств передачи информации, которые являются неотъемлемой частью туристического путеводителя. В данном случае можно выделить также частичную семантизацию, при которой фотография представляет собой лишь фрагментарное изображение конкретного явления, и полную, при которой соответствующая фотография служит средством полной визуализации описываемого культурного объекта. Следует отметить, что стремление к экспликации основных культурных понятий преследует цель уже автора исходного текста, вследствие чего в большинстве случаев встречаемся с приёмом семантизации уже на уровне текста оригинала. Такой приём применяется как к элементам культуры оригинала, так и третьей культуры, т.е. иной, чем культура оригинала и культура перевода.

1) *Na środku rynku ustawiono posąg Syrenki, symbol Warszawy. Pół kobieta, pół ryba znajduje się na wyobrażeniach herbu miasta od połowy XIV wieku.*

Посреди рынка установлена статуя Сиренки, символ Варшавы. Эта полуженщина-полурыба фигурирует на изображениях городского герба с середины XIV века. (Вар).

2) *Jedną z ulic odchodzących od Nowego Świata jest Foksal. Nazwa ta pochodzi z XVIII wieku, od istniejącego w tym miejscu ogrodu zabaw publicznych, urządzonego na wzór londyńskiego Vauxhall.*

Одна из улиц, отходящих от Нового Света, это Фоксаль, её название происходит от существовавшего здесь в XVIII веке увеселительного парка, устроенного по образцу лондонского Gardens Vauxhall. (Вар).

Из вышеприведённых примеров вытекает, что культурные понятия "статуя Сиренки" и "Фоксаль" получают полную экспликацию уже в исходном тексте, затем та же информация в неизменном виде переносится переводчиком в текст на русском языке.

Рядом с полной семантизацией высокой частотностью употребления отличается также частичная семантизация, суть которой довольно часто заключается в определении культурной принадлежности объекта, лица или в минимальном разъяснении их денотативного, реже коннотативного значения в переводном тексте, например:

3) *W kopule kaplicy znajdują się freski pędzla włoskiego malarza Giacomo Scianzego.*

На плафоне изображены сцены "небесной славы" св. Елизаветы работы итальянского живописца Джаккомо Шьянзи (Giacomo Scianzi) (Вр).

4) *Na środku placu Mariackiego uwagę przykuwa niewielka fontanna z figurką żaka, będącą kopią postaci z ołtarza Wita Stwosza.*

В центре Мариакской площади высится небольшой фонтан со скульптурой жака (бедного студента), являющейся копией изображения с алтаря Вита Ствоша.

В примере 3) появляется короткая информация о национальности художника, а в следующем вводится понятие "жак", которое ассоциируется с бедным студентом преимущественно средних веков. Стоит добавить, что приём частичной семантизации здесь является вполне достаточным для достижения прагматических целей такого текста.

К важнейшим способам реализации процедуры экзотизации следует отнести транскрипцию и оригинальную форму записи (главным образом, по отношению к передаче личных имён — пример 3). Они усиливают впечатление иной культуры. Усиливают — так как общее впечатление инокультурности возникает уже в самом начале, когда получатель встречается с текстом путеводителя по Польше (польскому городу). Такой получатель — турист или потенциальный турист понимает, что в тексте ему придется встретиться с другой культурой, и даже более того — намерен получить информацию об интересном, с его точки зрения, культурном пространстве.

Проведённый анализ выявил, что экзотизация благодаря приёму семантизации является доминирующей переводческой процедурой, хотя не единственной. В ряде случаев можно наблюдать адаптацию, присутствие которой часто обусловлено интеркультурным характером исходного текста, возникшим в результате исторических событий, оказавших непосредственное влияние на принадлежность тех же объектов к разным государственным структурам.

5) **MOST POKOJU**

Most, który istniał w tym miejscu przed wojną, nosił imię Gottholda Ephraima Lessinga, znanego niemieckiego filozofa (...) W czasie II wojny światowej most Lessinga został poważnie uszkodzony. Zastąpił go, wybudowany w latach 1954–1959 według projektu Jana Kmity, most Pokoju.

LESSINGBRÜCKE (MOST POKOJU)

Die Brücke, die an dieser Stelle vor den Krieg stand, trug den Namen des bekannten deutschen Philosophen, Dichters und Literaturkritikers Gottholt Ephraim Lessing (...). Während des II. Weltkriegs wurde die Lessingbrücke stark beschädigt, weshalb sie durch eine neue Brücke ersetzt wurde, die in den Jahren 1954–1959 nach einem Entwurf von Jan Kmita erbaut wurde und heute Friedensbrücke (Most Pokoju) heisst. (Вр).

Приём адаптации заключается в применении переводчиком в переводе на немецкий язык довоенного названия объекта "Lessingbrücke", которое, как можно предполагать, легче воспринимается в сознании немецкого туриста, в особенности старшего поколения, чем современное наименование *Friedensbrücke*, хотя на самом деле речь идет все-таки о двух разных объектах (мост

Лессинга был во время войны разрушен), объединённых местом, в котором они во временной последовательности возникли.

Экзотизация уступает место адаптации в случае перевода общеизвестных личных имён, исторически обусловленных, заглавий произведений искусства и книг. Адаптация приводит к замене оригинальной формы имени формой эквивалента, закреплённого в лексической системе языка перевода:

6) *В Ольштыне (...) на известняковой скале высятся развалины замка. Его построил около 1349 года Казимир Великий.* (Поль).

7) *Это произошло в 1025 году, когда состоялась коронация Болеслава Храброго, который стал первым королем Польши. Его преемник, Казимир I Восстановитель, перенес в 1038 году столицу в Краков.* (Поль).

Основная цель процедуры адаптации — помочь читателю переводного текста легче воспринимать понятия культуры оригинала, но в то же время следует обратить внимание на тот факт, что использование переводчиком именно такой процедуры никак не лишает впечатления инокультурности, несмотря на то, что многие теоретики перевода придерживаются мнения, что адаптация "в значительной степени деформирует представления об иной культуре" [1: 404]. Процедуре адаптации, однако, не свойственна высокая частотность употребления. Несомненно, наиболее часто применяемой переводческой процедурой является экзотизация, направленная на эффект выразительного отличия элементов культуры оригинала от культуры перевода.

Благодаря как экзотизации, так и адаптации интеркультурность представляется в контексте позитивных явлений, она наделена положительными коннотациями. Как уже отмечалось, это понятие возникло вследствие различий между культурами. Интеркультурность предполагает межкультурную коммуникацию, целью которой является лучшее взаимопонимание. Достижение намеченной цели является главной задачей перевода. Следует отметить, что такой подход принципиально отличается от того, при котором в центре внимания процесса перевода находилась проблема культурного барьера. Учёт в переводе культурных особенностей позволяет подходить к переводу как к межкультурной коммуникации, так как он предполагает преодоление не только языковых, но и культурных барьеров. При таком подходе существенным является замечание, что культура перестаёт служить источником непереводимости.

1. *Гарбовский Н. К.* Теория перевода. — М., 2007.
2. *Engel Ch., Lewicki R.* (red.). Interkulturalität / Interkulturowość. — Innsbruck, 2005.
3. *Kwieciński P.* Disturbing strangeness. Foreignisation and domestication in translation procedures in the context of cultural asymmetry. — Toruń, 2001.
4. *Lewicki R.* Obcość w odbiorze przekładu. — Lublin, 2000.
5. *Piotrowska M.* Proces decyzyjny tłumacza. Podstawy metodologii nauczania przekładu pisemnego. — Kraków, 2007.
6. *Skibińska E.* Przekład a kultura. Elementy kulturowe we francuskich tłumaczeniach "Pana Tadeusza". — Wrocław, 1999.

Источники:

1. Вар: *Parma D., Grunwald-Kopeć H.* Warszawa. — Marki, 2006.
Parma B., Grunwald-Kopeć P. Варшава. — Marki, 2006.
2. Вр: *Urlich-Kornacka M.* Przewodnik po Wrocławiu. — Wrocław, [bez r. wyd.]
Urlich-Kornacka M. Путеводитель по Вроцлаву. — Wrocław, [bez r. wyd.]
Urlich-Kornacka M. Reiseführer durch Breslau. — Wrocław, [bez r. wyd.]
3. Кр: *Bukowska B., Skrzyńska B., I. Lankosz I.* Kraków 1...2...3... dni. — Warszawa, [bez r. wyd.]
Bukowska B., Skrzyńska B., I. Lankosz I. Краков за 1...2...3... дня. — Warszawa [bez r. wyd.]
4. Польша: *Jabłoński R.* Польша. — Warszawa, [bez r. wyd.]

M. Mocarz

**TRANSLATION PROCEDURES AND INTERCULTURAL COMMUNICATION
(ON THE BASIS OF GUIDEBOOKS' TO POLAND TRANSLATION)**

Interculturality in the case of translation of guidebooks is manifested. The culture of the original text in the culture of the translated text is examined. This article provides the analysis of translation procedures of elements of culture in guidebooks. There are two basic translation procedures of such lexis: exotisation and adaptation.

Key words: intercultural communication, exotisation, adaptation, semantisation.

М. Моцаж

**ПРОЦЕДУРИ ПЕРЕКЛАДУ Й МІЖКУЛЬТУРНА КОМУНІКАЦІЯ (НА ПРИКЛАДІ
ПЕРЕКЛАДІВ ПУТІВНИКІВ ПО ПОЛЬЩІ ДЛЯ ТУРИСТІВ)**

Статтю присвячено аналізу двох головних процедур перекладу: екзотизації й адаптації, — що використовуються перекладачами з метою передати культурні поняття мови оригіналу так, щоб отримувач перекладеного тексту (путівника для туристів) мав можливість ознайомитися з пізнавальною категорією як конститутивною ознакою такого тексту.

Ключові слова: польсько-російський переклад, міжкультурна комунікація, екзотизація, адаптація, семантизація, жанр путівника.

УДК 81'233:159.9.072.432:168.522

О. И. Еременок

**Языковая личность студента
в условиях межкультурной коммуникации**

Статья посвящена проблеме межкультурной коммуникации с когнитивной точки зрения; дан анализ формирования языковой личности студента.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, когнитивная лингвистика, иностранный язык, языковая личность, концепт.

Методические подходы к обучению иностранному языку традиционно опираются на достижения лингвистики. В последнее время возникают новые лингвистические направления: когнитивная лингвистика, контрастивная лингвистика, коммуникативное поведение, психолингвистика, межкультурная коммуникация. Их потенциал в обучении иностранным языкам огромен. Актуальность проблемы заключается в описании ментальной репрезентации языкового знания и установлении закономерностей переработки информации в процессе восприятия и порождения речевых текстов человеком-коммуникатором, решающим в ходе этого процесса определённые интенциональные и мыслительно-интеллектуальные вопросы. Речевая коммуникация представляет собой сложную многоуровневую структуру. По мнению В. И. Карасика [6], языковая личность — это обобщённый образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, концептов, установок и поведенческих реакций. При изучении иностранного языка происходит постижение национальной картины мира, особенностей ментально-лингвального комплекса представителей иного культурного сообщества. Студент приобщается к определённой национальной культуре через усвоение основных национально-детерминированных культурных концептов и символов иной культуры.

Особую трудность и интерес представляет сопоставление вербальных концептов родного и иностранного языков, занимающих главное место в этнической картине мира. Слой концептов, составляющих “ядро” этнической картины мира, — это главный национальный концепт, фор-

мирующей семантику менталитета и языка народа. Потенции, открываемые в словарном запасе как отдельного человека, так и языка в целом, называются концептосферами. В концептосфере языка концентрируется культура нации. Одна из аксиом когнитивизма заключается в том, что культура формирует человека: индивид всегда находится под влиянием своей культуры.

В последнее время наряду с понятием “национальный характер” в гуманитарных науках всё чаще употребляется слово “ментальность”. Ментальность может способствовать межкультурному общению вследствие наличия в каждой культуре концептов “своего” и “чужого”. Ментальность может прерывать межкультурное общение, ибо “шум” в коммуникации связей может помешать установлению прямых и обратных связей, расчленив коммуникативную цепь: *посылающий информацию — информация — получающий информацию*. С ментальностью связана идея “языковой картины мира”. Картина мира составлена из концептов и связей между ними, поэтому её называют концептуальной картиной мира. Концепты обладают национальной спецификой. При обучении иностранному языку основными объектами когнитивного мышления языковой личности являются репрезентации, имеющие в данном языковом коллективе статус национально-культурного эталона. Общение оказывается возможным только при наличии в сознании каждого говорящего фреймов, сценариев и моделей ситуаций, т.е. когнитивных структур культуры страны изучаемого языка. Кодовые системы культур отличаются друг от друга. В связи с этим в процессе коммуникации важное значение приобретает проблема кодирования и декодирования информации. Говорящий — слушающий (трансмиссор — реципиент) рассматриваются как система переработки информации, состоящая из конечного числа самостоятельных модулей и соотносящая языковую информацию на различных уровнях. Языковая деятельность рассматривается как один из модусов когниции, составляющей вершину айсберга, в основании которого лежат когнитивные способности. Декодируемая информация оказывает влияние на кодируемую, а последняя, в свою очередь, влияет на то, как реципиент декодирует входящие импульсы. Значение определяется не только сообщением, но и индивидуальным способом его восприятия. Поэтому конечным результатом любого общения будет разница между значениями, которых придерживаются собеседники. Важно, чтобы сообщение было информативным, т.е. контрастировало на фоне альтернативного выбора знаков и укладывалось в составленный заранее код. Понимание состоит в толковании реципиентом полученного сообщения. Концепт, проходя входной фильтр, становится ментальной репрезентацией и попадает в хранилище информации реципиента.

В сферу жизненных интересов когнитивной лингвистики входят ментальные основы понимания и продуцирования речи с точки зрения того, как структуры языкового знания репрезентируются и участвуют в переработке информации.

Концепт существует в определённой “идиосфере”, обусловленной кругом ассоциаций каждого отдельного человека, и возникает в индивидуальном сознании не только как намёк на возможные значения, но и как отклик на предшествующий языковой опыт человека в целом — поэтический, прозаический, научный, социальный, исторический. Концепт не только “подменяет” значение слова, но и расширяет это значение, оставляя возможности для домысливания, создания эмоциональной ауры слова. Анна Вежбицкая [1: 322; 2], известная польская исследовательница, занимающаяся разработкой набора так называемых семантических примитивов, установила, что выявленные национально-специфичные концепты сопоставимы в той мере, в какой они переводимы на язык “семантических примитивов”. Языковые и культурные системы в огромной степени отличаются друг от друга, но существуют семантические и лексические универсалии, указывающие на общий понятийный базис, на котором основывается человеческий язык, мышление и культура. Изучение концептосфер русского и английского языков показывает, что концептуализация физического мира не универсальна, и каждый из естественных языков оперирует “этнически специфическими концептами”. Иными словами, концептуальные схемы отчасти универсальны, отчасти национально специфичны. Специфика языковой картины мира становится очевидной при сопоставлении значения лексических единиц, описывающих приблизительно один и тот же фрагмент действительности.

Выделение концепта как ментального образования, отмеченного лингвокультурной спецификой, — закономерный шаг в становлении антропоцентрической парадигмы лингвистического знания.

Как показала Анна Вежбицкая в работе “Язык. Культура. Познание” (1997), сравнивая английский и русский языки, этническая ментальность ярко отражается в словарном составе языка, в его грамматическом строе. Англо-саксонской культуре свойственно неодобрительное отношение к ничем не сдерживаемому потоку чувств; англичане с подозрением относятся к эмоциям, в то время как русская ментальность считает вербальное выражение эмоций одной из основных функций человеческой речи.

Эмоциональность русских обусловила большое количество глаголов, обозначающих эмоции: *радоваться, тосковать, скучать, грустить, волноваться, огорчаться, хандрить, унывать, гордиться, ужасаться, стыдиться, любоваться, восхищаться, ликовать, гневаться, тревожиться, томиться* и т. д., — которые, как считает А. Вежбицкая, почти не переводимы на английский язык, в котором эмоции обозначаются прилагательными и псевдопричастиями типа: *to be sad, pleased, angry*. Русские глаголы выражают эмоции более энергично, чем английские прилагательные.

Замечено, что в русском языке вспомогательный глагол “*быть*” играет значительно меньшую роль, чем в английском. В английском языке глагол “*to be*” и его производные являются базовыми компонентами при образовании ряда времён и пассивного залога. Такое употребление вспомогательного глагола “*быть*” объясняется тем, что проблема существования, и в первую очередь проблема реальности, в славянских языках не выражена так остро, как в романских и германских языках.

Философия культуры утверждает, что не всякая деятельность порождает культуру, а только та её часть, которая носит сакральный характер и связана с поиском смыслов, читаемых в бытии. Предмет или поступок становится культурным феноменом, если он обретает смысл; производство смыслов творит культуру. Один и тот же натурфакт в русской и английской культурах может оцениваться по-разному. Для русских выражение “*съесть собаку*” означает “*приобрести большой опыт, навык в деле*”. Английское соответствие *to eat dog* — “*унижаться, пресмыкаться, быть в униженном положении, снести оскорбление, проглотить обиду*”.

Для когнитивиста важно понять, какой должна быть ментальная репрезентация языкового знания и как это знание когнитивно перерабатывается. Взаимопонимание между партнёрами по коммуникации может быть достигнуто только тогда, когда между ними заранее установлено содержание и значение используемых кодов и знаков, т.е. участники коммуникации обладают общей возможностью интерпретации определённого знака. Кодирование — это процесс шифровки мыслей, чувств, эмоций в форму, узнаваемую другими. Для этого коммуникатор использует символы. Набор символов является сообщением. Декодирование — это процесс получения и интерпретации сообщений, получаемых коммуникатором извне. Декодирование связано с расшифровкой символов, составляющих сообщение. Центральная задача когнитивной лингвистики — описание и объяснение внутренней когнитивной структуры и динамики “говорящего — слушающего”. В качестве детерминанты акта коммуникации выступает потребностно-информационный подход. Обладание информацией позволяет переключаться с одной дискурсивной системы на другую. При описании единичного речевого акта во внимание принимаются не только типичные схемы практической и коммуникативной деятельности, но и типичные схемы организации внутреннего мира говорящего, иначе говоря, представленный в его картине мира (индивидуальной по способу существования, но социально и этнокультурно обусловленной) набор познавательных структур.

Субъект оперирует с помощью механизма двойного кодирования информации как знаками языка, так и концептами. В то же время он обладает способностью в любой момент остановить образный поток сознания и вербализовать во внешней речи субъективные образы и представления.

При формировании языковой личности студента средствами иностранного языка и культуры сферы языкового и когнитивного видов сознания обучаемого обогащаются и удваиваются за счёт приобщения к иноязычным (вторым) языковой и концептуальной картинам мира.

Выработка не только языковой, но и межкультурной коммуникативной компетенции стала генеральной линией и целью обучения иностранным языкам в вузе.

1. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. — М., 1971.

2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / Отв. ред. М. А. Кронгауз: Русские словари, 1997. — С. 33–37.

3. *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Лингвострановедческая теория слова. — М.: Русский язык, 1980. — 320 с.
4. *Выготский Л. С.* Мышление и речь // Собр. соч.: В 8 т. — М., 1982. — Т. 2.
5. *Жинкин Н. И.* О кодовых переходах внутренней речи // Риторика. — 1997. — № 1.
6. *Карасик В. И.* Язык социального статуса. — М.: Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992. — 330 с.
7. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. — 261 с.
8. *Кацнельсон С. Д.* Речемыслительные процессы // Вопросы языкознания. — М., 1984. — № 4.

О. І. Yeremenok

THE STUDENT'S LANGUAGE PERSONALITY IN INTERCULTURAL COMMUNICATION CONDITIONS

The article deals with the problem of intercultural communication from the cognitive point of view and the analysis of language personality forming of the student.

Key words: intercultural communication, cognitive linguistics, foreign language, language personality, concept.

О. І. Єременок

МОВНА ОСОБИСТІТЬ СТУДЕНТА В УМОВАХ МІЖКУЛЬТУРНОЇ КОМУНІКАЦІЇ

Статтю присвячено проблемі міжкультурної комунікації з когнітивної точки зору; подано аналіз формування мовної особистості студента.

Ключові слова: міжкультурна комунікація, когнітивна лінгвістика, іноземна мова, мовна особистість, концепт.

ПИТАННЯ КОНЦЕПТОЛОГІЇ ТА МОВНОЇ КАРТИНИ СВІТУ

УДК81'373:81'25

З. Ж. Исакова, Г. А. Еремеева

Языковая система в её отношении к языковой картине мира

В статье делается попытка дефинировать такие понятия, как языковая система, языковая картина мира, определить их лингвокогнитивный статус, параметры сходства и различия. В этих целях введено понятие “языковая модель мира” как переходное звено от языковой системы к языковой картине мира.

Ключевые слова: языковая система, языковая модель мира, языковая картина мира, познающее сознание, категоризация, концептуализация, семиосфера, лингвосемиосфера.

Язык — ключ к пониманию культуры.

Ф. Петрарка

Любая человеческая деятельность в основе своей антропоцентрична, так как представляет собой познающее сознание, закрепляющее результаты когнитивного действия в понятиях, адекватных познанию явлению. Познавательные процессы характеризуются двухуровневой структурой, обусловленной свойствами сигнальных систем. Исходный, образный, уровень первосигнальных регуляций определяется психическими закономерностями; второй, понятийный, уровень обусловлен второсигнальными регуляциями и является результатом включения этно-исторических факторов, прежде всего языковых. В то же время обе формы отображения (образного и понятийного) структурируют процесс мышления и являются его необходимыми компонентами. Процессы получения, хранения, переработки и передачи информации сопровождаются её моделированием. При этом сами эти процессы опираются на такие внутренние когнитивные структуры знания, которые уже сформированы человеком в результате его прошлого познавательного опыта и закреплены в знаковой форме [1]. Сложносоставные познавательные структуры, преобразованные в процессе мышления в вербализованные структуры, стратифицируются или в языковую систему, или в языковую картину мира, связанные с различными конвенциональными отношениями. Понятия, выделенные в ходе познавательной деятельности, реализуются в языке в форме различных знаков. Таким образом, ведущей функцией языка служит когнитивная, на основе которой только и возможна коммуникативная функция. Исходя из принятой в теории лингвистики дихотомии *язык — речь* можно предположить, что языку свойственна когнитивная функция закрепления в определённых знаках результатов познания окружающей действительности, а речи — коммуникативная, позволяющая передавать информацию о мире в процессе общения в виде принятой в данном языке системы кодирования. В речевой деятельности, то есть в функционировании языка в ситуации коммуникации, интегрируются процессы обобщения и общения. Когнитивная и коммуникативная функции взаимно обусловлены и кроссбредны. Язык выступает как способ фиксации отражённых операций, к которым относятся моделирование, установление связей и отношений между объектами и составляющими объекта, получение выводных данных и само выводное знание, неразрывно связанных с повседневной практикой. В результате возникает языковая модель действительности, являющаяся той основой, на которой формируется языковая картина мира. Сказанное позволяет рассматривать языковую систему в виде инструмента для описания через посредство языковой модели мира языковой картины мира. Создание последней связано с культурой.

Язык и культура, будучи формой общественного сознания, тождественны и в генетическом плане — возникли практически одновременно при освоении вмещающего пространства, и в ма-

териальном — знаковые системы, и в функциональном — преимущественная направленность на раскрытие закономерностей взаимодействия грамматических единиц, лексики и контекста. Системы функционирования языковых средств, служащих для передачи смысла высказывания, способствуют определённому типу освоения действительности. Взаимоотношения языка и культуры опосредуются сознанием, той когнитивной структурой, которую выработало человечество в процессе эволюционного приспособления к окружающей действительности. Культурные знания проявляют себя в языке как в семиотическом коде. Связь с семиотическим кодом проявляется в реализации культурой парадигматической, синтагматической, ассоциативной и деривационной систем языка, благодаря которым фиксируются и хранятся знания о мире. Связь с речью возникает при передаче культурных знаний, призванных нормировать поведение человека в соответствии с ценностями, принятыми в данном обществе и актуальными для него. И та, и другая связь предназначены для осмысления реальности и ориентации в ней.

Немаловажным аспектом связи языка и культуры выступают процессы номинации, дефинирующие знания о действительности в языковых знаках. Язык, будучи важнейшим средством формирования и бытования знаний человека о мире, отражает в языковой системе, понимаемой как совокупность определённым образом соотносящихся знаков и правил их функционирования, результаты когнитивной деятельности, на основе чего формируется картина этого мира, интерпретируемая познающим сознанием с точки зрения возможности адаптации к действительности. В языковой картине мира представлен некий объём знаний, зафиксированных в языковой форме об объектах действительности и их свойствах в виде понятий, отражающих натур-, арте- и ментифакты, задающих нормы поведения человека. Натур- и артефакты в разнообразии и разноаспектности их отношений друг к другу фиксируются в языке в знаках, призванных отображать явления действительности, данные в непосредственном чувственном восприятии; ментифакты характеризуются умозрительностью, интерпретацией, наращением некоего культурного смысла, актуального для ориентации и выживания в мире. Таким образом, концептуальная система, отображённая в виде языковой картины мира, представляет собой трансляцию культурного опыта этноса в виде языковых знаков. Картина мира, закодированная языковыми средствами, задаёт, обуславливает его отношение к действительности и связана с культурой определённого этноса.

Каждый язык отражает некий способ восприятия и организации мира — его концептуализации. Следовательно, роль языка определяется не столько коммуникативной функцией, сколько когнитивно-прагматической, выражающейся во внутренней организации того, что подлежит сообщению в соответствии с системно-структурной организацией языка. Язык фиксирует коллективные стереотипы и эталонные представления, объективирует интерпретирующую деятельность человеческого сознания и делает её доступной для изучения в виде формальных категорий. Он представляет собой знаковую систему, служащую для кодирования информации при передаче и декодирования при получении при помощи определённых знаков и правил их функционирования (фонемы, морфемы, лексемы, граммы, а также грамматическое значение).

Являясь сложным целым, состоящим из отдельных, но взаимосвязанных и взаимообусловленных частей, язык представляет собой систему — сложное единство, в котором могут быть выделены составные части (элементы) и схемы связей или отношений между элементами (структура), последовательно проявляющиеся в общих свойствах и закономерностях строения, семантики и функции элементов разных уровней [3: 7–9]. Под системой языка А. Е. Карлинский понимает “совокупность взаимно связанных единиц, свойство которой не равняется сумме свойств этих единиц”, а под структурностью языка — “характер отношений между единицами и уровнями языка” [2: 16–17]. Типы отношений между единицами отдельных уровней системы называются планами: парадигматические отношения — совокупность ассоциативных отношений между единицами одного уровня в отдельности, синтагматические — линейные связи между единицами данного уровня, правила сочетаемости единиц в речевой цепи. Язык как система в виде совокупности языковых единиц, обуславливающих и обусловленных познающим характером сознания человека, выступает, следовательно, инструментом получения, хранения и передачи объективированных знаний об окружающей действительности. Познавательная деятельность, таким образом, репрезентируется в языковой системе и в языковой модели мира. В триаде “языковая система — языковая модель мира — языковая картина мира” языковая

модель являється необхідним звеном, зв'язуючим мовну систему з мовною картиною світу. Мовна система виникає внаслідок формування словесно-логічного типу мислення і являється його своєобразною проекцією. Разом з тим прямого відповідності між одиницями мислення і відносними до них одиницями мови немає: в одному і тому ж мові одна думка, репрезентуюча поняття і предмети (денотати), може бути оформлена різними мовними засобами (мовними знаками і правилами їх функціонування), а одні і ті ж мовні засоби можуть бути використані для оформлення різних денотатів. Моделирування мислительного змісту за допомогою мовних засобів здійснюється в межах мовної моделі світу, під якою ми розуміємо конструювання за допомогою мовних знаків еталонних представлень про предмети, явища, з якими людина даної етнічної приналежності протягом життя зустрічається частіше, ніж з іншими. Реальність буття в цілому формує певну стабільну мовну модель відображення об'єктивної дійсності. В змістовому (понятійному) плані, репрезентуємому лексикою мови (в меншій ступені граматики), визначається картина світу даної етнічної спільноти — джерело всіх культурних феноменів. Це своєобразие дозволяє розрізняти національні культури, виявляти їх, розподіляти їх на рівні світової культури. «Мовна картина світу — вироблене багатовіковим досвідом народу і здійснюване засобами мовних номінацій зображення всього існуючого як цілісного і багаточастного світу» [4: 15].

І мовна система, і мовна модель світу, і мовна картина світу є уявними, існуючими в гранично абстрагованій формі. Когнітивна діяльність пізнаючого свідомості необхідно веде до категоризації і концептуальності як способам упорядкування знань про світ і виявлення закономірності економії мовних засобів. Категоризація дозволяє оптимізувати мовні знаки в формі різних страт. Концептуальність передбачає використання лексических одиниць з набагато більшою семантикою: слово стає більшим, приростає культурним змістом. В результаті приращення до слова культурного змісту виникає концепт, який, за думкою багатьох дослідників, і лежить в основі мовної картини світу [4].

Категоріальний зміст репрезентується категоріальним значенням лексико-грамматических, граматических і синтаксически виявляемих категорій. Категоризація і концептуалізація відрізняються ступенем абстрагованості, узагальненості передачі визначеного змісту, а також самим способом передачі. Відповідно, мовна система відрізняється від мовної картини світу тими ж ознаками. Системність передбачає ієрархічність, підпорядкованість, включення одних знаків системи в інші шляхом парадигматических, синтагматических, асоціативних і дериваційних відносин; концептуальність же передбачає розширення плану змісту знака при збереженні плану вираження шляхом асоціативних і семантико-дериваційних відносин. Категорія дозволяє створювати на основі слів і асоціювати з ними не тільки узагальнені предмети про предметах, але і поняття будь-якого ступеня узагальненості і абстрактності. Процес мовного вираження мислительного змісту обумовив створення в граматическому ряді формальних категорій, частково відносних до деяких категорій мислення. Наприклад, підлежащее, сказуемое, доповнення і визначення приблизно відповідають змістовим категоріям суб'єкта, предиката, об'єкта і атрибута, які так яскраво виявляються в вигаданому Л. В. Щербой реченні про 'глоку кудре'. Разом з тим в граматическому ряді мови розвиваються обов'язкові для кожної частини мови формальні категорії, які не мають аналогів категоріям мислення: род, визначеність/невизначеність, вид виникають в результаті обумовленого системним характером мови розширення на всі слова визначеної частини мови формальних ознак, які не завжди актуальні для мислення. Грамматическа семантика таких категорій мовними не усвідомлюється і нерідко не включається в конкретний зміст думки. Специфіка мовної системи виявляється в її переважній спрямованості на розкриття закономірностей взаємодії граматических одиниць, лексики і контексту, системи функціонування мовних засобів, служачих для передачі змісту висловлювання. Функція мовних засобів розуміється як властива їй в мовній системі здатність до виконання визначеного призначення.

Концептуалізація притаманна мовній моделі як неотъемлемая її характеристика і репрезентується двома способами представлення концептуального змісту: лексическим і фра-

зеологическим. Цель концептуализации заключается в создании когнитивной модели познания непознанного через познанное, что и обуславливает понимание и принятие концептуализированного понятия этническим сознанием. Концепт моделируется в виде фрейма, репрезентирующего фрагмент действительности.

Смысл есть посредник при соотнесении языкового выражения с действительностью, одновременно это и результат концептуализации действительности, в результате которой формируется языковая картина мира. Языковая модель мира играет важнейшую роль в выборе концептуализации.

Таким образом, языковая система и языковая картина мира взаимосвязаны и взаимообусловлены при посредстве формируемой познающим сознанием языковой модели мира: как языковая модель обуславливает классы и иерархии классов сущностей, так и языковая система обуславливает классы и иерархии классов слов и признаки классов слов, приписываемые им мыслительными процессами. Единицей языковой системы служит знак, языковой картины мира — концепт, языковой модели мира — слово во всей совокупности своих значений.

Результаты размышлений, фиксирующие, что "этнос думает" и почему думает именно так, закодированы в слове, семантика которого дефинирует когнитивно-смысловое пространство в рамках культуры. Менталитет, общественное сознание народа формируется во многом под влиянием языковой картины мира, которая, хотя и является в известном смысле наивной, служит отражением познающего сознания в условиях определённого вмещающего ландшафта. Как познающее сознание воздействует в семасиологическом процессе на появление того или иного слова во всей совокупности его значений, так и слово в ономазиологическом аспекте фундирует процесс познания. Языковая картина мира наивна по своему генезису, когнитивна по функциональности и ментальна для носителя языка. В ней преобладает предметный способ восприятия, поэтому номинация является сутью моделирования языковой картины мира. И как любая номинация, концепт встраивается в языковую модель мира по закономерностям данной языковой системы. Связь языка и культуры осуществляется посредством семиотической системы, специфической чертой которой выступает интеграция языкового знака и культурного смысла, актуального для данной этносистемы и адекватного её пониманию и конструированию объективной действительности.

Феномен культуры, следовательно, служит основополагающим фактором порождения значений — семиозиса, на основе которого формируются языковые значения как условие функционирования слов и языка и на их основе языковой картины мира путём транслитерации языковой модели мира.

1. Демьянков В. З. Когнитивизм, когниция, язык и лингвистическая теория // Язык и структура представления знаний. — М., 1992. — С. 39-77.
2. Карлинский А. Е. Принципы, методы и приёмы лингвистических исследований. — Алматы, 2003.
3. Попова З. Д., Стернин И. А. Лексическая система языка: Внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы изучения. — Воронеж, 1984.
4. Шведова Н. Ю. Теоретические результаты, полученные над "Русским семантическим словарём" // Вопросы языкознания. — 1999. — № 1. — С. 10-17.

Z. Zh. Iskakova, G. A. Yermeeva

LINGUAL SYSTEM IN ITS RELATION TO THE LINGUAL PICTURE OF THE WORLD

The article deals with such definitions as the linguistic system, linguistic world picture, and authors set a linguistic status of these words and define the parameters of similarities and differences of these definitions. For this aim a new definition "linguistic model of the world" was found as a transferring link from linguistic system to linguistic world picture.

Key words: linguistic system, linguistic model of the world, linguistic world picture, sorting out, conceptualization, semiosphere, lingual semiosphere.

З. Ж. Іскакова, Г. О. Єремєєва

МОВНА СИСТЕМА У ЇЇ СПІВВІДНЕСЕННІ З МОВНОЮ КАРТИНОЮ СВІТУ

У статті зроблено спробу дефініювати такі поняття, як мовна система, мовна картина світу, визначити їхній лінгвокогнітивний статус, параметри спільності та відмінності. З цією метою введено поняття “мовна модель світу” як перехідна ланка від мовної системи до мовної картини світу.

Ключові слова: мовна система, мовна модель світу, мовна картина світу, пізнавальна свідомість, категоризація, концептуалізація, семіосфера, лінгвосеміосфера.

УДК 81'42–13

О. Н. Кушнір

К вопросу о лингвоконцептологическом анализе текста

В статье ставится вопрос о необходимости определения методики лингвоконцептологического анализа текста, отличной от разработанных методик анализа художественного текста и методик прагмалингвистического типа. Рассматривается также проблема отбора текстов для лингвоконцептологического анализа. В качестве примера взята проза Михаила Жванецкого.

Ключевые слова: динамическая лингвоконцептография, методика анализа текста, художественный текст, лингвистическая прагматика, Михаил Жванецкий.

Источниками динамической лингвоконцептографии, безусловно, должны выступать тексты всех стилей, включая вновь складывающиеся “религиозно-публицистический” и “бульварный”, — последние два, вероятно, в первую очередь, как очевидные “зоны ближайшего развития” концептосферы русского языкового сознания и нашего национального менталитета, в которых наиболее наглядно выражается его актуальная противоречивость и с которыми напрямую связаны проблемы информационной безопасности. Заметим, что бульварный и религиозно-публицистический стили как феномены речевой деятельности не являются чем-то принципиально новым. Между тем необходимость признания факта их существования и вытекающей из этого признания необходимости разработать специфический понятийный аппарат и исследовательский инструментарий до сих пор в современной лингвистической русистике не осознана.

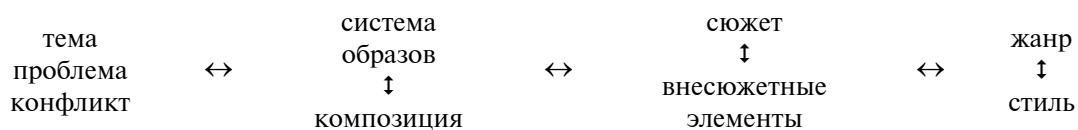
Методика лингвоконцептологического анализа по необходимости оказывается специфичной, и её предстоит выработать. К настоящему времени достаточно разработанными можно считать лишь методики анализа художественного текста и методики прагмалингвистического типа.

Сверхзадача анализа художественного произведения (как и любого связного и цельного текста) — найти его основную “идею”, выявить и охарактеризовать “идейное содержание”.

Что представляет собой *идея* как категория, составляющая фундамент филологического анализа содержательности текста? По школьному определению, *идея произведения* — это “основной принципиальный смысл произведения, выступающий через всё единство его образов” [8: 57].

Понятие “идея” — это “знак отчаяния”, наподобие тире в русской пунктуации. Не знаешь точно, какой знак препинания поставить или какое именно содержание обнаружилось в ходе размышления над текстом — ставь тире, говори “идея в том, что...”. Пусть будет не совсем точно, однако и придраться мудро. Не случайно авторы словаря литературоведческих терминов, адресованного уже не школьникам, а учителям-словесникам, понятие “идея” не включили. Есть статья “идейность”, но нет статьи “идея”. *Идейность* трактуется как “...выражение авторского отношения к изображенному, соотносению этого изображенного с утверждаемыми писателем идеалами жизни и человека” [9: 92]. “Отношение” как словарный идентификатор позволяет в качестве “идеи” озвучивать что угодно.

Алгоритм анализа художественного произведения, как правило, строится на основе следующих понятий:

Начинать анализ можно с любой точки: сюжета или конфликта, жанра или системы образов, что хорошо просматривается уже в стандартизированной тематике школьных сочинений по литературе. “Художественная идея” как то главное, ради чего, собственно, создавалось и существует художественное произведение, в этом алгоритме не находит определённого места. “Идея” — во всём, в конечном счёте, она не что иное, как “концепция целого”.

В основе прагмалингвистического анализа лежит другой подход: в предельно обобщённой формулировке — “от лексико-грамматического смысла (ключевого) предложения/высказывания — к интенциональности говорящего /пишущего”.

Лексико-грамматический смысл предложения составляет основу тех дополнительных контекстуально-ситуативных смыслов, которые предложение, становясь высказыванием, приобретает в конкретной речевой ситуации. Основные понятия прагмалингвистики — *интенциональность* и *речевой акт* (речевое действие).

Стандартизированный перечень частных вопросов, подлежащих рассмотрению в рамках лингвистической прагматики и принятый как в отечественной, так и в мировой практике, представлен в “Лингвистическом энциклопедическом словаре” (статья “Прагматика”) [7: 390]. Основные вопросы, которые необходимо рассматривать в случае лингвоконцептологического анализа, вероятно, следующие:

- 1) субъект (“языковая личность”);
- 2) объект(ы);
- 3) причины, обусловившие создание текста и его роль в лингвокультуре, сводящиеся в конечном счёте к актуализации тех или иных концептов;
- 4) интенциональность (нацеленность), а именно: а) пассивная, не связанная с конкретными проявлениями на уровне поступков, ограничивающаяся лишь словесным выражением; б) активная, связанная со стремлением или планированием возможных поступков, реализующих те или иные концепты в конкретных поведенческих актах;
- 5) модальность, то есть качественное своеобразие, а именно: а) глубина и сила эмоциональной окраски концепта; б) сочетание со смежными эмоциями; в) возможность эмоционального воздействия на реципиента (его “заражения”);
- б) своеобразие языкового выражения предшествующих элементов (1–5).

Очевидным образом возникает проблема отбора текстов для лингвоконцептологического анализа. Проведенный нами опрос квалифицированных литературоведов, специализирующихся на современной отечественной художественной литературе, показал, что рубеж XX–XXI вв. у специалистов не ассоциируется со сколько-нибудь однозначными именами. Называли Астафьева, Распутина, Маканина, даже Леонова, Пришвина и других, но при этом подчеркивали, что “голосом поколения” именно начала нового столетия с полной уверенностью назвать никого нельзя. Аналоги: Пушкин для начала XIX в., Высоцкий для второй половины XX в. — ныне отсутствуют.

Сожалеть об этом, наверное, не стоит. Представляется целесообразным искать “голос поколения” не среди прозаиков или поэтов, что естественно для филологической практики, а в иной сфере. В качестве варианта представляется возможным обратиться к феномену прозы М. М. Жванецкого.

У каждого времени свои герои и свои писатели. Кто истинный герой и кто подлинный “глас народа”, выясняется не сразу. Рубеж XX–XXI вв. — ситуация, когда общепризнанного лидера в отечественной словесности нет.

Афоризмы Жванецкого давно воспринимаются как фольклорный юмор, его эстрадным миниатюрам смеются уже почти полвека — со времен Аркадия Райкина, но в литературных кругах как писатель он не признан.

Лингвоконцептологически его творчество можно было бы охарактеризовать как “русский менталитет в исполнении Жванецкого”; с точки зрения академического филологического знания, он не вписывается в устоявшиеся жанровые каноны, его миниатюры смешны только в хо-

рошем исполнении — как “устная словесность”, а будучи напечатаны, воспринимаются чаще всего как ироническая проза с публицистическим или философским подтекстом.

“На зеркало неча пенять, коли рожа крива. *Народная пословица*”, — этот гоголевский эпиграф к “Ревизору” вполне приложим к прозе современных сатириков и юмористов, секрет успеха которых тот же, что у Гоголя, — узнаваемость персонажей.

Гоголь был, наверное, единственным, кто воспринял успех первой постановки “Ревизора” как провал. Ожидания, что знаменитая реплика Городничего “Чему смеёте? — Над собою смеётесь!” [5: 2, 412] будет воспринята зрителями именно как обращённая к ним, не оправдались. Надежды, что условный уездный город, где происходит действие комедии, будет осмыслен как жизнь каждого, что страсти и пороки чиновников гнездятся в душе любого, — не сбылись [4]. “Ревизора” приняли именно как комедию, не уловив жанровой неоднозначности, многослойности.

Явно гоголевская традиция. Несомненно, вслед за Гоголем мог бы и Жванецкий воскликнуть: “И долго ещё определено мне чудной властью идти об руку с моими странными героями, озирать всю громаднонесущуюся жизнь, озирать её сквозь видный миру смех и незримые, неведомые ему слезы!” [5: 2, 116]. Суть гоголевского смеха сквозь слёзы хорошо понимали его современники, начертавшие на надгробной плите слова: “Горьким словом моим посмеюся”. Эти слова обычно приписывают пророку Иеремии, хотя в действительности они являются перифразом: “смеётся” не Иеремия, а смеются — над ним: “...я каждый день в посмеянии, всякий издевается надо мною. Ибо лишь только начну говорить я, — кричу о насилии, вопию о разорении, потому что слово Господне обратилось в поношение мне и в повседневное посмеяние” (Иер. 20, 7–8). Гоголь скорее плакал, чем смеялся, тогда как его читатели смеялись — поначалу над его персонажами, а в конце жизни над ним самим.

Глубокой печалью пронизан и смех Жванецкого. Совсем не случайно слушать его монологи в исполнении с эстрады — смешно, а читать — грустно: в фокусе читательского восприятия не персонаж, не “маска”, но авторская позиция.

“Но как все любят хохотать!

И особенно я, Михал Михалыч.

Я любой повод ищу.

А найдя, хохочу на всю катушку..

Вы ведь тоже, правда, Михал Михалыч?

— Нет, моя любимая. Я как раз люблю плакать, а чуть больше повод — и порыдать. Но что мне делать, если от этого все смеются...” [6: 5, 271].

Художественный метод Жванецкого следует, вероятно, определить как **интеллектуальный реализм**, суть которого специалисты по теории литературы усматривают в следующем: “*В произведении интеллектуального реализма разворачивается драма идей и персонажи в лицах “разыгрывают” мысли автора, выражают различные стороны его художественной концепции.* Интеллектуальный реализм предполагает концептуально-философский склад мышления художника. *Если психологический реализм стремится передать пластику движения мыслей, раскрывает диалектику души человека, взаимодействия мира и сознания, то интеллектуальный реализм стремится художественно доказательно решать актуальные проблемы, давать анализ состояния мира*” [2: 447]. Традиции интеллектуального реализма связаны с Дефо и Герценом (“Былое и думы”), Свифтом и Чернышевским (“Что делать?”), с Радищевым и “романами идей” Достоевского (“Преступление и наказание”, “Идиот”). Жанры разные, а существо метода — в “произведении-концепции”. Своеобразие Жванецкого на предшествующем литературном фоне в том, что философский, концептуальный элемент в его художественном мышлении не вытесняет эмоциональную составляющую, но органически с ней сопрягается. Это “модернизированный” реализм, основывающийся не на подразумеваемом, а на явном, сценически-открытом диалоге с читателем, на разговоре лицом к лицу.

“Энциклопедия русской жизни” — устоявшаяся характеристика “Евгения Онегина”. Однако эта оценка вполне приложима и к роману “Война и мир”, и к творчеству Высоцкого — “*лирической эпопее*, в которой, в продолжение пушкинской традиции, нашли свое выражение “*век и современный человек*”” [3: 3], и к творчеству Жванецкого — своеобразной *юмористической эпопее* русской жизни конца XX — начала XXI вв.

“Громаднонесущая жизнь” у Жванецкого освещается эпически — но не в традиционных жанрах романа или поэмы (как “Мертвые души”), а в смысле широты юмористического и сатирического охвата “человеческого материала” в его обусловленности чертами русского национального характера.

Салтыков-Щедрин создал *сатирическую* эпопею, Жванецкий — *юмористическую*.

“*Сатира* является эстетическим освоением неполноты личностного присутствия “я” в миропорядке, т.е. такого несовпадения личности со своей ролью, при котором внутренняя данность индивидуальной жизни оказывается уже внешней заданности и неспособна заполнить собой ту или иную ролевую границу. <...> Сатирический художник обретает право на пророческое слово суда над субъективной стороной жизни ценой искупительного самоосмеяния...” [10: 472–473].

Юмор, комическое развивается на почве карнавала как “второй жизни народа, организованной на начале смеха” — его праздничной жизни [1: 13], внеположной обыденному миропорядку. Дурак, шут, чудак, плут — основные типы комических личностей.

В основе комического характера — “разрыв между внутренней и внешней сторонами “я-в-мире”, между лицом и маской”, который “может вести к обнаружению подлинной индивидуальности... Юмористическая апология индивидуальности достигается не путем патетического утверждения ее самооценности (трагизм), а лишь ее обнаружением в качестве некой внутренней тайны, несводимой ни к каким шутовским маскам” [10: 475].

“В отличие от сатирического, героя юмористического смех не уничтожает” [10: 475].

“Однако комические эффекты могут и не обнаруживать лица под маской: на месте лица оказывается “органчик”, как у градоначальника из “Истории одного города” М. Е. Салтыкова-Щедрина. Такого рода комизм уместно именовать *сарказмом*... Здесь маскарадность жизни — это не мнимая роль в миропорядке, а мнимая личность. Саркастическое “я” есть нулевое “я”, неспособное к присутствию в мире без маски...” [10: 476].

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. — М.: Худ. лит., 1990.
2. Боров Ю. Б. Интеллектуальный реализм // Теория литературы. Т. 4. Литературный процесс / Гл.ред. Ю. Б. Боров. — М.: ИМЛИ РАН; “Наследие”, 2001.
3. Волкова Н. В. Авторское “я” и “маски” в поэзии В. С. Высоцкого: Автореф. дис. ... канд. филол. н. — Тверь, 2006.
4. Воропаев В. Над чем смеялся Гоголь. О духовном смысле комедии “Ревизор”// Православная беседа. — 1998. — № 2 // <http://www.wco.ru/biblio/books/vorop1/Main.htm>.
5. Гоголь Н. В. Избранные произведения: В 2 т. — Т. 2. — Киев: Дніпро, 1983.
6. Жванецкий М. М. Собрание произведений: В 5 т. — М.: Время, 2009.
7. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Яреца. — М., 1990.
8. Литература: Справочные материалы: Книга для учащихся / С. В. Тураев, Л. И. Тимофеев и др. — М.: Просвещение, 1989.
9. Словарь литературоведческих терминов / Ред. — сост. Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. — М.: Просвещение, 1974.
10. Тюпа В. И. Художественность // Введение в литературоведение / Под ред. Л. В. Чернец. — М.: Высш. шк.; Изд. центр “Академия”, 1999.

O. N. Kushnir

LINGUOCONCEPTOLOGICAL TEXT ANALYSIS

The article brings up a question about necessity of linguoconceptological text analysis procedure definition, which differs from present methods of literary text analysis and pragmalinguistic procedures. The problem of text selection for linguoconceptological analysis is considered. Prose of M. Zhvanetsky is exemplified.

Key words: dynamical linguoconceptography, analysis text procedure, literary text, linguistic pragmatics, M. Zhvanetsky.

О. М. Кушнір

ДО ПРОБЛЕМИ ЛІНГВОКОНЦЕПТОЛОГІЧНОГО АНАЛІЗУ ТЕКСТУ

У статті автор ставить питання про необхідність визначення методики лінгвоконцептологічного аналізу тексту, яка відрізняється від розроблених методик аналізу художнього тексту та методик прагмалінгвістичного типу. Розглянуто також проблему відбору текстів для лінгвоконцептологічного аналізу. Для прикладу було взято прозу Михайла Жванецького.

Ключові слова: динамічна лінгвоконцептографія, методика аналізу тексту, художній текст, лінгвістична прагматика, Михайло Жванецький.

УДК [811.161.1'351:7.011:82–1“19”

А. И. Заикина

Пространственная картина мира в текстах белгородских поэтов

Статья посвящена категории пространства как базовой категории когнитивной лингвистики, которая актуализируется в последние десятилетия вследствие смены научных парадигм. Автор рассматривает связь когнитивной лингвистики и языка как основного способа выражения знаний о мире. Исследуются особенности региональной картины мира, которая репрезентируется белгородскими поэтами.

Ключевые слова: пространство, когнитивная лингвистика, региональная картина мира.

Художественное пространство, являющееся образной моделью действительности, формируется говорящим и является результатом его выбора, обусловлено определенной авторской установкой, жанром произведения, временем изображаемого события, временем написания художественного текста и даже настроением писателя; это одна из форм эстетической действительности, творимой автором.

В художественном тексте, с одной стороны, находят отражение все существенные свойства Пространства как объективной бытийной категории, ибо в тексте отражается реальный мир. С другой стороны, репрезентация Пространства в каждом отдельном художественном тексте уникальна, так как в нём воссоздаются творческим мышлением, фантазией автора воображаемые миры.

В художественном тексте выявляется осмысление пространственных координат с позиций определенного эстетического идеала. При этом, учитывая множественность голосов, точек зрения в художественном тексте, можно говорить и о множественной антропологической обусловленности изображенного Пространства с точки зрения субъекта — автора художественного текста и с точки зрения субъектов — персонажей текста. Пространство является доминантной категорией текста. При интерпретации художественного текста следует говорить о художественном пространстве.

Под художественным пространством мы понимаем “образную модель действительности, формирующуюся говорящим и являющуюся результатом его выбора, обусловленную определенной авторской установкой, жанром произведения, временем изображаемого события, временем написания художественного текста и настроением писателя” [1: 20].

Что касается типов художественного пространства, учёные выделяют реальное художественное пространство и ирреальное (оно дифференцируется на астральное (небесное), inferнальное (относящееся к аду), волшебное и фантастическое, пространство Зазеркалья) [2: 223].

Специфика пространственной картины мира определяется принадлежностью текста к определенному литературному направлению и эстетическими идеалами автора. Для поэтических текстов белгородских поэтов характерна разветвленная усложнённая пространственная картина мира, указывающая на максимально сложный внутренний мир. В рамках простран-

ственной парадигмы нами анализировалось реальное пространство в текстах белгородских поэтов-мужчин, его координаты, способы передвижения и методология языковых репрезентаций. Основным языковым средством, создающим картину передвижения в пространстве, являются глаголы.

Все глаголы пространственной локализованности можно разделить на две группы: глаголы, выражающие динамическую локализованность (движение, перемещение), и глаголы, выражающие статическую локализованность (позиционирование, изменение положения). Например:

*Осень к нам **пришла** по бездорожью,
По поблекшей луговой траве.*

Н. Молчан

*От грозы **свернул** с дороги
В ближайший хуторок.*

А. Форов

*Как хорошо же **лечь** и слушать
Природы вечный разговор.*

В. Лиманский

Глаголы движения являются доминирующими в поэтических текстах. Каждый глагол, указывая на перемещение в пространстве, называет степень интенсивности движения. Для пространственной картины мира белгородских поэтов, в целом, характерна низкая степень интенсивности движения. Например:

*Когда ты меня прогнала,
Как долго я **брёл** до вокзала.*

В. Волобуев

Низкая степень интенсивности движения исконно была наиболее приемлемой в славянской культуре, так как она демонстрирует стремление к раздумью и созерцательности. В белгородской поэтической пространственной картине мира представлено и интенсивное движение, возможны также и переключения скоростных режимов передвижения в пространстве. Изменение интенсивности движения соотносится с внутренней дисгармонией автора; так, в текстах С. Ташкова степень интенсивности движения постоянно меняется:

*Над бездной **катится** клубок
саднящих нервов.
Летит на мельницу поток,
вращает жернов.*

В текстах белгородских поэтов-мужчин представлена сложная анаграмма изменений положения в пространстве. В реальном художественном пространстве наиболее активное перемещение происходит по вертикали, процесс перемещения координируется при помощи предлогов и наречий-интенсификаторов, которые уточняют пространственные координаты:

*Вот птица **бросилась** с небес,
Вот в небо устремился лес...*

А. Филатов

Важную роль в оформлении пространственных отношений играют наречия места или направления действия: *здесь, там, вверху, внизу, вперёд, назад*:

*Где **катилась** волна цвета хаки,
Там от крови земля
Бура.
Хиросима и Нагасаки —
Это только проба пера.*

М. Кулижников

Они легко преобразуются в производные предлоги. Однако вторичный предлог, произведённый от наречия, сохраняет значение пространственного указателя. Такую же роль выполняют

и многие первичные предлоги. Они могут указывать движение к объекту, перемещение в пространстве в обратном направлении, движение с поверхности предмета, на поверхность, между предметами; местонахождение:

*Высоко,
гортанно затрубила
Осень над просторами земли,
Улетели к голубому Нилу
Журавли...*

И. Чернухин

Таким образом, предлоги играют немаловажную роль в образовании пространственных значений, они формируют пространственную картину мира.

В реальном художественном пространстве принято выделять две координаты: вертикальную и горизонтальную. Каждый поэт выбирает для себя тот радиус зрения, который в наибольшей степени отвечает его восприятию окружающего мира. Так, белгородские поэты Н. Гладких, А. Авдеев, В. Волобуев используют в основном горизонтальные координаты пространства.

*Я иду по берёзовой роще,
Мне приятно сюда прибегать.
Сердцу здесь и светлее и проще,
Здесь весной одна благодать.*

А. Авдеев

К воспроизведению вертикальных координат пространства склонны С. Ташков, А. Гириявенко, И. Чернухин:

*Кто милей небесам — это бредни.
Над Россией своей, как звезда
ты не первым взойёл, но последним
ты не будешь уже никогда.*

С. Ташков

Для поэта А. Гириявенко близка сложная пространственная картина мира с разнонаправленным движением:

*В солнечном мареве сонном
Пыльные дремлют цветы.
Выцело небо бездонное,
Смотрит на них с высоты.*

Наиболее распространённым семантическим подполем для белгородских поэтов является подполе глаголов вертикального перемещения сверху вниз, которое встречается в текстах каждого из рассматриваемых нами поэтов: *бросилась* с небес (А. Филатов), *опустился* на дно (А. Гириявенко), *осыпалась* листва (В. Волобуев), *падаешь* без сил (Н. Молчан), *сыплет* листьями лес (А. Алексейченко), капли чувств *роняю* (В. Лиманский), *поднял* орешек (М. Дьяченко), солнце *взошло* (В. Михалёв), снега на землю *нисходили* (Г. Островский), камни *упали* (В. Молчанов), *взвился* над заводью (Н. Гладких), *падали* руки (А. Машкара), *вытали* ведра из рук (В. Волобуев). Выявленный способ перемещения в пространстве характерен для славянской культурологической традиции, что указывает на внутреннее, генетически обусловленное восприятие картины мира: русская картина мира — это перемещение по вертикали сверху вниз.

Сложная пространственная картина мира соотносится со сложным внутренним миром автора, который находится в непрерывном поиске идеала и истины. В горизонтальном пространстве принято выделять дополнительные характеризующие параметры: круговое и панорамное пространство. Круговое пространство — это пространство, обозреваемое автором, в котором он непосредственно пребывает:

*Мороз стоит в моём саду,
Я в нём гуляю без опаски.*

В. Волобуев

Панорамное пространство — это удаленное, наблюдаемое, представляемое пространство:

*Две прямые сходятся, пересекаются,
И расходятся, как наши судьбы.*

В. Череватенко

Круговое пространство заметно доминирует в мужской белгородской поэзии, это пространство преобладало в поэзии золотого века, оно также характерно и для текстов Библии, что указывает на тяготение к славянской пространственной картине мира. Для описания этих пространств белгородские поэты используют перекрестную перспективу, которая содержит в описании указание на все или на отдельные стороны света, на географические или геометрические параметры: *на севере — на юге — на востоке — на западе; направо — налево, впереди — сзади, с одной стороны — с другой стороны, за ним — передо мной* и другие. Белгородские поэты довольно часто прибегают к использованию этой перспективы:

*Слева —
пропасть, свинец и безбожье;*

*Справа —
пустошь, измена, отравы.*

И. Чернухин

*Клонит к югу
Ветром северным
Раскосый парус журавлей.*

В. Михалёв

Горизонтальное пространство заметно преобладает в творчестве белгородских поэтов. Но, тем не менее, в их лирике можно встретить использование вертикальных координат, которые указываются с помощью глаголов, имеющих значение передвижения сверху вниз или снизу вверх, противопоставление земли и неба, использование таких показателей, как высота, выше, книзу, вниз, ниже:

*И когда их, брошенные наземь,
Поднимает шёпотом поэт,
Предстаёт он с ними перед князем,
И обоим утешенья нет.*

Н. Гладких

Итак, в белгородской мужской поэзии чётко вырисовывается славянская пространственная картина мира, для которой характерно медленное “созерцательное” передвижение в пространстве, передвижение по вертикали сверху вниз, активное нахождение в круговом, а не в панорамном пространстве. Мужская пространственная картина мира четко координируется, что соответствует большей степени проявления логики при создании пространственных реалий.

1. Тураева З. Я. Лингвистика текста. — М.: Просвещение, 1989.

2. Папина А. Ф. Текст: его единицы и глобальные категории. — М.: УРСС, 2002.

A. I. Zaikina

THE SPACE PICTURE OF THE WORLD IN THE BELGOROD POEMS

The category of the space is the basic category of the cognitive linguistics. The regional culture is connected with the picture of the world. Belgorod poets reflect the regional picture of the world.

Key words: space, cognitive linguistics, representation of the world picture.

А. І. Заїкіна

ПРОСТОРОВА КАРТИНА СВІТУ В ТЕКСТАХ БІЛГОРОДСЬКИХ ПОЕТІВ

Статтю присвячено категорії простору як базовій категорії когнітивної лінгвістики, що актуалізується останнім часом унаслідок зміни наукових парадигм. Авторка розглядає зв'язок когнітивної лінгвістики та мови як основного засобу вираження знань про світ. Досліджуються особливості регіональної картини світу, що репрезентується білгородськими поетами.

Ключові слова: простір, когнітивна лінгвістика, регіональна картина світу.

УДК 811.161.1'271.1:004.891:821.161.1 Акунин.08

Н. А. Сизикова

Средства создания языковой личности в произведениях Бориса Акунина

Статья посвящена анализу средств создания языковых личностей в известных художественных произведениях Бориса Акунина. В основу исследования положена концепция данной языковой категории, предложенная Ю. Н. Карауловым. Произведена реконструкция языковых моделей мира или тезаурусов некоторых персонажей на основе произведённых ими текстов, также рассмотрены и другие особенности создания языковых личностей в романах Акунина.

Ключевые слова: языковая личность, слова-символы, ирония, языковая модель мира, историческая достоверность.

В последнее время имя Бориса Акунина, автора серийных детективов, не сходит с уст российских читателей. Содержательное обращение к русской жизни и истории, быстро развивающийся, непредсказуемый сюжет его произведений, удачная стилизация языка увлекают массовых читателей, привлекают внимание радио-, теле- и киноэкранизаторов к его романам.

Серийный детектив — это цепочка романов с “продолжением”, в которых действует один и тот же герой или группа героев. При этом каждый роман — это самостоятельное произведение.

Романы Б. Акунина вовлекают читателя в некую историко-беллетристическую и языковую игру. Автор иронизирует не только над своими героями и их поступками, но и предлагает читателю с юмором отнестись к событиям и известным людям, как современности, так и недавнего прошлого нашей страны, к жизни в целом. Ирония помогает Б. Акунину и его героям смотреть на жизнь несколько отстранённо, легко разрешать конфликты и преодолевать трудности.

Ставя перед собой цель проанализировать средства создания языковых личностей персонажей в произведениях Б. Акунина, мы решили, что концепция языковой личности, выдвинутая Ю. Н. Карауловым, обладает наибольшей объективностью для понимания исследуемого явления и предлагает наиболее удобные пути его анализа.

Ю. Н. Караулов утверждает, что современные представления о языке как объекте языкознания основываются на четырёх фундаментальных его свойствах: исторически обусловленном характере развития, психической природе, системно-структурных основах его устройства, социально обусловленном характере возникновения и употребления [6: 3–11].

Введение категории языковой личности в круг лингвистического анализа позволяет интегрировать относительно самостоятельные свойства языка. Языковая личность как объект лингвистического изучения позволяет рассмотреть все четыре указанные парадигмы во взаимодействии. Языковая личность — это углубление, развитие, насыщение дополнительным содержанием понятия личности вообще. По определению, языковая личность есть личность, выраженная в языке и через язык, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств. Языковая личность начинается тогда, когда выявляются её интеллектуальные силы и когда она становится объектом анализа, интеллектуальные характеристики выдвигаются на передний план, так как интеллект наиболее интенсивно проявляется в языке и исследуется через язык.

Однако интеллектуальные характеристики проявляются не на всех уровнях владения языком и использования языка. Ю. Н. Караулов выделяет три таких уровня: нулевой, первый и второй. На уровне ординарной языковой семантики, на уровне смысловых связей слов, их сочетаний и лексико-семантических отношений ещё нет возможности для проявления индивидуальности. Иногда на этом уровне можно лишь констатировать нестандартность вербальных ассоциаций, которые сами по себе ещё не дают сведений о языковой личности, о более сложных уровнях её организации. Следовательно, языковая личность начинается тогда, когда в действие вступают индивидуальные интеллектуальные силы, и первый уровень её изучения (после нулевого) — это выявление и установление иерархии слов и ценностей в картине мира, в её тезаурусе. Тезаурус условно состоит из двух частей — ядра (неизменяемой части), то есть национально-культурных ценностей определённой нации, к которой принадлежит языковая личность, и вариативной части — её личных приоритетов в выборе жизненных ценностей и смыслов.

Второй, более высокий по сравнению с первым, уровень анализа языковой личности включает в себя выявление и характеристику мотивов и целей, движущих её развитием, поведением, управляющих её текстопроизводством и в конечном итоге определяющих систему смыслов и ценностей в её языковой модели мира.

На нулевом и на первом уровнях деление на относительно постоянную и изменяемую часть можно проследить довольно отчётливо. На нулевом уровне это комплекс структурных черт общенационального, общерусского языкового типа, неизменяемый “фонд” в фонологии, морфологии, синтаксисе, стилистике, лексике, семантике, который можно выделить за вычетом хорошо изученных исторической грамматикой и исторической лексикологией произошедших в языке перестроек. Эта часть обеспечивает понимание русскоязычной личностью текстов, созданных в отступающие от времени её жизни периоды, а также возможность понимания носителей различных диалектов. На высшем, мотивационном уровне всё сложнее. Неизменяемым здесь остаётся представление о смысле человеческого существования, а переменную часть составляют личные цели и мотивы. Для достраивания языковой личности от базовых, фундаментальных её составляющих до конкретно-индивидуальной реализации необходимо учесть переменные части её структуры и включить на нулевом уровне — системно-структурные данные о состоянии языка в соответствующий период; на первом уровне — социальные и социолингвистические характеристики языковой общности, к которой относится рассматриваемая личность; на втором уровне — сведения психологического плана, обусловленные принадлежностью изучаемой личности к более узкой референтной группе или частному речевому коллективу.

Полное описание языковой личности в целях её анализа и синтеза предполагает:

- а) характеристику семантико-строевого уровня её организации;
- б) реконструкцию языковой модели мира или тезауруса данной личности на основе произведённых ею текстов;
- в) выявление её жизненных и ситуативных доминант, установок, мотивов, находящихся отражение в процессах производства текстов и их содержании, а также особенностях восприятия чужих текстов.

“Вообще к языковой личности как задаче исследования, объекту изучения и исследовательскому приёму можно прийти тремя путями... Прежде всего — от психологии языка и речи, это путь психолингвистический, затем — от закономерностей научения языку, от лингводидактики, наконец, от языка художественной литературы (понимаемого в широком смысле, включая сюда и ораторскую речь, как делал это Виктор Владимирович Виноградов)” [3: 172].

В. В. Виноградов в своём докладе на четвёртом Международном конгрессе славистов в Москве в 1958 году утверждал, что изучение языка художественной литературы необходимо оформить в самостоятельную филологическую дисциплину, которая находится на стыке литературоведения и лингвистики [4: 276].

Язык художественной литературы индивидуален, поэтому его изучение по существу равняется для В. В. Виноградова изучению индивидуальных стилей в литературе.

Приведённые соображения выдающихся лингвистов мы применили к изучению творчества Б. Акунина.

Язык нельзя изучить, не обратившись к его творцу — к человеку, к конкретной языковой личности. Духовный облик личности, мир её ценностей, идеалов, устремлений, выражающихся

в чертах характера или стереотипах поведения, и составляет основу содержания художественного образа. Создавая из текстов, принадлежащих персонажам в литературном произведении, характеристику их языковой личности, Б. Акунин раскрывает их образы, их духовные миры. Так, художественный образ Фандорина включает в себя картину мира этого любимого автором (да и читателями: недаром романы Б. Акунина экранизируют, читают на радио) героя, его мировоззрение, мотивационные установки, идеи, смысл его существования. Раскрытие в художественном тексте этих аспектов личности делает героя живым, убедительным: автор заставляет читателя поверить в реальность героя и рассказанной истории.

Вот как этот процесс оценивает литературовед Н. К. Гей: “Живописец стремится к тому, чтобы из красок, положенных на холст, возник определённый, вещественный эмоционально-содержательный образ, скульптор достигает той же цели, снимая покровы, удаляя всё лишнее с обрабатываемой глыбы, писатель пригоняет слова одно к другому. И хотя для одного — только цветовые пятна красок, для другого — поверхности и объёмы камня, бронзы или дерева, для третьего — слова — единственное средство запечатлеть мир и выразить себя, достичь этой цели удаётся лишь тогда, когда холст перестаёт быть холстом, мрамор — мрамором, а слова — печатной типографской строкой, когда сама жизнь с её трепетом, контрастами прекрасного и безобразного, гармонией и конфликтами врывается в художественное произведение” [5;364].

В круг “языковой личности” писателя входит способность лепить чужие языковые личности, на какое-то время становиться своим героем, “влезать в его шкуру”. Насколько сознателен этот процесс? Безусловно, он контролируется писателем. Нельзя создать живой и правдоподобный образ интеллигентного и широко образованного человека, не обладая адекватными знаниями. Невозможно описывать явления жизни, будучи знакомым с этими явлениями лишь понаслышке. Поэтому совсем не случайно истинная языковая личность писателя отражается в языковых личностях его героев.

Б. Акунин ищет в творчестве, несомненно, интеллектуального наслаждения. Он не просто следует за полётом своей фантазии. Он ещё и играет с читателем, постоянно предлагая ему загадки, основанные на ассоциациях событий давно прошедших дней с происшествиями дней сегодняшних. Встав на путь игры, создавая жанр “историко-иронического” детектива, Б. Акунин позволяет комментировать реалии жизни и прошедшей, и современной со столь свойственными русскому человеку, задумывающемуся о своей жизни, “слезами сквозь смех”.

Последовательно рассматривая языковые личности главных героев произведений Б. Акунина, можно сделать вывод о богатстве языковой личности самого автора. Как у всякого писателя, в его языковую личность надо включить способность перевоплощения — умения, исходя из себя, строить по желанию разные языковые личности. Эта способность требует незаурядной компетенции.

Факты биографии Б. Акунина (Г. Ш. Чхартишвили) объясняют его блестящее владение как русским, так и несколькими иностранными языками, прекрасное знание русской литературы, истории, а также симпатии, как его самого, так и его героя к восточной культуре. Г. Чхартишвили закончил историко-филологическое отделение Института стран Азии и Африки, являлся заместителем главного редактора журнала “Иностранная литература”, главным редактором 20-томной “Антологии японской литературы”, председателем правления мегапроекта “Пушкинская библиотека” (Фонд Сороса). Он автор книги “Писатель и самоубийство”, литературно-критических статей, переводов японской, американской и английской литературы. Весь этот интеллектуальный багаж помогает автору легко жонглировать как русскими, так и иностранными словами, образами русской классической литературы, создавая свой неповторимый стиль, живо рисуя образы своих героев.

Например, в тех случаях, когда Николас Фандорин начинает свои языковедческие изыскания, за его спиной почти осязаемо стоит автор романа, получивший полноценное академическое образование и профессионально занимавшийся иностранными языками и литературным переводом. Часто “выдержки из словаря ненормативной лексики” завершаются экспертным заключением лингвиста, например: “...Точное знание идиоматики и прецизионное соблюдение нюансов речевого этикета применительно к окказионально-бытовой и сословно-поведенческой специфике конкретного социума способно творить чудеса. Поистине лингвистика — королева гуманитарных дисциплин, а русский язык не имеет себе равных по лексическому богатству и многоцветию” [1: 53].

Б. Акунин, как уже отмечалось, на страницах своих произведений играет с читателем, постоянно задавая ему разного рода загадки. В частности, в своих романах писатель часто использует слова-символы, помогающие ему передать основную идею отдельного художественного образа или всего произведения в целом.

Так, герои романа “Алтын-толобас” Корнелиус фон Дорн и Николас Фандорин приезжают в Россию в исторически разное время (один — в XVII, другой — в XX веке). Но как один, так и другой въезжают в Россию через населенный пункт с названием “Неворотинская”. Это название символизирует отсутствие возможности возвращения: “не воротись”, “нет возврата”, с первых же строк романа давая понять читателю, что расчеты обоих героев на скорое возвращение домой — жестокое заблуждение. В России им придется остаться навсегда. В этой загадке, возможно, заключена и еще одна идея Б. Акунина — западническая.

Слово *алтын* также становится символом, который проходит через всю канву произведения: первый раз оно встречается в названии романа (“Алтын-толобас”), затем — в названии главы (“Не было ни гроша, да вдруг алтын”) и в имени девушки, с которой при необычайных обстоятельствах знакомится Николас Фандорин, еще не подозревая, что именно она станет его судьбой (*Алтын Мамаева*). Словарь русского языка объясняет: “Алтын — старинная русская мелкая монета достоинством в три копейки” [7: 25]. Найти эту монету для бедняка, согласно вышеприведенной поговорке, — большая удача. Николас Фандорин дважды находит свой “алтын”: встретив Алтын Мамаеву и найдя в результате упорных поисков и раскопок свидетельство, исторически подтверждающее семейные предания и косвенно указывающее на правдивость легенды о существовании Ивановой Либерей.

Символом становится и слово *черный* в отношении Влада Соловьева. Оно является символом его дворового детства в рабочем шахтерском городке *Черногорске* (“тринадцать шахт, двадцать винных лабазов, две туберкулезные больницы, четыре кладбища и сорок тысяч уродов, быдла, которому больше деваться некуда”) [1: 207]. Черным было не только детство Влада Соловьева, но и его взрослая жизнь. Недаром он сам себя аттестует “лихим человеком и разбойником” [1: 208]. Он ни перед чем не останавливается, для него ничто не свято, в том числе и человеческая жизнь. Черного цвета был уголь, который добывали на шахтах в городе его детства, черной выходит из-под земли нефть, которая составляет основную часть его бизнеса, “черными” можно назвать многие его дела и, по всей вероятности, его душу. И с некоторой долей чёрного юмора в название всех своих предприятий Соловьев включает слово *черный* в разных вариациях и на разных языках (английском, французском, немецком, японском и испанском): “... Влад Соловьев — генеральный управляющий холдинга “Черная гора”, в который входят нефтегазовый концерн “Блэк маунтин”, парфюмерные магазины “Мон-нуар”, пивной завод “Шварцберг”, завод по сборке компьютеров “Курояма” и сеть увеселительных заведений “Монтенегро” (к которой, в частности, относится и замечательный кабац “Кабакъ”)” [1: 209]. Автор насмехается над пристрастием своего героя к черному цвету и в то же время создает впечатляющую для читателя аллегорическую фигуру. Наличие “Б” в названии заведения — тонкое издевательство над вкусом эпохи, ярким представителем которой является его персонаж.

В произведениях Б. Акунина заметно стремление соблюсти историческую достоверность описываемых событий, в контекст которых он включает приключения своих героев. В его произведениях действуют реальные исторические личности. Но у каждого такого персонажа фамилия изменена всего лишь на одну букву — так, чтобы остаться стопроцентно узнаваемой. Так, в его интерпретации в романе “Турецкий гамбит” Михаил Дмитриевич Скобелев стал *Михаилом Дмитриевичем Соболевым*, князь Горчаков — *князем Коржаковым*, Сергей Верещагин — *Сергеем Верещагиным*, баронесса Вревская — *баронессой Врейской*, посол России в Турции Игнатьев — *Гнатьевым*, в романе “Алтын-толобас” боярин Артамон Матвеев стал *боярином Артамоном Матфеевым*, а князь Василий Голицын — *князем Василием Галицким*.

Параллели с современностью или недавней историей России — также одна из характерных особенностей романов Б. Акунина. Устами своих героев автор высказывает собственное отношение к конкретным историческим личностям, событиям, ушедшим эпохам. Так, заставляя своего героя Николаса Фандорина выводить для себя этимологию выражения “*лепить горбатого*”, сам автор иронизирует по поводу всем известного политического деятеля.

Еще одна шпилька сравнительно недавнему российскому прошлому, хотя говорит герой Б. Акунина вроде бы о давно прошедших временах: “*Эраст Петрович пожал плечами: “Милая*

Варвара Андреевна, я устал слушать нытье про “наше тяжелое время”. Во времена царя Николая, когда время было потяжелей нынешнего, ваши “честные люди” по с-струнке ходили да неустанно свою счастливую жизнь захваливали. Если стало можно сетовать на тупость и произвол, значит, время на п-поправку пошло” [2: 75].

Можно привести в пример и еще одно высказывание любимого акунинского героя Эраста Петровича Фандорина, устами которого говорит автор: *“Я, Варвара Андреевна, вообще против Д-демократии... Один человек изначально не равен другому, и тут уж ничего не поделаешь. Демократический принцип ущемляет в правах тех, кто умнее, т-талантливее, работоспособнее, ставит их в зависимость от тупой воли глупых, бездарных и ленивых, п-потому что таковых в обществе всегда больше. Пусть наши с вами соотечественники сначала отучатся от свинства и заслужат право носить звание г-гражданина, а уж тогда можно будет и о парламенте подумать” [2: 119].*

В произведениях Б. Акунина интересным образом сочетаются русофобия и патриотизм автора, отражая извечную русскую поляризацию мнений.

Изложенные наблюдения позволяют сделать вывод о том, что в языковых личностях героев произведений Б. Акунина, главным образом, находит отражение языковая личность самого писателя, его духовный мир, система ценностей и идеалов. Для создания целостных, объёмных, неповторимых образов художник использует такие средства, как слова-символы, иронию, следует исторической достоверности событий, проводит параллели с современностью или недавней историей России. Акунин мастерски изображает в художественном тексте каждую языковую личность, делает своих героев живыми и убедительным, заставляя читателя сопереживать им.

1. Акунин Б. Алтын-толобас: роман /Б. Акунин. — С. Пб. — М., 2001.
2. Акунин Б. Турецкий гамбит: роман /Б. Акунин. — М., 2002.
3. Виноградов В. В. Великий русский язык /В. В. Виноградов. — М., 1945.
4. Виноградов В. В. Исследования по поэтике и стилистике: сб. ст. / В. В. Виноградов. — М., 1972.
5. Гей Н. К. Искусство слова: о художественности литературы / Н. К. Гей. — М., 1967.
6. Караулов Ю. Н. Русская языковая личность и задачи её изучения /Ю. Н. Караулов //Язык и личность: сб. статей. — М., 1989. — С. 3–11.
7. Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70000 сл. / С. И. Ожегов; под ред. Н. Ю. Шведовой; АН СССР, Ин-т русского языка. — 23-е изд., испр. — М., 1991.

H. A. Sizikova

MEANS OF LINGUISTIC PERSONALITY CREATION IN B. AKUNIN'S WORKS

The article is devoted to the analysis of means of linguistic personalities' creation in the known works by Boris Akunin. Conception of this linguistic category is fixed in research offered by Y. N. Karaulov. The reconstruction of linguistic models of the world or thesauruses of some characters is made on the basis of the texts produced by them.

Key words: linguistic personality, words-characters, irony, linguistic model of the world, historical authenticity.

H. A. Сизікова

ЗАСОБИ ТВОРЕННЯ МОВНОЇ ОСОБИСТОСТІ У ТВОРАХ Б. АКУНІНА

Статтю присвячено аналізу засобів творення мовних особистостей у відомих художніх творах Бориса Акуніна. В основу дослідження покладена концепція даної мовної категорії, запропонована Ю. Н. Карауловим. Проведена реконструкція мовних моделей світу або тезаурусів деяких персонажів на основі створених ними текстів, а також інші особливості творення мовних особистостей у романах Акуніна.

Ключові слова: мовна особистість, слова-символи, іронія, мовна модель світу, історична достовірність.

Д. М. Костина

Этноконцепт “индивидуализм” в русской и английской лингвокультурах

Статья посвящена актуализации концепта “индивидуализм” в русской и англоязычной культурах. Автор сопоставляет особенности его репрезентации в русском и английском языках, анализирует специфические черты.

Ключевые слова: концепт, лингвокультура, особенности репрезентации, русский и английский языки, культуроспецифическая окраска, индивидуализм.

В настоящее время этноконцепт “индивидуализм” и стоящее за ним явление составляют предмет обсуждения в научных кругах и входят в сферу научных интересов междисциплинарного порядка.

Понятие “индивидуализм” сформировалось среди английских политических философов, таких как Джон Локк, Дэвид Юм и др. При этом речь шла не столько об обособлении человека от общества, сколько о необходимости ограничить давление на отдельного человека со стороны других людей. Данное позитивное понимание индивидуализма как самостоятельности и самоценности личности отражало дух эпохи Просвещения, прославляющей свободного индивида как главного носителя ценностей европейской цивилизации. До конца 19 в. термин “индивидуализм” был широко распространен только во французском языке, в английский язык он попал благодаря Алексису Токвиллю. Согласно его интерпретации, индивидуализм — это взвешенное и спокойное чувство, побуждающее гражданина изолировать себя от массы себе подобных и замыкаться в узком семейном и дружеском кругу. Создав для себя, таким образом, маленькое общество, человек перестает тревожиться обо всем обществе в целом. Несмотря на неоднозначность формулировки, это определение не содержало в себе понимания индивидуализма как озабоченности исключительно нуждами своей собственной личности. “Я” (self), о котором, как предполагалось, только и заботятся люди, естественным образом распространялось на семью и друзей.

В России обсуждение антитезы “индивидуализм — коллективизм” началось в конце XIX — начале XX вв. Характерными чертами литературно-полемической дискуссии того времени о российской культуре были вольные допущения и смелые гиперболы, а также концентрация внимания на “загадках русской души” и “особом пути” российского государства.

В целом, заслугой философов “серебряного века” стало выделение в русском национальном характере диаметрально противоположных тенденций. Констатация индивидуализма, обостренного сознания личности и безличного коллективизма — визитная карточка таких классиков отечественной философии, как Н. А. Бердяев и Г. П. Федотов, хотя первый описывал дореволюционную Россию, а второй ссылаясь на Россию советского времени.

В советскую эпоху ценности коллективизма были объявлены государственной идеологией, а ценности индивидуализма — проявлением отсталости и антиобщественного эгоизма. Конечно, это не привело к полному уничтожению индивидуалистических начал в сознании россиян, но значительно повлияло на ценности, культивируемые в обществе. Реабилитация индивидуалистических ценностей началась только в 1980-е годы, что привело к тому, что в 1990-е годы из-за отсутствия культуры синтеза двух идеологий среди энергичных и самостоятельных людей широкое распространение получила психология социального дарвинизма, позволяющая сильной личности вообще не считаться с интересами других членов общества.

Для рассмотрения самой структурно-содержательной стороны концепта “индивидуализм” нами анализировались вербально репрезентирующие данный концепт лексические и лексико-фразеологические единицы, высказывания, представляющие собой предложения, тексты, текстовые комплексы, а также данные словарей английского и русского языков.

Обратимся к лексикографическому толкованию самого понятия “индивидуализм” в русском и английском языках. По данным “Словаря русского языка” С. И. Ожегова, “Индивидуализм —

лизм — нравственный принцип буржуазной идеологии и морали, согласно которому интересы отдельной личности, индивидуума ставятся выше интересов общества, коллектива; стремление к выражению своей личности, своей индивидуальности в противопоставлении себя коллективу, а также поведение, выражающее такое стремление. Индивидуализм — мировоззренческая позиция, принцип поведения, утверждающие индивида в качестве абсолютной ценности; характеризуется преобладанием индивидуальных интересов над коллективными” [4:214].

“Словарь иностранных слов” рассматривает “индивидуализм” как:

1) противопоставление интересов отдельной личности (индивидуума) интересам общества, предпочтение личных интересов общественным; как один из основных принципов частнособственнической идеологии;

2) стремление к выражению своей индивидуальности, своей личности в противопоставлении себя коллективу [6:197].

В рассмотренных определениях чётко эксплицируется негативная трактовка идеи “индивидуализма”, что отражает ценности, прослеживающиеся в менталитете русских людей и в постсоветский период.

В словаре английского языка “Longman Dictionary of English Language and Culture” приводится следующее определение:

Individualism — social theory advocating the liberty, rights, or independent action of the individual; the principle or habit or belief in independent thought or action; the pursuit of individual rather than common or collective interests; egoism; individual character; individuality or individual peculiarity. [7: 672]

Oxford Advanced Learner’s Dictionary определяет “Individualism” как:

1) the feeling of somebody who likes to do things their own way, regardless of what other people do;

2) the theory that favours complete freedom of action and belief for each individual person rather than state control [8: 606].

Рассматривая данные дефиниции концепта “индивидуализм”, мы отмечаем различия в наполнении его культуросферы в русской и английской культурах, что связано с особенностями культурных ценностей разных стран, отражающих исторически разные пути их развития в целом, и, как следствие, вытекающие из этого диаметрально противоположные культурные реалии и связанные с этим видимые различия менталитетов народов в целом, что и выявил лингвистический анализ.

На основе приведённых дефиниций можно сделать следующие **выводы**.

Анализ исследований этноконцепта “индивидуализм” в разных странах, в частности в России и Великобритании, указывает на разнообразие и неоднозначность трактовки самого понятия. Это объясняется тем, что, индивидуалистические культуры поощряют и ценят индивидуальность и уникальность человека; иерархическая власть и социальные различия здесь сведены к минимуму, провозглашается всеобщее равенство. В противовес этому коллективистские культуры, к которым, по мнению учёных, относится Россия, высоко ценят групповые интересы; индивиды определяются больше через групповую принадлежность, чем через их собственные качества. В таком обществе поддерживается иерархическая дифференциация и вертикальные связи, а роль, статус и поведение человека определяются его положением в иерархической структуре.

В настоящее время Россия, всё ещё находясь в процессе перехода населения к стилю жизни, принятому во всех постиндустриальных обществах, испытывает на себе негативное влияние одного из этапов данного перехода, что выражается в “Я-отрицательной идентификации” нации и потере ценностных ориентиров в обществе. По мнению С. Лурье, русские как этническая система вступили в полосу тяжелейшего кризиса идентичности, вплоть до беспрецедентной активизации негативного образа “мы” и только в начале 2000-х годов этот кризис, казалось бы, начал преодолеваться через “путинизацию” страны — активизацию культурных символов, связанных в русской традиции с идеей сильного государства, но в то же время направленную на демократизацию общества в целом и принятие им ценностей и реалий, отрицавших долгое время в коммунистической России [3].

Рассматривая британское общество и его традиционные ценности, А. Вежбицкая отмечает, что культурные ценности англо-саксов — это “комплекс культурных норм, которые заставляют

каждого человека постоянно осознавать, что вокруг есть другие люди со своими взглядами и мнениями, и смотреть на себя как на одного из тех, кому принадлежит собственное психологическое пространство, автономность, свои собственные особенности и странности. Все это ведёт к объективности и антидогматизму, которые считаются важнейшими культурными и социальными ценностями” [9: 49].

Англичане кажутся индивидуалистами только потому, что осуждают желание “совать нос” в чужие дела и избегают выставлять напоказ свои переживания или говорить о них. Сдержанность, самообладание, привычка соблюдать психологическую дистанцию в повседневном общении — характернейшие черты англичан. Но если надо объединиться ради полезного и понятного для всех дела, то они это сделают моментально.

Этические стандарты глубоко укоренены в сознании англичанина. Иными словами, он протестует, когда сталкивается с попытками извне формально регламентировать его поведение. Нет более страстных защитников индивидуальных прав и свобод, чем англичане. Издавна английское общество полагается больше всего на частную инициативу. Распространены частные школы, вузы, театры, госпитали, теле- и радиостанции. Национализация в Англии была всегда менее эффективной, чем в других странах.

В то же время традиционно русский тип личности — это “тёплая, человеческая, очень зависимая, стремящаяся к социальной принадлежности, эмоционально нестабильная, сильная, но недисциплинированная личность, нуждающаяся в подчинении сильному авторитету”, что нашло своё отражение в русской идиоматике и поговорках [2:115].

Приведём факты, демонстрирующие специфику культурных ценностей англичан и русских.

Анализ языковых единиц показывает, что концепт “индивидуализм” может передаваться лексемами, относящимися к различным частям речи.

Например: *individuality, uniqueness, independence, nonconformity*; прилагательными: *individual, individualistic, independent, free*; глаголами: *individualize, emancipate, free* и др.

CMN 516 *And since persons are the primary locus of intentional properties, his main target is the traditional conception of individual agents, so central to individualism, which was discussed in Chapter III.*

H9F 284 *Similarly, the notion of social development through increasing differentiation and individualization has had a considerable place in later sociological theories, although its political implications have been judged in diverse ways; from one aspect social differentiation may be seen as creating a mutual dependence of individuals and groups which is a fundamental element in a stable democratic system, while from another aspect (as in Durkheim's theory) it may be regarded as a danger to the political order if it leads to excessive individualism, and then needs to be checked by a moral consensus embodied in the state.*

Кроме того, в фактическом материале зафиксированы примеры, в которых данный концепт передаётся словосочетаниями: *the cult of individualism, the defence of individualism, to challenge individualism, bring out individualism* и т. д.

A4U 88 *Burke was also invoked as a reminder that the cult of individualism is not the only, nor perhaps the chief, stream of the Tory tradition.*

CMN 224 *As I have sought to show in the present chapter, the philosophical grounds on which individualism is defended, though compelling at first sight, are in fact open to doubt.*

CMN 1462 *The argument I have advanced aims to shake a widespread and intuitive adherence to individualism by putting it on a par with its holist rival.*

Как отмечалось выше, индивидуализм присущ человеку с давних времен, что подтверждается фразеологизмами и пословицами, созданными как в русском, так и английском языках. Ср. англ. *Every man for himself, Divide and rule, Dog eat dog* и русск. *Всяк сам себе дороже, Сова о сове, а всяк о себе, Своя рука только к себе тянет*.

Всё вышесказанное позволяет заключить, что индивидуализм — универсальное понятие, присущее всем народам в той или иной степени, что находит отражение в языковой картине, влияя на формирование идеологии и менталитета, что традиционно прослеживается на уровне слов, словосочетаний, пословиц, поговорок, крылатых выражений.

1. *Англо-русский фразеологический словарь* / Сост. А. В. Кунин. — М., 1956.
2. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. — М., 1990.
3. *Отечественные записки*: журнал. — 2002. — № 3.
4. Ожегов С. И. Словарь русского языка. Издание 16. — М., 1984.

5. *Пословицы русского языка*: Сборник В. И. Даля. — М.: Русский язык-Медия, 2006.
6. *Словарь иностранных слов*. — М.: Русский язык, 1980.
7. *Longman Dictionary of English Language & Culture*. 4th ed. — Addison Wesley.
8. *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English*. 5th ed. — Oxford, 1995; Longman, 1998.
9. *Wierzbicka, A. Cross-cultural pragmatics: The semantics of human interaction studies and monographs*. — Berlin: Mouton De Gruyter, 1991.

D. M. Kostina

THE CONCEPT “INDIVIDUALISM” IN RUSSIAN AND ENGLISH CULTURES

The article deals with actualization of the concept “individualism” in Russian and English cultures. The author compares the peculiarities of its representation in the Russian and English languages, analyses its specific features.

Key words: concept, lingual culture, the peculiarities of representation, Russian and English, individualism.

Д. М. Костіна

ЕТНОКОНЦЕПТ “ІНДИВІДУАЛІЗМ” У РОСІЙСЬКІЙ І АНГЛІЙСЬКІЙ ЛІНГВОКУЛЬТУРАХ

Статтю присвячено актуалізації концепту “індивідуалізм” у російській і англійській лінгвокультурах. Авторка зіставляє особливості його репрезентації в російській і англійській мовах, аналізує специфічні риси.

Ключові слова: концепт, лінгвокультура, особливості репрезентації, російська і англійська мови, культуроспецифічне забарвлення, індивідуалізм.

ПИТАННЯ ІСТОРІЇ МОВИ ТА ДІАЛЕКТОЛОГІЇ

УДК 811.161.2'01

Н. В. Убийвовк

До проблеми походження української мови

У статті розглянуто різні точки зору щодо походження української мови, які стали відомими за останній час завдяки вільному доступу до публікацій діаспори.

Ключові слова: походження, праруська мова, праслов'янська мова, праукраїнський діалект, східнослов'янські мови, мовна єдність.

Питання про походження української мови по-різному вирішувалось протягом півтора століть, часто при цьому виникали гострі суперечки, непорозуміння. У наші часи гострота проблеми не втрапилась.

Так, у малоосвічених колах у великій пошані книжка М. Красунського “Древность малороссийского языка”, видана в Одесі в 1880 р. і перевидана у Києві в 1991 р. [6]. В цій книжці Красунський наголошує, що малоросійська мова не тільки старша від усіх слов'янських, але й санскритської, грецької, латинської та інших арійських. Проте докази цього автора “знаходяться на неандертальському рівні. Із близько сотні пропонованих Красунським етимологій практично жодна не має ніякого відношення до науки” [5]. Але це не заважає прихильникам теорії надзвичайної давності української мови посилатися на цю так звану працю. Науковий підхід не враховує таких дешевих сенсацій.

Приблизно з середини 18 ст. питання про походження української мови починає цікавити вчених. У середині 19 ст. виникає так звана гіпотеза Погодіна. Російський історик М. П. Погодін, вивчаючи давні українські пам'ятки писемності, не знайшов там рис української мови і прийшов до висновку, що до монголо-татарської навали у Києві та його регіонах жили великороси, після монголо-татарського нашестя це населення просунулося на північ, Київщина спустилася, і сюди з Карпат, з Галичини й Волині прийшло малоруське населення [14].

Ця гіпотеза підштовхнула вчених на вивчення питання про походження українців та їхньої мови. Погодінську гіпотезу про карпатське походження українців обновили наприкінці 19 ст. російський мовознавець О. І. Соболевський, аналізуючи галицько-волинські пам'ятки. Тут він звертає увагу на написання “нового ять”, відсутнього в київських пам'ятках, і робить висновок, що київський говір відрізнявся від галицько-волинського і належав до великоруського. До монголо-татарської навали в Києві та його області жили великоруси. Українська людність первісно населяла Підкарпаття і звідти пересунулася в Київську землю після монголо-татарської навали [17]. Але більшість вчених не погоджувалася з цим твердженням. З блискою відповіддю О. І. Соболевському виступили видатні дослідники української мови П. Г. Житецький [3] та А. Ю. Кримський [7].

Друге коло проблем: коли саме, в 11, 14 ст. чи раніше утворилася українська мова як окрема.

Погляди багатьох українських вчених довгий час були невідомими, тому що значна частина з них за радянських часів була визнана українськими буржуазними націоналістами і працювала за кордоном (С. Сміль-Стоцький, І. Огієнко, Ю. Шевельов, О. Горбач, П. Ковалів та ін.) або були репресовані як К. Німчинов, Є. Тимченко. В останні роки праці цих вчених перевидаються.

А. Кримський стверджує, що в 11 ст. “Мова Наддніпрянщини та Червоної Русі часів Володимир Святого та Ярослава має здебільше всі сучасні малоруські особливості: збіг *ы* — *і*, перехід *е* в *о* після шиплячих, чергування *у* — *в*, *з* фрикативний.

А в 14 ст. формування української мови майже завершилося [7].

Євген Тимченко вважає за міф висунуту Шахматовим теорію про праруську мову. Під час Київської Русі могла утворитися спільна державна мова на основі церковнослов'янської.

Але національні мови мають свою історію й еволюцію. В українській мові є риси не спільні з іншими східнослов'янськими мовами, що виникли в ній, ще коли вона була діалектом спільнослов'янської мови [19].

С. Смаль-Стоцький виступає проти теорії існування праруської мови, з якої вийшли всі руські (російська, українська, білоруська), що її заснував О. О. Шахматов. Смаль-Стоцький оцінює цю конструкцію Шахматова як фантастичну, штучну і нереальну, а саме вважає, що реконструювати праслов'янську мову неможливо, для цього немає надійних методів, а порівняльний метод для цієї реконструкції недостатній. Вчений наполягає на тому, що українська мова ближча до сербської, ніж до російської, та пише, що Фортунатов, Шахматов, Поржезинський у своїх теоретичних конструкціях переступають межі науки і сягають в область поезії [16].

Іван Огієнко вважає, що російська і українська мови започаткувалися ще на слов'янській прабатьківщині в двох наріччях: північноруському і південноруському. Племена українські були відгороджені від російських величезними лісами, тому їх мови розвивалися незалежно одна від одної без якоїсь спільної доби. Єдності між племенами північними і південними ніколи не було, як і не було спільної руської мови. Київська Русь у 10–11 ст. об'єднала під своєю державою весь слов'янський схід, але це було об'єднання державне, а не етнічне або мовне, сюди входили і неслов'янські племена. Українська мова пов'язана з російською так саме, як і з іншими слов'янськими мовами. Іван Огієнко, як і Смаль-Стоцький, вважає, що за своїми ознаками українська мова наближається до сербської мови, а не російської [8].

Леонід Булаховський впевнений, що фонетичні особливості української мови свідчать про те, що найдавнішими рисами вона найближча до білоруської і російської. В українській мові, як і в інших східнослов'янських, є фонетичні особливості, спільні з південнослов'янськими мовами, наприклад, закінченням *–мо* у дієсловах 1 особи множини українська мова зближується з сербською. Є риси, спільні з західнослов'янськими мовами. У 10–12 ст. східнослов'янські мови ще більше зближуються, але поряд із зближенням діють протилежні мовні процеси, наприклад, занепад редукованих голосних викликав на південноруському ґрунті подовження голосних *о, е* в нових закритих складах і подальший перехід їх в *і* — це одна із специфічних рис української мови, що не має паралелей в інших мовах. У морфології й лексиці теж виявляється багато спільних рис. Подальше життя східних слов'ян полягає не в зближенні, а в розпаді мовної і етнічної спільності [1].

Кость Німчинов був прихильником поглядів Смаль-Стоцького про відсутність праруської мовної єдності. Проаналізувавши давні українські мовні особливості, Німчинов доходить висновків: 1 — праукраїнський діалект зароджується ще за праслов'янської доби в племенах східнослов'янської групи діалектів; 2 — українська мова виділяється із спільної східнослов'янської прамови. Німчинов підтримує думку Кримського про те, що в 14 ст. українська мова вже сформувалася повністю, і вважає, що східнослов'янська прामова існувала не в 11 ст., як доводив Шахматов, а з 5 по 6 ст. і розпалася на діалекти [9].

Юрій Шевельов приділяє велику увагу походженню української мови. Він вказує, що С. Смаль-Стоцький, намагаючись спростувати теорію О. О. Шахматова про походження української, російської та білоруської мов з єдиної праруської, зазнав загальної поразки. Його мета — вивести українську мову безпосередньо з праслов'янської і довести її більшу спорідненість з сербською (наводить 13 спільних рис), ніж з російською (11 спільних рис) теж залишилася недосягнутою. Шевельов підкреслює, що теорія Смаль-Стоцького була методологічно безпорадною, тому що перелік мовних рис, вихоплених без уваги до часу і місця їх поширення, не може бути науковим. Після поразки Смаль-Стоцького утвердився погляд на двоступеневий розвиток східнослов'янських мов: 3 східнослов'янські мови походять з давньоруської (праруської), яка в свою чергу утворилася внаслідок розпаду праслов'янської мови. Але з часом ця теорія стає такою бездоганною, якою вона була в 20–30 роки [21]. Вперше саме українські вчені (Тимченко, Ганцов, Курило та інші) виступили проти цієї концепції, а тепер і деякі російські вчені твердять про застарілість і неадекватність цієї теорії. Факти дозволяють говорити, що вже в пізній дописемний час східнослов'янські говірки, утворивши виразні мовні риси, об'єдналися в групи діалектів, з яких пізніше утворилися 3 східнослов'янські мови. Літературна мова може бути названа давньоруською, а жива українська ніколи не була ні давньоруською, ні спільноруською, не була тотожна з російською. Вона постала з праслов'янської, час її формування — з 6 по 18 ст. Майже

всі зарубіжні славісти вважають спільноруську мову фікцією, серйозні російські вчені вже не можуть обстоювати теорію єдиної давньоруської мови. Концепція С. Смаль-Стоцького у 1913 р. була немотивованою, але концепція О. Шахматова не витримала випробування часом.

О. Горбач, розглядаючи становище української мови серед інших слов'янських, пише, що хоча головні риси української мови в фонетиці, словозміні та словотворі сягають передісторичних часів, серед багатьох славістів залишається погляд, що про українську мову можна говорити з 14–15 ст. Українці в УРСР вимушені були прийняти теорію про існування давньоруської мови в 9–14 ст. О. Горбач критикує положення радянського мовознавства про утворення 3 східнослов'янських народностей та їх мов. Праруська і давньоруська мови — це політичний догмат, що склався внаслідок таких причин: 1) тісна граматично-словникова спорідненість східнослов'янських мов; 2) поява спільної літературної мови; 3) політична і церковна пов'язаність східних слов'ян. Нічого дивного немає в тому, що українська народність утворилася внаслідок проживання частини давньоруської народності під Литвою і Польщею відірвано від росіян. Це свідоме прагнення росіян зв'язати спадщину Києва з Москвою породило гіпотезу Погодіна — Соболевського. Близькість слов'янських мов пояснюється довгим, понад 17 століть спільним їх існуванням і походженням з єдиної прабатьківщини. Виникнення найраніших різниць між слов'янськими мовами пояснюється вклиненням поміж них іншомовних племен. Всі мовні факти суперечать теорії про існування давньоруської мови до кінця 14 ст. [11].

П. Ковалів нагадує, що з самого початку свого існування славістика вивчала питання про спорідненість слов'янських мов і можливість реконструкції праслов'янської мови. Провідною довгий час була теорія Шлейхера про родовідне дерево, за якою одна мова розпадається на дві, а з них виділяються нові мови. Не менш важливу роль відіграла теорія хвиль Йогана Шмідта. На його думку, слов'янські мови утворилися з однієї спільної шляхом диференціації та індивідуалізації рис і особливостей спільної мови. Але й ця теорія не могла задовільно відповісти на питання про класифікацію слов'янських мов. Проте більшість вчених дотримується теорії родовідного дерева, і тому вони необгрунтовано виводять одну мову з другої або утворюють штучні проміжні мови, як О. О. Шахматов, який висунув теорію спільноруської прамови [12].

Питання про східнослов'янські мови було досліджене дуже слабо. Наприклад, російський вчений М. І. Греч у 1822 р. писав, що малоруське наріччя може вважатися обласним польським. М. Колосов у 1878 р. українську мову вважав наріччям російської. Так само і з білоруською. І. Срезневський, О. Потебня та інші вважали білоруську мову наріччям російської. Деякі російські вчені обминали питання про формування східнослов'янських мов. Е. Будде твердив, що говорити про існування української мови можна з кінця 12 ст., коли її специфічні риси вже проступають крізь орфографію церковних книг. В. Даль не вносив у свій словник українські слова, бо гадав, що українська мова зовсім особлива. П. Лавровський заперечував близьку спорідненість української мови з російською. Історик М. Погодін був переконаний, що українська і російська мови більше різняться між собою, ніж між іншими слов'янськими мовами.

А. Селіщев у 1927 р. писав, що питання про формування окремих слов'янських мов залишається невирішеним, маючи на увазі теорію О. О. Шахматова про спільну прамову. У скороченому переказі теорія Шахматова має такий вигляд. Первісною територією слов'ян О. Шахматов вважав басейн Західної Двіни. На південь у басейні Німана жили балти, що відділяли слов'ян від західних фінів. Розпад балто-слов'янської єдності О. Шахматов пов'язує з експансією скандинавів, що захопили Балтійське море і прийшли до Західної Двіни. Слов'яни подалися у басейн Вісли, де їх рух призвів до розпаду на дві групи: західну, що пішла на Одер і Ельбу, і південно-східну, що подалася на південь. За даними візантійських письменників, слов'яни в 6 ст. розпалися на 2 племені: склавін і антів. Анти — східні слов'яни, які жили між Дністром і середньою течією Дніпра у 7–8 ст. Цю територію О. Шахматов вважав “спільноруською прабатьківщиною”. На цій прабатьківщині утворилась єдина східнослов'янська мова і сучасні східнослов'янські мови розвинулися з неї. Спільноруська прामова не засвідчена в пам'ятках, від неї відрізняється “староруська мова”, що дійшла в пам'ятках домонгольського періоду.

Спільноруський період скінчився до появи писемності, до 11 ст. “Спільноруська прामова” “розпалася на три наріччя: південне, північне і східне на поч. 9 ст. [20].

Проти теорії О. Шахматова виступили такі видатні вчені як Ф. Міклошич, В. Ягич, Л. Щерба, С. Тимченко, А. Мейє. Цілком негативно до теорії О. Шахматова ставився С. Смаль-Стоцький,

який стверджував, що українська мова утворилася безпосередньо з діалектів праслов'янської. Відкидають теорію О. Шахматова О. Колесса, І. Бодуен де Куртене, К. Німчинов, І. Галюн, І. Огієнко. З істориків — М. Грушевський. Теорія О. Шахматова має своїх прихильників, таких як Т. Лер-Сплавінський, М. Трубецькой, А. Ваян і більшість російських радянських учених, що приймають такий штучний термін як “древнерусский язык”.

В. Русанівський теж розв'язує питання про реальність давньоруської мови. Мови періоду Київської Русі — це море діалектів, близьких між собою, але не тотожних, та й етнічно східні слов'яни були дуже неоднорідними. Проте давньоруська літературна мова існувала. Давньоруська літературна мова виступала принаймні у двох іпостасях: старослов'янська і руська — та ж сама старослов'янська, але насичена східнослов'янськими мовними елементами [15].

Американський лінгвіст Г. Лант, як і деякі інші вчені, стирають різницю між двома різновидами писемної мови часів Київської Русі, стверджуючи, що церковнослов'янська і давньоруська мови — варіанти єдиної мови. В 11 ст. існувала тільки одна слов'янська мова, діалекти східних слов'ян були ще такими близькими між собою і до болгарського діалекту, що старослов'янська мова сприймалась як своя. Новий стандарт усвідомлювався як кодифікований варіант рідної мови. У донаціональний час, у давньоруський період, поряд з місцевими діалектами існувала створена на базі старослов'янської давньоруська літературна мова, яка була засобом писемного спілкування, але не впливала на систему діалектів.

В. Німчук вважає, що мова, носії якої були розселені на значних територіях, розгалужується на наріччя, діалекти, говори, говірки, але спільні риси об'єднують діалекти в одну макросистему. Виробленню спільних тенденцій і розвитку інновацій перешкоджають послаблення спілкування між частинами народу, виникнення кордонів, віддалення частини населення. Нові мови виникають на базі розвитку територіальних діалектів старої мови. Нові мови не народжуються, а формуються. Близько 8—9 ст. на сході Славії формується мова східних слов'ян. Східні слов'яни, розселені на величезних просторах, зберегли свою мовну єдність, але в мові кожного племені існували говіркові відмінності, які з племінних переростали в територіальні діалекти.

Давньоруська мова була динамічною єдністю діалектів. Українська мова розвинулася з південних давньоруських діалектів. Занепад редукованих був останнім спільним явищем у східнослов'янських діалектах, відбувся він у добу феодальної роздробленості. Вже з сер. 13 ст. пам'ятки засвідчують специфічні явища, які відбивають розгалуження давньоруської мови. Навала іноплеменників у 1240-х роках мала кардинальні результати. Після монголо-татарської навали зв'язки між східнослов'янськими територіями послабилися — на поч. 14 (або наприкінці 13 ст.) реально існують три східнослов'янські мови. Східні слов'яни вважали давньоруську мову єдиною для всієї своєї держави. Спільні назви мови поширюються разом з розповсюдженням назви держави — Русь з Середньої Наддніпрянщини [20].

Г. Півторак, відповідаючи на питання, коли виникла українська мова, пише, що в умовах національного відродження і відновлення української державності зростає інтерес до походження та історії української мови. Сучасна українська літературна мова була започаткована І. Котляревським, її основоположник Т. Шевченко, які почали писати свої твори на основі середньо-наддніпрянських говірок. До цього існувала староукраїнська писемна мова (в 13—18 ст.), створена на основі давньоруських літературних традицій і живого мовлення під впливом старослов'янської мови. Народне діалектне мовлення складалося по-іншому. Сучасна мовна територія України ділиться на 3 наріччя: північне, південно-західне і південно-східне. Перші два давні, а останнє створилося пізніше на базі переселенців з Полісся, Волині та Поділля з 14 ст. До цього південно-східні землі були диким полем. Мова полян, а потім їх нащадків киян і переяславців була за походженням північною. Щоб з'ясувати походження української мови, потрібно встановити місце і час походження північного та південно-західного наріч. Світова славістика впевнена, що в далеку давнину існували праслов'янські племена, які користувалися близькими діалектами, що об'єднуються поняттям “праслов'янська мова”. Таким чином, українці — частина слов'янського світу, а разом з багатьма іншими народами — індоєвропейці. Після розпаду праслов'янської спільності в 6—7 ст. почалося формування східнослов'янських племен та їхніх союзів; їх подальша консолідація на теренах Східної Європи призвела до формування української, російської, білоруської народностей та їхніх мов. Між східнослов'янськими діалектами була ціла низка спільних мовних особливостей, що створювало східнослов'янський діалектний

тип. Вже в той час протоукраїнська мовна територія була неоднорідною і поділялася на дві групи: північну і південну. Південний протоукраїнський етномовний масив сформувався на початку 6 ст. в Середній Наддніпрянщині, у Надпоріжжі та Прутсько-Дністровському міжріччі. В археології цей тип збігається з культурою пенківського типу, яка проіснувала до другої половини 7 ст. Ареал пенківської культури збігається з територією антив. На основі південного діалектного ареалу сформувалося південно-західне наріччя української мови. Сюди входили племена: уличі, тиверці, білі хорвати, частина полян. Північне наріччя уклали діалекти дулібів, бужан, волинян, деревлян, частини полян. Ці племена напередодні об'єднання в Київську державу утворювали між собою політичні союзи. Їхні діалекти мали особливості, які вони не втратили і в складі Київської Русі, але повного злиття колишніх союзів у давньоруську народність не сталося. Спільної давньоруської народно-розмовної мови ніколи не було. Давньоруське суспільство — це не єдина давньоруська народність, а відносна спільність багатьох східнослов'янських етномовних груп в одній державі з єдиною ідеологією і релігією. В Київській Русі єдність — це не дійсне, а бажане явище в багатоетнічному утворенні. Термін “давньоруська мова” правомірно вживати щодо писемно-літературної мови, вона об'єднувала всі сфери державного життя і була спільною для всієї території Київської Русі. Формування української мови почалося з праслов'янської доби і розтяглося на кілька століть. Процес становлення східнослов'янських мов не був синхронним. Раніше він почався в українській мові, тому що майже вся територія України була прабатьківщиною слов'ян, а інші східнослов'янські землі були заселені неслов'янськими племенами. Саме тому в українській мові збереглося більше праслов'янських рис. Вважати українську мову як самостійну можна з періоду занепаду редукованих, процес утворення української народності відбувся у 12–13 ст. Рубіж 11–12 ст. — початок самостійної історії української мови [13].

О. Тараненко пише, що теорія спільнослов'янської і особливо давньоруської мови викликає критику за непотрібну і шкідливу політизацію цієї проблеми. Заперечувати існування на межі 1–2 тисячоліття н.е. східнослов'янського мовного угруповання немає підстав, але кваліфікувати споріднені східнослов'янські діалекти як мову недоцільно. Від 6 до 13 ст. можна говорити тільки про процес перечленування східнослов'янської мовної території і перегруповання мовних масивів від більшої до меншої їх кількості до сучасних мов. Мовна консолідація почала діяти в Київській державі, але її розпад перешкодив такому згрунтуванню, хоча літературно-писемна давньоруська мова існувала [18].

Огляд праць українських дослідників висвічує, що більшість з них, особливо ті, що жили за межами Росії та СРСР, рішуче виступали проти теорії праруської мови, вони вважали, що українська мова, як і інші східнослов'янські, формувалася безпосередньо з праслов'янських діалектів. Проте значна частина вчених погоджується з думкою про існування книжно-літературної давньоруської мови. Навіть сам О. О. Шахматов, проти якого виступають українські мовознавці, обмежував існування спільноруської прамови дописемним часом. Всі писемні пам'ятки виявляють такі значні діалектні розбіжності, що О. Шахматов у писемну добу виділяє не спільноруську прамову, а давньоруську мову — мову давніх руських пам'яток. Російські вчені в більшості залишають майже непорушною теорію О. Шахматова про походження східнослов'янських мов з праруської. Проте всі вчені визначають, що територія Придністров'я — регіон, де українська народність і мова формувалися. Ще з 6 ст. н. е по Дністру жили анти, потім тут розселяються племена тиверців та уличів, що згодом входять у Київську державу. За монголо-татарської навали та турецького загарбання слов'янські поселення на Дністрі пустішали, але ніколи не зникали повністю. Тому можна вважати, що Придністров'я — це споконвічно український регіон, хоча в різні часи він входив до складу різних держав.

В останні роки українські вчені приділяють велику увагу “Велесовій книзі”, яка містить міфологічну історію давніх українців. За твердженням дослідників, ці міфи були складені у 5 ст. н.е., а записані у 9 ст. писемністю, незалежно від кирило-мефодіївської традиції. У виданні “Велесової книги” 1995 р. проголошується, що з причин великого значення цього твору для історії і культури українства ця книга включена до програм університетів і середніх навчальних закладів [2].

Історія цього тексту дуже складна, щоб не сказати детективна. У 1919 р., під час громадянської війни цю пам'ятку знайшов полковник білої армії Алі Ізенбек у розгромленій поміщицькій садибі на Харківщині. Це були дощечки розміром 38 на 22 см, товщиною до 1 см, на яких

був надряпаний чи випалений текст. Ізенбек з цими дощечками емігрує до Європи. У Брюсселі ці дощечки починає копіювати емігрант з України Ю. П. Миролюбов. У 1941 р. дощечки зникли, очевидно, зникли і копії Миролюбова, бо він повертається до них у 1953 р., у цьому ж році у журналі “Жар-птиця” вперше видається текст “Велесової книги”. У 1959 р. С. Парамонов-Лісний з Австралії надіслав фотографію прорисів однієї дощечки на експертизу в Комітет славістів СРСР. Експертизу проводила відомий палеограф і мовознавець Л. П. Жуковська, вона дійшла висновку, що це підробка, такого ж висновку дійшли В. І. Буганов, Б. О. Рібаков, Ф. П. Філін, О. В. Творогов. Борис Яценко, який переклав і довгий час досліджував цю пам’ятку, вважає, що переконання про підробку у фахівців виникло внаслідок багатьох помилок, які зробив Ю. П. Миролюбов при копіюванні. Б. Яценко, аналізуючи текст “Велесової книги”, встановив, що пам’ятка відбиває період до занепаду редукованих, за існування носових голосних, тобто належить до 9–10 ст. Л. П. Жуковська зазначила, що алфавіт близький до кирилиці, але відсутні деякі букви. Всього використано 27 букв, відсутні всі специфічно грецькі букви. За складом літер “Велесова книга” старша від новгородської азбуки 10 ст. і молодша від киево-софійської азбуки 9 ст. Але знайдені дощечки не оригінал 9 ст., а копія 17 ст. Б. Яценко вважає, що в тексті “Велесової книги” відбилися нашарування кількох епох і різних писемних традицій, підробити такий текст неможливо. Б. Яценко аналізує особливості “Велесової книги”, порівнюючи їх з особливостями говірок Західного Полісся, де, на його думку, книга була написана. Оскільки текст був написаний у 9 ст., а переписаний у 16–17 ст., то поряд з особливостями давньоруської мови збереглися особливості мови 16–17 ст., і дослідник знаходить кілька таких рис. Зміст “Велесової книги” — це міфологічна історія укрів — предків українців, які не мають нічого спільного з майбутніми росіянами. Підносячи цю пам’ятку як оригінальний твір давніх укрів, українські вчені намагаються ще раз відокремити українську історію і мову від російської.

1. *Булаховський Л. А.* Вибрані праці: в 5-ти т. — К., 1977. — Т. 2.
2. *Велесова книга.* — К., 1996.
3. *Житецький П. Г.* Вибрані праці: Філологія. — К., 1987.
4. *Історія української мови: Хрестоматія.* — К., 1996.
5. *Карпенко Ю. О.* Слов’янська гіпотеза // Одесский университет. — 1992. — № 20.
6. *Красунский М.* Древность малороссийского языка. — К., 1991.
7. *Кримський А.* Нариси з історії української мови та хрестоматія з пам’ятників писемності староукраїнщини XI–XVII в.в. — К., 1922.
8. *Лларіон, Митрополит.* Історія української літературної мови. — Вінніпег, 1950.
9. *Німчинов К.* Український язик у минулому і тепер. — К., 1926.
10. *Німчук В. В.* Походження й розвиток мови української народності // Українська народність: нариси соціально-економічної та етнополітичної історії. — К., 1990.
11. *Горбач О.* Генеза української мови та її становище серед інших слов’янських // Фенікс. — Детройт-Мюнхен, 1959. — Ч. 9, 10.
12. *Ковалів П.* Основи формування української мови в порівнянні з іншими східнослов’янськими мовами // Записки НТШ ім. Т. Шевченка. СІХVІІІ: Збірник філологічної секції. — 1958. — Т. 29.
13. *Півторак Г.* Коли ж виникла українська мова? // Українознавство: стан, проблеми, перспективи розвитку. — К., 1993.
14. *Погодин М. П.* Записка о древнем языке русаком // Известия АН ОЛЯИС. — 1856. — Т. 5.
15. *Русанівський В. М.* Давньоруська мова: міф чи реальність // Мовознавство. — 1993. — № 2.
16. *Смаль-Стоцький С.* Розвиток поглядів на сім’ю слов’янських мов і їх взаємне споріднення // Історія української мови: Хрестоматія. — К., 1996.
17. *Соболевский А. И.* Очерки из истории русского языка. — 1884. — Ч. 1.
18. *Тараненко О. О.* Мова Київської Русі: вузол історико-лінгвістичних і політико-ідеологічних проблем // Мовознавство. — 1993. — № 2.
19. *Тимченко Є.* Слов’янська одність і становище української мови в слов’янській родині // Історія української мови: Хрестоматія. — К., 1996.
20. *Шахматов А. А.* К вопросу об образовании русских наречий. — Варшава, 1894.
21. *Шевельов Ю.* Чому общерусский язык, а не виборуська мова? З проблем східнослов’янської глотогонії // Другий міжнародний конгрес українців. — Львів, 1993.

Н. В. Убийвовк

К ПРОБЛЕМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ УКРАИНСКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматриваются разные точки зрения на происхождение украинского языка, которые стали известны в последнее время благодаря тому, что стали доступны публикации диаспоры.

Ключевые слова: происхождение, прарусский язык, праславянский язык, праукраинский диалект, восточнославянские языки, языковое единство.

N. V. Ubyivovk

ABOUT THE ORIGIN OF THE UKRAINIAN LANGUAGE

The article deals with different views on the Ukrainian language origin as diaspora publications have been revealed.

Key words: origin, pre-Russian, Common Slavic, pre-Ukrainian dialect, East Slavic languages, linguistic affinity.

УДК [811.161.1+811.512.122]’04:82.091

Н. О. Джуанышбеков

Кыпчакская строка в “Слове о полку Игореве”

Статья посвящена сравнительно-типологическому анализу лингвопоэтики древних памятников литературы “Большой надписи в честь Кюль-тегина”, “Книги моего деда Коркута” и “Слова о полку Игореве”. Выдвигается гипотеза, что автор “СПИ” в поэтике “Слова” придерживался традиций лингвопоэтики древних тюркских литературных памятников. Это подтверждается историко-археологическими фактами, насыщенностью “СПИ” тюркскими фразеологизмами и лексикой, параллелями и аналогиями в идейно-тематическом содержании, жанрово-композиционных особенностях, использовании словесных формул, эпитетов и иных поэтических средств.

Ключевые слова: биографические надписи, ретроспекция, суггестивность, устная художественная традиция, идиома, лиризм, поэтика.

Несмотря на бесконечные войны, тюрки создали свою государственность, явив миру формы организации внешней и внутренней политики, профессиональной армии, дипломатической деятельности, образцы письменной культуры и культуры быта, так “восхитившей дипломатов Запада и Востока”. Они строили города (известны более десятка городов, воздвигнутых во время функционирования Тюркского каганата), чеканили монеты, развивали различные аспекты культурной самоидентификации: искусство, литературу, поэзию и т. д. Жизнь тюрков была исполнена творческих исканий и открытий, что отразилось на их мифологии и письменной литературе. То же самое можно сказать о Древней Руси. Несмотря на бесконечные войны, была создана государственность, которая в периоды своего расцвета потрясала своей архитектурой, литературой, военными успехами, дипломатией, своим умением находить союзников. На Руси были десятки городов, с храмами, построенными до крещения Руси. Киевский каганат известен в истории с 885 года, когда в Киеве правил Олег, прозванный Вещим. Вещими, то есть знающими единого бога, называли тюркских каганов. Таким был Бильге-каган. Историки свидетельствуют, что в древнем Киеве, наряду со славянским языком, использовался и тюркский. И он никуда не исчез, а как субстрат влился в древнерусский язык. Поэтому кыпчакские слова, по выражению поэта, влиты в славянскую строку “СПИ”: “В великом “Слове о полку”, / как буйная трава, / вросла в славянскую строку / кыпчакская строка” (С. Марков).

Об этом говорят исследования как тюркских, так и русских учёных: Аджи, Барсова, Бартольда, Баскакова, Гаркавца, Гумилева, Зимина, Лихачёва, Мурзаева, Плетнёвой, Соловьёва, Сулейменова, Тизенгаузена, Фёдорова.

Величественные погребальные сооружения, аналогичные памятнику Кюль-тегину, тюрки воздвигали своим выдающимся представителям, принёсшим стране и народу славу и почесть. Схож с мемориалом Кюль-тегина был, к примеру, и надмогильный храм Бильге-кагана. Но, как полагают исследователи, стелы с надписями устанавливались ещё при жизни героев в людных местах — у дорог, караванных путей; видимо, тем самым действенные очертания приобретала цель, преследуемая властителями древнетюркских государств: равняясь на героев, воспитывать подвластные народы в духе патриотизма, сплочённости, возвращать в сознании общества чувство долга, высокой ответственности перед страной и прежде всего перед каганами, их правителями.

Биографические надписи были и на Руси. Так, на стене Софийского собора в Киеве сделана запись о смерти “цесаря нашего” Ярослава Мудрого 20 февраля 1054 года. Однако их функции были не такими, как у орхоно-енисейских надписей. Художественная, воспитательная роль отводилась книге. Это были летописи, которые неоднократно переписывались и соответственно вольно или невольно искажались. Так, А. А. Шахматов доказал, что в ПВЛ до 945 года лишь четыре эпизода согласуются с действительностью [5]. Это касается исторического памятника. Что же говорить о художественном произведении, в котором вымысел диктовался самим замыслом? В “Слове” главное назначение имеет идеологическая функция. Задача автора состояла в том, чтобы дать политическую оценку событиям, изображённым в слове, показать своим современникам, какое значение имеет неудача Игоря похода для исторической судьбы всей Русской земли. Однако для современника Игоря было бы неверно выставлять главными врагами Руси половцев. Поиск внешнего врага был бы уместен уже после похода Батыя в 1242 году. Следовательно, идея “Слова” была значительно искажена Переписчиком — редактором XIII века. Существование такого Переписчика убедительно доказал Л. Гумилёв [1: 305–345].

Уже во вступлении подчёркивается необходимость сплочения русских князей для отпора половцам. Торжественный пафос звучит и в сравнении автора и Бояна, и в краткой предыстории похода Игоря, и в масштабе хронологических границ повествования. “Братие”, — обращается к своим слушателям автор. Можно предположить, что это слово — калька тюркского словосочетания “*bir am ie*” — буквально “хозяева одного коня”. Конь для кочевника часто был дорожкой жизни. И если конь был один на двоих, значит, эти люди были настолько близки, как могут быть близкими только братья. Боян — это вещий, то есть мудрый человек. У автора проскальзывает восхищение Бояном. Думаем, что Боян — половец или тюрк. Во-первых, в нарицательном значении это тюркское слово означает певца. Во-вторых, это довольно распространённое тюркское имя, встречающееся в знаменитом тюркском эпосе “Козы Корпеш и Баян-слу”. Нас не должно смущать, что в данном случае это имя девушки. Казахские имена не имели обозначения рода, и часто одно и то же имя носили и женщины, и мужчины.

Идею народного единства в эпосе воплощает идеальный правитель, монарх, великий князь, хан. Таков “седобородый Карл” в “Песни о Роланде”, “великий грозный Киевский” князь Святослав в “Слове”, властитель огузов — Баюдур-хан в “Книге моего деда Коркута”. Важное место в эпическом произведении отводится сказителю-певцу. Он обычно наделен сверхъестественной, волшебной силой песнопенья. Таков “вещий Боян” в “Слове”, вещий певец в ногайско-казахской эпической поэме об Едигее, мудрый Тоньюк в “Памятнике”. Хранителем народных преданий, мудрым советником хана, беков и народа выступает белобородый старец Коркут, поющий под аккомпанемент кобызы правдивые преданья о героическом прошлом огузов (“Книга моего деда Коркута”). Представления о певце как о колдуне-шамане, прорицателе характерно и для казахских сказаний о Коркуте, сложившихся в устной форме уже в 8–9 веках. Его имя стало нарицательным и распространённым среди всех тюркских народов, а также и в Киевской Руси. В 14–15 веках сказания были записаны и дошли до нас в виде “Книги моего деда Коркута”, сохранённой в дрезденской и ватиканской библиотеках. Кобыза, который изобрёл Коркут, был музыкальным инструментом, сопровождающим песни-обращения к своим слушателям тюркских жырау и украинских кобзарей.

С глубоко идеологизированного воззвания начинается свой сказ и автор “Памятника Кюль-тегина” — неподражаемый Иоллыг-тегин. Однако следует отметить, что повествование в надписях обязательно ведётся от 1-го лица.

Начиная свой сказ, автор апеллирует к приёму ретроспекции: посредством одной усложнённой синтаксической конструкции он описывает начало возникновения мира, от которого неотделимо время возникновения “рода людского”, а именно — тюркского народа:

*Когда вверху возник свод Неба голубой,
А бурая Земля утверждена внизу,
Меж ними род людской был утверждён и жил.
Тот род людской сперва хранил Бумын-каган,
А Истеми-каган продолжил труд его.
Они закон и власть — весь Тюркский каганат —
Крепили, берегли, держали высоко (пер. А. Преловского) [3: 41].*

И в первом же разделе, повествующем о великих предках тюркского народа, о его “праистории”, соблюден закон эпической наррации: в реалистически изображаемый контекст органично вписываются элементы мифа. “Род людской” (“сыны человеческие”) в лице тюрков помещён в срединное местоположение в свode мироздания — меж Небом и Землёй. И время его рождения совпадает со временем возникновения мироздания. Так, де-юре тюркский народ оказывается молод по своему происхождению, ибо первый Тюркский каганат, о котором идёт речь в самом первом цикле, сложился, как известно, в VI в., повествование же ведётся от лица героя, жившего в VIII в. Следовательно, тюркскому народу со дня возникновения мира всего 200 лет. Но если рассматривать с позиции де-факто, тюркский народ всё же стар, если с ним, с миром, совпадает дата его рождения. Автор, очевидно, подсознательно знает о противоречивости утверждаемого, но вселенная для него сосредоточена исключительно вокруг родного народа, и это позволяет ему пренебречь эмпирическими данными и опереться на мифический элемент. Последний вносит в стиль повествования, как и в последующем, магическую струю, очарование своеобразной художественности, столь эффектно отличающей памятник от историографического сочинения. Миф здесь приведён не в качестве иллюстрации, констатации факта, как это имеет место в научных трудах, а в его художественной функции.

“В “Большой надписи в честь Кюль-тегина” звучит всепроникающий голос Бильге-кагана, интонационные переходы которого — от высокой торжественности до скорбной патетики — оказывают существенное влияние на атмосферу произведения. “Я” кагана, его точка зрения в надписях тождественны точке зрения автора, их голоса совпадают столь органично, что становятся неотделимы друг от друга, различие их не представляется возможным. На протяжении всего повествования читатель верит, что только ему он внимает. Голос кагана, исполненный суггестивной, направляющей силы, обволакивает и завораживает его целиком, он готов поверить ему, последовать безоглядно за ним, и на определённом этапе он уже полностью во власти его звучного тембра, однако по завершении сказа неожиданно вдруг открывается иное: истинный автор слов, произнесённых с величавой назидательностью, не каган, не герой, а Иоллыг-тегин. Но в том и кроется суть мастерства древнего поэта: в умении слить в единый регистр два голоса, два тембра, две интонации, создать монологизированное повествование, магия которого “действенно неотразима” [2].

В “Слове” автор повествует от третьего лица, предоставляя изредка слово Игорю, Всеволоду, Святославу, Изяславу, Бояну, Ярославне, Донцу (реке), Гаку, Кончаку, девицам из народа. Автор, повествующий “по былинам сего времени”, подчёркивает его фактическую, историческую основу в отличие от песнопений Бояна, которые основывались на мифологии и поэтическом вымысле. Вряд ли это относится к “Кюль-тегину”, но вполне соотносимо с “Огузнаме” и “Книгой Коркута”. Совершенно очевидно, что автор далёк от христианских источников и литературных образцов. Наоборот, его сочинение пронизано народными поэтическими образами и символикой, причём языческой славяно-тюркской поэзией Бояна, Тоньюкука, Коркута и других вещих певцов тюркского эпоса.

Конечно, содержание “Слова” вызывает недоумение. Когда было написано “Слово”? Кто автор “Слова”? Каков жанр произведения? Почему кардинально расходятся в описании событий автор “Слова” и летописцы? Почему автор выбрал в качестве предмета изображения неудачный поход Игоря? Почему существует идеологический разнобой “Слова”: с одной стороны, он осуждает Игоря, с другой стороны, воздаёт ему славицу?

Это недоумение вызывают различные гипотезы Л. Гумилёва и О. Сулейменова. Мы считаем, что “Слово” написано современником событий, может быть, даже участником событий,

который осуждал князя Игоря, разрушившего не только союз русских князей, но и союз Руси и Поля. Возможно, это был тюрк, дружинник князя Игоря. Однако в XIII веке “Слово” подверглось серьёзной переделке автором-переписчиком, сторонником киевского боярства, которому удалось изменить идеологию “СПИ”, изменив кардинально его жанр и затемнив его содержание неверно понятыми и, следовательно, неверно переписанными местами “Слова”. Впрочем, это могло быть сделано сознательно. Характерно, что в Лаврентьевской летописи поход Игоря и он сам осуждаются, хотя она написана в северской земле и автор должен был поддерживать “своего” князя. Сочувствует и поддерживает Игоря автор Ипатьевской (киевской) летописи, несмотря на то, что князь Игорь неоднократно выступал противником Киева. Неудача князя Игоря закономерна, поэтому автор показывает не удачные сражения Святослава, Андрея Боголюбского или Ростиславичей, а поражение, которое должно было бы прекратить междоусобицы, объединить силы Русской земли против общего врага, не половцев, а татар.

Автор по-разному называет “Слово”: повестью и песней. Определение “Слова” как повести подчёркивает её эпический прозаический характер, сближающий его и с житием, и с исторической повестью, и с ораторским произведением. Определение “песня” показывает её стихотворный характер. Как и фольклорные русские былины, “Слово” строго ритмически организовано, насыщено повторами: словесными, фонетическими, образными, синтаксическими параллелизмами, постоянными эпитетами, песенной символикой.

“Слово” создано “по былинам сего времени”, оно сохраняет тесную связь с фактами, как они “были”, и эти факты, составляющие эпическую основу жанра “Слова”, даны в эмоциональном, лирическом восприятии автора. Используя поэтическую образность фольклора, он восхищается доблестью и мужеством князей, скорбит и плачет об их судьбе, укоряет их за неразумие, страстно призывает всех князей выступить на защиту интересов земли Русской, радуется возвращению Игоря из плена и прославляет его.

Надписи созданы в ритме высокого образного слова. В общем стилевом плане они представляют размеренный повествовательный поток, главным свойством которого является информативность: сообщение — осведомление, констатация событий, поступков, дел героя. Однако это поверхностное и обманчивое впечатление. Ибо повествовательный поток периодически, иногда внезапно, в неожиданный момент, расцветается стилевыми элементами, придающими надписям ауру высокой художественности. Это могут быть эмпфаза, метафора, сравнения, идиоматические выражения, данные в образном ключе, и т. д. Следует подчеркнуть, что авторы с особым мастерством использовали большой комплекс художественных средств, тропов, изобразительно-выразительный инструментарий. Наиболее частотны в надписях эпитеты, простые и сложные, постоянные и непостоянные: *мудрый каган, солнечный восход, голубое небо, буря земля, сладкая речь, мягкие шелка, жёлтое золото, светлое серебро, дурные знания, вечный камень, красная кровь, чёрный пот, чистые красивые дочери, крепкие мужественные сыновья, зрячие очи мои, вещей разум мой, священная земля-вода, небо (тенгри) подобный каган* и т. д.; сравнения, формульные и неформульные, простые и метафорические: *“он примчался, как огонь и буря”, “они пришли, пламенея, как пожар”, “твоя кровь текла, как вода, твои кости легли, как горы”, “войско моего отца-кагана было подобно волку, его враги были подобны овцам”*. Данное уподобление, одна из наиболее устойчивых и широко распространённых древних формул в устной художественной традиции тюркских народов, проникает и занимает своё место и в письменной поэзии. Например: *“Враги наши кругом были, как хищные птицы, мы были падалью”,* с оттенком гиперболизации: *“Я размышлял так: табгачи, огузы, кидане — если эти трое объединятся (против нас), мы останемся, словно вывернувшись нутром наружу”*; перифразы, метонимия: *“род людской”* (“сыны человеческие”), *“горло народа было сыто”*; антитезы: *“Я возвысил караул Аркуй, я приволил врагов покорёнными (принижёнными)”*; каганы: *“отважные и мудрые — трусливые и неумные”, “если небо сверху не давило и земля внизу не разверзлась”*.

Не менее важную роль играют цветовые образы в “Слове”: *златой стол, златой шелом, златоверхий терем, злато седло, злато ожерелье, златые стрелы, наконец, злато слово*. Этот эпитет связан, по-видимому, с тем символическим значением, которое придавалось золоту в древнерусской иконописи и монументальной живописи. Золото — символ славы и вечности. Так, называя слово Святослава *золотым*, автор подчёркивает его нравственное значение. *Серебряная седина, серебряное стружие, серебряные берега, серебряные струи, зелёная наполома, зелёная трава,*

зелёное дерево, синее море, синий Дон, синяя мгла, синее вино, белая хоруговь, серые волки, сизые орлы, босый волк — эти контрастные краски современники “Слова” видели постоянно в произведениях древнерусской живописи, и эти цветовые эпитеты делали словесные поэтические образы осязаемыми.

Обращают на себя внимание в “Памятнике” повторы, обычно троекратные, выражающие состояние завоёванных народов: *“имевших головы заставили склонить головы, имевших колени заставили преклонить колени”*, т.е. приведённых к покорности; состояние собственного народа, его рабскую участь: *“своим крепким мужским потомством он стал народу табгач рабом, своим чистым женским потомством он стал рабыней”*. Единой формулой изображаются военные походы тюрков во все “четыре стороны света”, сражения Кюль-тегина: тут обязательно указывается конь, масть и происхождение коня, сев на которого, полководец совершает подвиг, гибель коня и завоевание народа, с которым он сражался. Среди иносказательных элементов активнее всего древнетюркские авторы пользовались метафорой, метафорическим сравнением, аллегорией. Надписи изобилуют различного рода риторическими средствами — обращениями, восклицаниями, вопросами, сентенциями, пронизаны эмфатической интонацией речи, что усиливает эмоциональный фон повествования. Активно используются прямая речь, цитация. Они также повышают эмоциональную амплитуду надписей. Эстетизации и семантизации древних текстов служат изречения пословичного характера: *“Хорошенько слушай, крепко внимай!”*, *“Стыд чистых хорош”*, *“И внутри — без пищи, и снаружи — без одежды”*; символические выражения, применяемые, к примеру, при сообщении о смерти кого-либо: *“не умер”, а “улетел”*; числовая символика; динамические сочетания глагольных форм, асиндетон: устраивать, организовывать; подчинился, повиновался и т. д.

С народной поэтической традицией связана в “Слове” песенная символика: князя — это *солнце и молодые месяцы, соколы; персты Бояна* — это *десять соколов, которые он пускает на стадо лебедей; одинокой кукушкой плачет Ярославна на городской стене*. На песенной символике и параллелизмах построено описание бегства Игоря: *“А Игорь князь поскачи горностаем к тростию и белым гоголем на воду. Вьврѣжесе на брѣз комонь и скочи с него бусым вльком, и потече к лугу Донца, и полете соколом под мьглами, избивая гуси и лебеди завтраку, и обеду, и ужине”* [4: 55] (в былинах: Михайло Казаринов *“настрелял он гусей, лебедей, перелетных малых уток ко столу княженицкому”*).

Приём олицетворения природы всецело связан с устной поэтической традицией, как и замечательный, исполненный глубокого лиризма плач Ярославны. Олицетворение и одушевление отвлеченных понятий: обиды — Дева Обида, скорби и печали — Карна и Жля, которые поскакали по Русской земле, — восходит к народной поэзии. Из фольклора черпал автор “Слова” и отдельные метафоры, сравнения, эпитеты. Такие сочетания, как *“борзые кони”, “красные девки”, “чистое поле”, “мечи булатные”, “серый волк”*, были распространены в народной поэзии. Метафорические уподобления боя кровавому брачному пиру, посеву, молотье связаны с земледельческой практикой тех ратаев, интересы которых защищает и представляет автор “Слова”. С народной песенной традицией связаны и многочисленные сравнения, параллелизмы. С песней роднит “Слово” наличие рефренов, которые членят цельные эпизоды. Так, рефрен *“О русская земле, уже за шеломянем еси!”* сопровождает движение русских войск и усиливает напряжённость повествования. Обращение автора к князьям заверяется рефреном *“За землю Русскую, за раны Игоревы, буюго Святыславлича!”*. Одинаковым зачином-запевом начинаются все три “строфы” плача Ярославны: *“Ярославна рано плачет в Путивле на забрале, аркучи”*.

О том, что древние рунические тексты написаны поэтическим языком, свидетельствуют и различного типа аллитерации, которые функционально предназначены не только для обрамления, сгущения фоники повествования особой степенью выразительности, но и для повышения ритмизации слога, придания текстам стихотворного темпа. Различаются анафористическая, строфическая (междустиховая), междусловная аллитерации, функционирующие в надписях и с той, и с другой целью.

Обращает на себя внимание и такая особенность эпоса тюркоязычных народов, как чередование стихотворной и прозаической форм повествования. В связи с этим правомерен вопрос, а не по такому ли принципу построено повествование в “Слове о полку Игореве”?

“Слово” уже не пелось, а произносилось в качестве публицистической художественной речи. Его автор синтезировал песенный жанр дружинной поэзии, уходящий в прошлое, с книжной традицией. Опираясь на традиции устного дружинного и тюркского эпоса, на традиции тюркского и славянского фольклора, хорошо зная произведения светской исторической оригинальной и переводной литературы, церковной письменности, неизвестный нам автор “Слова о полку Игореве” создал оригинальное по форме и содержанию произведение, проникнутое глубоким лиризмом, публицистическим патриотическим пафосом, эпической широтой. Поэтика “Слова” напоминает нам поэтику предшествующих тюркских художественных памятников.

1. Гумилёв Л. В поисках вымышленного царства. — М., 1970.
2. Памятник Кюль тегина // Жетписбаева Б. Древнетюркская литература. С. 5 из 14. res://E:\install.dll\BOOK1 P8 19.01.2006.
3. Памятник Кюль тегина // Каракузова Ж. К., Джуанышбеков Н. О. и др. Казахская литература: Учебник — хрестоматия для 8 класса русских школ. — Алматы, 2002.
4. Слово о полку Игореве. — М., 1984.
5. Шахматов А. А. Древнейшие судьбы русского племени. — Пг., 1919.

Н. О. Juanyshbekov

THE KYPCHAK LINE IN “THE NARRATION ABOUT IGOR’S REGIMENT”

The article is devoted to compare-typological analysis of linguopoetics of “The Big inscription in honour of Kul’-tegin”, “Books of my grandfather Korkuta” and “The narration about Igor’s regiment”. The author puts forward an idea that “The narration about Igor’s regiment” is based on ancient Turkic literary memorials because of Turkic lexicology and phraseology.

Key words: biographical inscriptions, retrospection, suggestivity, oral art tradition, an idiom, lyricism, poetics.

Н. О. Джуанишбеков

КИПЧАЦЬКИЙ РЯДОК У “СЛОВІ О ПОЛКУ ІГОРЕВІМ”

Статтю присвячено порівняльно-типологічному аналізу лінгвопоетики давніх пам’яток літератури “Великого напису на честь Кюль-тегіна”, “Книги мого діда Коркута” і “Слова о полку Ігоревім”. Висунуто гіпотезу, згідно з якою автор “СПІ” у поезиці “Слова” дотримувався традицій лінгвопоетики давніх тюркських літературних пам’яток. Це підтверджується історико-археологічними фактами, насиченістю “СПІ” тюркськими фразеологізмами та лексикою, паралелями й аналогіями ідейно-тематичного змісту, жанрово-композиційних особливостей, використання словесних формул, епітетів та інших поетичних засобів.

Ключові слова: біографічні написи, ретроспекція, сугестивність, усна художня традиція, ідіома, ліризм, поезика.

Т. И. Приступа

К вопросу о смешении основ мужского рода на -**Ō**- и на -**Ī**- в древнерусском языке (лингвисториграфический аспект)

Целью настоящей статьи является рассмотрение и анализ взглядов русских и украинских лингвистов 70-х гг. XIX ст. — 30-х гг. XX ст. А. И. Соболевского, А. А. Шахматова, А. А. Потевни, А. Е. Крымского, С. П. Обнорского, Н. Н. Дурново на проблему взаимодействия существительных мужского рода исторических -**ŏ**- и -**ī**- основ, выяснение вклада языковедов прошлого в становление науки о развитии восточнославянских языков: какие из их выводов не утратили актуальности, а какие нуждаются в дальнейшей доработке и корректировании.

Ключевые слова: праславянский, общерусский и древнерусский языки, тип склонения, грамматический род, категория лица, основа существительного.

В наше время актуальным является возвращение к теоретическому опыту прошлого, к исходным теоретическим, методологическим позициям учёных, переосмыслению их научного наследия. В данной статье сделана попытка проанализировать взгляды российских и украинских лингвистов 70-х гг. XIX ст. — 30-х гг. XX ст. на проблему взаимодействия существительных мужского рода исторических -**ŏ**- и -**ī**-основ.

Суть смешивания именных основ на -**ī**- и на -**ŏ**- состоит в том, что существительные мужского рода генетического -**ī**- склонения в единственном числе стали склоняться по типу -**ŏ**- склонения мягкой разновидности. Во множественном числе окончания род., вин. и частично твор. падежей -**ī**-склонения стали употребляться вместо исконных падежных форм существительных с основами на -**jŏ**-.

Во всех современных восточнославянских языках склонение существительных муж. рода на -**ī**- сохранилось лишь в отдельных формах. К ним А. А. Потевня относил в русском языке слово *путь*, форму род. падежа ед. числа *дни* (*сего дни*, *третьево дни*); в украинском — *сього дні*; звательный ед. числа *господи*; творительный падеж единственного числа и в старославянском отличался лишь отсутствием смягчения -*e* перед падежным окончанием (*конѣмь*, *путемь*), а в русском и украинском вообще не отличался (*конѣм*, *днѣм*, *конем*, *днем*); в им. мн.ч. русск. *черти*, *люди*, *гости*, *соседи*, *холопи* [9: 8, 30, 83].

Начало этого процесса А. И. Соболевский относил к праславянской эпохе и считал, что он проходил одновременно со взаимодействием существительных исторических -**ŷ**- и -**ŏ**- основ. В качестве причин он называл те же, которые способствовали смешиванию основ на -**ŷ**- и на -**ŏ**-, а именно влияние прилагательных соответствующих основ. Все прилагательные с основой на -**ī**- (кроме числительных *триѣ*, *четыреѣ*) утратили своё древнее склонение ещё в дописьменную эпоху: одни перешли в склонение основ на -**ŏ**-, другие стали несклоняемыми. К последним А. И. Соболевский относил такие прилагательные как *исплънь*, *свободь*, *неудобь*, которые встречаются в церковнославянском языке, например, в Супрасльской рукописи: *исплънь небо и вся земля славы ѳго, два брати исплънь сѣшта вѣры, свободь ѳго сътвориши* [10: 169].

К. В. Горшкова и Г. А. Хабургаев считают влияние согласуемых прилагательных, не зависевших от типа склонения определяемого слова, вторичным фактором, который поддерживал единство имён одного рода, а не вызывал его, и согласны с А. А. Шахматовым, который предполагал, что основы муж. р. на -**ī**- в праславянском, а также в общерусском языке не смешивались с основами на -**jŏ**-, поскольку в праславянском они отличались в самом окончании им. падежа: в словах на -**jŏ**- окончанию предшествовал исконно мягкий согласный (*мжжь*, *конь*), в словах на -**ī**- — твёрдый (фонетически — полумягкий) согласный (*заль*, *звѣрь*) [3: 164, 168].

А. А. Потевня считал, что хотя отдельные существительные муж. рода на -**ī**- в ед. числе ещё в дописьменное время принимали окончания существительных на -**jŏ**-, однако полностью они переходят в это склонение только в древнерусском языке позднего периода после падения редуцированных, исчезновения носовых гласных, подчиняясь действию закона аналогии о течении

языка в одну сторону [9: 7–8]. Такая расплывчатость временных границ у А. А. Потебни, возможно, объясняется тем, что круг самих имён на *-ĭ-* долго оставался неточно определённым: учёный считал, что в праславянском языке к основам на *-ĭ-* принадлежало больше (более двадцати) существительных муж. рода, чем в древнерусском [9: 83]. А. И. Соболевский полагал, что все слова муж. рода типа *зѣть, тѣть* с окончанием *-ть* раньше принадлежали основам на *-ĭ-*, поскольку, если б они относились к основам на *-jǫ-*, то [т] в них смягчилось бы перед *j*, и тогда в церковнославянском языке вместо *зѣть* было бы **зѣить*, а в русском — **зѣчь*. А. И. Соболевский был также уверен, что все слова муж. рода на *-дѣ, -бѣ, -вѣ, -мѣ, -нѣ* когда-то принадлежали к основам на *-ĭ-* [10: 175]. С. И. Иорданиди называет следующие существительные *-ĭ-* склонения: *гвоздь, господь, гость, гыртань, звѣрь, медвѣдь, путь, тѣть, уголь, людие* (мн.), *голубь, огонь, зѣть* [5:38].

Фонологическими предпосылками сближения тех и других основ, по мнению А. А. Шахматова, стало так называемое вторичное смягчение полумягких согласных в общерусском языке [z'at'ь, zv'ьg'ь], в результате чего им. и вин. ед. ч. в образованных словах на *-ĭ-* стали в своих окончаниях тождественны с основами на *-jǫ-* [11: 236, 237].

Примечательно, что предположения и А. И. Соболевского, и А. А. Потебни, и А. А. Шахматова, несмотря на их несовпадения, принимаются современной наукой об истории языка. Дело в том, что взаимодействие *-jǫ-* и *-ĭ-*склонений было возможно и до формирования фонологического противопоставления мягких/твёрдых согласных у существительных на [н, р], соотносившиеся с палатальными [н', р'], и у основ на шипящие, “являющиеся вместе с тем смягчённой и палатализованной формой задненёбных” [1: 125]. Уже в праславянском согласный *n* мог получить мягкость не только перед *j*, но и в сочетании *gn*, если за ним следовал гласный переднего ряда [2:61]. Для других слов парадигмы типа *гость* переход в *-jǫ-*склонение стал возможным только с формированием корреляции согласных по твёрдости/мягкости [5: 38].

А. А. Шахматов связывал сближение существительных указанных основ с началом формирования новой грамматической категории лица. Исследователь обратил внимание на то, что почти все приведённые примеры новообразований по типу *-jǫ-* основ в древнерусских письменных памятниках: род. ед. *оу тѣстя, оу тѣста, госта, до юго зѣта, из каждого кметя*; вин. ед.: *тѣта, на тѣста, тѣста, за тѣта, зѣтя, з гѣся вода*; дат. ед. *гостю*, (в приписке *при гостни*); твор. ед. *с зѣтомъ*; род. дв. *ві локѣтю*; твор. мн. *со звѣри*, кроме *локѣтю*, — принадлежат одушевлённому существительным. Поэтому, полагал он, очевидно, началом исчезновения самостоятельного склонения по типу *-ĭ-*основ было появление существительных одушевленных мужского рода основ на *-ǫ-* для различения вин. от им. [11: 237], что вызвало появление *-а* в вин. одушевлённых существительных муж. рода (*гостя* вместо *гость* вызвало *гостя* и в род.) [11: 270].

К. В. Горшкова и Г. А. Хабургаев вносят “поправку” в это предположение А. А. Шахматова: развитие категории лица было, скорее, не причиной объединения двух склонений мужского рода в одно, а условием, создавшим возможности нарушения нормативной для книжно-литературного языка системы форм, поскольку именно традиционные формы вин. *зѣть, тѣсть*, соотносившиеся с им., совпадая с формой им. *мужь, отьць*, особенно резко противоречили уже сложившейся форме вин. *зѣтя, тѣстя*, соотносившейся с формами вин. — род. *мужя, отьця*, и тем самым подчёркивали словоизменительное единство имен мужского рода одушевлённых, исторически склонявшихся по-разному [3: 171].

В пользу того, что неодушевлённые существительные могли дольше склоняться по древнему склонению основ на *-ĭ-*, свидетельствуют его остатки: рус. род., дат., мест. — *пути*; белор. род., дат. — *пуци*; угрорус. род. дат. *пути*; рус. род., дат., мест. *огни*; (хотя, диалект. *пуця, пуцю*). Переход существительного *путь* в жен. род А. А. Шахматов объяснял тем, что, сохранив формы *-ĭ-*основ, это существительное оказалось одиноком среди других существительных мужского рода. Аналогично в жен. род перешли в угрорус. *жѣлудь, печать, голнь, гыртань*; укр. *лебідь, ступень, курень, полонін* [11: 238].

А. А. Потебня в “Записках по русской грамматике” рассматривал формы склонения на *-ĭ-* в сравнении со старославянским в связи с переходом некоторых существительных мужского рода в женский: *путь* — жен. р. “*Иди ж ти у божу путь; звір* — жен. р., галицкое: “*врадѣ ся вся звір у полі*”; *скатерть* — муж. р. в украинском: “*По квітчастому скатертю*”, но бывает и *звір* — муж. р., *скатерть* — жен.: “*Чого нам дивитись на таку шквирю? Ходімо шукати усякого звірю*”; “*из*

скатерти”. *Кужель* — муж. р. по типу *кiнь*, род.: *кужеля* и *кужелю*. *Гортань* — муж. р. — “*твой гортань*”, *печать* — муж. р., *голубь* — жен. р. *раздая ... по голуби, к комуждо голуби и къ воробьеви* [9: 85].

А. Е. Крымский обратил внимание на то, что род существительных в русском языке не всегда соответствует роду существительных в украинском языке : *шатёр* муж. р. — *шатро* сред. р., *тополь* муж. р. — *тополя* жен. р., *картофель* муж. р. — *картопля* жен. р., *путь* муж. р. — *довга путь, пар* муж. р. — *пара* жен. р. Женский род указанных слов, по мнению А. Е. Крымского, соответствует роду этих существительных в древнерусском языке. И наоборот, русские существительные женского рода “издавна оказываются у малоросов именами мужского рода”: *по-лынь* — *гiркий полинь*, *моль* — *вiн спiймав моля*, *пыль* — *пилом припасти*, *боль* — *страшений бiль*, *жаль* — *пропадати з жалю*, *корь* — *ослiп з кору*, *осокорь* — *розложистий осокiр*, *Сибирь* — *повернувся з Сибiру*, *посуда* — *прийми посуд*, *степень*, *ступень* — *кожен ступiнь*, *степь* — *зелений степ*, *насыть* — *великий насип*, *надпись* — *дрiбний напис*, *рукопись* — *старий рукопис*, *ярмарка* — *великий ярмарок* [6: 5].

А. Е. Крымский утверждал, что грамматический род названных украинских существительных сохранился “еще с доисторической эпохи” [6: 6]. В доказательство он приводит примеры древнерусских письменных памятников XI в.: испити пельны (Изб. 1073), от молевъ изьяється (там же), аки чашю пельна (Изб. 1076), меду — пельны подасть горестъ, а медь — ни пельну своя сласти (Слова Григ. Богосл. XI в.), подъ дубомъ или тополю (Златоуст., 8), слобуемъ вѣчныи тонъ запись твердо держати (Буков. Господар. Присяга 1393 г., Улян. № 8, 7), первыхъ присягъ и записовъ, свои записы и присяги (Буков. Бояр. Присяга королю Владиславу 1433 г., Улян. № 29, 35) [6: 7].

А. Е. Крымский отмечал, что в отдельных украинских существительных их современный грамматический род возник уже в историческую эпоху. Например, слово *путь* исторически принадлежало к существительным мужского рода, а в женский перешло по аналогии с существительными женского рода основ на -й- *кость*, *соль*. Русским говорам также известны женские формы слова *путь*: *большая путь, от дальней пути*, хотя, по мнению К. В. Горшковой и Г. А. Хабургаева, эти формы отражают морфологические процессы, которые происходили с существительными мужского рода основ на -й- под влиянием -ѵ- и -йѵ- основ [3: 269, 270].

И. Г. Матвиев отмечает, что украинские формы типа *глиб, пил, бiль, дрож* имеют соответствующие дублетные образования женского рода: *од гiркоi боли, гарячо-зимна дрож, розкололихнулась глиб* и др. Большинство дублетных образований возникли в результате взаимодействий между существительными бывших -ѵ- основ и существительных бывших -й- основ. Совпадение формы именительного падежа единственного числа существительных мужского рода на согласный и существительных женского рода III склонения — основная причина колебаний между ними в отношении рода. Смешение мужского и женского рода существительных с конечным губным согласным или шипящим усилено, или, по мнению исследователя, вызвано фонетическим фактором — отвердением конечных согласных [7: 36].

С. П. Обнорский отмечал, что склонение слова “*путь*” по женскому типу (*эта путь, хорошей путью*) наблюдается преимущественно в северновеликорусских говорах, а в южнорусских встречается значительно реже, в то время как его склонение по мужскому типу (*прямова путя, с правидна путя, по этому путю*) характерно для южновеликорусских переходных говоров [8: 2, 3, 289].

Во множ. числе -й-склонение менее подверглось влиянию других склонений. Более того, окончания множ. числа этого склонения проникли в существительные муж. рода, которые принадлежали другим типам склонения. Н. Н. Дурново отмечал, что это явление происходило в русском, украинском и белорусском языках неодинаково и неодновременно [4: 257].

А. И. Соболевский полагал, что сохранение старых форм вин. и род. мн. основами на -й- муж. рода и остатков старых форм творительного падежа способствовало появлению таких точно форм и от основ на -ѵ- с предшествующим j или мягким согласным муж. рода: *пѣнязнии* (Ев., 1270, 49), *везъ стнхари* (Кормчая ок. 1282, 613), *мѹжии* (Ряз. кормчая, 1282, 48, 58, 178), *мѹжие* (в Амартоле XIV, 143 об.), *мечии* (там же, 145), *рѹвлiй* (гр. Ягелла, 1388), *конiй* (южн. — рус. гр. еп. Даниила, 1398), *князнии* (Чудовск. Нов. Зав., 93 об.), *князѣи* (там же, 391), *мѣсяцнии* (там же, 384), *мѣсяцей* (Четия, 1489, 16, 16 об.) [10: 176].

А. А. Шахматов объяснял начало и причины исчезновения склонения на *-ї-* новообразованиями в винительном падеже одушевлённых. Именно в одушевлённых существительных сохранялось старое окончание именительного падежа множественного числа *-и*, в то время как у неодушевлённых существительных оно вытеснялось соответствующими окончаниями вин. падежа множ. числа (*-ы* или *-ѣ*: *столы, рублѣ*). Результатом ассоциативной связи, которая установилась между формами именительного падежа мн. ч. *тати, зяти, гости, звѣри, люди*, с одной стороны, и формами *холопи, сосѣди, черти, послуши, бѣси* и т. п., *кони, мужи, князи, сторожи, родители*, и т. п., с другой, явилось общее склонение для множ. числа: *тати, холопи, кони*, причём на место старых окончаний соответствующих основ на *-ѣ-*, *-їѣ-* проникали окончания из склонения слов, как *тати*, то есть из основ на *-ї-* [11: 270].

В отдельных случаях это обстоятельство могло иметь как результат вообще полное склонение той или иной основы на *-їѣ-* как основы на *-ї-* (ср.: в род. пад. ед. ч. *рублѣ* вместо *рубля*). Подобное сближение с основами на *-ї-* могло иметь место и в основах на *-ѣ-* муж. р. неодушевлённых, поскольку и у них некоторое время сохранялись рядом в им. мн. ч. старое окончание *-и* и новое (из вин.) *-ы*. Старое окончание ассоциировалось с окончанием *-и* основ на *-ї-*. Это вызвало новообразования и в других падежах во множ. числе: при *гони* вместо *гон (гонов)*, *гоном, гоні, гонѣх* появились *гоней, гонем, гоньми, гонех* [11: 271].

По мнению А. А. Шахматова, окончание *-ей* нехарактерно для слов на *-ей* в им. ед., хотя в диалектах встречается *воробѣй*, а также слов на *-ец* в им. ед., во мн.ч. — *цы*, хотя в диалектах: *удальцей, отцей, купцей, молодцей, глупцей*. Учёный объяснял тот факт, что основы на *-ц* образуют род. мн. на *-ов*, в то время, как основы на *-ж, -ш* — на *-ей* (*ножей, ковшей*) тем, что распределение этих окончаний род. мн. произошло после отвердения *-ц-*, но до отвердения *-ш, -ж* [11: 357].

С. И. Иорданиди сомневается относительно этого предположения А. А. Шахматова и считает, что объяснение этого явления скорее основывается на том, что формы на *-жь, -шь* изначально принадлежали как *-ї-*склонению, так и *-їѣ-*склонению, в то время как формы на *-ць* были только в *-їѣ-*склонении [5: 119]. Это, по её мнению, объясняет тот факт, что формы на *-ции* фиксируются в письменности не раньше конца XIV в, а также в источниках за пределами древнерусского периода.

Относительно существительных муж. р. с основами на *-ц*, родительный множ. числа на *-ей*, по предположению Н. Н. Дурново, появился лишь в тех северновеликорусских говорах, где сохранилось мягкое *ц*, то есть в Архангельской, Олонецкой, Вологодской, Вятской, Северодвинской и Череповецкой областях: *купцей, коней, пальцей, мѣсяцей* и др., в других русских говорах *-цов, (-цев)*, как и в белорусском, и украинском. От имён с основами на *-и* или *-ј*, а также частично от тех, в которых основа заканчивается на *-й* или на *-ј* только во множ. числе, в современном русском языке обычны формы на *-ов, -ев*: *краѣв, случаев, злодеев, воробѣев, муравѣев, кореньев, зятьѣев, листьѣев, братьѣев*. Хотя от отдельных имён, имеющих основу на *-ј* только во множ. числе, встречаются формы род. мн. без окончания, лит.: *сыновей, друзей, князей* либо с окончанием *-ей* — диалектное: *сыновѣй* [4: 268].

А. А. Шахматов отмечал, что и в белорусском, и в украинском языках распространение окончаний *-ий, -ей* значительно ограничено по сравнению с русским: бел.: *коней, коній, коней, каней, господарей, писарей*; укр.: *коней, коній, князій, мужій, приятелій*; карпаторусск.: *коній*; угорусск.: *рыбарей, родичей, гробарей*; лемк.: *кізярей, учарей* [11: 272, 273]. Н. Н. Дурново уточнял, что окончание *-ей* употребляется в белорусском языке обычно от имён, которые принадлежат или принадлежали склонению на *-ї-* (с род., дат., мест. ед. на *-и*): *касцей, начей, гасцей, людей* и т. п., по аналогии с *коній, грошей, дней*, редко: *акуней, палей*, также: *канѣв, акунѣв, поль* или *палѣв, маров* (=морей), *учыцяляв, писаров*, а также сохранились формы дат. мн.: *гасцѣм, людзѣм, начом, сянѣм, дзвяром*; твор. — *гасцѣми, дзвярми*; мест. — *гасцѣх, санѣх, начох, дзвярох, у лапцѣх* [4: 278, 281].

Те же окончания получили и те существительные мужского рода, в которых основа заканчивалась на мягкий согласный только во множ. числе: *соседей, чертей*, диал. *комарей* (при им. мн. *комари*), *крестей* (в картах) и др. Наряду с этими формами от тех же существительных в русских диалектах продолжают сохраняться и старые формы род. мн.: *поль, дѣн, сынов*, либо появляются формы на *-ов*: *рублѣв, камнев, суседов* [4: 267].

Как архаизм сохранились старые формы им. — вин., род. и твор. мн. лишь у немногих существительных: им. *гости, гвостди* (обычные формы *гості, гвостді*), *люди* (и *люде*), род. *гостей, гвост-*

дей, людей или *гостий, гвоздий, людий*; твор. *людьми*, реже *гистьми, гвиздьми*. По аналогии с ними образуются косвенные падежи от существительных *коні, гроші*: род. мн. *коней, грошей* или *коний, гроший*; твор. *кіньми*, (карп. *куньми*), *грішми* (карп. *грушми*). В диалектах те же самые окончания встречаются сейчас и от других имён с основами на мягкие или шипящие, но реже [4: 286].

Как мы видим, хотя лингвисты прошлого преследовали в своих трудах разные цели: описание фонетической и морфологической системы русского языка (А. И. Соболевский, А. А. Шахматов), исследование истории языка в плане эволюции мысли и грамматических категорий (А. А. Потебня), взаимодействие элементов внутри системы языка и исследование диалектов (Н. Н. Дурново, С. П. Обнорский), — сделанные ими открытия и выводы до сих пор сохраняют актуальность научных истин, которые лишь изредка расширяются и корректируются современными историками языка.

1. *Вайан А.* Руководство по старославянскому языку. — М., 1952.
2. *Васильев Л. Л.* С каким звуком могла ассоциироваться буква “нейотированный юс малый” (А) в сознании писцов некоторых древнейших русских памятников // Русский филологический вестник. — 1913. — Т. 69. — № 1. — С. 181–206.
3. *Горшкова К. В., Хабургаев Г. А.* Историческая грамматика русского языка: Учеб. пособие для ун-тов. — М., 1981.
4. *Дурново Н. Н.* Очерк истории русского языка / Избранные работы по истории русского языка. — М., 2000.
5. *Иорданиди С. И., Крысько В. Б.* Историческая грамматика древнерусского языка. Т. 1: Множественное число именного склонения. — М., 2000.
6. *Крымский А. Е.* Украинская грамматика для учеников высших классов гимназий и семинарий Приднепровья. — М., 1907.
7. *Матвіяс І. Г.* Питання української діалектології в працях А. Ю. Кримського // Мовознавство. — 1971. — № 1. — С. 13–18.
8. *Обнорский С. П.* Именное склонение в современном русском языке. Вып. 1. Единственное число. — Л., 1927.
9. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. В 4-х т. — Т. 4. — Вып. 2. — М., 1977.
10. *Соболевский А. И.* Лекции по истории русского языка / Труды по истории русского языка. — М., 2004. — Т. 1.
11. *Шахматов А. А.* Историческая морфология русского языка. — М., 1957.

T. I. Pristupa

INTEGRATION OF NOMINAL -Ǫ- AND -Ī-DECLINATIONS IN OLD RUSSIAN (LINGUOHISTORIOGRAPHICAL ASPECT)

The article deals with the analysis of the views of Russian and Ukrainian linguists of the end of the XIX-th — the beginning of the XX-th century on the problem of integration of nominal -Ǫ- and -Ī- declinations masculine in the singular and in the plural, its temporal boundaries, causes and results. The author tries to clear up to what degree their views have preserved their theoretical and factual value, and which of them need correction and/or further development.

Key words: proto-Slavic, common Russian and Old Russian languages, types of nominal declination, grammatical categories of gender and person.

T. I. Приступа

ДО ПИТАННЯ ВЗАЄМОДІЇ ОСНОВ ЧОЛОВІЧОГО РОДУ НА -Ǫ- ТА НА -Ī- У ДАВНЬОРУСЬКІЙ МОВІ (ЛІНГВОІСТОРІОГРАФІЧНИЙ АСПЕКТ)

Статтю присвячено розгляду поглядів російських і українських мовознавців кінця XIX — поч. XX ст. на питання взаємодії імен чоловічого роду генетичних -Ǫ- та -Ī-основ, причини, часові межі та наслідки цього процесу. Мета автора — виявити, які з їхніх положень не втратили актуальності, а які потребують подальших уточнень та доповнень.

Ключові слова: праслов'янська, спільноруська та давньоруська мови, тип відмінювання, граматичний рід, категорія особи, основа іменника.

Из истории наименований бросовых угодий (*печище, селище*) в русской письменности донационального периода

В статье рассматривается история наименований *печище, селище* в памятниках русской письменности XI–XVII вв. Данные лексические единицы проанализированы с точки зрения их происхождения, семантической структуры, функционирования на отдельных этапах развития русского языка. Каждое значение лексемы проиллюстрировано его реализацией в контексте.

Ключевые слова: лексема, семантическая структура, терминологическая семантика, деловая письменность, *печище, селище*.

Лексический состав языка отражает различные стороны жизни народа на протяжении всей его истории. Поэтому изучение лексики в историческом аспекте является необходимым звеном в русской лексикологии, на актуальность которого не раз указывалось в лингвистической литературе.

Как известно, составление словарей — одно из самых давних занятий, сопутствующих развитию письменной культуры. “Вычленение слова из текста, его объяснение, изучение его происхождения, изменение фонетического состава, морфологической структуры, эволюции значений, изучение функционирования слова на фоне развития языка, отражающего исторический опыт данного общества — необходимое условие разработки исторической лексикологии русского языка” [1: 3].

В настоящее время существует большое количество историко-лексикологических исследований отдельных слов и лексических групп (предметно-тематических, лексико-семантических, словообразовательных гнезд). В этой области следует отметить труды К. П. Смолиной, Г. Н. Лукиной, И. А. Стернина, Н. С. Болотновой, Е. А. Дворниковой, Е. Н. Поляковой, Н. П. Потаповой, Л. В. Соколовской и других исследователей.

Современные работы по различным вопросам исторической лексикологии свидетельствуют о заметном росте интереса к семантическому анализу лексики.

Цель статьи — рассмотреть историю наименований “печище”, “селище” в памятниках русской письменности донационального периода.

Печище. Собственно русское наименование *печище*, по мнению М. Фасмера, произошло от общеславянского *ректъ (ср. укр. *пич*, блр. *печ*, болг. *пещ*, сербохорв. *пѣћ*, словен. *рѣщ*, чеш., слвц. *рес*, польск. *pies*, в. — луж. *pjes*, н. — луж. *pjas*) [7, 3: 256]. Образовалось оно с помощью прибавления суффикса *-ищ-* в пространственном значении к производящей основе *-печ-*.

В письменности XVI–XVII вв. данная лексема имела следующий семантический объем: 1) “место, где стояла печь”, 2) “небольшая северная деревня, преимущественно заброшенное бывшее родовое поселение большой семьи, общины”, 3) “рыболовное угодье в виде мели с ровным дном” [4, 15: 39–40].

В “Материалах...” Г. Е. Кочина она отмечена в значении “остатки жилых строений на месте исчезнувшего поселения” [2: 236]. Наши материалы позволяют расширить семантический объем данной лексической единицы, представленный Г. Е. Кочиным. Как было сказано выше, слово *печище* во втором значении имело северный ареал распространения вплоть до XIX в.: **И та ү меня деревня Олүтинская и Дырѣнское печище не продано, ни заложено никому** (Кн. Солов. вотч. креп. № 146 (1), 271 об. XVI–XVII вв. — 1559 г.); **И нынѣ язъ Оксенья съ дѣтьми вышли на госүдаревү сторонү, на старое свое печище, житни и мнѣ на тои деревни Горскѣ въ вобылѣхү** (А. тяг. 1, 32. 1626 г.).

Как известно, семейная община у русских основывалась на коллективном землевладении. Следовательно, *печищем* могли называть земельное угодье, относящееся к деревне, где проживала такая община, о чем свидетельствуют материалы актов писцового дела 60–80-х годов XVII в.: **Въ үчетцкой же волости съ печища съ пүстоши съ Дрественца съ Гришки Шавалина**

оброку 10 алтынъ (АЮБ 3, 171. 1648 г.); **А** за вытныє, государь, и пустые земли вели, государь, отдавать к тому ж вытному и сошному письму к печищам против дач **Соли Вычегоцкой** ѹезда в оброки (АПД № 33, л. 6, с. 169. 1675 г.); на оброк де та пожня никому не отдана, и в сотной де книге досматривали, и та пожня нигде к печищу не припасена (АПД № 49, л. 351, с. 206. 1680 г.); по чему в нам, сиротам твоим, теми санными покосы впредь к печищам своим владеть и твой великого государя оброк платить (АПД № 50, л. 361, с. 210. 1680 г.); вели, государь, в том свой царский приказ учинить и те жеребьи — пашенную землю и санные покосы, и речку **Стру** с волгасы и с наволочи — к тому ж печищу вели...отдать мне, сироте, на оброк (там же, № 60. л. 16. 1681 г.).

Таким образом, рассматриваемое наименование в деловой письменности XVI-XVII в. является термином земельных бросовых угодий, которое к началу XVIII в. детерминологизируется и продолжает функционировать с интересующим нас значением преимущественно в архангельских говорах [3, 27: 6–7], а также в современном литературном языке [5, 9: 1147].

Селище. Древнерусское наименование селище, образованное суффиксальным способом словопроизводства путем присоединения суффикса *-ищ-* к производящей основе *-сел-*, в первые, по “Материалам...” И. И. Срезневского, зафиксировано в значении “поле, пашня” в Первой Новгородской летописи в 1234 г.: поне сь коньники по нухъ и постиже я на Дюбровнѣ на селищи въ Торопьчской волости (ЛН 6742 г.), в котором прослеживается вплоть до XIX в.: Въ той землѣ пожня въ селищи 2 стожья, то Святому Спасу (Отводн. Ковал. мон. 1400 г.); Отвель есмь село Спаское игумену Леонтию митрополичю земли, и воды, и селища, и пустоши (Купч. 1453 г.); То, господине, селище Поповское митрополиче у Бисеровскаго села третье поле (АЮБ 1, 103. 1481–1505 гг.); Вѣдаютъ и пашутъ тѣ деревни и селища Некрасъ да Дроздъ на севя (там же); На селища и на пустоши и на лѣсъ людеи ему призывать и деревни ставити и слободу свирати (Жал. гр. митр. Дан. Мелет. Новик. 1527 г.).

Кроме этого, в письменности XVI-XVII вв. данная лексема бытовала в 6-ти значениях, одно из которых, по данным словаря русского языка XI-XVII вв. и “Материалов...” Г. Е. Кочина, — “место бывшего села, селения; угодье на месте бывшего селения” [2: 316]: Се аз, Петр Богданов сын Москотиньева, что есмь продал Григорью Володимерову... свою куплю селище Колчеватское с лесом и с Луги, да селище Асташевское с лесом и с Луги, да два селища Лавровские с лесом и с луги, да селище Перекопское... и со всем угодьем, что к тем селищам исстари потягло...А те у меня селища и со всеми угодьи наперед сего не заложены нигде не проданы (АСЗ № 12, с. 18. 1541–1542 гг.); А велели ему взять с собою тамошних и сторонных людей...чем они владеют, велели переписать села и деревни, и починки, и пустоши, и селища, и займища, и в них помещиковы...дворы, и в них...и места дворовые, и пашню, и сено, и лес, и всякие угодья (АПД № 76, л. 215. с. 356. 1686 г.); Деревня Повадино, а въ ней селище, хоромы сожгли крымские люди (А. Юш., 183. 1574 г.); Въ пустоши Черной 100 чети, да въ трети селища, что было село Бочерниково, треть селища, что была деревня Микифорова, треть селища, что былъ починокъ Алексѣевъ (Д. Шкаловит. 4, 392. 1689 г.).

Нередко на месте пустого селища было сенокосное угодье: Да в Решете ж Онтоновское селище пусто, а косит на нем сено Егорьевской поп, а ставитца на том селище 20 копен сена (Кн. п. Обон. пят., 52. 1496 г.); Бил намъ челомъ Бориско Чмұтов сынъ Ачькалова... отца его старое помѣстье написали за ними дватцать две обжы с полубжею и с пустыми селищи (Ив. Гр. новг. гр., 5. 1556 г.); около монастыря монастырская слободка, а въ ней во дворѣ попъ Василей... да пустыхъ дворовъ крестьянскихъ и вовылскихъ... двор Васки Гончарова да селищъ пустыхъ крестьянскихъ и вовылскихъ (Ворон. меж. кн., 226. 1629 г.).

Таким образом, слово селище в деловой письменности XVI-XVII вв. имело такую терминологическую семантику: “поле, пашня”, “место бывшего села, селения; угодье на месте бывшего селения”. Учитывая такую особенность специальной лексики в донациональный период как склонность к синонимии, мы можем квалифицировать данный термин как угодье пахотное и угодье бросовое.

В настоящее время данное наименование принадлежит пассивному словарному запасу; в словаре современного русского литературного языка с пометой “устаревшее” оно отмечено в значении “место поселения” [6, 13: 603].

1. Богатова Г. А. История слова как объект русской исторической лексикологии. — М.: Наука, 1984. — 255 с.
2. Кочин Г. Е. Материалы терминологического словаря Древней России. — М. — Л.: АН СССР, 1937. — 488 с.
3. Словарь русских народных говоров. — Вып. 27: Печечки-Подельвать. — М. — Л.: Наука, 1992. — 400 с.
4. Словарь русского языка XI-XVII вв.: Вып. 15: Персть-Подмышка. — М.: Наука, 1989. — 285 с.
5. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. — Т. 9: П-Пнуть. — 1959. — 1482 с.
6. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. — Т. 13: С- Сняться. — 1962. — 1516 с.
7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. — Т. 3: Муза-Сят. — М.: Прогресс, 1964. — 827 с.

ИСТОЧНИКИ

- А. тяг. 1* — Дьяконов М. Акты, относящиеся к истории тяглового населения в Московском государстве. — Вып. 1: Крестьянские порядные. Юрьев, 1895.
- А. Юш.* — Акты XII-XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителям служилых фамилий после отмены местничества. Собрал и издал А. И. Юшков. — Ч. 1: 1257–1613 гг. — Кн. 3. — с. 129–336.
- АПД* — Акты писцового дела 60–80-х годов XVIII века: В 4-х т. — Т. 4. — М.: Наука, 1990. — 477 с.
- АСЗ 1* — Акты служилых землевладельцев XV-XVII вв. — Т. 1. — М.: Археографический центр, 1997. — 432 с.
- АЮБ* — Акты, относящиеся до юридического быта древней России: В 3-х т. — С. Пб., 1857–1884.
- Ворон. меж. кн.* — Извлечения из писцовой и межевой книги Романа Кириевского и Леонтия Недовескова 7137 г./ Воронежские писцовые книги. — Воронеж, 1891. — С. 189–261.
- Д. Шакловит. 4* — Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках: В 4-х т. — Т. 4: 1685–1725. — СПб., 1893.
- Жал. гр. митр. Дан. Мелет. Новик.* — Жалованная грамота митрополита Даниила крестьянину Мелетию Новикову 1527 г. / Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Акад. Наук: В 4-х т. — Т. 1: 1294–1598. — № 74, IV (в сп.). — С. Пб., 1836.
- Ив. Гр. новг. гр.* — Новгородские грамоты царя Ивана Васильевича (копии) 1555–1556 гг. / Рукопись Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР, ф. 2. — № 23.
- Кн. п. Обон. пят.* — Писцовые книги Обонежской пятины 1496 г. / Материалы по истории народов СССР. — Вып. 1. — Л., 1930. — С. 1–56.
- Кн. Солов. вотч. креп.* — Книги списков с вотчинных и древних крепостей Соловецкого монастыря 1544–1626 гг. — Рукопись Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР, к. 2, ; 146 (1), сп. XVII в.
- Купч. 1453* — купчая 1453 г. 29 марта (в сп. XVI в.) / Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Изд. Археографич. Ком. Под ред. Н. Калачова. — Т. 2 — № 147. — С. Пб., 1857.
- ЛН* — Новгородская первая летопись по Синодальному списку. — Изд. 1 Новгородская первая летопись по Синодальному харатейному списку. Светопечатное воспроизведение. — С. Пб., 1875. — С. 1–338.
- Отводн. Ковал. мон.* — Отводная на земли Ковалева монастыря около 1400 г. / Грамоты Великого Новгорода и Пскова XII-XVI вв. — М. — Л., 1949. — С. 178–179.

N. A. Lobacheva

TO THE HISTORY OF TITLES FOR ABANDONED SETTLEMENTS (*PECHISHHE*, *SELISHHE*) IN OLD RUSSIAN TEXTS

The article is devoted to the history of the lexemes “pechishhe” (burnt settlement), “selishhe” (former settlement) in Old Russian texts. The lexemes are analyzed as to their etymology, semantic structure, functioning at different stages of the Russian language development. Each meaning of the lexemes under consideration is characterized with an example of its realization in terminological semantics context.

Key words: lexeme, semantic structure, term, business texts.

Н. О. Лобачова

З ІСТОРІЇ НАЙМЕНУВАНЬ ПОКИНУТИХ УГІДЬ (*ПЕЧИЩЕ*, *СЕЛИЩЕ*) В РОСІЙСЬКИХ ПИСЬМОВИХ ПАМ'ЯТКАХ ДОНАЦІОНАЛЬНОЇ ДОБИ

У статті розглядається історія найменувань *печище*, *селище* в пам'ятках писемності XI-XVII ст. Ці лексичні одиниці проаналізовано з точки зору їх походження, семантичної структури, функціонування на окремих етапах розвитку російської мови. До кожного значення лексеми додаються приклади з його реалізацією в контекстах.

Ключові слова: лексема, семантична структура, термінологічна семантика, ділова писемність.

Э. Б. Тахмезова

Сопоставление согласных звуков терекемейского говора азербайджанского языка с русским и дагестанскими языками

Статья посвящена сопоставительному анализу согласных звуков терекемейского говора азербайджанского языка с русским и дагестанскими языками с целью выявления в них идентичных, частично сходных и противоположных явлений.

Ключевые слова: сравнительная фонетика, консонантизм, азербайджанский язык, русский язык, языки Дагестана, терекемейский говор.

Первые сведения о дагестанских языках относятся ко второй половине XVIII века, так что вполне можно констатировать, что здесь по настоящее время встречаются неизученные пласты национальных языков, самые различные формы их существования. Ряд языков исчез, причём чаще исчезают языки малочисленных народов.

С сожалением приходится говорить и о том, что к числу неизученных языковых образований относится и терекемейский говор азербайджанского языка, совершенно не исследованный ни в плане синхронии, ни в плане диахронии, поэтому описание его особенностей представляется весьма своевременным и важным.

Территория Терекеме располагается на пересечении важнейших путей, издавна связывающих Северный Кавказ, Поволжье, Центральную Россию с Закавказьем и Ближним Востоком. Здесь проходит железнодорожная магистраль Москва-Баку, а также автомагистраль Ростов-Баку. Всё это благоприятно влияет на развитие экономики и культуры района. Обилие солнца, тепла, мягкий климат при хорошем орошении обеспечивают развитие различных сельскохозяйственных культур в открытом грунте.

Относительная оторванность носителей терекемейского говора от основной массы азербайджанцев в течение длительного периода времени и исторически сложившиеся тесные контакты с носителями различных языков Дагестана, безусловно, способствовали сохранению им своеобразных, присущих только ему, существенных архаических черт, а вместе с тем, конечно же, и возникновению различного рода инноваций. Именно они способствовали появлению весьма серьёзных расхождений между терекемейским говором и литературным азербайджанским языком. Необходимо отметить и то, что, несмотря на соседство терекемейцев с кумыками на севере, даргинцами на западе, табасаранцами на юго-западе, язык терекемейцев сохранил свои особенности на уровне всех его составляющих.

Описание терекемейского говора имеет, на наш взгляд, большое научно-теоретическое значение. Во-первых, следует иметь чёткое представление о форме существования данного идиома. Порою трудно определить, что мы имеем — язык или говор. Во-вторых, всестороннее изучение формы существования языка связано с уточнением генеалогической, морфологической, контенсивно-структурной и функциональной классификаций языков. В-третьих, теоретическая ценность и практическая значимость исследования данной проблемы — не вызывают сомнения. Она связана с уточнением статуса данного идиома.

Рассмотрим согласные звуки. Исследование системы консонантизма этого говора свидетельствует о том, что в нём имеются все согласные родственных азербайджанского, кумыкского и ногайского языков. Кроме того, данный говор имеет свои специфические согласные фонемы, к которым могут быть отнесены *кь*, *кьв*, *гь*, *гьв*.

Общими дифференциальными признаками для согласных русского и дагестанских языков и терекемейского говора являются:

- участие голоса и шума;
- место образования шума;
- способ образования шума.

Каждый из этих признаков в терекемейском говоре, русском и дагестанских языках об­ладает своей спецификой. Характерной особенностью согласных русского языка является их противопоставленность по твёрдости-мягкости. В дагестанских языках нет различия со­гласных по твёрдости и мягкости. Зато они различаются по долготе и краткости и по лабиализации.

Согласные в сопоставляемых языках в зависимости от того, какой орган при образовании звука является активным, делятся на губные и язычные.

Дагестанским языкам не присущи губно-зубные согласные, все губные согласные здесь являются губно-губными, губно-зубной [ф] имеется в лезгинском и табасаранском языках, а в аварском, даргинском и лакском языках эта фонема отсутствует.

Язычные согласные русского языка делятся на переднеязычные, среднеязычные и заднеязычные. Специфическими переднеязычными согласными дагестанских языков являются *ml, mt, ss, ɟl, ɟi, ɟɟl*.

В дагестанских языках имеются нёбно-зубные согласные *pl, ɟɟ, dʒ*. В аварском языке имеют­ся латеральные согласные *l, lʷ, lʷlʷ, kʷ*. Наличествующие в дагестанских языках заднеязычные согласные не характерны для русского консонантизма.

Для дагестанских языков характерны глубокозаднеязычные согласные:

увулярные: *xʷ, kʷ, kʷɟ*;

фарингальные: *xl, ɟl*;

ларингальные: *ɟʷ, ɟʷ*.

По способу образования согласные в русском и дагестанских языках делятся на смычные, щелевые, аффрикаты, дрожащие. В отличие от русского языка, в дагестанских языках согласные первых трёх групп делятся на подгруппы. Смычные согласные дагестанских языков подраз­деляются на:

1. Простые непридыхательные: *b, d, ɟ*.
2. Простые придыхательные: *p, t, k, xʷ*.
3. Усиленные непридыхательные: *mp, mt, kk, kʷkʷ*.
4. Смычно-гортанные простые: *pl, kl, ml, kʷ*.
5. Смычно-гортанные усиленные: *kʷkl*.

Щелевые согласные образуют две группы:

Простые: *v, s, z, l, lʷ, ʃ, ʒ, x, ɟʷ, xl, xʷ, ɟʷ*.

Усиленные (геминированные): *ss, lʷlʷ, ʃʃ, xx, xʷxʷ*.

Аффрикаты имеют четвертичную систему:

1. Простые непридыхательные: *ɟ, ɟ*.
2. Усиленные непридыхательные: *ɟɟ, ɟɟ*.
3. Простые смычногортанные: *ɟl, ɟl*.
4. Усиленные смычно-гортанные: *ɟlɟl, ɟlɟl*.

Мягкость / твёрдость является характерной чертой только русского консонантизма.

Корреляция по мягкости / твёрдости не свойственна дагестанским языкам, в них данный признак не имеет фонологического значения. Особенностью мягких и твёрдых согласных рус­ского языка является их противопоставленность, т.е. при всех одинаковых признаках одна фо­нема отличается от другой наличием или отсутствием мягкости или твёрдости, это самостоя­тельные фонемы.

Рассмотрим теперь согласные терекемейского говора.

В терекемейском говоре азербайджанского языка имеются звонкие *й, л, м, н, нгь, р*, не имею­щие своих глухих парных согласных, так же как и некоторые согласные глухие (*х, ɟʷ, ɟʷ*), которые не имеют своих звонких парных.

Сонорные согласные:

а) носовые: *м, н, нгь*;

б) неносовые: *д, р*.

По месту образования шума согласные говора делятся на:

а) губно-губные (билабиальные): *п, б, м*.

Отметим, что в речи носителей данного языка, проживающих на границе или вперемешку с носителями дагестанских языков, согласный *в* также является губно-губным;

б) губно-зубные (лабиодентальные): *в, ф*. Согласный *в* в своём произношении в различных вариациях колеблется от губно-зубного к губно-губному, или наоборот. Так, например, в начале слова *вэтэн* перед гласным непреднего ряда в азербайджанском языке чётко и ясно слышится губно-зубной звук. Терекемейский его вариант *ватан* “родина” даёт нечто среднее между губно-губным и губно-зубным.

Ср.: азербайджанский *йолчу* “шутник”, джемикентский *йолавчу*, великентский *йоловчи*; азербайджанский *эйвэ* “айва”, джемикентский *гьайва*, великентский *гьаивэ* и т. д.

Кроме того, согласный *в* является в исследуемом языке аффиксом принадлежности 2 лица единственного числа: *атов* “отец твой”, *анов* “мать твоя”, *оввув* “твой дом”, *башув* “твоя голова”, *огьлув* “твой сын” и т. д. В этом плане язык терекемейцев значительно отличается от азербайджанского и кумыкского языков, в которых аффиксами принадлежности II лица ед. числа выступают другие компоненты: *атан* “твой отец” (аз.), *атанг* “твой отец” (кум.);

в) переднеязычные (альвеолярные): *т, д, з, с, н, л, р*. Переднеязычные, в свою очередь, делятся на альвеолярные, к которым относятся *т, д, з, с, н, л, р*, и палатальные: *ч, ш, ж, дж*. Что касается согласного *ц*, необходимо отметить, что он не представлен в фонетической системе многих тюркских языков, в том числе и азербайджанского. В заимствованиях из русского и других языков слова происходит замена или смешение с согласным *с*;

г) среднеязычные: *й, к, г*. Характеристика среднеязычных согласных значительно отличается от характеристики этих согласных в других тюркских языках. Так, например, *к* — среднеязычная, глухая смычная, непридыхательная фонема. Её употребление позиционно неограниченно: *куьчэ* “умница”, *кечи* “козел”, *коьк* “корень”, *туьк* “ворс” и т. д. В ряде случаев конечный согласный *к* имеет тенденцию к озвончению, что и является вполне нормальным явлением, если учесть влияние русского и дагестанских языков: *ине(г)* “корова”, *эри(г)* “алыча” и т. д. Как видно из этих примеров, звонким соответствием глухого *к* является заднеязычный звонкий или полувзвонкий смычный согласный звук *г*, употребление которого также позиционно не ограничено: *гэлин* “невеста”, *игит* “герой”, *хурег* “еда”, *гомущ* “буйвол”. В азербайджанском языке употребление данного согласного позиционно ограничено;

д) заднеязычные: *гь, гьв*. Заднеязычные согласные делятся на средненёбные и задненёбные, к которым относятся *х, гь, гьв*. Их образование и происхождение в языке терекемейцев значительно отличается от литературного азербайджанского и других тюркских языков: *гьывгьа* “короткий”, *кьулагь* “слушай”, *согьан* “лук”;

ж) язычковые увулярные: *кьв*. Наиболее активным органом в образовании увулярных согласных является маленький язычок (*uvula*), т.е. продолжение мягкого нёба. При его сближении с задней частью спинки языка образуются увулярные согласные. Они широко представлены в дагестанских языках. В языке терекемейцев к увулярным могут быть отнесены *кэ* и *кьв*;

з) фарингальный: *гь*. Следующей зоной образования согласных по данному признаку является фарингиалиус. Однако фарингальные, т.е. среднегортанные согласные в языке терекемейцев нами не отмечены. Зато здесь наличествуют ларингальные, глубокофарингальные согласные, к которым относятся *ь* и *гь*. Последний в азербайджанском языке обозначается через *h*.

По способу образования шума согласные делятся на следующие группы и подгруппы:

а) смычные:

смычно-взрывные: *б, д, п, т, к, кь, кьв*;

смычно-фрикативные: *ц, ч*;

смычно-носовые: *м, н, нгь*;

смычно-боковой (латеральный): *л*;

смычно-дрожащий: *р*;

б) щелевые (фрикативные): *ф, с, ш, щ, х, в, з, ж, дж, й, гь, гьв*.

Итак, мы попытались осуществить сопоставительный анализ системы консонантизма терекемейского говора, русского и дагестанских языков. Наша работа играет важную роль для исследования проблем межъязыковой коммуникации народов Кавказа. Подобная сопоставительная работа помогает также в обучении учащихся дагестанских школ и учащихся других многоязычных регионов. Приступая к изучению русского языка, учащиеся уже обладают знанием одного языка — родного. Поэтому они невольно сравнивают его с родным языком. Чёткое осознание учителем различных явлений позволяет ему логично построить учебный процесс, рационально

распределить бюджет времени и акцентировать особое внимание на специфических явлениях изучаемых языков.

1. *Загиров З. М.* Сопоставительная грамматика русского и дагестанских языков. — Махачкала, 2002.
2. *Эфендиев Т. Н.* Сопоставительная грамматика русского, азербайджанского и дагестанских языков. — Махачкала, 2006.

E. B. Takhmezova

COMPARISON OF CONSONANTS IN TEREKEMEY'S PRONUNCIATION DIALECT OF THE AZERBAIJAN LANGUAGE WITH THE RUSSIAN AND DAGESTAN LANGUAGES

This article is devoted to the comparative analysis of consonants in Terekemey's pronunciation dialect of the Azerbaijan language with the Russian and Dagestan languages with the purpose of discovering in them the identical, partial-similar and opposite phenomena.

Key words: comparative phonetics, consonants, the Azerbaijan language, Russian, Dagestan, Terekemey dialect.

Е. Б. Тахмезова

ЗІСТАВЛЕННЯ ПРИГОЛОСНИХ ЗВУКІВ ТЕРЕКЕМЕЙСЬКОЇ ГОВІРКИ АЗЕРБАЙДЖАНСЬКОЇ МОВИ З РОСІЙСЬКОЮ ТА ДАГЕСТАНСЬКИМИ МОВАМИ

Статтю присвячено зіставному аналізу приголосних звуків терекемейської говірки азербайджанської мови з російською та дагестанськими мовами з метою виявлення в них ідентичних, частково подібних та протилежних явищ.

Ключові слова: порівняльна фонетика, консонантизм, азербайджанська мова, російська мова, мови Дагестану, терекемейська говірка.

ПИТАННЯ ЛЕКСИКОЛОГІЇ, СЕМАНТИКИ І ПРАГМАТИКИ

УДК 811.161.1'373.4

Л. И. Плотникова

**Лексические инновации в текстах газетной публицистики
(специфика, типология, когнитивный потенциал)**

В статье представлен анализ лексических новообразований, извлеченных из текстов газетной публицистики последнего десятилетия, позволяющий говорить о массовом характере словотворчества. Влияние социальных факторов сказалось на активизации отдельных словообразовательных моделей. Анализ языкового материала позволил выделить наиболее активные словообразовательные модели лексических инноваций и заключить, что структура созданных в соответствии с данными моделями новообразований социально обусловлена. Продолжают проявлять активность инновации с препозитивными формантами, широко представлены суффиксальные образования, активно создаются новые композиты, аббревиатуры и отаббревиатурные производные. В текстах газетной публицистики зафиксированы слова, созданные на базе развернутых сочетаний как более компактные однословные номинации.

Ключевые слова: лексические инновации, словотворчество, ключевые слова эпохи, окказиональное словообразование.

Известно, что газета как один из видов массовой коммуникации не только фиксирует ежедневные события, но и оперативно регистрирует новый языковой материал. В ней поднимаются проблемы, которые являются наиболее значимыми для общества в тот или иной период. Чтобы привлечь внимание как можно большего числа читателей к описываемой проблеме, автор не только представляет тот или иной фактический материал, но и использует самые разнообразные средства для достижения поставленной цели. Одним из таких средств, позволяющих, с одной стороны, привлечь внимание читателя к предлагаемому материалу, а с другой, — ярко и нестандартно описать важные процессы, происходящие в обществе, являются новообразования, созданные самим автором или услышанные им в живой разговорной речи. Коммуникативно-прагматический подход к описанию нового языкового материала, извлеченного из различных газет двух последних десятилетий, позволяет выявить условия создания и функционирования инноваций в тексте газеты и определить отдельные закономерности.

Новообразования, извлеченные из газет, можно условно разбить на две группы: 1) новые слова, которые отражают социально-политические процессы, происходящие в стране в настоящее время. Эти слова образуются, как правило, по продуктивным словообразовательным моделям и получают распространение в общем языке, обозначая новые общественно-политические отношения, развитие новых технологий, отраслей науки, но они не получили еще фиксации в толковых словарях; 2) индивидуально-авторские новообразования, или окказионализмы, характеризующиеся единичным, незуальным образованием. Рассмотрим указанные группы инноваций в коммуникативно-когнитивном аспекте, предполагающем анализ социопрагматических факторов и структур представления различных видов знания в определенных языковых формах.

Важные явления социального характера отражают, как показал анализ, слова на *-зациф-*. Среди подобного рода слов преобладают новообразования, связанные с негативными явлениями, социальными бедствиями, напр.: *алкоголизация, афганизация, аферизация, бандитизация, инвалидизация, мавродизация, наркоманизация, сатанизация, сексуализация, чернобылизация* и др. Своеобразной приметой нашего времени являются новообразования со значением отвлеченного признака: *зацикленность, зашлакованность, зашумленность, мафиозность, малообеспеченность, невзвешенность, страшность*. “Совковость”: “Оказывается, можно жить в маленьком провинциальном городе ... и искоренять “совковость” — репертуаром, качеством театральности, верностью себе” (Огонёк, 1993).

Каждое из перечисленных слов по-своему характеризует явления нашей действительности. Подобного рода слова создаются довольно активно в современном русском языке, о чем свидетельствуют различные исследования: “растет класс существительных абстрактных с суффиксами *-ость* и *-изм...*” [1:138]. Таким образом, структура функционирующих в языке газетных новообразований социально обусловлена. Это свидетельствует о важности словообразовательной составляющей текста газетной публицистики: при помощи словообразовательных средств обозначается обычно то, что является наиболее важным и ценным в сознании народа. Данное положение можно подтвердить, например, активным функционированием новых префиксальных именных образований. Чем вызвана активизация приставочного способа образования субстантивов и адъективов — явления, в общем, не характерного для современного русского языка? Употребление префиксальных новообразований соотносится с теми общественными и политическими процессами, которые происходят в жизни государства. Значение префиксов сыграло определенную роль в пополнении номинативного фонда новыми словами. Так, высокую активность проявляют инновации с префиксами *анти-*, *контр-*, выражающими значение противоположности, отрицания (*антидемократ*, *антиреформатор*; *антиельцинский*, *антизаконный*, *антикоммерческий*) и др. Не случайным является также проявление активности префикса *де-* в словах *деимпериализация*, *декоммунизация*, *деноменклатуризация*, *десоветизация* и др. Подобные процессы отмечает Н. С. Валгина: “Среди продуктивных новообразований эпохи нельзя не отметить всевозможные комбинации самых разнообразных словообразовательных элементов — от приставок (как русских, так и чаще иноязычных) до цельнооформленных слов, которые объединяются в сложные и составные наименования” [1: 139].

К активным словообразовательным элементам в настоящее время относится формант *супер-*, который выражает значение “превосходящий других, самый лучший”: *супербестселлер*, *супергруппа*, *супердизайн*, *суперженщина*, *суперлюкс*, *суперхит*, *суперэлита* и др. Таким образом, словообразовательная составляющая позволяет определить, какие участки являются открытыми, а какие — закрытыми для активного словопроизводства.

Наряду с новообразованиями, отражающими различные социальные тенденции, активно создаются и функционируют в языке газеты инновации, обозначающие человека как носителя определенных социальных признаков: *похудейщики*, *егзшники*, *любэшники*, *фанерщики*, *шлягермены*, *татушники*, *маньяковеды*, *бригадёнши* и др.

Приведенные выше примеры относятся к первой группе новообразований, которые выявляют обобщественное, коллективное знание и получили распространение в последнее время. Вторая группа слов — это слова окказиональные, одноразовые, единичные, отличительной особенностью которых является то, что они объективируют не обобщественное, а *индивидуальное знание*. Именно окказионализмы наиболее ярко демонстрируют индивидуально-творческий подход к словопроизводству. В создании таких слов наиболее выразительно раскрываются творческие возможности человека. Они рассчитаны, как правило, на эффект неожиданности, оригинальность, неповторимость, “диковинность” (А. Г. Лыков), связаны с изобретательностью и нестандартностью. Окказиональные слова, как правило, отличаются одноразовостью и привязаны к определенному контексту:

“*Сер-реализм*”: “На искусство навешали много всяких “измов”. Наверное, они все имеют право на существование. И соцреализм, и сюрреализм. Только “*сер-реализм*” ни на что права не имеет” (ЛГ, 19.09.1987). Новообразование *сер-реализм* буквально означает “серый реализм” и создано в соответствии с моделью слова “сюрреализм”.

Анализ функционирования новообразований выявляет такие примеры, когда объединение различных концептов в один сложный индивидуально-авторский концепт подчеркивается в новых словах графически. Например, использованием заглавных букв: *наНДРаться*; *АиФоризмы*; *МАВРоди сделал своё дело*; *Мы расКУРИЛи трубку мира*; *ЦСКАзка с печальным концом*; *заКРЫМа бывшей родины*; *заКАННОдатели стилиа*; *русская прости Турция* и др. Анализируя подобного рода слова, В. П. Изотов считает, что в основе их образования — одна из разновидностей графического способа, при которой “начертания отдельных букв, <...> сочетания шрифтов могут служить носителями прагматической информации и путями вторжения в область семантики” [2: 9].

В отдельных случаях могут быть использованы заимствованные элементы или целые слова:

“Блэксплуатация”: “Фильм возродил моду семидесятых на “блэксплуатацию” (Премьер, февр. — март 1999. С. 22). — *Black* (англ. — черный) + *эксплуатация*, то есть мода на использование в главных ролях чернокожих киноактеров.

Данный ряд индивидуально-авторских образований можно продолжить многочисленными словами, характеризующими нашу действительность с различных сторон, например: *бандида*, *бывшевики*, *дерьмократия*, *желто-прессник*, *кока-колонизация*, *опрезидентиться*, *ошопиться*, *первопроходимцы*, *пьянерка*, *сроссиянить*, *целлюлительница*, *ценизм* и др. Подобного рода слова свидетельствуют об активном словотворчестве, выражают эмоциональную оценку происходящего в современной жизни, позволяют понять индивидуальный опыт его постижения.

Особенности функционирования новообразований в определенных текстах можно, на наш взгляд, исследовать с учетом следующих составляющих: ономаσιологической, когнитивной и словообразовательной [3]. Ономаσιологическая составляющая (ОС) связана с определенным объектом, реалией объективной действительности, требующей своего обозначения. Ее анализ позволяет установить, что является наиболее важным и необходимым для носителей языка в определенный период, и исследовать принципы обозначения этих понятий, связанные с отношением того, что обозначается, к определенному классу явлений.

Когнитивная составляющая (КС) обусловлена обобщественными или индивидуальными знаниями, которые выражены в новом слове, выступающем в тексте в роли актуализатора. Она соотносится с общей идеей текста, что находит выражение в наличии слов-ассоциатов и одно-коренных с новообразованием слов, то есть слов одного словообразовательного гнезда. Таким образом, КС позволяет выявить, как на основе имеющихся, “готовых” языковых единиц создается единица, обозначающая что-то новое.

Словообразовательная составляющая (СС) организована набором деривационных моделей и словообразовательных средств, используемых автором в моделировании новых наименований, которые соответствуют его замыслу.

Указанные составляющие взаимосвязаны и выступают в единстве в определенном тексте. Таким образом, словопроизводство в языке средств массовой информации — это та область номинативной деятельности, где ярко раскрываются творческие возможности человека. Лексика газеты оперативно отражает состояние современного российского общества. В свою очередь, преобразования, происходящие в последние годы в России, качественно изменяют язык СМИ. Высокая степень оценочности, стремление любой ценой привлечь внимание читателя, подчас слепое следование за установившейся в сознании носителей языка речевой модой не могли не отразиться на особенностях словотворчества.

Новообразования газетной публицистики — это разнородный материал, представленный новыми словами, которые проявляют в последнее время определенную активность, и индивидуально-авторскими образованиями, созданными “по случаю”, “одноразово”, с определенной целевой установкой. Анализ новообразований с учетом составляющих разных уровней выявил различия выделенных нами групп. Так, слова первой группы отражают наиболее важные общественно-политические и социально-экономические изменения, происходящие в России в последнее время (ОС); они, как правило, объективируют обобщественное, коллективное знание, которое начинает закрепляться социальной практикой (КС), и образованы по продуктивным моделям (СС). Слова второй группы также связаны с влиянием социальных факторов, но они более субъективны, в них наиболее выражены оценочность и экспрессия, ярче представлено личностное начало, связанное со стремлением индивидуума к выражению своего “я” (ОС). Соответственно такие слова объективируют индивидуальное знание, структурированное в сложный индивидуально-авторский концепт (КС), который находит выражение в необычных языковых формах (СС).

1. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. — М., 2001.
2. Изотов В. П. Уровневая организация способов словообразования. — Орёл, 1996.
3. Плотникова Л. И. Словотворчество как феномен языковой личности. — Белгород, 2003.

L. I. Plotnikova

LEXICAL INNOVATIONS IN TEXTS OF NEWSPAPER PUBLICISM (SPECIFIC CHARACTER, TYPOLOGY, COGNITIVE POTENTIAL)

The article presents the analysis of the lexical neologisms extracted from the last decade newspaper publicism texts, and it allows to talk about mass character of word creation. Social factors make more active some word-formation models. The analysis of the language material shows the most active word-formation models of neologisms. They are: innovations with prepositive formants, suffix formation, composites, abbreviations, etc. The newspaper publicism texts fix the words created on the basis of detailed combinations as compact one-word nominations.

Key words: lexical innovations, word-formation models, keywords of the age.

Л. І. Плотникова

ЛЕКСИЧНІ ІННОВАЦІЇ В ТЕКСТАХ ГАЗЕТНОЇ ПУБЛІЦИСТИКИ (СПЕЦИФІКА, ТИПОЛОГІЯ, КОГНІТИВНИЙ ПОТЕНЦІАЛ)

У статті подано аналіз лексичних новоутворень, вибраних із текстів газетної публіцистики останнього десятиріччя, який дозволяє говорити про масовий характер словотворення. Вплив соціальних факторів активізував деякі словотвірні моделі. Аналіз мовного матеріалу надає можливість виділити найбільш активні словотвірні моделі лексичних інновацій і зробити висновок, що структура створених у відповідності до даних моделей новоутворень є соціально зумовленою. Продовжують виявляти активність інновації з пре-позитивними формантами, широко представлені суфіксальні утворення, активно створюються нові композити, абрєвіатури та відабрєвіатурні похідні слова. У текстах газетної публіцистики зафіксовано слова, утворені на базі розгорнутих сполучень як більш компактні однослівні номінації.

Ключові слова: лексичні інновації, словотворення, ключові слова епохи, оказіональне словотворення.

УДК 811.161.1'373.23

Н. А. Павлова

Возрастные номинации человека в русской национальной традиции и прозаических текстах

В толковом словаре В. И. Даля представлена возрастная классификация человека. В соответствии с этой классификацией приводятся возрастные номинации человека. Предметом описания статьи являются возрастные номинации, которые своеобразно используются в прозаических текстах.

Ключевые слова: возрастная классификация, русская национальная традиция, языковые номинации, специфика использования возрастных номинаций в текстах.

Человек принадлежит к числу фундаментальных абсолютов культуры. Как полагает Ю. С. Степанов: “Чем важнее в культурном отношении предмет, тем больше у него “параметров”, тем больше он “параметризован”. Человек занимает здесь вершинное место: ничто так не параметризовано, как человек” [3: 967].

В структуре целостного образа человека параметр “возраст” выделяет аспект его внешнего и внутреннего развития во времени. В теоретических исследованиях Н. Д. Арутюновой, Е. С. Яковлевой, Г. А. Пуягина, Л. Т. Костиной, Т. А. Фадеевой, Ю. Ю. Литвиненко и др. концепт “возраст” описывается всесторонне и на материале разных языков. С возрастными периодами жизни связаны стереотипы поведения, внешний вид, оценка социальной значимости человека. В русской культуре — “степень зрелости или взрослости, молодости и старости. Обычно принимают пять таких степеней или возрастов: младенческий, отроческий, юношеский, муже-

ский и старческий; можно было бы прибавить: утробный и дряхлый, да вставить ещё, после младенческого, ребячий или детский; после юношеского возмужалый, после мужского, середовой и нетяглый. Возрастам дают семилетний и полусемилетний сроки” [1: 200]. По определению В. И. Даля, для русской национальной традиции пол начинает различаться по достижению 7 лет. По отношению к мужскому полу градуированная возрастная шкала жёстко репрезентирована возрастными номинациями: мальчик до семи лет — младенец, до 14–15 лет — отрок, до 21 года — юноша; до 28 — возмужалый, до 35 — муж, до 49 — середовой, до 56 — пожилой, от 56 лет и далее — престарелый, старик, старец [1, 2: 293].

Женская возрастная шкала является менее чёткой. Женщина определяется как лицо женского пола, противоположное мужчине; девушка, дева (устар.), девица — “юная женщина, достигшая половой зрелости, но ещё не вступившая в брак” [6, 1: 235, 229]. Сема “юный” в структуре значения даёт основание связывать последние возрастные номинации с периодом юности — от 14–15 до 20–21 года.

Видимо, такое состояние объясняется существующим в разных культурах стереотипным представлением о неэтичности высказываний о возрасте женщины.

Обратимся к классическим текстам русской культуры. А. С. Пушкин в романе “Евгений Онегин” по-разному отмечает возрастной признак в образах своих персонажей: точно обозначает, даёт возможность читателю определить из контекста, употребляет только возрастные номинации, оставляя простор для воображения читателя [2]. Евгений Онегин изображён на страницах романа в разные возрастные периоды: “дитя в пору юности мятежной” (14–15 лет); “философ в осьмнадцать лет” “среди блистательных побед; провёл в вихре развлечений “восемь лет, утрата жизни лучший свет”; сельский житель в 24 года; после всех событий встречаем нашего героя в Петербурге дожившим “без цели и трудов” до 26 годов, в возрасте возмужалом.

Описание Татьяны сопровождается на всём протяжении романа возрастными номинациями: девочка, дитя, отроковица, во время именин празднуют её четырнадцатилетие. И только однажды, описывая размышления Евгения Онегина после получения письма, А. С. Пушкин точно указывает возраст героини:

Кому не скучно лицемерить,
Различно повторять одно,
Стараться важно в том уверить,
В чём все уверены давно,
Всё те же слышать возраженья,
Уничтожать предрассужденья,
Которых не было и нет
У девочки в тринадцать лет! [2: 68]

Затем на балу в Петербурге мы встречаем княгиню замужем “около двух лет”. В нашем исчислении Татьяне в эту пору между 16-ю и 17-ю годами.

Владимир Ленский — “юноша-поэт”, погибший на дуэли в возрасте “осмнадцати лет”. Ольга пленила Ленского во младенчестве, мы встречаем её в романе в возрасте отроковицы (12–13 лет), “чуть с пелёнок, кокетка, ветреный ребёнок”.

Предположительно возраст “милой старушки Лариной” — 37 лет, няне, которая “крестит дряхлую рукой” Татьяну, от 56 лет.

Л. Н. Толстой в романе “Война и мир” либо очень точно называет возраст героев, связывает его с временем повествования, либо не называет вовсе, ограничиваясь возрастными номинациями [4]. Приведём наши результаты внимательного прочтения текста.

Возраст персонажей романа “Война и мир”, точно указанный автором.

Персонажи	Время описываемых событий	Возраст	Возрастной период	Возрастные номинации
Князь Андрей	1805 г. 1809 г.	27 лет 31 год	возмужалый муж	“молодой человек”, “молодой князь Болконский”
Пьер Безухов	1805 г.	21 год (10–20 лет был за границей)	юность	“молодой человек”

ПИТАННЯ ЛЕКСИКОЛОГІЇ, СЕМАНТИКИ І ПРАГМАТИКИ

Персонажи	Время описываемых событий	Возраст	Возрастной период	Возрастные номинации
Наташа Ростова	1805 г. 1806 г. 1809 г. (первый бал) 1813 г. 1820 г.	13–14 лет 15 лет 18 лет 22 года (время замужества) 29 лет (четверо детей)	отрочество отрочество	“в том милом возрасте, когда девочка уже не ребёнок, а ребёнок ещё не девушка” “девочка”, “девушка”, “полубарышня”, “полудевочка”
Соня	1805 г. 1806 г. 1810 г.	15 лет 16 лет 20-й год	отрочество	девушка
Вера	1805 г. 1806 г.	17 лет 20 лет (так у Л. Н. Толстого)		“двадцатилетняя красивая девица”
Петя Ростов	1810 г. 1812 г.	13 лет 15 лет	отрочество	“мальчик”
Старая графиня Ростова	1805 г.	Лет 45-ти (12 детей)		“старая графиня”, “старуха”
Анна Павловна Шерер	1805 г.	40 лет		“старая девица”
Жюли Карагина	1811 г.	27 лет		“знакомая, не имеющая пола” (номинация мужчин)
Марья Дмитриевна Ахросимова	1805 г.	50 лет		старушка
Князь Василий	1805 г.	шестой десяток	старый и престарелый	“старый князь”
Долохов	1806 г.	27 лет	возмужалый	

Подростки у Л. Н. Толстого — тринадцати-четырнадцатилетние девочки, барышни. Намёк на возраст некоторых персонажей в романе обозначен в возрастных номинациях типа “молодая княгиня Болконская”, “молодая, маленькая княгиня Болконская”, “старый князь Болконский”, “старый граф” (Илья Андреевич Ростов), “молодой граф” (Николай Ростов) и др.

Возрастная характеристика человека включает в себя типичные, закреплённые в русской ментальности представления о поведении, функциях, наборе определённых черт, о жизненном опыте, социальном статусе человека на определённом возрастном этапе. Кроме понятийной составляющей, концепт “возраст” включает ещё и аксиологическое содержание: возрастной период и человек на этом этапе оцениваются положительно, отрицательно, эмоционально. Для русской культуры положительная и в высшей степени восторженная оценка распространяется на периоды детства и молодости. Об относительности суждений, что детство и молодость — золотая пора, время цветения, безмятежности, беззаботности, радости жизни, свидетельствует хотя бы фильм С. Говорукина “Легко ли быть молодым”. Период отрочества в сознании людей ассоциируется с психической неустойчивостью, неадекватностью поведения, самопознанием и самооценкой. Зрелый возраст — период духовного и физического расцвета — осложняется возрастным кризисом, связанным с пересмотром ценностей, оценкой прожитого времени, поиском путей своего дальнейшего существования. Бальзаковский возраст женщины — лучшая пора её жизни, сопровождающаяся расцветом духовным и физическим, период наивысшего расцвета личности. Период старости связан с отрицательной оценкой, поскольку знаменует собой закат жизни, сопровождающийся утратой физических сил, уменьшением социальной значимости.

С течением времени в концепте “возраст” изменяются временные границы возрастных периодов. Так, на протяжении 20 века расширились границы возраста детства (по классификации ЮНЕСКО до 18 лет), бальзаковского возраста (от 30 до 40 лет), возраст девушки стал определяться интервалом от 18 до 38 лет, представление о середине жизни (50 лет) наполняется новым содержанием. В мировых культурах отмечается тенденция к установлению в качестве эталона определённого возрастного периода.

Эти тенденции отмечались в разные исторические периоды развития общества. Так, в эпоху галантного века (18 в.) люди стремились остановить время: все пудрились, даже дети, для того, “чтобы все казались одинакового возраста, женщина никогда не становится старше двадцати, а мужчина — тридцати лет” [5: 89]. То же самое отмечается и в настоящее время в Европе и Америке: родители стараются выглядеть не старше своих детей. Причины происходящих социальных и когнитивных процессов кроются в жизни общества.

Выводы. Концепт “возраст” квалифицируется как национально-культурный феномен. Его содержание предопределяют связи с когнитивными онтологическими категориями времени и развития. В разных возрастных периодах человек претерпевает физические и духовные изменения, тождество восприятия его личности сохраняет совокупность индивидуальных признаков. Разные возрастные номинации человека создают его целостный языковой образ, в их значениях содержится сема “развитие во времени”, они отражают стереотипы сознания, касающиеся представлений о возрастной норме и оценке возраста или человека в том или ином возрастном периоде.

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1–4. — М.: Русский язык, 1981.
2. *Пушкин А. С.* Евгений Онегин.: Т. 5 — ПСС: В 10-ти т. — 4-е изд. — Л.: Наука, 1978. — 525 с.
3. *Степанов Ю. С.* Константы: Словарь русской культуры. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Академический Проект, 2001. — 990 с.
4. *Толстой Л. Н.* Война и мир. — Собр. соч.: В 22-х т. — М.: Художественная литература, 1979–1981. — Т. 4–7.
5. *Фукс Эдуард.* Иллюстрированная история нравов: Галантный век: Пер. с нем. — М.: Республика, 1994. — 479 с.
6. *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: 13560 слов: Т. 1–2. — 2-е изд. — М.: Русский язык, 1994.

N. A. Pavlova

THE AGE NOMINATION OF A PERSON IN THE RUSSIAN NATIONAL TRADITION AND THE TEXTS OF PROSE

The dictionary of V. I. Dal gives the age classification of a person. The object of the article is the age nominations which are specifically used in the texts of prose.

Key words: the age classification, Russian national tradition, language nominations, specification and peculiarities of using the age nominations in the texts.

Н. А. Павлова

ВІКОВІ НОМІНАЦІЇ ЛЮДИНИ В РОСІЙСЬКІЙ НАЦІОНАЛЬНІЙ ТРАДИЦІЇ ТА ТЕКСТАХ ПРОЗИ

У тлумачному словнику В. І. Даля подана вікова класифікація людини. У відповідності до цієї класифікації наведені вікові номінації людини. Предметом дослідження даної статті є вікові номінації, які певним чином використовуються у текстах прози.

Ключові слова: вікова класифікація, російська національна традиція, мовні номінації, специфіка використання вікових номінацій у текстах.

Актуализация темпоральных семантических признаков в рефлексемах кауземы ЛЕТО

Статья посвящена анализу отношений между членами ассоциативно-семантической группы (рефлексемами) и ее вершиной (кауземой) *лето*. Объектом исследования являются рефлексемы, реализующие темпоральные семантические признаки ('часть года', 'следование во времени' и др.) в качестве ядерных.

Ключевые слова: ассоциативно-семантическая группа, каузма, рефлексема.

Более полувека внимание лексикологов и семасиологов сосредоточено на исследовании лексико-семантических парадигм: синонимических и антонимических рядов, тематических, гиперо-гипонимических, лексико-семантических групп, семантических полей и др. Научные труды зарубежных и отечественных ученых (Й. Трира, Г. Ипсена, В. Порцига, Ф. П. Филина, Д. Н. Шмелева, Ю. Д. Апресяна, Ю. Н. Караулова, А. М. Кузнецова, Л. А. Новикова, И. А. Стернина, А. А. Уфимцевой и др.), посвященные выявлению способов объединения лексем в такие парадигмы, определению их структуры, анализу отношений между их членами, являются теоретической базой, на основе которой ведутся дальнейшие разработки в области лексической семантики, в частности, теория ассоциативно-семантической группы (АСГ) [5].

Особенность АСГ состоит в том, что она, являясь частью ассоциативного поля, объединяет лишь те ассоциаты (рефлексемы), которые реализуют в качестве ядерных периферийные семы исходного слова (кауземы). В свою очередь любая из рефлексем вступает в тот же вид связи, то есть ассоциативно-семантическую связь, с другими словами, по отношению к которым данная лексема, оставаясь рефлексемой "исходной" кауземы, сама выступает кауземой. Таким образом формируется ассоциативно-семантическая группа второго уровня (АСГ_{II}), рефлексемы второго уровня выступают как кауземы для АСГ третьего уровня (АСГ_{III}) и так далее. В совокупности члены АСГ всех уровней, непосредственно или опосредованно семантически связанные с "исходной" кауземой, образуют ассоциативно-семантическую структуру (АСС). Из вышесказанного следует, что структура и состав как АСГ, так и АСС в целом обусловлены, прежде всего, семантической структурой исходного слова.

Структура значения лексемы *лето* характеризуется общими для всех членов лексико-семантической группы "времени года" семантическими признаками: темпоральными ('отрезок времени', 'следование во времени', 'условная закрепленность на временной оси', 'относительность временных границ' и др.), качественными — качественно-темпоральными ('температурный режим', 'вид осадков', 'долгота светового дня' и др.) и качественно-предметными ('человек', 'живые существа (не люди)', 'растения' и др.) [3].

Согласно словарным дефинициям, ядро семантической структуры слов-названий времен года составляют темпоральные признаки, в первую очередь, 'часть года'. Не составляет исключения и слово *лето* — "самое теплое время года, наступающее вслед за весной и сменяющееся осенью" [1: 494].

Несмотря на то, что год издавна делился на четыре сезона (в зависимости от метеорологических особенностей и температурного режима, характеризующих каждый из них), у древних индоевропейцев "весна и осень обозначали понятия промежуточные, недостаточно четкие и устойчивые" [7: 112]. И в сознании современного человека лето наряду с зимой считается основным сезоном, в отличие от переходных сезонов — весны и осени. И если весна и осень имеют некоторые общие черты (вследствие чего часто взаимоассоциируются): "*Стояла та обманчивая и удивительная ялтинская осень, когда нельзя понять, доцветает ли весна или расцветает прозрачная осень*" /К. Паустовский/, то основные сезоны чаще противопоставляются друг другу по погодным условиям: "*Для лета есть зонтик, зимою — калоши*" /М. Светлов/, "*И я не узнала — ты враг или друг, Зима это или лето*" /А. Ахматова/.

В целом ряде контекстов при совместном употреблении слов *лето* и *зима* в обеих лексемах прежде всего актуализируется сема 'основной сезон'. При этом одна из них, в данном случае *лето*, является кауземой для другой на том основании, что в ее семантике 'зима' является периферийной, неосновной семой, которая становится релевантной в определенной речевой ситуации, поскольку лето может быть охарактеризована как "один из основных сезонов года наряду с зимой": "*Мы путь свой мерим временами года, Нам веки ставят лето и зима...*" /Н. Рыленков/.

Актуализация семы 'основной сезон' может осуществляться двумя способами: противопоставлением этих времен года ("*Мы не грустим, пугаясь снова Дыханья близкого зимы, А голос лета прожитого Янее понимаем мы*" /А. Фет/, "*Нам и летом, и зимой морозною Не до голубых и карих глаз*" /С. Фогельсон/, "*Зиме и лету перемены (союзу) нету*" /Нар. тв./), либо представлением их в совокупности как целого года, например, выражение "*зиму и лето*" имеет значение "постоянно, в любое время года" [1:494]. ("*На кресте и зимой и летом Мой фарфоровый бьется венок*" /А. Белый/, "*Разве знает кто, сколько лет и зим Я улыбки жду и тепла*" /В. Долматовский/, "*Знала б ты, как ночи напролет, Летом и зимой — без сна Здесь тебя со мною вместе ждет Тишина...*" /В. Орлов/, "*Лето и зиму скрываются от людей разбойники-волки*" /И. Соколов-Микитов/).

Лето также ассоциируется с промежуточными сезонами — весной и осенью, один из которых соответственно предшествует, а другой следует за ним, что отражено в представленной выше словарной дефиниции. Поэтому в структуре кауземы можно выделить периферийные семы 'весна' и 'осень', которые становятся релевантными в контексте: "*Его на грани лета и весны Гроза не раз крылом своим зацепит*" /Н. Рыленков/, "...нынче сменила *осень* Жизни нашей яркое *лето*" /Е. Абросимов/, "*Но лето быстрое летит. Настала осень золотая*" /А. Пушкин/, "...Дни *лета* Клонились к *осени*" /А. Пушкин/.

Следует отметить, что в праславянский период выделяли всего два сезона — теплый и холодный, а семантическая группа названий времен года имела структуру *vesna — zima [2]. Такое деление не утратило своего смысла и на современном этапе, так как остается актуальным деление года на два периода, для обозначения которых в современном русском языке используются сложные прилагательные *весенне-летний* (теплый период) и *осенне-зимний* (холодный период). Так, в художественных текстах при совместном употреблении лексем *осень* и *зима* актуализируются семы 'холодный период', 'неблагоприятный период': "*Никаких ни осеней, ни зим — Лето — в ржави крыши и колоколен*" /В. Корнилов/. В данном примере *осень* и *зима* образуют оппозицию с лексемой *лето* на основании качественной признака 'температурный режим' (как известно, лето является самым теплым сезоном, следовательно, речь идет о контрарной оппозиции). А при совместном употреблении лексем *весна* и *лето* актуализируются семы 'теплый период', 'благоприятный период': "*Весною и летом мы ходим гулять по этой любимой тропинке*" /И. Соколов-Микитов/, "*Давно им грезилось весной, Весной и летом золотым...*" /Ф. Пютчев/.

В иерархической системе единиц измерения времени сезоны занимают особое положение: год делится, с одной стороны, на 12 месяцев, с другой стороны, — на сезоны, каждый из которых состоит из 3 месяцев: "*Три месяца — лето, три месяца — осень, три месяца — зима и вечная весна*" /И. Шаферан/.

Т. И. Плужникова в предлагаемой ею словарной дефиниции к слову *лето* в качестве дефиниционно возможных признаков, в частности информативно-обязательных, указывает следующие: "Регулярно повторяющаяся часть года, условно равная трем месяцам. Основной сезонный период теплого времени года, наступающий после весны и сменяющийся осенью; отличается самой высокой температурой воздуха, максимальным световым днем" [3: 243]. Признак 'единица измерения времени' не выделяется в семантической структуре сезонных слов, хотя в предлагаемой дефиниции отмечено, что каждое из них характеризуется как часть года и равно трем месяцам. Кроме того, согласно данным "Русского ассоциативного словаря" [4], а также результатам проведенных нами ассоциативных экспериментов, часто в роли ассоциатов названий времен года выступают названия месяцев, из которых они состоят.

Таким образом, являясь гипонимом слова *сезон*, лексема *лето* в свою очередь симулятивно связана с названиями летних месяцев, образующих группу календарных единиц, в семантической структуре которых признак 'отрезок времени' представлен и семой 'часть года', и семой 'часть сезона': *июнь* — "Шестой месяц календарного года; первый месяц *лета*" [1: 406], *июль* — "Седьмой месяц календарного года; второй месяц *лета*" [1: 406], *август* — "Восьмой месяц ка-

лендарного **года**; последний месяц **лета**” [1: 25]. В семантической структуре перечисленных слов наряду с признаком ‘часть года’ выделяется также интегральный признак ‘часть лета’.

Поскольку любой сезон представляет собой достаточно продолжительный период, его (сезона) качественные характеристики по-разному реализуются в зависимости от того, начальный, последний или промежуточный отрезок времени рассматривается. Очевидно, что в начале и в конце сезона все качественные характеристики представлены как ослабленные, а максимально они проявляются в разгаре сезона. Разгар лета приходится на июль, который в народе называют “макушкой лета” (“*Июль — макушка лета*” /Нар. тв./), то есть в течение именно этого месяца, как правило, наиболее высокая температура воздуха днем и ночью, вода в водоемах стабильно теплая и т. д. Совместное использование в одном контексте кауземы и рефлексемы *июль* обычно способствует актуализации семы ‘самый’ в обеих лексемах: “*В сто сорок солнц закат пылал, в июль катилось лето...*” /В. Маяковский/.

В предложении “*А летнее, июльское утро!*” /И. Тургенев/ автор не случайно не ограничился лишь указанием на сезон: последовательное употребление синтаксических дериватов данных кауземы и рефлексемы позволяет адресату понять, что лето в разгаре, а, значит, хотя утро наступило рано, воздух теплый. Кроме того, если в тексте используется лексический дериват рефлексемы со значением свойственности, то, сочетаясь с другими рефлексемами данной АСГ, слово актуализирует в семантике синтагматического партнера сему ‘самый’: “*Старинный этот русский городок, в развалинах, так ясно озаренный июльским солнцем...*” /П. Антокольский/, то есть максимально ярким и жарким; “*Как в звенящий июльский зной...*” /А. Сурков/ — зной нестерпимый, до звона в ушах; “*...кто там стоял со мной И в лютый холод и в июльский зной...*” /А. Ахматова/. В последнем примере актуализации значения ‘самый’ у слова *холод* способствует использование прилагательного *лютый*, и ту же функцию в отношении слова *зной* выполняет адъектив *июльский*.

Поскольку своеобразие сезона максимально проявляется в его разгаре, с определенным временем года чаще ассоциируется именно срединный месяц: “*По январям и июлям я проберусь туда*” /А. Ахматова/, “*Ничего не отдаст вам Ни апрель, ни июль...*” /М. Цветаева/.

Первый и последний месяцы зачастую представляют собой “переходный период” между сезонами, что нашло отражение как в устном народном творчестве: “*Июнь — конец пролета, начало лета*” /Нар. тв./, так и в художественной литературе: “*Август — астры, Август — звезды, Август — грозди Винограда, и рябины Ржавой — август*” /М. Цветаева/ — рефлексема *август* не может быть формально заменена кауземой *лето* (ср. “*Лето — астры, Лето — звезды, Лето — грозди Винограда, и рябины Ржавой — лето*”), так как в слове *август* в данном случае актуальна сема ‘предшествует сентябрю (осени)’.

Как было сказано выше, каждая из перечисленных рефлексем может выступать кауземой по отношению к ряду слов, образующих АСГ второго уровня. Среди темпоральных рефлексем второго уровня АСС *лето* следует отметить **наименования “летних” созвездий**: *Близнецы* — “2. Одно из двенадцати созвездий Зодиака с двумя близко расположенными яркими звездами” [1: 84], *Рак* — “2. Одно из двенадцати созвездий Зодиака” [1: 1084], *Лев* — “4. Одно из двенадцати созвездий Зодиака” [1: 488]. Очевидно несовершенство данных определений. Являясь членами одной тематической группы, они имеют абсолютно идентичные дефиниции, что недопустимо. Среди всех двенадцати названий созвездий Зодиака лишь космоним *Близнецы* содержит в своем определении дифференциальные семы. Значения перечисленных лексем, возникшие в результате метонимического переноса (*Близнецы* — “3. О человеке, родившемся в конце мая — июне, когда Солнце находится в созвездии Близнецов” [1: 84], *Рак* — “3. О человеке, родившемся в конце июня — июле, когда Солнце находится в созвездии Рака” [1: 1084], *Лев* — “5. О человеке, родившемся в конце июля — августе, когда Солнце находится в созвездии Льва” [1: 488]), позволяют выделить темпоральные семы, которые могут выступать как дифференциальные в пределах тематической группы. Очевидно, что дифференциальные признаки должны быть отражены и в дефинициях космонимов, которые могут быть представлены следующим образом: *Близнецы* — “2. Одно из двенадцати созвездий Зодиака с двумя близко расположенными яркими звездами, в котором Солнце находится в конце мая — июне”, *Рак* — “2. Одно из двенадцати созвездий Зодиака, в котором Солнце находится в конце июня — июле”, *Лев* — “4. Одно из двенадцати созвездий Зодиака, в котором Солнце находится в конце июля — августе”.

Заполненность любого временного периода (в данном случае — сезона) теми или иными событиями обуславливает появление в составе АСС лексем с событийным значением. Денотативные зоны, которые образуются данными лексемами, являются аппликативными, так как названные рефлексемы связаны с кауземой на уровне темпорально-обстоятельственного признака (отнесенность к определенному временному периоду) и качественно-предметного (посредством семантического признака 'человек'). Это прагматический уровень ассоциативно-семантической группы, который ориентирован на отражательную семантику слова-кауземы.

Самой многочисленной является денотативная зона **названий летних праздников**. Эта зона состоит из двух микрозон.

Первая — **названия государственных праздников**, даты которых приходятся на летние месяцы. Для Украины это *День Конституции* (28 июня) и *День Независимости* (24 августа).

Вторая микрозона — **названия религиозных праздников**: *Ивана Купала* (*Купало*) — “У православных — праздник 24 июня старого стиля, посвященный так называемому Иоанну Крестителю” [6, 5: 1841]: “*Ивана Купала — главный летний праздник народного сельскохозяйственного календаря*” /Ф. Капица/; *Петров день* — “Установленный православной церковью праздник в честь апостолов Петра и Павла (29 июня старого стиля)” [6, 9: 1111]: “*С Петрова дня красное лето, зеленый покос*”, “*Женское лето по Петров день*” /Нар. тв./; *Ильин день* — “Отмечаемый церковным календарем праздник Ильи-пророка 20 июля старого стиля” [6,5: 330]: “*Миновал грозный Ильин день, в этом году такой же нестерпимо палящий, как и все дни насмерть сухого лета*” /М. Горький/, “*На Илью до обеда лето, после обеда осень*” /Нар. тв./; *Спас* — “3. Название каждого из трех церковных праздников конца лета: *Первый Спас: Спас мокрый* (14 августа). *Второй Спас: яблочный Спас* (19 августа). *Третий Спас: Спас-на-полотне; Спас нерукотворного образа...* (29 августа)” [1: 1245]: “*Под названием “Спасы” известны три праздника, отмечаемые в августе*” /Ф. Капица/.

Рефлексемы этих микрозон связаны с кауземами (названиями месяцев) на основе конкретных дат, указанных в соответствующих словарных статьях, и образуют в пределах рассматриваемой АСС АСГ_{III}. Приведенные примеры демонстрируют семантическую связь рефлексем третьего уровня и с непосредственной, и с “вершинной” кауземой.

Таким образом, ассоциативно-семантическая цепочка, образованная темпоральными рефлексемами слова *лето*, представлена тремя уровнями. При этом актуализируются семантические признаки ‘единица измерения времени’, ‘часть года’, ‘основной сезон’, ‘следование во времени’. Перспективой исследования является изучение особенностей актуализации других семантических признаков (качественно-темпоральных, качественно-предметных) в рефлексемах кауземы *лето*.

1. *Большой толковый словарь русского языка* / Гл. ред. С. А. Кузнецов. — С. Пб, 2003.
2. *Ивашина Н. В.* Семантическая микросистема обозначений времени в праславянском языке. Автореф. канд. дис. — Минск, 1978.
3. *Плужникова Т. И.* Типология комплексных единиц словообразования. — К., 2002.
4. *Русский ассоциативный словарь*. В 2 т. / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. — М.: ООО “Издательство Астрель”: ООО “Издательство АСТ”, 2002.
5. *Слива Т. В.* Ассоциативно-семантическая группа как форма парадигматической организации лексики (на материале названий сезонов в русском языке): Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02. — Киев, 2005.
6. *Словарь современного русского языка*. В 17 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. — М. — ЛО.: 1948–1965.
7. *Филин Ф. П.* Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи // Уч. записки Ленинградского пед. ин-та им. Герцена. — Л., 1949.

T. Slyva

ACTUALIZATION OF TEMPORAL SEMANTIC MARKERS IN THE “REFLEXEMAS” OF THE “KAUZEMA” *LETO* (*SUMMER*)

The article deals with the analysis of relations between members of the associative-semantic group (reflexemas) and its head (kauzema) *лето* (*Summer*). The object of research are reflexemas, realising temporal semantic markers ('a part of a year', 'following in time', etc.) as the nuclear.

Key words: associative-semantic group, kauzema, reflexema.

Т. В. Слива

**АКТУАЛІЗАЦІЯ ТЕМПОРАЛЬНИХ СЕМАНТИЧНИХ ОЗНАК У РЕФЛЕКСЕМАХ
КАУЗЕМИ ЛЕТО**

Статтю присвячено аналізу відношень між членами асоціативно-семантичної групи (рефлексемами) та її вершиною (кауземою) *лето*. Об'єктом дослідження є рефлексеми, які реалізують темпоральні семантичні ознаки ('частина року', 'наступність у часі' та ін.) як ядерні.

Ключові слова: асоціативно-семантична група, каузема, рефлексема.

УДК 808.2:801.541.3

О. В. Литвин

Семантическая освоенность иноязычных заимствований

В статье рассматриваются процессы адаптации иноязычных слов, их семантическая освоенность и концептуализация. Анализ проводится с социолингвистической точки зрения.

Ключевые слова: иноязычные заимствования, социолингвистика, языковое сознание, семантические сдвиги, расширение и сужение концептуального содержания.

Проблема иноязычного заимствования всегда привлекала к себе внимание лингвистов, она не нова. Процесс заимствования иноязычной лексики в большей или меньшей степени присущ любому языку во все периоды его развития, поскольку языки не существуют в полной изоляции. Изучение языкового заимствования имеет достаточно большую традицию и в зарубежном, и в отечественном языкознании, так как невозможно найти какой-либо язык, который не пополнял бы своего лексического состава за счёт иноязычных слов. Утверждение И. А. Бодуэна де Куртенэ, что "... нет и не может быть ни одного чистого, не смешанного языкового целого. Смешение есть начало всякой жизни..." [1: 362], невозможно опровергнуть.

Взаимодействие между различными языками на лексическом уровне составляет заметную страницу в истории лексики каждого национального языка. Явление лексических заимствований как следствие такого взаимодействия представляет одну из важных сторон в развитии русского языка на разных исторических этапах его существования. При синхроническом рассмотрении заимствования могут быть представлены как характерный для каждой исторической эпохи набор лексем; при рассмотрении диахронии на первый план выступает идея постепенного освоения слова, перенесённого из одной языковой системы в другую во всех его составляющих (адаптация фонетическая, акцентологическая, семантическая, грамматическая и орфографическая).

В настоящее время очень активно разрабатываются следующие проблемы: динамика процесса заимствования, функционирование иноязычных слов, анализ семантических сдвигов в них, этапы ассимиляции иноязычного слова и присущие каждому этапу дифференциальные признаки ассимиляции для всех языковых уровней, структурно-семантическая эквивалентность заимствованного слова и его иноязычного прототипа, отношение рядовых носителей языка к иноязычной лексике, прогнозирование возможности закрепления заимствованного слова в русском языке. Их изучению посвящены работы таких известных лингвистов, как Ю. Н. Караулова [2], В. Г. Костомарова [4], Л. П. Крысин [5; 6], Г. Н. Складневской [9; 13; 14], Ю. С. Сорокина [10] и многих других.

Особую актуальность приобретает проблема адаптации англицизмов в русской речи и в языке, проблема их семантической освоенности. Ещё И. А. Бодуэн де Куртенэ отмечал, что дело языковедов — определять в каждом отдельном случае, насколько данное слово или оборот, появившийся под влиянием чужих языков, подвергся уже надлежащей ассимиляции и удовлетворяет известной потребности языка, т.е. в какой мере можно оправдать его употребление [1]. И здесь, на наш взгляд, не последнюю роль играет изучение причин иноязычных заимствований. Вы-

деляют лингвистические и экстралингвистические причины иноязычного заимствования, которые неразрывно связаны друг с другом. Л. П. Крысин в монографии “Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни” приводит следующие лингвистические причины заимствования:

- 1) потребность в наименовании;
- 2) необходимость разграничить содержательно близкие, но различающиеся понятия;
- 3) устранение полисемии исконного слова, упрощение его смысловой структуры;
- 4) необходимость специализации понятий;
- 5) тенденция к соответствию нерасчленённости обозначаемого понятия с нерасчленённостью обозначающего;
- 6) восприятие иноязычного слова как более престижного;
- 7) коммуникативная актуальность обозначаемого понятия [6: 149].

Внешними, экстралингвистическими причинами заимствования иноязычной лексики являются:

- 1) тесные политические, экономико-промышленные и культурные связи между народами;
- 2) социальные, экономические и политические изменения внутри страны заимствующего языка;
- 3) политическая роль страны и языка, из которого происходит заимствование;
- 4) заимствование вещи, понятия и вместе с ними заимствование наименования [6: 150].

Благоприятную почву для заимствований создают чтение и перевод иноязычной прессы, научной и художественной литературы, личные контакты на конгрессах, выставках, конференциях, симпозиумах, конкурсах, большая открытость общества к принятию и употреблению иноязычной лексики.

Путь иноязычного слова в языке-реципиенте начинается со спорадического употребления его небольшим числом людей, которые непосредственно соприкасаются с текстами на иностранном языке или общаются с носителями иностранного языка. Группа людей, инициирующих заимствование, должна быть влиятельна или авторитетна в своей области, и её словоупотребление и речевое поведение является эталонным для других носителей языка. На разных этапах развития общества проводниками новой иноязычной лексики могут быть разные социальные группы говорящих. В XVIII в. таким проводником был язык дипломатии, язык науки, деловой язык; “к концу XVIII — началу XIX вв. возрастает роль разговорного языка учёных, писателей, журналистов как особой среды, “перерабатывающей” заимствования” [3: 36]. В XIX в. большое влияние приобретают критики, а в последней трети XIX в. — общественные деятели, адвокаты, члены политических кружков, союзов и обществ. С конца XX в. главенствующее место среди проводников иноязычных слов занимают СМИ. Такие социальные группы носителей языка, как журналисты-международники, спортивные комментаторы и репортеры своей речевой практикой способствуют проникновению в русский язык иноязычных слов, относящихся к таким тематическим группам, как политика, искусство, спорт, дипломатия, мода, развлечения и др. И сегодня наибольшее количество заимствованных слов (иногда даже может сложиться впечатление перенасыщенности) наблюдается в газетных и журнальных статьях, посвящённых спорту, искусству, моде, политике, экономике, тогда как обиходная речь не испытывает сколько-нибудь заметного наплыва иноязычных слов.

Иноязычная лексика начинает занимать особое место в языковом сознании говорящих. Иностранное слово фиксирует на себе внимание носителей языка; оно оказывается маркированным, осложненным отрицательной или положительной оценками, ассоциациями. Так, иноязычное слово связано с книжностью, является непонятным, зашифрованным, социально престижным, проявлением чуждой идеологии, модным. “Оценка нередко оказывается частью лексического значения, т.е. представляет определённый семантический компонент, или же формирует положительные или отрицательные коннотации данного слова” [9: 255].

В последнее время учёные-лингвисты отмечают необходимость изучения процесса заимствования с социолингвистической точки зрения, так как иноязычная лексика представляет собой такой лингвистический объект, на котором перекрещиваются самые различные социальные оценки [2; 3; 6; 9]. Мы также придерживаемся данной точки зрения, поскольку важными и лингвистически интересными представляются аспекты, связанные прежде всего с социальным

контекстом заимствования, так как исследование лишь лингвистической стороны внедрения иноязычного слова в систему языка-реципиента оказывается недостаточным для выяснения полной картины заимствования. “И лишь учёт широкого спектра разнообразных факторов, существенных для процесса заимствования, может способствовать такому выяснению” [6: 147]. Учёные отмечают, что при изучении иноязычной лексики с социолингвистической точки зрения большое значение имеют такие характеристики говорящих, как возраст, уровень образования, профессия. Существует прямая зависимость между разными значениями этих характеристик и оценками иноязычной лексики:

- 1) чем старше носитель языка, тем менее терпимо он относится к заимствованиям;
- 2) чем выше уровень образования, тем легче происходит речевая адаптация новых заимствований;
- 3) представители гуманитарных профессий более терпимы к иноязычной лексике, чем люди, профессионально не связанные с языком, с культурой, однако профессионал может не замечать иноязычности терминов, обслуживающих его специальность, и отрицательно относиться к иноязычной терминологии в других сферах деятельности и общения.

Многие лингвисты, в частности, А. Ю. Романов, подчёркивают, что значительная часть заимствований (около 40 % слов) не является необходимой, ибо в русском языке уже имеются синонимы, аналоги, а подчас и точные однословные эквиваленты внедряющимся англицизмам [8: 49]. Проникновение англицизмов в русский язык в этих случаях связано со стремлением использовать их в качестве элементов языковой игры или в качестве символов иностранности. Также следует отметить, что многочисленные лингвосоциологические эксперименты, касающиеся семантического освоения англицизмов рядовыми носителями языка, выявили нулевую, низкую и среднюю степени освоения большинства иноязычных слов, заимствованных в конце XX века. Однако в связи с широким распространением таких средств массовой информации, как телевидение, Интернет, газеты процесс ассимиляции иноязычного слова в последние десятилетия протекает гораздо быстрее.

Сегодня мы можем наблюдать не только актуализацию, но и концептуализацию многих заимствований. Можем увидеть примеры, когда иностранное слово адаптируется в системе русского языка, изменяя и расширяя свою концептосферу. Взаимодействие иностранного слова с языковой системой русского языка и средой функционирования сказывается на его семантических трансформациях и влияет на словообразовательные процессы, что вполне естественно, так как среда функционирования заимствованного слова — это инокультурная для него среда. В качестве примера возьмем заимствованное слово *пиар*, которое происходит от английской аббревиатуры PR (public relations). По данным “Словаря современного жаргона российских политиков и журналистов”, “в российской прессе термин public relations и его сокращенный вариант (PR) появились в 1991 г. в изданиях ИД “Коммерсант”. В 1995 г. тот же “Коммерсант” ввёл в обращение аббревиатурную транскрипцию *пиар*. Однако в широкий обиход русифицированный термин *пиар* вошел только в 1997г.” [7: 102]. Со временем появились люди, освоившие этот вид деятельности — “связи с общественностью” — как специальность, и появилась номинация представителя этой специальности — *пиармен*. А с развитием различных форм деловой активности (PR-коммуникации, PR-технологии и т. д.) возникла необходимость изучения нового для российской действительности явления. Область знания, сформировавшаяся вокруг концептосферы public relations, была обозначена лексемой *пиарология*, а её исследователи названы *пиарологами*.

Таким образом, слово *пиар*, заимствованное из английского языка и модифицированное в соответствии с русской произносительной системой, изначально было стилистически нейтральным и не имело никакой эмоциональной окраски, как и образованные от PR первые неологизмы *пиармен*, *пиарология*, *пиаролог*.

Широкой общественности слово *пиар* стало известно, когда PR-технологии активно начали применяться в экономике, политике, в частности, в часто повторяющихся избирательных кампаниях. Действия пиарменов и PR-технологов привели к изменению эмоциональной окраски слова *пиар*, о чем свидетельствует указанный выше словарь: “Пиар (в своем втором значении) — это журналистское клише, означающее любое манипулятивное воздействие на аудиторию через СМИ и другие каналы коммуникации”, — и приводится пример: “ЦИК так устроил себя жу-

пелом чёрного пиара, что не заметил простой вещи. Пиар этот и есть разновидность недобросовестной (анти-) рекламы” [7: 102].

Из сказанного следует, что произошел заметный семантический сдвиг. Понятие *пиар* (PR), обозначавшее деятельность по связям с общественностью, теперь все чаще стало обозначать некорректные связи с общественностью (в народе — “грязные”), целью которых было очернение (отсюда и устойчивое уже выражение *черный пиар*) и подрыв авторитета противоборствующей стороны, конкурента. Содержание концепта *пиар* и всей парадигмы этого слова в социополитической коммуникации наполнилось негативом и приобрело соответствующие характеристики: *грязный пиар*, *черный пиар*. Слово *пиар* адаптировалось и к русской словообразовательной системе, что подтверждается новыми дериватами, в том числе и частеречными: *пиарищик* (*пиаровец*), *антипиар*, *пиарить*, *отпиарить*, *пропиарить*, *отпиаренный*, *пропиаренный* и др.

Вот некоторые примеры использования концепта *пиар* в СМИ: *Перед советским прошлым выглядит смехотворно бутафорская “петербургская империя” Президента, в которой нет места величию, трагедии, государственному подвигу, а один только фарс, пиар, балаган.* (“Завтра”, 2003.08.13); *Что сегодня первично: война или пиар — понять довольно сложно.* (“Рекламный мир”, 2007.04.28); *При этом он продолжал нагло “пиарить” собственную персону и порол свою застарелую чушь с требованием отстранить всех генералов от военной реформы.* (“Завтра”, 2005.06.03)

Как показывает анализ, слово *пиар* значительно расширило своё значение и из узкопрофессионального стало поистине национальным. Его нынешнее наполнение и употребление столь сильно отличаются от английского прототипа, что англичане и американцы его не узнают. Фактически слово *пиар* может относиться к любому факту навязывания своего мнения, к любой манипуляции чьим-то сознанием с целью создания мнения, более того, к любому факту просто распространения мнения о чем-либо или о ком-либо, например, *грамотно “пиарить” здоровый образ жизни среди школьников и студентов и предоставить шанс вести его, то есть дать возможность за государственный счет заниматься спортом.* (“Известия”, 2001.03.03); *Им даже некогда себя “пиарить”, потому что они делом занимаются.* (“Известия”, 2008.11.01).

В обывательском сознании, воплощенном в языке, слово стало обозначать нечто слегка неприличное и вместе с тем привлекательное. Его частотность в текстах — во многом следствие моды, но мода эта не случайна. Она вызвана не только тем, что это слово обозначает престижную и отчасти загадочную профессию, но и тем, что за ним стоит важное понятие или явление, возможно, ключевое для нашего сегодняшнего восприятия мира.

Не менее интересна семантизация иноязычных слов, образующих с русской лексикой дублетные пары: *премьер-министр — председатель Совета министров*, *спикер — председатель парламента*, *мэр — глава городской администрации*, *электорат — избиратели*, *презентация — представление*, *эсклюзивный — исключительный*, *превентивный — предупредительный*, *киллер — убийца* и др. Языковая система не принимает безоговорочно иноязычные дублеты и начинает их адаптировать, определять сферу функционирования и стилевую соотнесенность. Так, слова *спикер*, *электорат*, *превентивный* преимущественно употребляются в речи политиков, журналистов и разного рода аналитиков для придания речи большей авторитетности, серьезности. Данное явление отечественные лингвисты называют повышением в ранге в силу большей социальной престижности иноязычного слова по сравнению с исконным.

Здесь же относятся и словоупотребления *презентация* и *эсклюзивный* в среде бизнес-элиты и в сфере высокой моды (*презентация* коллекции моделей В. Зайцева, *эсклюзивная модель*). Концептуальное содержание таких иноязычных слов включает в семантику добавочные (расширительные, выделительные или ограничительные) значения. *Презентация* — это не просто представление или показ чего-либо, это торжественное мероприятие с приглашением почетных (в современной номинации — “высоких”) гостей, сопровождающееся обычно фуршетом или банкетом.

Понятия *эсклюзивный* и *исключительный* также различаются по концептосфере. Концепт *эсклюзивный* содержит в своей семантике значение “один-единственный”, что не допускает возможности появления чего-либо похожего (копии, повтора), например, *эсклюзивная модель платья* (шляпы, пальто), т. е. нечто, сделанное в одном экземпляре. Концепт *исключительный* семы “единственности” не имеет, но имеет сему качественной характеристики, например, *исключительная модель пальто*, т.е. очень хорошая модель, красивая, однако изделие может быть не единственным в условиях массового производства.

Понятие *киллер* (в переводе с английского языка — “убийца”) совпадает по значению с русским эквивалентом, но использование этих слов в одном значении было бы неправомерным. В качестве комментария хотелось бы привести слова академика Евгения Петровича Чельшева, члена Президиума РАН, активно работающего в Совете по русскому языку при Президенте Российской Федерации: “Одно дело — экономически оправданные, естественные заимствования, постепенно усваиваемые языком и не разрушающие его национальную основу, и совсем другое — агрессивная, тотальная его “американизация”. Например, совершенно неприемлемо пришедшее из английского языка слово “киллер”, в котором размыта негативная оценка, содержащаяся в русском слове “убийца”. Сказать человеку “ты убийца” — это вынести ему суровый приговор, а назвать киллером — это как бы просто определить его профессию: “я дилер, ты киллер, оба, вроде, делом занимаемся” [12].

Семантическим сдвигом отмечено и понятие *электорат*, которое приобрело оттенок некой абстрактной собирательности. Сейчас под этим словом подразумевают безликую общую массу людей, необходимую только в период избирательной кампании. В концепте *электорат* содержится и некий оттенок уничижительности, например: *Пока мы ещё мужчины и женщины, но скоро опять станем электоратом* (“Аргументы и факты”, 2009.01.29); *Если они держат нас за электорат, то и электорат имеет право знать, за какие именно места его держат!* (КП, 2005, 03.10). Русское *избиратели* — более живое понятие, за которым стоят конкретные люди, делающие свой выбор. Слово *избиратели* входит в концептосферу доминантного глагола “выбирать”, в словообразовательной парадигме которого заключено содержание концепта. Это человек, который выбирает, избирает, отбирает, т. е. производит действие. Слово *электорат* в русской языковой картине мира не имеет ни такого концептуального содержания, ни подобной словообразовательной парадигмы.

Итак, попадая в новую инокультурную среду, иноязычное слово испытывает на себе влияние другой языковой системы: это и фонетические трансформации, и семантические сдвиги (частичная или полная утрата значения), расширение или сужение концептуального содержания и т. д. Иноязычные заимствования — это актуальная область для изучения, располагающая богатым языковым материалом для лингвистических исследований.

1. Бодуэн де Куртене И. А. О смешанном характере всех языков // Избр. труды по общему языкознанию. — М., 1963. — Т. 2.
2. Караулов Ю. Н. Состояние русского языка современности. — М., 1991.
3. Колесов В. В. Русская речь: Вчера. Сегодня. Завтра. — С. Пб., 1998.
4. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. — С. Пб., 1999.
5. Крысин Л. П. Языковое заимствование как проблема диахронической социолингвистики // Диахроническая социолингвистика. М, 1993.
6. Крысин Л. П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русский язык конца XX столетия. М., 1996.
7. Мочёнов А. В. и др. Словарь современного жаргона российских политиков и журналистов / А. В. Мочёнов, С. С. Никулин, А. Г. Ниясов, М. Д. Савваитова. — М., 2003.
8. Романов Л. Ю. Англицизмы и американизмы в русском языке и отношение к ним. С. Пб., 2000.
9. Складаревская Г. Н. Состояние современного русского языка. Взгляд лексикографа // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. — М., 1991. — Ч. 1.
10. Сорокин Ю. С. О нормативно-стилистическом словаре современного русского литературного языка // Вопросы языкознания. — 1967. — № 5.
11. Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка в 30–90-е гг. XIX в. — М. — Л.: Наука, 1965.
12. Чельшев Е. П. Культурология в системе гуманитарных наук / Материалы Международной конференции “Культурология — Культурная политика — Развитие”. — М., 2001.
13. *Языковые изменения*: толковый словарь современного русского языка конца 20 века / Под ред. Г. Н. Складаревской. — С. Пб., 1998.
14. *Языковые изменения*: толковый словарь современного русского языка начала 21 века / Под ред. Г. Н. Складаревской. — С. Пб., 2006.

O. V. Litvin

SEMANTIC ADAPTATION OF THE FOREIGN BORROWINGS

The article examines the borrowings' adaptation processes, the semantic assimilation and conceptualisation of borrowings. The analysis is carried out from the point of view of the social linguistics.

Key words: foreign borrowings, social linguistics, linguistic consciousness, semantic displacements, widening and narrowing of the conceptual contents.

О. В. Литвин

СЕМАНТИЧНА ЗАСВОЮВАНІСТЬ ІНШОМОВНИХ ЗАПОЗИЧЕНЬ

У статті розглянуто процеси адаптації іншомовних слів, їх семантична засвоюваність і концептуалізація. Аналіз проведено з соціолінгвістичної точки зору.

Ключові слова: іншомовні запозичення, соціолінгвістика, мовна свідомість, семантичні зрушення, розширення та звуження концептуального змісту.

УДК [811.161.1+811.111+811.133.1]'373.45'612.2'613

М. Ю. Авдоница

Полисемия заимствованных русских слов в английском и французском языках

Полисемичность и образование коннотативных значений вместе со способностью к деривации характеризуют заимствования, полностью вошедшие в лексическую систему языка-приемника. Мы выделяем пять этапов присвоения слова лексической системой другого языка: ксенизмы, уподобления, экзотизмы, закрепление в толковых словарях и полная ассимиляция русского слова, основным критерием которой, по нашему мнению, является его употребление вне российского контекста. Выявление таких заимствований из русского языка требует исследования словарных статей, текстов современных печатных изданий, частной неформальной переписки в блогах и форумах, а также устных бесед с носителями языка-приемника.

Ключевые слова: заимствования из русского языка, полисемия, коннотативные значения.

В современных текстах на английском и французском языках русские заимствования служат, прежде всего, описанию состояния дел в нашей стране в какую-либо эпоху, то есть используются как экзотизмы. Данное исследование посвящено поиску таких, пусть и немногочисленных, русских заимствований, которые полностью приняты носителями языка-приемника, вошли в тексты прессы и в повседневное общение, устное и письменное, вне контекста культуры России.

Анализ языкового материала позволяет предложить схему эволюции заимствования: лексическая единица должна пройти несколько этапов ассимиляции для того, чтобы быть полностью принятой в лексический состав языка-приемника.

Первый этап — знакомство с чужой культурой. Говорящий вводит в рассказ о путешествии ксенизмы, отражающие восприятие новой культуры как отличной от своей: *Zdrasvuite ! (ça c'est du russe !)* *Nous sommes entrés au Turkmenistan le 19 septembre, avec pour but de le traverser en quelques jours seulement* (over-blog.com); *"Zdrasvuite," Sasha said loudly into the receiver. "I'm here with my American partner." Dozens of fur hats turned towards me. (First Chapter of Siberia Bound by Alexander Blakely, xanderblakely.com)*. Количество таких слов и их применение зависит от вкуса автора текста и его понимания общекультурного контекста излагаемого.

Второй этап — уподобление нового понятия элементу своей культуры: *Boris Godounov commence par être chambellan d'Ivan IV le Terrible, commandant de la garde du palais; Boris's father was only a provincial cavalryman, but Boris's uncle, Dmitry Godunov (a powerful aristocrat), was able to advance*

the young man's career (www.answers.com). Приём передачи русской реалии определяется отношением автора к России: тем, желает ли он увидеть данный элемент культуры России как общее, связывающее Россию со своей культурой, или хочет показать, что это явление сугубо российское.

Третий этап выражает более пристальный интерес к другой культуре. На этом этапе в текст вводятся экзотизмы [2], нужные для обозначения реалий (*propiska, dedovshchina*). Такие единицы обычно сопровождаются пояснением или комментарием: *On sait que ce fidèle du président n'est pas un "siloviki", c'est-à-dire qu'il n'est issu ni des clans de l'armée ni de ceux de l'ex-KGB* (nouvelobs.com).

На этом этапе происходит выбор формы заимствования:

1) калька:

– целого слова: *vernalization /printanisation /яровизация*;

– основы слова: *refusenik /refuznik /отказник*;

– суффикса: *Stakhanovite /stakhanoviste /стахановец, boyar /boyard /боярин*;

– значения слова: *red (adjective which associates with communism, Soviet Union, or radical left politics) /rouge (adj. ... 5. Se dit de ce qui a trait aux communistes ou l'extrême gauche ; n. Vieilli. Communiste, révolutionnaire)*;

2) транслитерированная форма:

– единая неизменяемая форма (*un siloviki, un blini, les spetsnaz*);

– искажённая форма (*kolinski /колонок, колонковый; barzon; bridge*);

– форма с вариантами транслитерации (*tsar, tzar, czar*);

– форма с вариантами грамматического оформления (*kalashnikov, n.m., n.f.*)

– слово, получающее положенные грамматические формы (*полюнья /une polynie / a polynia — полюнья / des polynies / polynias*);

– часть слова (суффикс *—nik* в десятках слов, например: *refuznik, beatnik*).

Четвёртый этап заключается в отборе тех заимствований, которые приняты обществом, выражают значимое для мировой культуры понятие, являются компонентой картины мира, для закрепления в толковых словарях. Это качественно новое положение слова в языке. В энциклопедическом и толковом словарях французского языка Larousse 2009 [3] и Le Petit Robert 2001 [5] мы обнаружили около ста пятидесяти таких слов или значений слова (многие из русских слов имеют во французских словарях варианты транслитерации). Для удобства разобьём их на условные подгруппы:

- Историзмы эпох до 20-го века (26 единиц): *artel, balalaïka, boyard, byline, cosaque, décabriste, knout, mir, nagaïka, nihiliste, nihilisme, oukase1, pogrom, pope, raskol, starets, staroste, téléga, touloupe, troïka, tsar, tsarévitch, tsarine, tsarisme, tsariste, verst, zemstvo*.

- Историзмы 20-го века (41 единица): *agit-prop, apparatchik, bolchévique, bolchévisme, blanc, commissaire du peuple, constructivisme, constructiviste, combinat, déstalinisation, déstaliniser, glasnost, goulag, kolkhoze, kholkhozien, koulak, komsomol, marxisme-léninisme, marxiste-léniniste, menchevique, rouge, léninisme, léniniste, nomenklatura, oukase2, perestroïka, praesidium, refuznik, samizdat, soviet, Soviet suprême, soviétique, soviétiser, soviétologue, sovkhoe, stakhanovisme, stakhanoviste, stalinien, stalinisme, trotskisme, trotskiste*.

- Обозначения блюд русской кухни (11 единиц): *béluga2, blini, bortsch, kacha, koulibiac, kwas, pirojki, salade russe, sterlet, vodka, zakouski*.

- Обозначения современных русских реалий (23 единицы): *babouchka, chapka, cosmonaute, datcha, douma, gopak, isba, kopeck, Kremlin, kremlinologue, matriochka, moscovite, moujik, raspoutitsa, rouble, russe, russification, russifier, russophile, russophone, spetsnaz, samovar, sibérien*.

- Названия животных (9 единиц): *barzoï, béluga1 (рыба белуга), béluga2 (дельфин белуха), kolinski, mattmouth, morse, saïga, samoyède, zibeline*.

- Различные термины (24 единицы): *dubnium* (от названию города Дубна, где в институте ядерных исследований был открыт этот химический элемент), *jarovisation, (syndrome de) Korsakoff, kurchatovium* (термин заменён, но существовал в течение 30 лет), *liman, mendélévium, ougrien, ouralien, ouralo-altaïque, pavlovien, permien, podzol, printanisation, printaniser, ruthenium* (от латинского названия России), *samarium* (от названия минерала *самарскит*, производного от имени Василия Самарского-Быховца), *steppe, steppique, Art steppique, tchernozem, tokamak, tanga, tundra, vernalisation*.

• Прочее (14 единиц): *cocktail Molotov, bridge, défaitisme, défaitiste, hooligan, Kalashnikov, intelligentsia, lolita, mazout, mazouter, montagne russe, sambo, yourte, sable*. (Этимологический дублет *zibeline / sable* от слова *соболь* образовался в Средние века. Первое слово имеет итальянскую форму (хотя в итальянский пришло из французского [3; 6]), это название животного, его меха и изделий из него. Второе слово имеет значение *чёрный* в языке геральдики по цвету самого ценного меха, поступавшего на рынки Европы, — чёрного соболя; в английском языке эта форма имеет значение *соболь*).

Словари фиксируют изменения семантической структуры русских слов. Иногда это выражено косвенно, через значения производных. Например, в гнезде *bolshévik, bolsheviste, bolshie, bolshy, to bolsheise* новое значение выражено только в словарной статье о прилагательном *bolshie, bolshy: deliberately combative or uncooperative*. И уже только с этим значением впоследствии было произведено абстрактное существительное *bolshiness* [10].

Отбор единиц для словаря и составление словарных статей — труд большого коллектива, и мы можем быть только признательны авторам за сохранение устаревших слов (*mir, staroste*). Трудность в том, считать ли какое-либо слово русским, если русский для него — лишь язык-посредник? Таковы, несмотря на помету *mot russe*, слова *тундра/toundra, юрта/yourte, лиман/liman, мазут/mazout, сайгак/saiga* (в русском *сайга* — самка); *hooligan* (помета: *mot angl., par le russe*). В то же время *майга/taïga* имеет помету “d’une langue turque”, морж/*morse* — “russe morj, du laron” (то есть из лапландского); мамонт /*mammouth* (помета: *mot russe, d’une langue sibérienne*); слово *воievode* с его производными отнесены к сербско-хорватскому и польскому (а как же “мороз-воевода дозором обходит владенья свои” Н. А. Некрасова?); невразумительная помета дана слову кефир /*képhir/kefir. mot du Caucaze (!?)*. И наоборот, слово *соболь*, оформленное как *zibeline*, для французов — итальянское, оформленное как *sable* — русское (в отличие от английского, французский язык сохранил у этой формы только значение цвета *чёрный* в геральдике). Французские источники (ненаучные [8]) приписывают к русским по происхождению такие слова, как *robot* (с пометой: *du mot "rabota", le travail*), но это авторский неологизм Карела Чапека из пьесы R. U. R. (*Rossum's Universal Robots*) 1921г.), *icône* (с пометой: *du russe "ikona", petite image*; то есть греческое слово ассоциируется с русской школой иконописи); *bistrot*: слово появилось через 75 лет после оккупации Парижа русскими войсками в 1814–1818 годах, и Ален Рей [6] обоснованно протестует против его выведения от русского *быстро*. Но эта этимология укоренилась, и французы охотно рассказывают о русских казаках в Париже, требующих быстрее принести выпивку.

Пятым этапом присвоения слова является его полная ассимиляция, основным критерием которой является, по нашему мнению, его употребление не по отношению к России. Завершающий этап нашего исследования, заключающийся в обсуждении единиц с носителями языка с целью установления индивидуальных особенностей восприятия и употребления русских заимствований, привёл к выделению лексических единиц, полноправно существующих в английском и французском языках XXI века. В современном французском это слова: *apparatchik, Art steppique (=Art des steppes), agit-prop, boyard, bridge, cocktail Molotov, constructivisme, constructiviste, défaitisme, défaitiste, goulag, hooligan, intelligentsia, lolita, Kalashnikov, (syndrome de) Korsakoff, matriochka, mazout, mazouter, moujik, tsar, ougrien, oukase, pavlovien, pogrom, refuznik, rouge, sable, stakhanoviste, stalinien, tokamak, troika, trotskiste*. Само собой, что названия животных и термины также должны быть включены в этот список, если они применяются вне российского контекста: например, *tchernozet* и его дублет-калька *black soil /terres noires* в Канаде. Мы ожидаем, что слово *polynia /polynie /полюнья* войдет в словари, так как оно вошло в язык любителей погружений в зимних условиях, очень модных в наше время. Пора включать и слово *niet*, так как оно широко употребляется в разговорной речи.

Калька как форма заимствования требует комплексных методов исследования. Так, в статьях словарей не отмечено, что слова *défaitisme, défaitiste* — кальки слов *пораженчество, пораженческий, пораженец*. И только изучение полемики 1916–1928 годов доказало, что впервые слово *défaitiste* применено по отношению к позиции русских социалистов РСДРП(б), считавших, что победа Германии над Россией приведет к падению царизма. Затем инвективу обратили на французских социалистов [7]. В конце концов, слова полностью изменили семантическую структуру, в наше время это: 1. *Неверие в победу, уход от борьбы*; 2. *Глубокий пессимизм; неверие в свои силы*.

Спорное происхождение и у слов с компонентой **—nik**: это могут быть и славянские (*robotnik*), в том числе русские (*druzhinnik, narodnik, raskolnik, subbotnik, udarnik*), и еврейские слова (*katzetnik, kibbutznik, likudnik, nudnik*). Принято и образное названия новичка *chainik*, подразумевающее не только незнание или неумение, но и желание научиться. На этой основе, особенно благодаря русскому слову *sputnik*, возникли английские слова (часть из которых — окказионализмы), такие как: *alrightnik* (нуво-риш), *artnik* (а UK publisher), *beatnik, no-goodnik* (ленивый или невежественный человек), *Ipodnik* (приверженец ай-пода), *neatnik* (чистюля), *peacenik* (пацифист; хиппи) [4].

Вторым критерием вхождения заимствования в язык является многозначность слова (*intelligentsia* 2. *Parfois péjor. Les intellectuels, considérés comme un groupe, une classe; pogrom* 2. Agression meurtrière dirigée contre une communauté ethnique ou religieuse; *oukase* 2. Litt. Décision autoritaire), появление образных значений: калькировано выражение *ни копейку* (*fam. pas un kopeck*); слово *troïka* получило новое (третье) значение *Troïka européenne* для нового вида управления Евросоюзом; во Франции празднуют 54 годовщину супружеской жизни как *les noces de zibeline* [9]. Широкое употребление в быту слова *mazout* привело к тому, что его дериват *mazouter* имеет два значения (противоположных): 1. *Polluer par le mazout. 2. Se ravitailler en mazout, en parlant d'un navire* [3].

Наше исследование текстов расширяет список многозначных слов:

Русифицированная форма *politburo* получила значение “группа лиц, принявших келейное решение” [10]: *Big ideas don't come from people ruled from the Sinn Fein politburo, but in those who find space in their lives to think for themselves. Their efforts should inspire respect, not intimidate their enemies (Derry Today, 09.02.2010)*. Слово *apparatchik* означает функционера профсоюза или партии, знающего все ходы и выходы: *C'est un homme d'appareil à la sauce typiquement suisse qui remplace avec effet immédiat Claude Béglé, poussé vers la sortie mardi soir. Un "apparatchik" de l'économie suisse chasse un manager au profil international. En plaçant hier Peter Hasler (64 ans) à la tête du conseil d'administration de la Poste, Moritz Leuenberger et le Conseil fédéral misent sur un fin connaisseur des mécanismes politiques suisses (Tribune de Genève, 21.01.2010)*.

Kalashnikov теперь не только название оружия, но и вид сицилианской защиты (шахматы) и метафора (о речи, например): *avec la régularité d'une kalashnikov*. Словом *refuznik* (отказник) в прессе называют отказывающегося подчиняться законам из-за своих убеждений: *Refuznik de l'islam, elle brûle un hidjab (www.bivouac-id.com); Salinger was a refusenik in the publicity wars (Irish Times, 31.01.2010)*.

Бутылки со взрывчатой смесью названы ироничными финнами в 1940 году *Cocktail Molotov* по имени советского политика В. М. Скрябина (Молотова): *он сказал по радио, что самолёты не бомбят Финляндию, а подвозят хлеб голодающим, в ответ водочный завод в Rajamäki выпустил за три месяца полмиллиона cocktails Molotov (winterwar.com)*. В наше время это — название традиционного (!) португальского десерта: *le vrai molotov du Portugal (www.marmiton.org)*, пудинга (*Does anyone have a recipe for Molotov Pudding which is a Portuguese dessert? My friend had it in a restaurant and we are trying to recreate it (chowhound.chow.com, 18.10.2004)*, водки с гренадином (ярко-красного цвета); сценический псевдоним певца из Сенегала: *Ruskov Molotov Sefyu*; альбомы песен *Champagne Molotov, Molotov Rocktail* и др.

В разных регионах мира английский язык по-разному вбирает в себя элементы русского культурного наследия. Гастроли Анны Матвеевны Павловой в Новой Зеландии в 1926 запомнились и были названы главным событием года. Шеф-повар одного из отелей Веллингтона в честь неё создал великолепный десерт, ставший национальной гордостью этой страны наравне с biscuit ANZAC. Это именно то, что готовят в семьях на праздник. Слово часто пишется как нарицательное, имеет сокращённый вариант (*a pav*) и шуточные производные (*Pavzilla, Pav Kong*): *As part of the 2005 Hawke's Bay Edible Arts Fest, the Eastern Institute of Technology is staging an Eggstravaganza on Sunday 20 March (10am — 4pm). For starters, EIT's chefs and students are making an eggciting attempt to break the record for the largest Pavlova ever made in New Zealand. This dedicated team of patriots will be aiming to better the current record, a massive confection Pavzilla, created by Museum of New Zealand Te Papa Tongarewa to commemorate its 2 millionth visitor in 1999. Weighing in at a mighty 45 metres long, Pavzilla contained 2,000 eggs, 150 litres of cream, 75kgs of kiwi fruit and 60kgs of sugar. "We decided to call our version Pav Kong in recognition of its status as king of Kiwi desserts and we're aiming for a*

60 meter long monster pudding that even Peter Jackson would be proud of,” says Sue Calcinai. **Pav Kong** will be ceremonially cut during the afternoon (www.listener.co.nz). Слово стало родным для новозеландцев, участвует в сравнениях: *your face is like a kiwi-pav* (www.bebo.com).

В Австралии А. Павлова побывала дважды, в 1926 и 1929 годах (она скончалась в 1931 году), и в свою очередь австралийцы претендуют на авторство, называют и имя повара, Bert Sachse, и место, Esplanade Hotel города Perth, и дату, 3 октября 1935: *There's nothing like a pav — and in this week's food fight you agreed making our classic pavlova recipe the winner!* (www.taste.com.au). Здесь слово имеет производное **mini-pavlova** и множественное число: *Using your nylon spatula, slide each of the pavlovas onto a cooling rack* (www.bessemer.com.au).

В Австралии очень популярно и слово *спутник*, так как эта страна очень гордится, что была третьей в гонке за завоевание космического пространства и послала свой первый спутник в 1967 году, обойдя Канаду: *Sputnik launched 1957, Explorer 1 in 1958, then with WRESAT in 1967 Australia came third in the satellite league table, passing Canada's Alouette* (www.latrobe.edu.au). Это слово широко используется в названиях: парк лошадок, ники в Интернете и сценические псевдонимы, модель модной сумки, предметы для детей (*Totally customizable Sputnik Spacecraft gifts — shirts, posters, coffee mugs, bumper stickers, and much more* (www.zazzle.com.au)), театральная пьеса для кукольного театра (*The Adventures of Alvin Sputnik; Deep Sea Explorer*. This play has been selected to be performed at the 2009 New York International Fringe Festival in August (www.rushfaster.com.au)), в которой главный герой Альвин Спутник спасает человечество; служба маркетинга (*Sputnik Agency enjoys a strong following among Australian marketers* (www.sputnikagency.com)); Production Company: **Sputnik Films**; **Sputnik coal distributors**; Australian literature online **Library Sputnik web 2.0** (austlit.edublogs.org); фильм (*Sputnik Mania A Film By David Hoffman*); даже имя крокодила: *A saltwater crocodile named Sputnik is being tracked by satellite in the remote heart of Australia* (tech.groups.yahoo.com).

Слово **bérézina** во французском языке [1] сейчас особенно частотно в новостных лентах в связи с экономическим положением в эпоху кризиса: *C'est la bérézina économique: la famine a fait sa réapparition dans certaines régions. Elle est la conséquence de la réforme monétaire initiée à l'automne 2009* (Courrier International, 05.02.2010), это сокрушительный провал, часто о личных проблемах: *ma bérézina sentimentale; Je vais aller ranger ma bérézina de cuisine*.

Достаточно часто встречается в новостях и метафорическое значение выражения **salade russe** (мешанина, бестолковость): *Voilà, toute cette salade russe a fait que le football togolais est vu et perçu exactement comme le pays même, celui de la cacophonie, de l'amateurisme* (iciLome, 31.01.2010).

Третий критерий ассимиляции заимствования — наличие производных. Повышенная способность к деривации выявлена у двух основ:

— **Stal(in)-**: *stal, antistals, crypto-stal, vieux stals, néo-stal, ex-stal, déstalinisation, déstaliniser, restalinisation, se restaliniser, stalinophile, stalinien, stalinisme, staliniste, stalino, ultra-Stals, mao-stal* — применяются по отношению к любому проявлению тоталитаризма;

— **Trot(sky)-**: *trot, crypto-trotskard, ex-trotskiste, trotskisation, trotskiser, se trotskiser, trotskisme, trotskiste, pseudo-trotskisme, pseudo trotskiste, trotskard, trotsko*, по отношению к чему-то скандально-левацкому, но задорному: *“Le Figaro” trotsko-sarkozyste? L'extrême gauche n'a pas à s'inquiéter: si sa presse bat de l'aile, le Figaro est prêt à prendre le relais* (marianne2.fr). Мы насчитали более 100 сложных слов с этой основой в блогах Интернета и в прессе за ноябрь-декабрь 2009 г., часто имеющих людический характер: **trotsko-végétarien, trotsko-protestant, trotsko-verdâtre, trotsko-benladiste** (lci.tfl.fr).

Слово **goulag** также входит в цепочки: *Serais-tu devenu ultra gauche anarcho communiste extremo goulago stalinien altermondialiste* (frontignan.bbfr); у него три производных: **goulagiste, goulagien, goulago**.

Четвёртый критерий ассимиляции единицы, наличие коннотаций, раскрывается, прежде всего, в ходе контекстуального анализа. Слово **moujik** во французском языке отличают игнорирование гендерного аспекта и коннотация “бесправное существо”: *Cécilia a été traitée comme une moujik* (о разводе Саркози). Слово **stakhanoviste** часто имеет иронический смысл: *Cambrioleur stakhanoviste* (tfl.lci.fr). Слово **spoutnik** имеет значение “эпоха конца 50-х годов”: *style spoutnik*. Выявлена контаминация космический аппарат/ собаки-космонавты (линия одежды для собак: **Manteau Spoutnik**); его коннотации: маленький и высокотехнологичный; звук бип-бип (например, в жалобе на головные боли); вращение на орбите (в 2008г. французскими учеными так

назван открытый вирус). Слово *matriochka* имеет два дополнительных значения: “девушка” с двояким смыслом: красавица или сексуальная рабыня из Восточной Европы; конструктивный принцип: *une classe de fonctions booléennes: les fonctions symétriques matriochka* (ufrb.univ-paris8.fr).

Выводы.

1. Английские и французские толковые словари имеют давнюю историю включения русских слов в свои лексические системы. В течение столетий складывался набор русизмов, принятых международным сообществом, выражающих понятия русской культуры, значимые для образования современной картины мира; среди этих слов много историзмов. Включение в словари фиксирует распространение слова за пределами сообщества специалистов.

2. Процесс создания единого информационного пространства основан на закреплении в сознании носителей какой-либо культуры понятий, свойственных другим культурам. Заимствования из русского языка можно подразделить на ксенизмы, экзотизмы, нужные для создания эффекта достоверности при описании ситуации в России; единицы, обозначающие важные для мировой культуры элементы картины мира; полностью присвоенные языком широко употребляемые единицы с развивающейся семантической структурой и устойчивыми коннотациями.

3. К изучаемому подклассу полностью ассимилированных слов относятся, в частности, включённые в словари слова: *agit-prop, apparatchik, boyard, bridge, cocktail Molotov, cosaque, defeatisme, defeatiste, goulag, hooligan, intelligentsia, Kalashnikov, kopeck, Kremlin, lolita, matriochka, mazout, moujik, oukase, pavlovien, pogrom, refuznik, rouge, sibérien, soviet, stakhanoviste, stalin-, steppe, troïka, trotski-, tsar, vodka*.

4. Сопоставление семантической структуры слов в словарных статьях и в современных текстах позволяет выделить их коннотации. Обнаружены и их производные, не включённые в словарь, а также такие русские слова, которые не вошли в словари, но хорошо известны англо- и франкофонам. Наш поиск открывает путь для отражения в словарях новых полностью ассимилированных слов, таких как *bérézina, niet, pavlova, spoutnik*.

5. Обсуждение списка выделенных лексических единиц с носителями языка позволяет установить индивидуальные особенности восприятия и употребления русских заимствований, в частности, в переносном смысле.

6. Установлено, что разные регионы англоязычного мира, в зависимости от политико-экономических и культурных событий, присваивают отличный от других набор заимствованных слов. Нами обнаружены особые случаи, один во французском (*bérézina*), а другой в английском (*pavlova*), когда первичное значение в языке-приемнике менее важно, нежели вторичное, получившее особый смысл в культуре.

1. Авдонина М. Ю. Спутник, матрёшка и Березина: новые значения русских слов в английском и французском языках // Вопросы теории языка и методики преподавания иностранных языков: Сборник трудов III Международной научной конференции (5–7 июня, 2009, Таганрог). — Таганрог: ТГПИ, 2009. — Ч. 2. — С. 19–25.
2. Colin, Jean-Paul. Trésors des mots exotiques. — Paris : Ed.: Belin, 1986.
3. Dictionnaire Le Petit Larousse Illustré. — Paris : Ed. Larousse, 2009.
4. Kabakchi V. V., Doyle, C. C. Of Spoutniks, Beatniks and Nogoodniks // American Speech, Vol. 65, No. 3 (1990), pp. 275–278.
5. Le Nouveau Petit Robert, version électronique 2.0 (2001)
6. Rey, Alain. Dictionnaire historique de la langue française, Dictionnaires Le Robert, 1998.
7. Slater, Catherine. Defeatists and their Enemies. Political Invective in France, 1914–1918 –1981: Oxford University Press, Oxford. — 206 p.
8. Treps, Marie. Les mots voyageurs, petite histoire du français venu d'ailleurs. — Paris : Ed. Le Seuil, 2003.
9. <http://www.cnrtl.fr/etymologie>
10. The Oxford English Dictionary's official website

M. Yu. Avdonina

POLYSEMY OF BORROWINGS FROM RUSSIAN INTO ENGLISH AND FRENCH

Polysemy and connotative meaning creation together with derivational capacity are proper to borrowed words fully assimilated to the lexical system of a borrowing language. We see five stages during the acquisition process: xenisme, adaptation, exoticism, establishing of a dictionary entry, the complete admission of a Russian word, the main criterium being its use out from the Russian culture context. The present investigation includes dictionary entries study, lexical analysis of mass-media and Internet blogs and forums' texts, oral discussions with native-speakers.

Key words: borrowings from Russian, polysemy, connotative meanings.

М. Ю. Авдоніна

ПОЛІСЕМІЯ ЗАПОЗИЧЕНИХ РОСІЙСЬКИХ СЛІВ В АНГЛІЙСЬКІЙ І ФРАНЦУЗЬКІЙ МОВАХ

Полісемічність і виникнення конотативних значень разом зі здібністю до деривації характеризують запозичення, які повністю увійшли до лексичної системи мови-реципієнта. Ми виділяємо 5 етапів засвоєння слова лексичною системою іншої мови: ксенізми, уподібнення, екзотизми, фіксація у тлумачних словниках і повна асиміляція російського слова, головним критерієм якої, на нашу думку, є його вживання поза російським контекстом. Виявлення таких запозичень з російської мови потребує дослідження словникових статей, текстів сучасних друкованих видань, приватного неформального листування у блогах і форумах, а також усних бесід з носіями мови-реципієнта.

Ключові слова: запозичення з російської мови, полісемія, конотативні значення.

УДК [811.161.1+811.111]-115'373.421

Л. Е. Позднякова

Синонимические группы слов в сопоставительном аспекте

Статья посвящена сопоставительному анализу синонимических групп слов в русском и английском языках. Рассматриваются семантические и стилистические синонимы, их различие и сходство. Кроме собственно синонимов, зафиксированных в словарях, отмечаются контекстуальные синонимы, которые могут переводиться словосочетанием или фразеологизмом. Вопросы, рассматриваемые в статье, важны в переводческой практике, а также в преподавании русского языка как иностранного.

Ключевые слова: синоним, синонимический ряд, фразеологизм, способ образования, сравнительный анализ.

Сопоставительное изучение языков рассматривает широкий круг проблем: взаимоотношение языка и культуры, языка и национального сознания. Всё это очень важно, особенно в наше время, когда повышается уровень образованности людей, расширяется круг людей, знающих, кроме родного, другие языки.

В пределах словарного состава языка слова входят в определённые системные группировки. Синонимы — одна из группировок, которая играет большую роль в лексико-семантической системе языка. Слова, которые имеют общее значение, объединяются в синонимические ряды. Наличие в языке нескольких слов для обозначения одного и того же понятия обусловливается различием выполняемых ими функций. Синонимы выражают разные оттенки значений, экспрессию, стилистическую окраску.

Активное владение языком проявляется прежде всего в умении выбрать в системе данного языка именно такие средства, которые в точности выражают мысль говорящего. При этом важную роль играет владение синонимами. Рассмотрим различия и сходства некоторых синонимов, их сочетаемостные возможности в сопоставлении с английским языком.

Семантические различия между синонимами прослеживаются через ситуации, в которых требуется конкретный синоним, или через логические выводы, вытекающие из данного слова. Например, *крепкий* и *прочный* — устойчивый к деформации, но *крепкий* — это устойчивый к такой деформации, при которой объект распадается на части, а *прочный* — к деформации под воздействием веса, поэтому *крепкий орех*, *прочный мост*, можно сказать *крепкий мост*, т.е. такой конструкции, что при долгой эксплуатации не распадается на части. В английском *firm* и *hard* — *firm* называет объект, который трудно согнуть, а *hard* — в который трудно проникнуть: *firm timber* — прочные сорта древесины, *hard rock* [1:180]. Рассмотренные синонимы являются семантическими, так как они различаются с точки зрения смысла. Если слова различаются сферой употребления, это стилистические синонимы. Слова *глаза*, *очи*, *вежды*, *зеницы*, *буркалы*, *гляделки*, *мигалки*, *бельма*, *зенки* называют один и тот же денотат, но отличаются стилистической окраской.

Кроме различий, слова одного синонимического ряда могут обнаруживать сходство. В языке наблюдаются два типа семантического тождества: точная синонимия и нейтрализация семантических различий между синонимами. Точные синонимы — это слова, полностью совпадающие по значению, при этом они могут отличаться сочетаемостью и конструкциями. Синонимы *острый*, *чуткий*, *тонкий* в значении “легко воспринимающий самые слабые раздражения (об органах чувств)” по смыслу полностью совпадают, но различаются сочетаемостью. Все они сочетаются с существительными, которые обозначают органы чувств и чувства. *Острый* употребляется для характеристики зрения и слуха, *чуткий* — слуха, *тонкий* — обоняния. В английском языке им соответствуют синонимы *sharp*, *keen*, *acute*. *Sharp* чаще употребляется для описания зрения и слуха, *keen* — для описания зрения и обоняния, а *acute* — для описания слуха [1:382].

Особенно много точных синонимов среди слов, которые употребляются в переносных и фразеологически связанных значениях. *Гнев*, *ярость*, *бешенство*, *раздражение* в прямом значении различаются по следующим признакам: 1) интенсивность (*ярость* сильнее, чем *гнев*; *ярость* и *гнев* сильнее, чем *бешенство*; *ярость*, *бешенство* и *гнев* сильнее, чем *раздражение*); 2) характер проявления эмоции (*ярость* и *бешенство* — неуправляемое проявление отрицательных эмоций, при этом благородными могут быть только *гнев* и *ярость*). В переносном значении *ярость*, *гнев*, *бешенство моря* сохраняется только признак интенсивности, поэтому они отличаются гораздо меньше и в данном контексте взаимозаменяемы, а *раздражение* в переносном значении не употребляется. В английском *anger*, *wrath*, *rage*, *fury* в прямом значении различаются по крайней мере тремя признаками: 1) интенсивность (*wrath* сильнее, чем *anger*, а *rage* и *fury* сильнее, чем *wrath*); 2) свойства субъекта, испытывающего эту эмоцию (чувство справедливости в случае *wrath*, раздражительность, темпераментность в случае *rage* и *fury*); 3) характер проявления эмоции (*anger* — нейтрально, *wrath* имеет в результате наказание, а *rage* и *fury* выражается в стремлении к разрушению). Переносные значения *the anger of the sea*, *the wrath of elements*, *the fury /rage/ of the storm* образованы снятием второго и третьего различительных признаков. Таким образом, как и в русском языке, остаётся только признак интенсивности. В переносном значении *anger*, *wrath*, *rage*, *fury* отличаются значительно меньше, чем в прямом, а *rage* и *fury* не различаются [1:34].

В определённых контекстах смысловое различие между синонимами может сниматься, и они становятся взаимозаменяемыми. Так, синонимы *трудный* и *тяжёлый* различны в логических акцентах (*трудный фильм* и *тяжёлый фильм*). В разговорной речи происходит нейтрализация этих различий (*он оказался в трудном /тяжёлом положении*). Семантическое противопоставление слов *hard* — *difficult* также нейтрализуется в разговорной речи: *it's a hard /difficult/ problem*.

Сравнительный анализ синонимических рядов русского и английского языков показывает, что случаи полного соответствия редки, а характерной чертой является неполное или даже значительное несоответствие. Русским словосочетаниям с одним и тем же глаголом соответствуют английские словосочетания с разными глаголами: *колоть дрова* — *to split /to chop/ wood* (и *рубить дрова*), *колоть лёд* — *to break ice* (и *ломать лёд*), *колоть орехи* — *to crack nuts*.

Несоответствия синонимических рядов могут быть количественными и качественными. В синонимических рядах часто разное количество элементов и различия, а также сходства, определяются по разным признакам. Английскому ряду *help*, *aid*, *assist* соответствует русский ряд *помогать*, *подсоблять*.

Сопоставление синонимических рядов помогает глубже понять законы, управляющие лексической семантикой. Результаты сопоставления языков отражают имманентное и сознательное регулирование психолингвистических процессов порождения и восприятия словарных единиц при владении более чем одним языком [2: 9]. Сопоставление лексики имеет практическое значение для повышения эффективности обучения языкам, в частности обучения русскому языку как иностранному.

1. *Англо-русский синонимический словарь* / Ю. Д. Апресян, В. В. Ботякова, Т. Э. Латышева и др. — М., 1998.
2. *Манакин В. Н.* Сопоставительная лексикология. — К., 2004.

L. E. Pozdnyakova

SYNONYMOUS GROUPS OF WORDS IN COMPARABLE ASPECT

The article is devoted to the comparable analysis of synonymous groups of words in the Russian and English languages. The author examines semantic and stylistic synonyms. Both real synonyms, fixed in dictionaries, and contextual synonyms are marked. They can be translated by combination of words or phraseology. Questions, examined in article, are important in translating practice, and also in teaching Russian as foreign.

Key words: synonym, synonymous row, phraseology, method of formation, comparative analysis.

Л. Є. Позднякова

СИНОНІМІЧНІ ГРУПИ СЛІВ У ПОРІВНЯЛЬНОМУ АСПЕКТІ

Стаття присвячена порівняльному аналізу синонімічних груп слів у російській і англійській мовах. Розглядаються семантичні і стилістичні синоніми; власне синоніми і контекстуальні синоніми, які можуть перекладатися словосполученням або фразеологізмом. Питання, що розглянуті у статті, важливі в перекладацькій практиці, а також у викладанні російської мови як іноземної.

Ключові слова: синонім, синонімічний ряд, фразеологія, спосіб творення, порівняльний аналіз.

УДК 811.161.1'373.611

Н. В. Дьячок

Новое в вопросе об особенностях омонимии номинатом типа “словосочетание + универб”

Статья посвящена проблеме определения омонимии в рамках функционирования номинатом типа “словосочетание + универб”. Решается вопрос об омогруппах как о системных образованиях. Представлена типология изучаемых омогрупп.

Ключевые слова: номинатема, универб, омоним, омогруппа.

Целью данной статьи является демонстрация особенностей образования и функционирования омонимов в рамках номинатом типа “словосочетание + универб”, а также выявление принципов объединения данных омонимов в омонимические группы как лексические микро-системы. Явление омонимии ортодоксально и достаточно подробно описано как с точки зрения синхронии, так и с точки зрения диахронии. Полемика разработки подобных описаний служили простые слова, образованные в результате традиционных деривационных процессов. Анализ универбов исследуемого типа открывает актуальный аспект исследования явления омонимии.

В широком понимании универбация есть проявление синтетизма в словообразовании, т.е. выражение “одним словом (простым, производным или сложным) комплекса значений, вы-

ражаемых в аналитических конструкциях сочетаниями слов” [4: 451]. Ср. *широкочечий* и *широкий в плечах*, *барабанить* и *бить в барабан*, *столлик* и *маленький стол*, *библиотекарша* и *женщина-библиотекарь* и т. п.

В узком понимании универбация — “образование слова на базе наименования, представляющего собой сочетание слов” [7: 74–75]: *неотложка* — *неотложная помощь*, *короткометражка* — *короткометражный фильм*, *молодежка* — *молодежная газета* и т. п. В этом значении используются и другие термины. Авторы монографии “Русская разговорная речь” относят подобные образования к явлениям семантического стяжения, или семантической конденсации, понимая под этим процессы, связанные с утратой семантической расчлененности комплексных наименований, состоящих из двух или более лексем [12: 408]: *вечёрка* — *вечерняя газета*, *подсобка* — *подсобное помещение* и т. п. В. Н. Немченко называет стяжением образование производных слов в результате эллипсиса производящего словосочетания с одновременной суффиксацией [10: 241]: *читалка* — *читальный зал* и т. п.

Итак, традиционная наука относит ряд образований типа *генералка* (*генеральная репетиция*), *прогрессивка* (*прогрессивная зарплата*), *зачетка* (*зачетная книжка*), *генеральша* (*жена генерала*) к компрессивному словообразованию (Е. А. Земская, Е. С. Кубрякова, В. В. Лопатин, Н. А. Янко-Триницкая), их считают результатом вторичной номинации (А. А. Брагина) либо рассматривают как проявление “общего закона утраты формальной и семантической расчленённости наименования” [13: 42], а ещё называют суффиксальными универбами (Л. И. Осипова) либо определяют их как один из случаев “лексической конденсации” [5: 121]. И. Г. Милославский, например, видит в данной ситуации процесс синтеза словосочетания в производное слово: “...в ряде случаев семантические структуры словообразовательного и синтаксического наименований при различии собственно языковых значений совпадают” [9: 53].

Так или иначе, все ученые, когда-либо занимавшиеся этой проблемой, едины в одном: перед нами явление деривационного характера, хотя тождественность семантики словосочетания и соответствующего ему слова дает нам право предположить, что между словосочетанием и словом реализуются отношения отнюдь не словообразовательные, например: *зачетная книжка* и *зачетка*; *бытовое помещение* и *бытовка*; *место для ожидания* — *ожидалка*; *жилища, подселенная в одной квартире к кому-то, жившему здесь раньше*, — *подселенка* и т. п.

В связи с этим естественно желание дать единый терминологический эквивалент приведенным словообразовательным процессам и тем единицам, которые в результате этих процессов возникли. В. И. Теркулов, например, рассматривает такие дериваты как универбализованный (вербальный) эквивалент словосочетания, “то есть слово, которое возникло в результате словесной интерпретации словосочетания, имеет абсолютно тождественные словосочетанию лексическое и грамматическое значение и синтаксическую функцию” [14: 134], а данная словесная интерпретация возникла благодаря процессу эллиптической универбации. В целом же каждая конкретная исследуемая нами единица носит название номинатема типа “словосочетание + универб”, входит в разряд структурных разновидностей номинатемы с доминантой-словосочетанием, то есть является семантически тождественной единицей, которая отождествляется на уровне словосочетания. Номинатема вообще — это некая абстрактная языковая единица, реализующаяся в вербальных формах (глоссах, вариантах), причём в данном конкретном случае вариантами одной номинатемы выступают словосочетание и семантически и грамматически тождественное ему слово, стилистически отличающееся от эквивалентного словосочетания чертами разговорности, сленговости, например: *капитальный ремонт* и *капиталка*, *коммунальная квартира* и *коммуналка*, *дочь царя* и *царевна*, *настойка валерианы* и *валерьянка*, *что-либо объёмом в триста единиц* и *трёхсотка*, *заметка информационного характера* и *информашка*. Предложенная В. И. Теркуловым концепция “не определяет того, какая из реально отмечаемых в речи структурных единиц является основной для языка. Она снимает противоречия в атрибуции разных структурных единиц путем выведения родовой, языковой единицы, системная значимость которой предполагает возможность любой структурной речевой реализации выразителя моделируемого тождественного значения. Такая единица и является основой номинативности — номинатемой” [14: 135].

Лингвисты отмечают возникновение большого количества “суффиксальных универбов, мотивированных двучленным словосочетанием” [11: 61], или же, согласно принятой нами

терминологии, слов, тождественных исходному словосочетанию (вербальных эквивалентов словосочетаний, вербальных реализаций номинатом типа “словосочетание + универб”) в XX веке, особенно в последние его десятилетия. Существуют три основные причины “изготовления” новых имен, слов и выражений. Во-первых, компрессия в словообразовании объясняется действием закона экономии речевых средств, особенно сильно проявляющегося в разговорной речи. Во-вторых, “неожиданно возникают новые явления, нуждающиеся в именах. В-третьих, могут иметься причины для изменения имени уже существующего явления. За такими изменениями имен могут стоять факторы из области политики, экономики, престижа, коммуникации и т. п.” [2: 105].

Как было заявлено в нашей предыдущей статье, посвященной проблеме омонимии, вариантам конкретных номинатом — универбам — не чуждо явление омонимии, однако до сих пор оно рассматривалось в контексте определенных лексических или деривационных процессов.

Поскольку омонимия — это “звуковое совпадение различных языковых единиц (ключевое слово здесь — “различных” — Н. Д.), значения которых не связаны друг с другом” [6: 344], можно говорить о том, что исследуемое явление изначально охватывает различные номинатемы, а именно — универбализованные их варианты.

Поскольку мы говорим о суффиксальных универбах как о продукте формообразования, а не деривации, считаем, что подобные единицы, охватываемые омонимией, можно квалифицировать как реляционные по аналогии с традиционными деривационными. Реляционными омонимами являются одинаково звучащие суффиксальные универбы, которые суть варианты абсолютно различных номинатом. Механизм их формирования можно представить следующими схемами.

	WCom1		WCom2
N1		N2	
	U1		U2,

где N1 и N2 — разные номинатемы, WCom1 и WCom2 — варианты-словосочетания соответствующих номинатом, U1 и U2 — варианты-универбы соответствующих номинатом. Например,

	<i>электрическая плита</i>
<p><i>номинатема 1</i> (<i>электрическая плита</i>)</p>	<p><i>электричка 1;</i> <i>электрический поезд</i></p>
<p><i>номинатема 2</i> (<i>электрический поезд</i>)</p>	<p><i>электричка 2.</i></p>

Универбы-омонимы могут объединяться в группы, называемые омонимическими группами, или омогруппами.

Под омонимической группой понимается “группа слов одного и того же языка в один и тот же период его существования, находящихся в отношениях омонимии, т. е. тождественных друг другу фонетически и / или графически во всех или некоторых своих формах, но существенно различающихся по своим лексическим или грамматическим значениям” [8: 184].

По мнению Л. В. Малаховского, омогруппа представляет собой, с одной стороны, некую систему, а с другой стороны, структуру и поэтому может рассматриваться соответственно как сложное единство (в этом случае интерес исследователя распространяется на свойства этого единства как целого) или как расчлененное множество (и тогда интерес представляет его состав и внутренняя организация). В данной статье мы проанализируем лишь системные свойства омогрупп исследуемого типа.

Впервые подход к омогруппе как к системе был сформулирован в 1959 году А. Я. Шайкевичем. В последующие пятнадцать лет в лингвистической литературе отсутствовало само понятие омогруппы: обычно говорилось об омонимах как о словах, находящихся в определенных формально-смысловых отношениях между собой; вопрос о группировках, в составе которых эти отношения проявляются, не затрагивался. Но именно изучение омогруппы как “особого

рода лексической микросистемы, — считает Л. В. Малаховский, — выявление многообразных отношений между ее элементами позволит наиболее полно раскрыть сущность явления омонимии” [8: 185].

Определяя омогруппу как микросистему, следует исходить из понимания системы, предложенной И. В. Блаубергом с соавторами, согласно которому “система есть целостный комплекс взаимосвязанных элементов” [3: 29]. Так, система должна быть целостной и демонстрировать факт взаимосвязи между ее элементами. Омогруппа как микросистема не является исключением из теоретических правил.

Во-первых, омогруппа обладает целостностью. Ее целостность основывается на общности формы элементов омогруппы, то есть их фонетическом и / или графическом сходстве при различии семантики этих элементов в данном синхронном состоянии языка.

Но когда говорят о систематике в лексике, имеют в виду, как правило, “только такие совокупности языковых единиц, которые характеризуются общностью значения входящих в них элементов, как, например, синонимический ряд, полисемантическая система (совокупность лексико-семантических вариантов слов) и т. п.” [8: 186]; системный же характер омогруппы обычно отрицается [1: 8].

Но, вслед за Л. В. Малаховским, мы настаиваем на том, что омогруппа представляет собой полноценную микросистему. Это объясняется и формальной, и, что наиболее важно, смысловой общностью.

Смысловая общность омонимов-универбов, источником которых являются соответствующие номинатемы, проецируется на общность значений ключевых слов, участвующих в номинации. Например: *атомка1 (атомная физика)* и *атомка2 (атомная электростанция)*; *вышка1 (высшая мера наказания)*, *вышка2 (высшая школа милиции)* и *вышка3 (высшая школа экономики)*; *наружка1 (наружное наблюдение)* и *наружка2 (наружная реклама)* и т. п.

Кроме того, как показывают диахронические исследования, “тождество формы определенным образом сказывается на судьбе омонимичных слов” [8: 187]. Значение слова может измениться под влиянием другого, омонимичного ему, слова. Нередкими являются случаи полного слияния омонимов в одно полисемантическое слово. В определенных условиях фонетическое тождество может приводить к “конфликту” омонимов и выпадению одного из них из языка. Всё это также свидетельствует о том, что общность формы “вовсе не является признаком внешним, несущественным для выявления системных свойств омогруппы” [8: 187].

Во-вторых, омогруппа обладает еще одним свойством системы — наличием связи между ее элементами. “Как известно, — пишет Л. В. Малаховский, — отношения между любыми объектами могут быть двух типов — типа взаимодействия (взаимосвязи) и типа сходств или различий (“чистые” отношения)” [8: 187]. В омогруппе наличествуют отношения типа сходств и различий — отношения формального сходства и смыслового различия между элементами. Но, в то же время, между элементами омогруппы существуют и отношения связи и взаимодействия.

Общность формы оказывается безразличной для слов, входящих в состав омогруппы. Имея в виду полисемантическую микросистему, С. Д. Кацнельсон писал, что “... единство звуковой формы существенным образом воздействует на смысловое содержание слова, вторгаясь в сферу семантики”. Подобные же процессы происходят и при омонимии, где элементы микросистемы также взаимодействуют между собой, хотя сила и характер этого взаимодействия иные, чем при полисемии.

В этой связи целесообразно отметить принадлежность омогрупп к определенному типу систем — органичных или неорганичных. В органичной системе имеются связи структурные и генетические, в неорганичных — только структурные. В органичной группе господствуют отношения субординации, в неорганичной — отношения координации (взаимодействия). В органичной системе свойства частей определяются структурой целого, части неспособны к самостоятельному существованию; в неорганичной — свойства частей определяются их внутренней структурой, части могут существовать самостоятельно. Наконец, в органичной системе целое активнее элемента; в неорганичной системе элемент активнее целого.

Омогруппа обладает свойствами системы неорганичной, поэтому таковой системой и является. Доказательством этого может служить следующее:

для омонимов — элементов омогруппы — генетическая связь необязательна и в большинстве случаев отсутствует;

в омогруппе все ее элементы равноправны, нет омонимов “основных” и “второстепенных”;

в омонимической микросистеме свойства частей — отдельных омонимов — определяются не структурой омогруппы, а их собственной внутренней структурой;

в омонимической микросистеме любой из элементов омогруппы активнее, чем их совокупность.

Вслед за Л. В. Малаховским также отмечаем, что омогруппы различаются между собой по степени выраженности системных свойств.

Так, например, омонимы, совпадающие друг с другом во всех своих грамматических формах, могут сильнее взаимодействовать между собой, чем омонимы, у которых тождественны лишь некоторые из форм. Омони́мы, относящиеся к одной и той же части речи и, следовательно, выступающие в тождественных синтаксических функциях, имеют больше возможностей влиять друг на друга, чем омонимы, относящиеся к разным частям речи. Омони́мы, употребляющиеся в одной и той же сфере, оказываются чаще в сходных контекстах, чем омонимы, функционирующие в разных сферах, поэтому сила взаимодействия таких омонимов больше.

Опираясь на вышеизложенное, мы можем сделать следующие выводы: 1) под омогруппой понимается группа слов одного и того же языка в один и тот же период его существования, находящихся в отношениях омонимии, т. е. тождественных друг другу фонетически и / или графически во всех или некоторых своих формах, но существенно различающихся по своим лексическим или грамматическим значениям; 2) омогруппы образуют омонимы, имеющие своим источником базовые словосочетания соответствующих номинатем; 3) в омогруппе наличествуют отношения типа сходств и различий — отношения формального сходства и смыслового различия между элементами; 4) омогруппа обладает свойствами системы неорганичной, поэтому таковой системой и является; 5) омогруппы различаются между собой по степени выраженности системных свойств.

1. *Абаев А. И.* (ред.) Лексикографический сборник. Вып. IV. — М.: Наука, 1960.
2. *Блакар Р. М.* Язык как инструмент социальной власти. — М.: Прогресс, 1987. — 182 с.
3. *Блауберг И. В., Садовский В. Н., Юдин Э. Г.* Системный подход: предпосылки, проблемы, трудности. — М.: Наука, 1969.
4. *Большой энциклопедический словарь. Языковедение* / Гл. ред. В. Н. Ярцева. — М.: Большая российская энциклопедия, 2000. — 686 с.
5. *Кудрявцева Л. А.* Моделирование динамики словарного состава языка. — Киев: Киевский университет, 2004. — 208 с.
6. *Лингвистический энциклопедический словарь* / Гл. ред. В. Н. Ярцева. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — 688 с.
7. *Лопатин В. В.* Новое в русском языке советской эпохи // Русский язык в школе. — 1987. — № 5. — С. 79–77.
8. *Малаховский Л. В.* Омони́мическая группа как лексическая микросистема // Вопросы строя индоевропейских языков. — М.: АН СССР, 1975. — С. 184–193.
9. *Милославский И. Г.* Синтез словосочетания и производного слова // Вопросы языковедения. — 1977. — № 5. — С. 53–61.
10. *Немченко В. Н.* Современный русский язык. Словообразование. — М.: Высшая школа, 1984. — 256 с.
11. *Осипова Л. И.* Суффиксальные универбы с непредметной семантикой в русском языке // Филологические науки. — 1991. — № 5. — С. 61–69.
12. *Русская разговорная речь* / Отв. ред. Е. А. Земская. — М.: Наука, 1973–232 с.
13. *Сидоренко О. М.* Про поняття універбізації в сучасному слов'янському мовознавстві // Мовознавство. — 1992. — № 4. — С. 42–47.
14. *Теркулов В. И.* Ещё раз об основной единице языка // Вісник Луганського національного університету ім. Т. Г. Шевченка. — Луганськ, 2006. — № 11 (106). — С. 127–136.

N. V. Dyachok

NEW PECULIARITIES OF NOMINATHEAMS' "WORD COMBINATION + UNIVERB" IN HOMONYMY

The article is about the problem of homonymy definition in the nominatheam of "word combination + univerb" type field. The question about groups of homonyms as about systems is decided. The typology of these homogroups is given.

Key words: nominatheam, univerb, homonym.

Н. В. Дьячок

**НОВЕ У ПИТАННІ ПРО ОСОБЛИВОСТІ ОМОНІМІЇ НОМІНАТЕМ ТИПУ
"СЛОВОСПОЛУЧЕННЯ + УНІВЕРБ"**

Статтю присвячено проблемі визначення омонімії в межах функціонування номінатем типу "словосполучення + універб". Вирішується питання про омогрупи як про системні утворення. Надається типологія досліджуваних омогруп.

Ключові слова: номінатема, універб, омонім, омогрупа.

УДК 811.133.1'373'06

N. Volochina, I. Pantchenko, T. Teletskaiia

Théorie du prototype dans la lexicologie contemporaine française

L'article porte sur le problème majeur des théories sémantiques actuelles — celui de la catégorisation du réel. Il envisage la nouvelle conception du sens des unités lexicales, la sémantique du prototype, qui rend le pouvoir référentiel des mots mieux justifié et expliqué.

Mots-clés: analyse sémique, prototype, référent, catégorie, sens du mot, dénomination.

Les théories sémantiques se heurtent souvent à des difficultés. On a pu constater que l'étude du sens n'a pas réussi à s'adapter totalement à la perspective structuraliste. Tous les efforts en vue d'appliquer le structuralisme au lexique ont buté sur le point que "pour aboutir à des procédures objectives, il faut admettre que seul un appui pris sur des marques formelles est la garantie du caractère proprement linguistique d'une analyse" [1: 66].

L'analyse sémique est très étroitement liée à l'état des pensées et des techniques d'une époque donnée : "les mots changent de sens en même temps que les choses qu'ils continuent à désigner changent de nature, de forme ou d'usage" [2: 87]. Certains sèmes pertinents deviennent non pertinents après l'invention de nouvelles idées ou de nouvelles formes.

On a vu aussi que les variations dues aux groupes ou aux individus différents obligent à déterminer explicitement le point de vue à partir duquel le champ envisagé sera découpé et étudié. L'analyse sémique ne peut donc pas prétendre structurer de façon "scientifique" l'univers des significations à l'aide d'une grille unique. Pour qu'elle soit efficace, elle devrait confronter plusieurs organisations concurrentes d'un même domaine d'expérience.

Le problème majeur des théories sémantiques semble cependant porter sur la catégorisation du réel. Il va de soi que les éléments qui constituent l'univers ne peuvent pas tous recevoir des noms propres. C'est pour cela qu'ils doivent être organisés en classes plus générales, dont chacune porte un nom commun valable pour tous les membres de la catégorie : *moineau*, *rouge-gorge* ou *oiseau*, *chaise*, *fauteuil* ou *siège*. Les termes *oiseau*, *siège* "sont évidemment à la fois plus englobants, plus généralisants et moins précis, mais parfois aussi plus faciles à comprendre" [3: 60] que les noms concrets des oiseaux ou des meubles.

Les mots véhiculent des concepts et ainsi permettent aux hommes de prendre une connaissance claire de l'univers. L'expérience que les hommes ont de leur univers est infinie. On peut donc se demander

comment il est possible de décrire cet infini à l'aide du fini. Les mots, signes linguistiques, comportant un signifiant et un signifié, sont là pour fournir à la fois des catégories de pensée intermédiaires entre l'unité globale et l'infinie diversité et le moyen phonique de les identifier.

L'opération mentale qui consiste à ranger ensemble des éléments différents se retrouve dans toutes les activités de l'homme (pensée, perception, parole, action...). Chaque fois que l'homme perçoit une espèce de chose, il catégorise. Catégorisation et catégories sont donc les éléments essentiels de l'organisation de l'expérience humaine.

On peut se demander sur quelles bases repose cette répartition en ensembles. Selon la conception classique, la catégorisation s'effectue sur la base de propriétés communes. Les membres d'une même catégorie présentent des traits identiques. Si un objet particulier est perçu comme étant un oiseau, c'est parce qu'il possède les traits caractéristiques qui définissent le concept d'oiseau. En effet, la catégorie des oiseaux a l'habitude de regrouper les animaux qui ont des ailes, un bec, deux pattes, des plumes, qui pondent des œufs et qui volent. Aussi bien *le moineau* que *le rouge-gorge* présentent ces traits. La catégorisation ainsi conçue répond à un modèle de conditions nécessaires et suffisantes. Les propriétés communes sont partagées par tous les membres de la catégorie.

La sémantique structurale européenne est apparentée aux versions de ce modèle. Dans la mesure où les sèmes sont considérés comme un ensemble de conditions nécessaires et suffisantes, l'analyse sémique postule que les frontières des catégories sont clairement délimitées : pour qu'un être vivant soit sommé oiseau, il doit, en principe, correspondre aux propriétés énumérées plus haut. Ou pour qu'un objet soit nommé chaise, il doit être défini à l'aide des conditions nécessaires "quatre pieds", "matériel rigide", "dossier"... [4: 378].

Or, tout le monde sait que les choses ne sont pas organisées d'une façon aussi tranchée.

Le modèle des conditions nécessaires et suffisantes montre donc assez vite ses limites. Son manque de flexibilité ne lui permet pas de s'adapter aux cas marginaux. Quand on catégorise un certain référent par un certain mot, que doit-on faire des référents qui ne correspondent pas tout à fait aux propriétés majeures de la catégorie? Ce modèle aurait du mal à classer l'autruche ou *le* pingouin dans la catégorie des "oiseaux", car ces deux êtres vivants ne volent pas. Or le fait de voler fait normalement partie des propriétés de la catégorie "oiseau".

A côté de l'analyse sémique s'est développée postérieurement une autre conception du sens des unités lexicales, la sémantique du prototype [5: 145]. Cette théorie, qui essaie de résoudre certaines des difficultés auxquelles est confrontée la décomposition en sèmes, a donné du sens à une conception plus souple et par là plus "juste". Le pouvoir référentiel des mots s'en est trouvé mieux expliqué. L'autruche n'est sans doute pas un oiseau parfait, mais elle est beaucoup plus apte à être dénommée "oiseau" qu'une baleine ou un lapin, qui ne le sont absolument pas. La sémantique du prototype rompt avec la conception classique de la catégorisation en proposant une théorie nouvelle: elle passe des classes, définies par une liste de conditions nécessaires et suffisantes, à une analyse de catégories dites "naturelles" qui cherche avant tout à décrire l'organisation interne et externe des catégories en relation avec leur fonctionnalité. Le processus de catégorisation, au lieu d'être la découverte d'une règle de classification, est désormais la mise en valeur de covariations et de similitudes globales et la formation de prototypes de référence.

La théorie du prototype semble être en train de bouleverser la conception que l'on a de la capacité de catégoriser et par conséquent, l'idée que l'on se fait de l'esprit humain en général. Cette théorie, étant une théorie de la catégorisation, ne doit donc pas être considérée en premier lieu comme une théorie sémantique du mot. Cependant, les linguistes y voient avant tout une théorie qui permet de régler le problème du sens lexical. La sémantique du prototype devient ainsi une théorie sur le sens "linguistique" et tout particulièrement sur le sens du mot.

Eleanor Rosch est une psychologue américaine qui a fait connaître la théorie du prototype dans les années soixante-dix. C'est Georges Kleiber qui a fait une synthèse des travaux suscités par ce courant de pensée dont l'objectif est de s'interroger surtout sur les points suivants [1]:

1) Pourquoi X est-il *un oiseau* et non *un train* ou *une vache*, par exemple ?

Quelles sont les représentations mentales qui correspondent, dans une société donnée, aux diverses catégories de référents?

2) Pourquoi X est-il nommé *oiseau* ? On aurait aussi bien pu dire que c'est *un moineau* ou *un animal*.

Il est très important de signaler que ce courant s'intéresse plus à la description psychologique du référent des mots qu'à leur définition. L'une des idées centrales de la sémantique du prototype est que parmi

les stimuli que les gens reçoivent, certains types idéaux ou “prototypes” sont des points d'ancrage pour la perception.

Selon la conception classique, les membres d'une même catégorie ont un statut égal, puisque chaque membre possède les propriétés requises par la définition de la catégorie. L'idée fondamentale de la théorie du prototype est qu'un grand nombre de catégories naturelles sont structurées et que tous les membres d'une catégorie ne sont pas équivalents. Le prototype est le meilleur exemplaire communément associé à une catégorie. C'est l'entité centrale autour de laquelle s'organise toute la catégorie. Les autres éléments sont assimilés à cette catégorie sur la base de leur ressemblance perçue avec le prototype.

On peut se demander comment le prototype peut être identifié au sein d'une société. L'identification est basée sur des tests psychologiques ; elle s'effectue au moyen d'expériences permettant l'étude systématique des intuitions linguistiques d'un échantillon représentatif de sujets parlants.

La notion de prototype est donc fondamentalement reliée aux individus. Ce sont les sujets parlants qui reconnaissent le meilleur exemplaire de telle ou telle catégorie. Mais on peut se poser le problème de la variation individuelle. Le prototype ne varie-t-il pas d'un individu à l'autre? En effet, quelques variations existent, mais les résultats des expériences sont cependant relativement liés et permanents chez les sujets parlants d'une même communauté. On peut constater que :

- les membres prototypiques sont catégorisés plus vite que les membres non prototypiques ;
- ils servent de point de référence cognitif;
- ils sont généralement mentionnés en premier lorsqu'on demande d'énumérer les membres d'une catégorie.

En Europe et en Amérique du Nord, le moineau est considéré comme le type de la catégorie “*oiseau*”. Les différents êtres auxquels on peut référer en employant le mot oiseau se rapprochent plus ou moins de ce prototype. Chez oiseaux, l'aptitude à voler est commune, mais il existe des oiseaux qui ne volent pas, comme *l'autruche* ou *le pingouin*.

Les membres d'une catégorie ne sont pas des exemplaires équivalents : il existe des membres qui sont de meilleurs exemplaires que d'autres. Il y a donc une hiérarchie qui s'établit à l'intérieur de la catégorie. Le degré de représentativité d'un exemplaire correspond à son degré d'appartenance à la catégorie, Et l'appartenance à une catégorie s'effectue sur la base du degré de similarité avec le prototype. Plus l'élément à catégoriser ressemble au prototype, plus son appartenance à la catégorie concernée est nette. Les membres qui ont un degré de représentativité très faible, ceux qui sont donc de mauvais exempts de la catégorie, comme *autruche* et *pingouin* pour *oiseau*, sont placés à la périphérie de la catégorie. Les exemplaires ayant un degré de prototypicalité intermédiaire, comme par exemple *canari* pour *oiseau*, se situent à une distance intermédiaire entre le meilleur exemplaire et les moins bons reprenants de la catégorie.

L'approche en termes de prototype n'exclut pas l'analyse sémique, mais elle implique que certains sèmes sont indispensables, d'autres facultatifs. On a vu qu'entre l'exemplaire X et le prototype, on peut déterminer une distance. Si elle est faible, entre X et l'exemplaire prototypique il y a un “air de famille”. Lorsqu'elle est grande, l'unité de la catégorie, trop hétérogène, peut être mise en cause.

La théorie du prototype aborde aussi la question des niveaux de dénomination. Elle s'interroge sur les distinctions et les généralisations à partir lesquelles l'esprit humain catégorise et appelle l'être volant animal, oiseau ou moineau. En effet, on a pu constater que le même objet peut être dénommé de plusieurs façons différentes. Il va de soi que ces différents termes ne se situent pas au même niveau. Certains domaines du vocabulaire possèdent une structure hiérarchique, les catégories s'emboîtant les unes dans les autres. Ainsi, *le moineau* fait partie de la classe *des oiseaux*, qui, à son tour, appartient à la classe *des animaux*. La vaste catégorie des animaux se subdivise ainsi en espèces et en races.

Si l'on ne s'occupe pas des catégories scientifiques et techniques qui sont souvent très fines et, par conséquent, très riches en niveaux, il semble, d'après la théorie du prototype, qu'il y a dans le langage courant trois niveaux principaux de catégorisation et de dénomination:

- 1) niveau superordonné (ex.: *animal*);
- 2) niveau de base (ex.: *oiseau*);
- 3) niveau subordonné (ex.: *moineau, rouge-gorge, aigle, etc.*).

Or, l'expérience montre que le sujet parlant emploie plus facilement le terme du niveau de base *oiseau* que le nom supérieur *animal* et que le nom subordonné *moineau*, même s'il est tout à fait capable de différencier un moineau d'autres oiseaux. Le mot intermédiaire oiseau dans la série hiérarchique animal-oiseau-moineau a donc un statut privilégié.

On comprend bien que l'utilisation du mot *oiseau* est plus fréquente que celle des noms de races. Il y a beaucoup de locuteurs qui ne les connaissent pas. Ils peuvent aussi avoir des difficultés à identifier la race d'un oiseau qu'ils aperçoivent. Mais on peut se demander pourquoi le nom superordonné animal n'est pas plus employé. En effet, ce mot peut référer à des images très différentes. Entre un éléphant et une souris, par exemple, il y a un écart considérable. Les superordonnés regroupent des exemplaires tellement différents qu'ils ne peuvent être représentés par une forme unique. Selon la théorie psychologique du prototype, les sujets parlants utilisent de préférence les mots qui correspondent à des images facilement reconnaissables. *Un moineau* est donc d'abord reconnu comme *oiseau* avant d'être reconnu, avec tous les oiseaux, comme *animal*. On comprend qu'il soit désigné d'après la catégorie où il est le plus spontanément et le plus rapidement classé.

La théorie du prototype semble apporter des éléments nouveaux qui rendent de grands services à la sémantique lexicale:

- Elle est beaucoup moins rigide que le modèle des conditions nécessaires et suffisantes dans la mesure où les frontières des catégories sont relativement floues. Ainsi, il n'y a pas de ligne de démarcation précise entre ce qu'est un X et ce que n'est pas un X. La sémantique du prototype rend bien compte des cas marginaux qui échappent à la conception classique tels que la chaise à un pied ou la chaise à un bras.

- Elle permet de réintégrer dans le sens d'un mot les propriétés exclues par le modèle classique, à savoir les propriétés typiques et stéréotypiques.

- Elle trace une hiérarchie intercatégorielle qui trouve également un écho nouveau et prometteur dans l'organisation de la hiérarchie lexicale.

Malgré ces points qui font progresser l'analyse sémantique, la théorie du prototype se heurte à des obstacles qu'elle a du mal à surmonter. Quelques critiques lui sont souvent adressées :

- La théorie du prototype fonctionne bien dans certains secteurs: ceux des phénomènes de perception (adjectifs de couleur), des espèces naturelles (oiseau, fruit...) et des objets fabriqués. Dans d'autres domaines, elle s'applique beaucoup plus difficilement.

- Les noms sont aussi plus favorables à cette théorie que d'autres catégories grammaticales [6], comme le verbe, par exemple. Il est nettement plus facile de s'imaginer quel est le meilleur exemplaire d'*oiseau* que d'envisager quel est le meilleur exemplaire de *dormir*.

- De même, cette théorie convient mal aux mots polysémiques. On a vu qu'un polysème regroupe sous une dénomination unique plusieurs catégories. La théorie prototypique a tendance à favoriser la division des polysèmes. autrement dit, dans tous les cas où l'unité du mot n'est pas absolument évidente, on est amené à donner une description autonome de chaque signification, comme si l'on avait affaire à plusieurs homonymes.

- La théorie du prototype semble négliger les figures, comme la métaphore et la métonymie. Elle tient les mots non pour des signes mais pour des étiquettes collées sur le monde réel.

1. Kleiber G. Prototype et prototypes : encore une affaire de famille // Sémantique et cognition: Catégories, prototypes, typicalité / Sous la direction de Daniel Dubois. — Paris, 1993. — P. 103–129.
2. Mounin G. Clefs pour la sémantique. — Paris: Seghers, 1975. — 268 p.
3. Mitterrand Y. Les mots français. — Paris : Presses Universitaires de France, 1968. — 128 p.
4. Molinié G. La stylistique. — Paris : Presses Universitaires de France, 1997. — 212 p.
5. Niclas-Salminen A. La lexicologie. — Paris; Armand Colin, 1997. — 188 p.
6. Victorri B. Les grammaires cognitives // La linguistique cognitive / Sous la direction de Catherine Fuchs. — Paris, 2004. — P. 73–98.
7. Le Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. — Paris: Dictionnaires Le Robert, 1993. — 2843 p.

Н. І. Волошина, І. В. Панченко, Т. В. Телецька

ТЕОРІЯ ПРОТОТИПУ У СУЧАСНІЙ ФРАНЦУЗЬКІЙ ЛЕКСИКОЛОГІЇ

У статті розглядається проблема нового, прототипового підходу до категоризації, який є найбільш адекватним при визначенні характерних особливостей об'єктів, необхідних і достатніх як критерії їх номінації.

Ключові слова: семний аналіз, прототип, референт, категорія, значення слова, номінація.

Н. И. Волошина, И. В. Панченко, Т. В. Телецкая

ТЕОРИЯ ПРОТОТИПА В СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ

В статье рассматривается проблема нового, прототипического подхода к категоризации, который является наиболее адекватным при определении характерных особенностей объектов, необходимых и достаточных в качестве критериев их номинации.

Ключевые слова: семный анализ, прототип, референт, категория, значение слова, номинация.

ПИТАННЯ ОНОМАСТИКИ

УДК 811.16'373.21'367.633

Н. А. Бойко

**Предложные конструкции в дегидронимных ойконимах
Восточной Славии**

Статья посвящена предложным конструкциям, формирующим различные структурные типы дегидронимных ойконимов Восточной Славии. Анализу подвергаются структурные типы с предлогами *по*, *подле*, *при*, содержащие в своём составе географические термины. Показаны пути формирования каждого типа онимов, их хронология, продуктивность и современное состояние на территории Восточной Славии.

Ключевые слова: апеллятив, гидроним, ойконим, оним, топоним.

Дегидронимные ойконимы как особый тип онимов представлены во всех славянских языках. Как часть онимической системы они имеют свои принципы номинации. Определяя принципы номинации ойконимии Украины, Д. Г. Бучко выделяет принцип наименования поселения по его расположению или по наименованию объекта, возле которого оно возникло или перенесено из другой местности [1: 22].

Расположение (место) одного объекта относительно другого — один из важнейших номинационных признаков в пределах ойконимии. Реализация данного признака наблюдается в топонимах, которые носят описательный характер. Для географических наименований такого типа характерны предложные конструкции. Называемый объект, как правило, меньше по размерам и менее значим, чем объект, по которому происходит наименование [3: 134]. Это названия небольших поселений: деревень, погостов, починков. Например: н.п. *На Воче*, н.п. *Над Долгим Плёсом*, н.п. *Над Быстрицой Рекой*, н.п. *Подле речку Шаховку*, н.п. *По речке Берёзовой*, н.п. *При речке Чёрной*, н.п. *У Мосту* и т. п.

Предложные конструкции, формирующие различные модели топонимов, имеют определённую традицию изучения [4; 5; 10]. Однако предложные конструкции в дегидронимных ойконимах Восточной Славии ещё не были предметом всестороннего изучения.

Цель статьи — рассмотреть предложные дегидронимные ойконимы с точки зрения их структуры, развития и употребления в восточнославянских языках.

В зависимости от предлога предложные конструкции формируют различные ойконимные модели.

Для наименований населённых пунктов, производных от гидронимов, характерным признаком является его расположение (место) по отношению к водному объекту. Использование географического термина конкретизирует место, расположение одного объекта (ойконима) по отношению к другому объекту (гидрониму). Так, модель “предлог + географический термин + гидроним” представлена в наименованиях поселений Восточной Славии.

Рассмотрим ойконимную модель с предлогом *по*. Наименования с этим предлогом составляют многочисленную группу (230 единиц). Предлог *по* в ойконимных моделях “по + географический термин в дательном падеже + гидроним в дательном падеже” и “по + географический термин в винительном падеже” имеет значение ‘расположенный вдоль, у чего-л., при чем-л.’ [4: 58]. В современном русском языке предлог *по* употребляется с дательным, винительным и предложным падежами. Пространственные отношения выражают сочетания предлога *по* с дательным и предложным падежами. В винительном падеже значение ‘место распространения, совершения действия’ имеют сочетания предлога *по* со словами *рука*, *сторона* [8, VI: 5–10]. В древнерусском языке значения сочетаний с предлогом *по* были чётко определены. Все они обозначали место, выделялось три значения: 1) ‘на, в’; 2) ‘вдоль по, на протяжении’; 3) ‘для обо-

значения границы — до' [9, 11: 979, 981–982]. Три значения имели сочетания *по* с винительным падежом, два значения выражали сочетания предлога *по* с дательным падежом.

Среди дегидронимных ойконимов преобладают предложные конструкции с дательным падежом. Наименования поселений представлены двумя моделями: 1) “*по* + географический термин в дательном падеже единственного числа + гидроним в дательном падеже”. Например: н.п. *По речке Андемерке*, н.п. *По речке Бадезю*, н.п. *По речке Берёзовке*, н.п. *По речке Выдерге*, н.п. *По речке Озёрной Большой (Россохи)*, н.п. *По речке Пыжманке* и т. д. [12, VII(2): 287–291]; 2) “*по* + географический термин в дательном падеже множественного числа + гидронимы в дательном падеже” Ср.: н.п. *По речкам Адамке и Сапаршуре*, н.п. *По речкам Полднёвой и Песьяной* [12, У11(2): 287]. Образования таких структурных типов преобладают на территориях Вятской и Пермской губерний.

Сочетания с предлогом *по* входят в другие, более сложные предложные конструкции. Например: н.п. *По речке Малой Шолге Починок Новый* = *Починок Новый по речке Малой Шолге* в Устюжском уезде Вологодской губернии, н.п. *По речке Аннерь Новопоселенная* = *Новопоселенная по речке Аннерь*, н.п. *По речке Санар Новопоселенная* = *Новопоселенная по речке Санар*, н.п. *По речке Нурме Вершины* = *Вершины по речке Нурме* в Казанской губернии [12, VII(2): 287, 290].

Кроме того, встречаются дегидронимные названия населённых пунктов, в состав которых входит два предлога: *по* — *близ*, *по* — *на*, *по* — *над*. В таких ойконимах второй предлог обычно конкретизирует место расположения населённого пункта по отношению к водному объекту. Например: н.п. *По речке Красной близ Каменного Ключа*, н.п. *По речке Шушкану близ Провала*, н.п. *По речке Иклянурке на правом истоке речки Ваитранки*, н.п. *По речке Урмыжанке на Лево́й Стороне*, н.п. *По речке Сердеже над ключом Кипуном*, н.п. *По речке Сурье над ключом Желобовым*, н.п. *По речке Тылпанке над Крутым Логом*. Такие образования зафиксированы в Вятской губернии.

Среди дегидронимических ойконимов встречаются наименования, представляющие собой сочетания предлога *по* с винительным падежом. В этих конструкциях, как и в современном русском языке, *по* употребляется со словом *сторона*. Например: н.п. *По другую сторону речки Абатыря*, н.п. *По другую сторону речки Кордяги*, н.п. *По другую сторону речки Черёмуховицы*. Такие названия населённых пунктов также были распространены в Вятской губернии.

Дегидронимические ойконимы с предлогом *по* на территориях Украины и Белоруссии нами не обнаружены. Однако префиксальные ойконимы с *по* широко представлены в наименованиях поселений на территории Восточной Славии: с. *Поречье* в Псковской области [6:201], сс. *Поречье* во Львовской области (Украина) [7, III: 48].

Названия населённых пунктов с предлогом *под* составляют небольшую группу. Префикс *под* в топонимах обозначает ‘место, расположенное близ, около чего-либо’ [4: 63]. Дегидронимические ойконимы, построенные по модели “*под* + географический термин в творительном падеже + гидроним в творительном падеже”, отмечены на территории России. Ср.: н.п. *Под речкою Омытью* в Вятской губернии [12, VII(1): 165]. На территории Украины также представлены названия населённых пунктов с предлогом *под*, например: н.п. *Под Речкою* [12, VII(1): 165]. На территории Белоруссии зафиксированы префиксальные образования *Подречка*, *Подречки*, *Подречье* [12, VII(1): 165]. Ойконимы с приставкой *под* широко представлены на территории Восточной Славии.

Рассмотрим ойконимную модель с предлогом *подле*. Предлог *подле* употреблялся с родительным и винительным падежами в XIV в. [9, II: 1062]. В XIX веке предлог *подле* употреблялся с родительным падежом, а на севере, в Пермской и Орловской губерниях — с винительным падежом [2, III: 184]. В современном русском языке этот предлог употребляется с родительным падежом в значении ‘рядом с кем-, чем-либо’ [8, 10: 425–426].

Ойконимная модель с предлогом *подле* имеет 2 подвида: 1) “предлог *подле* + географический термин в винительном падеже + гидроним в винительном падеже” (23 названия). Например: н.п. *Подле речку Бельницу*, н.п. *Подле речку Берёзовку*, н.п. *Подле речку Водскую (Водчана)*, н.п. *Подле речку Карапульку (Кувалдина)*, н.п. *Подле речку Кривушу*,..., н.п. *Подле речку Боковую*, н.п. *Подле речку Кобылью*, н.п. *Подле речку Шиховку (Шиховляна)* [12, VII(1): 142–143]; 2) “предлог *подле* + географический термин в родительном падеже + гидроним в родительном падеже” (24 названия). Например: н.п. *Подле речи Ажваж*, н.п. *Подле речки Боковой*, н.п. *Подле речки Бродовки*, н.п. *Подле речки Быстрицы Второй*, н.п. *Подле речки Гремячки*, н.п. *Подле речки Ка-*

мешницы, н.п. *Подле речки Лебёдки*, н.п. *Подле речки Омутной*, н.п. *Подле речки Убыти* и т. д. [12, VII(1):143]. Наименования с этим предлогом зафиксированы на территориях Вятской и Пермской губерний. Предлог *подле* представлен в древнерусском, русском, чешском, верхне- и нижнелужицком, древнепольском языках [11:297].

В Пермском уезде Пермской губернии отмечено наименование с предлогом *подле*, содержащее ещё один ориентир — оним *Бабушкина Мельница* — *Подле речки Обвы у Бабушкиной Мельницы*. В этом описательном названии два предлога — конкретизатора расположения поселения.

Данные предложные конструкции могут быть частью более сложных моделей. Например: н.п. *Подле речки Белолузицы Раменье* = *Раменье подле речки Белолузицы*, н.п. *Подле речки Карачаевки Семонинский* = *Семонинский подле речки Карачаевки*, н.п. *Подле речку Боковую Починок* = *Починок подле речку Боковую*, н.п. *Подле речку Лунгуужку Петра Тупицына* = *Петра Тупицына подле речку Лунгуужку* [12, VII(1): 142]. Ойконимная модель с предлогом *подле* представлена только на указанных территориях. Наименования поселений такой структуры были характерны для XIX в., в наши дни образования такого типа встречаются редко в диалектах русского языка. На территориях Украины и Белоруссии ойконимы с предлогом *подле* нами не обнаружены.

Дегидронимные ойконимы с предлогом *при* образуют две модели: 1) “при + географический термин в предложном падеже единственного числа + гидроним в предложном падеже” (240 наименований). Например: н.п. *При речке Елховке*, н.п. *При речке Каменке*, н.п. *При речке Кермеже*, н.п. *При речке Момокше*, н.п. *При речке Озернице*, н.п. *При речке Плеснице* и т. п.; 2) “при + географический термин в предложном падеже множественного числа + гидронимы в предложном падеже” (23 наименования). Например: н.п. *При речках Большой и Малой Сыгах*, н.п. *При речках Кордяге Большой, Могилёвке и Полынке*, н.п. *При речках Луптюге и Лосовке*, н.п. *При речках Светлице и Быстрой*. Данные образования представлены на территории России в бывшей Вятской губернии [12, VII(2), 378–384]. На территориях Украины и Белоруссии представлены префиксальные образования. Н. В. Подольская анализирует только префиксальные топонимы с *при-* [4:68], хотя предлог *при* представлен во всех славянских языках [11:362].

Проанализированные дегидронимные ойконимы с предлогами *по*, *под*, *подле*, *при*, содержащие в своей структуре географический термин *река*, употреблялись в диалектах русского языка — в основном на территориях бывших Вологодской, Вятской, Пермской губерний. На территориях Украины и Белоруссии предложные ойконимы представлены единичными примерами. Образования с предлогом *подле* встречаются только на территории России. Однако ойконимные модели с префиксами *по-*, *под-*, *при-* широко представлены в наименованиях поселений на территории Восточной Славии. Описательные ойконимы являются фрагментами, показывающими определённую стадию возникновения и существования онима.

Предложные конструкции представляют собою застывшие отрезки текста, синтагмы, которые выполняют номинативную роль, но они не получают для этого специального оформления [4: 91]. Данные модели неудобны для именованья и употребления. В дальнейшем они заменялись однословными образованиями. Переходя в префиксальные однословные образования, они получают морфологические показатели, типичные для определенной топонимобразующей модели, обусловленные спецификой топонимной системы региона.

1. Бучко Д. Г. Кілька уваг про принципи номінації в ойконімії України //Ономастика та етимологія. — К., 1997. — С. 13–23.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка М., 1955. — Т. 1–1У.
3. Ковалёва Н. Б. К вопросу о принципах номинации в топонимике // Учёные записки Уральского гос. университета. — № 144. Серия филологическая. Вып. 18: Вопросы топониматики. — Свердловск, 1971. — № 5. — С. 133–135.
4. Подольская Н. В. Типовые восточнославянские топоосновы. — М., 1988.
5. Скрипниченко А. З. Ойконимическая модель “существительное + предлог + существительное” в славянских языках // Перспективы развития славянской ономастики. — М., 1980. — С. 148–150.
6. Словарь географических названий СССР. — М., 1983.
7. Словарь географических названий Украинской ССР. — М. — Т. I — III.
8. Словарь современного русского литературного языка. — М. — Т. 10–11. 1960–1961.
9. Срезневский И. И. Материалы для Словаря древнерусского языка. — М., 1958. — Т. I — III.
10. Супранская А. В. Структура имени собственного. Фонология и морфология. — М., 1969.
11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. — М., 1987. — Т. III.
12. *Russisches geographisches Namenbuch*. — Wiesbaden. 1974. Bd.VII (1–2).

N. A. Boyko

PREPOSITIONAL CONSTRUCTIONS IN EAST SLAVONIC HYDRONIMIC TOPONYMS

The author examines prepositional constructions with preposition *po*, *podle*, *pod*, *pri* in Slavonic hydronimic toponyms from the oikonimic nomination point of view. Different models of hydronimic toponyms are formed on the basis of these constructions in dialects of the East Slavonic languages.

Key words: common noun, the proper name, toponym, oikonim, hydronim.

Н. О. Бойко

ПРИЙМЕННИКОВІ КОНСТРУКЦІЇ У ДЕГІДРОНІМНИХ ОЙКОНІМАХ СХІДНОЇ СЛАВІЇ

Стаття присвячена прийменниковим конструкціям, які утворюють різні структурні типи дегідронімних ойконімів Східної Славії. Проаналізовано структурні типи ойконімів з прийменниками *по*, *под*, *подле* (російська мова), *при*, до складу яких входить географічний термін. Розкрито шляхи формування онімів кожного типу, їх хронологія, продуктивність і сучасний стан на теренах Східної Славії.

Ключові слова: апелятив, гідронім, ойконім, онім, топонім.

УДК 811.161'373.21(477–25)

Е. Л. Смаль

Реализация восточнославянской географической терминологии в микротопонимии левобережья Киева

В статье рассматриваются семантические особенности некоторых микротопонимов левого берега г. Киева, мотивированных географическими терминами. Статья представлена как фрагмент историко-этимологического словаря микротопонимов г. Киева. Каждая словарная статья, кроме этимологических объяснений, включает историческую фиксацию онима, распространение аналогичных названий на восточнославянской территории, записи народных версий и т. д., что делает исследование актуальным для использования при составлении словаря микротопонимов г. Киева.

Ключевые слова: микротопоним, апелятив, оним, географические термины.

Географическая номенклатура представлена в микротопонимии любого населенного пункта очень широко. В пределах изучаемой нами территории она является одним из основных источников микротопонимии апелятивного происхождения.

Киев, как древний город, постоянно расширял свои границы. С давних времен каждый клочок земли имел своё наименование, потому что эти названия часто были единственными ориентирами. Естественно, что не все онимы дошли до наших дней; многие остались только в памяти старожилков (эти данные собраны нами полевым путем) со своими версиями и легендами, которые иногда дают толчок для лингвистического анализа в том или ином направлении. В этих версиях сохранились географические и экономические особенности, традиции, история, ментальность нашего народа и т. д., поэтому их нужно успеть сохранить для будущих поколений, какими бы наивными, ложными и прозрачными они ни были.

Кроме того, И. М. Железняк, исследующая микротопонимы правого берега города Киева, считает, что “уже настав час цілеспрямованої підготовки матеріалів для створення синтетичної праці з вивчення мікротопонімії Києва — історико-етимологічного словника. Але такій капітальній праці повинні передувати чисельні розробки — максимально повні описи історії та походження окремих назв” [6: 50].

Объектом нашего внимания в данной статье являются некоторые микротопонимы Левобережья города Киева, которые встречаются в устном употреблении, а иногда зафиксированы и памятниками письменности.

Гати, ур. В письменных источниках название не сохранилось, оно живет только в устной речи старожилов (бывшие села Выгуровщина и Троещина): “Пл. 40 га. Урочище обмежоване весняними рівчакми: озеро Цегельна — Вершина, Берви — Вершина. Це сильно зволожена рівнина, де довго застоювалися весняні води. До колективізації тут були городи жителів Хутора і кутка Мигашків, частково — пасовище. Після колективізації і при діяльності радгоспу тут вирощувалися буряки і кукурудза на силос. Через Гаті проходила дорога з Діброви в село. Ця дорога краща, ніж через Хутір, бо тут не було піску. Дорогу *підгачували* фашиною з чорнолозу та привезеним з Хутора піском, тому і назва — Гаті” [14]. На современной карте города Киева не прослеживается, локализовать можно только приблизительно в районе пересечения ул. Бальзака и ул. Драйзера.

В XVII в. существовал еще один объект с подобной топоосновой, сохранившийся в памятниках письменности, при описании имений Киево-Выдубицкого монастыря:

Гачища, оз.: 1605 г., “...в Чорніє Лози з Чорних Лвзь на Сосни и осокори великіє в котрих и Рубежь од осокорковъ в Гачища з Гачищъ в речку Панковскую речкою в Телбинъ телбиномъ в Коростишовъ коростишовомъ в глвбокій Колтобъ с Колтоба в доманское жерело Жереломъ в днепр ...” [7:270]; 1612 г., “Печерській мнрь завладель именіями Выдубицкаго мнря: Зверинцемъ и озерами: Гачища, Бервища и Кальное” [1: № 109].

На территории Украины, России, Беларуси представлены аналогичные соответствия: *Гатка*, оз. (Ровенск. обл.) [18:27], *Гатка*, р. (Житомирск. обл.) [9:209], *Гача*, р. (Волинск. обл.) [22: 129], *Гать* (Волянъ) [28: 32], *Гатна*, с., *Гать*, поток (Хмельн. обл.) [24: 128], ср. также многочисленные генетически подобные названия рек и микротопонимов как в Украине [22:129], так и за ее пределами [23: 18, 184; 15: 58], сюда же *Гаты* (Витебск.), *Гать* (6 ед.) — гидронимы [31, I: 425], *Гать* (13 ед.), *Гатка*, *Гатки* (4 ед.) — названия поселений в пределах Восточной Славии [32, II: 325–326].

Онимизация апеллятива прасл. **gaty*, **gaty*, ср.: укр. *гать*, [*гат*, *гата*], [*гатінка*] “гатіння”, *гатка*, *гатити* “робити загату; скидати в одне місце велику кількість; бити”, *загата* [8, I: 482], *гат*, *гата*, *гать*, *гатка* “гать, небольшая плотина” [21, I: 276–277], *гат* “ямы, небольшие долины — “видолинки” [12: 222], диал. *гать* “мокрая низменность” [13:281], *гатище* (*гать*) “суша на болоте” [27: 188], *гат*, *гата* “підводна невисока гребля на дні річки, яку споруджують для підняття рівня води і скерування її в потрібному напрямку”, *гать*, *гате* “1. гребля, 2. вода, що заповнює водоймище” [3: 76], *гати*, *гатка* “загата”, *гать* “1. загата, 2. дорога на болоті” [4: 55]; русск. *гать* “непрорыхающее зыбучее болото; всегда заболоченное место на дне долины, заваливаемое хворостом, уложенное бревнами, соломой для проезда и прохода; настил из бревен и хвороста для этой цели” [16: 141], диал. *гать* “1. насыпная дорога по заливным местам; 2. плотина для проезда, прохода через небольшую речку, болото; 3. переход из бревен между берегом и льдом по реке; 4. топкое, непроходимое место; 5. искусственно насыпанная возвышенность на сыром месте” [5: 40], *гатище* “настил из тонких бревен и жердей на заболоченных участках дороги; гать” [20, 6: 152]; блр. *гатчына* “дорога на болоте, большая плотина, застава”, *гаць* (*гачэнне*) “дорога на болоте на насыпи или выложенная брёвнами, шлюз на реке, запруда, застава, песчаная коса у реки, болото” [30: 48]. Этот термин имеет лексико-семантические соответствия практически во всех славянских языках [8, I: 482; 26, I: 397; 29, 6: 108–109].

В основе киевских названий — географический термин *гать* со значением “мокрая низменность; насыпная дорога по заливным местам; настил из бревен или хвороста для проезда, прохода”. *Гачища* производное от *гать*: *гача* — *j*-ое образование — адъектив от апеллятива *гать*; а *гачище* — увеличит. к *гать*.

Корчевка, бол., ур. (вар. *Корчовка*). Фиксируется в письменных источниках с XVII в.: 1653 г. “... Тыми Пъшаними Горами, до Болота Корчовки. Корчовкою до Рубежа ровчака теквчого з шзера Мокрицкого ...” [17: 8 обр.]; 1657 г. “...аж до пѣсчаных горъ до болота Корчовки (Корчевки) Корчовкою (Корчевкою) до рубежа ровчака теквчого шзера Мокрицкого...” [10: 132 обр., 136 обр.]; 1697 г. “...в рогу над болотомъ корчовкою ...” [10: 67 обр.]; “...вправо грунт Выгуровский. А влево Воскресенский мимо криницы аж до пещаных гор, теми пещаными горами до болота

Корчевки, Корчевкой до рубежа ровчака, текущего из озера Мокрицкого...” [2: 5]; а также — старожителями: “*Корчівка*. Пл. 40 га... Корчівка — це зниження з озерами в північній частині. Урочище витягнуто з північного заходу на південний схід, утворене повеневими водами Десни, сполучається з основним водостоком через Ставок в роки великої повені. В зниженнях і ровах вода тримається до осені... Корчівка нижча, ніж Березняки, тому трав’яний покрив ближчий до боліт, ніж до заплавлених луків, а саме: осока, лепеха, рогоза. По берегах росли верби. Тут одержували наділи для городів жителі трьох кутків...” [14]. На карті сучасного Києва не просліджується, його можна локалізувати по ул. Драйзера (нечётная сторона): от ул. Закревского до просп. Маяковского.

В регионах Восточной Славии встречаются подобные топонимы и антропонимы, ср.: *Корчівка*, с. (Дрогобицк., Камянец-Подольск. обл.), *Корчівка*, с. (4 ед.), х. (Житомирск., Львовск., Сумск., Тернопольск. обл.) [25:139, 169, 172, 180, 186, 187, 222, 335, 547, 556], *Корчівка*, с. (2 ед.), *Корчівка*, х. (Хмельн. обл.) [24:243–244], *Корчівка*, р. (Волинск. обл.), *Корчівка*, с. (Житомирск. обл.) [22:274]; единично в Пермской обл. — *Корчевня* [16:292]; *Карчэўка*, ур. (Могилёвск. обл.), *Корчэва*, ур. (Гомельск. обл.), *Корчэўе*, лес (Брестск. обл.) [15:113, 122]; *Корчевський* (Винницк., Львовск., Тернопольск. обл.) — оттопонимная фамилия, образованная при помощи суффикса -ск- от ойконимов *Корчівка*, *Корчівці*, *Корчів’я* [19, 1:517] и др.

Онимизация апеллятива прасл. **korčьvka*, ср., напр.: укр. *корчівка* “місце, де викорчувано ліс”, *корч* “викорчуване дерево або пень; куш” [8, 3:45], “викорчуване місце” [21, П:289], диал. *корчівка* (ирон.) “самогонка” [11:104]; русск. *корчева* “выкорчеванное место, земля, освобожденная от леса и подготовленная под пашню”, *корчевать*, *корч* — “вытащенный из земли пень” [16:292].

Этимоны топонимов имеют архаический характер, но семантика их прозрачна и не требует подробного описания, хотя существуют некоторые расхождения в народной этимологии: по преданию, первые поселенцы выкорчевывали в чащах место, где потом селились; а для новых угодий выкорчевывали пеньки. Вероятнее, посессивное отантропонимное название см. — дворянин *Н. Корчевский* (Хмельницк. обл.) [24:244]; киевские старожилы предполагают, что название происходит от большого количества корчей, которые здесь находились (выкорчевывали ивы) [14]. В основе киевского наименования — географический термин *корчевка* со значением “выкорчеванное место”.

В образовании городской топонимии воочию проследживаются процессы онимизации географической номенклатуры, отображающей стремление человека сберечь при помощи названий природные или искусственные признаки объекта, которые метко характеризуют его. Местные географические термины часто оказываются единственной основой для определения семантики микропонима.

1. Антонович В. Б. Матеріали для історично-географічного словника зібрані В. Антоновичем — виписки з різних джерел про населені пункти / Київ. город. — Скоропис 2-ої полов. XIX ст. — Інститут рукопису НБУВ. — Шифр І, 8165.
2. Гошкевич В. Замок князя Симеона Олельковича и летописный Городец под Киевом. — К., 1890.
3. Грицак М. А. Назви гідрорельєфу в говірці с. Ясеня Закарпатської області // Питання гідроніміки: Матеріали III Республіканської ономастичної (гідронімічної) наради. — К., 1971. — С. 74–80.
4. Громко Т. В., Лучик В. В., Поляруш Т. І. Словник народних географічних термінів Кіровоградщини. — Київ—Кіровоград, 1999.
5. Дьякова В. И., Хитрова В. И. Словарь географической лексики Воронежского края (с историческими комментариями) // Материалы по русско-славянскому языкознанию: (Литературный язык, диалекты, язык фольклора). Межвуз. сб. науч. трудов. — Воронеж, 1988. — С. 38–51.
6. Железняк І. М. Матеріали до “Історико-етимологічного словника топонімії Києва” // Українська пропріальна лексика. Матеріали наук. семінару 13–14 вересня 2000 р. — К., 2000. — С. 50–55.
7. Збірник копій документів Київо-Видубицького монастиря XVI–XVIII вв. на селища, ґрунти, річки, ставки, млини та інше. — Інститут рукопису НБУВ. — Шифр II, № № 6413–6576.
8. Етимологічний словник української мови: В 7 т. / За ред. О. С. Мельничука. — К., 1982–2006. — Т. 1–5.
9. Карпенко О. П. Словник гідронімів України // Ономастика України та етногенез східних слов’ян. — К., 1998. — С. 208–214.
10. Копії кінця XVII — початку XVIII ст. — Інститут рукопису НБУВ. — Шифр Ф. 535 П / 1763 с.
11. Лисенко П. С. Словник поліських говорів. — К., 1974.
12. Марусенко Т. А. Матеріали к словарю українських географічних апеллятивів (названня рельєфів) // Полесьє: Лінгвістика. Археологія. Топоніміка. — М., 1968. — С. 206–255.
13. Марусенко Т. А. Названия рельефов в говорах Хмельницкой области УССР // Карпатская диалектология и ономастика. Сб. статей. — М., 1972. — С. 277–299.

14. *Материалы* из личного архива В. Ф. Кузьменко.
15. *Мікратапанімія* Беларусі: Матэрыялы / Рэд. М. В. Бірыла, Ю. Ф. Мацкевіч. — Мінск, 1974.
16. *Мурзаев Э. М.* Словарь народных географических терминов. — М., 1984.
17. *Опись* краткая именовий монастыря Златоверхо-Михайловского Киевского. — Институт рукописи НБУВ. — Шифр 411 / 372 с.
18. *Пура Я. О.* Озера Ровенщины: Методичні рекомендації. — Ровно, 1989.
19. *Редько Ю.* Словник сучасних українських прізвищ: У 2-х томах. — Львів, 2007. — Т. I—II.
20. *Словарь* русских народных говоров. — Л., 1970. — Вып. 6.
21. *Словарь* української мови / [упоряд. з дод. влас. матеріалу Б. Грінченко]. — К., 1997. — Т. I—IV.
22. *Словник* гідронімів України / Укладачі: І. М. Железняк, А. П. Корепанова, Л. Т. Масенко та ін. — К., 1979.
23. *Смолицкая Г. П.* Гидронимия бассейна Оки (Список рек и озёр). — М., 1976.
24. *Торчинська Н. М., Торчинський М. М.* Словник власних географічних назв Хмельницької області. — Хмельницький, 2008.
25. *Українська РСР:* Адміністративно-територіальний поділ на 1 вересня 1946 р. — К., 1947.
26. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. — М., 1986. — Т. I.
27. *Черепанова Е. А.* Географическая терминология Черниговско-Сумского Полесья (Опыт семантической классификации) // Полесский этнолингвистический сб. Материалы и исследования. — М., 1983. — С. 173—189.
28. *Шульга В. П.* Ойконімія Волині: Етимологічний словник-довідник. — К., 2001.
29. *Этимологический* словарь славянских языков: Праслав. лекс. фонд / Под ред. О. Н. Трубачева. — М., 1979. — Вып. 6.
30. *Яшкін І. Я.* Беларускія геаграфічныя назвы: Тапаграфія. Гідралогія. — Мінск, 1971.
31. *Wörterbuch* der russischen Gewässernamen / Berg. von M. Vasmer. — Berlin—Wiesbaden, 1961. — Bd I.
32. *Russisches* geographisches Namenbuch / Berg. von M. Vasmer. — Wiesbaden, 1966. — Bd II.

E. L. Smal

REALIZATION OF EASTERN SLAVONIC GEOGRAPHICAL TERMINOLOGY IN MICROTOPONYMY OF THE LEFT BANK OF KIEV

In the article there are semantic features of some microtoponyms of the Left Bank of Kiev, explained by geographical terms. The article is represented as a fragment of historical etymological dictionary of microtoponyms of Kiev. Every dictionary entry includes the historical fixations of the onym, etymological explanation, the distribution of similar names within the Eastern Slavonic territory, as well as records of folk versions etc. This research is present-day for making a dictionary of microtoponyms of Kiev.

Key words: microtoponym, appellative, onym, geographical terms.

О. Л. Смаль

РЕАЛІЗАЦІЯ СХІДНОСЛОВ'ЯНСЬКОЇ ГЕОГРАФІЧНОЇ ТЕРМІНОЛОГІЇ В МІКРОТОПОНІМІЇ ЛІВОБЕРЕЖЖЯ КИЄВА

У статті розглядаються семантичні особливості деяких мікротопонімів лівого берега м. Києва, мотивованих географічними термінами. Стаття представлена як фрагмент історико-етимологічного словника мікротопонімів м. Києва. Кожна словникова стаття, крім етимологічних пояснень, включає історичну фіксацію оніма, розповсюдження аналогічних назв на східнослов'янській території, записи народних версій тощо. Це робить дослідження актуальним для використання під час укладання словника топонімів Києва.

Ключові слова: мікротопонім, апелятив, онім, географічні терміни.

*С. Розен, М. Тер-Казарян, Р. И. Павленко,
М. Микельсаар, Э. Г. Африкян, А. Усманходжаев*

Ассимиляция видовых эпитетов бинарных названий важнейших патогенных бактерий в русском, украинском, эстонском, армянском и узбекском языках

В результате многолетней работы центра “Бактаксон” составлена выборка, состоящая из 83 бинарных названий важнейших патогенных бактерий, видовые эпитеты которых ассимилированы как латинизмы в английском и русском языках. Подсчитано в интернете, что каждый латинизм видового названия цитируется в англоязычных текстах в среднем 5 млн., в русскоязычных — 100 тыс. раз. Установлено, что родовые названия важнейших бактерий транслитерируются национальными алфавитами, а в языки, пользующиеся латиницей, входят без изменений. В украинском языке выявлено 35 ассимилированных латинских слов, используемых в качестве видовых эпитетов, в эстонском — 55, в армянском — 27, в узбекском — 21. Таким образом, к двум способам популяризации бинарных названий бактерий — транслитерация на национальных алфавитах и этимологизация на национальных языках, ведущая к переводу, — добавляется третий — ассимиляция латинских слов лексическими фондами языков. Подмечена тенденция вытеснения использования преподавателями, журналистами и рекламодателями транслитерированных слов ассимилированными.

Ключевые слова: бинарные названия бактерий; латинизация компонентов термина; лексический фонд; русский, украинский, эстонский, армянский, узбекский языки, научная латынь.

Ко времени распада СССР и приобретения союзными республиками политической самостоятельности все республики были обеспечены информацией об основных документах Международной номенклатурной реформы в бактериологии — международном кодексе номенклатуры бактерий [1] и общепризнанным руководством Берги для определения видов бактерий [2]. И не только информацией, но и переводами этих документов на русский язык. Активное участие в этом приняли микробиологи Армении. Так, участникам Пятого съезда Всесоюзного микробиологического общества при АН СССР, проходившего в Ереване в июне 1975 года, были представлены проект кодекса [3] и извлечение ключей до родов из определителя Берги [4], в Ереване были изданы и разосланы два издания латинских названий бактерий и их синонимов [5], одобренные списки названий бактерий [6], дополнительные ключи к краткому определителю бактерий Берги [7], русское и английское издания словаря-справочника современных названий бактерий [8], в которые были добавлены утвержденные названия бактерий за последние 10 лет.

Популяризация бинарных названий бактерий проходит три этапа. Первый этап — этимологизация на национальных языках. Было проведено толкование названий бактерий, изученных в лабораториях Израиля за 50 лет, на русском и английском языках [9], это дало возможность провести такую работу на национальных языках бывших союзных республик, так как латинско-национальных словарей практически нет, и эта возможность была реализована в отношении украинского языка [10]. Затем была подготовлена база для перевода названий бактерий на официальных языках Ближнего Востока — были выявлены названия бактерий, изученных в странах этого региона в 2001 году, — 124 бинарных названий на арабском, 84 — на турецком, 46 — на иврите и 35 — на персидском языках и приведено их толкование на русском языке [11]. Второй этап — транслитерация латиницы на кириллицу. Это явление широко распространено в целях преподавания, журналистики, рекламы, И, наконец, латинизация компонентов бинарных названий бактерий: как “родовых названий”, так и “видовых эпитетов”. Именно такие названия

вводятся на международном уровне [1; 3]. Явление латинизации компонентов бинарных названий бактерий было выявлено в русском языке [12], более того, было показано [13; 14], что в русском языке латинизировано по крайней мере 50 пар бинарных названий, употребляющихся бактериологами для толкования латинских названий изученных ими видов бактерий.

При выявлении латинизмов использованы словари, которые приводятся. после каждого словаря № № 2–5. Украинский словарь уже опубликован и приводится с разрешения редакции. Родовые названия важнейших бактерий входят почти в неизменённом виде во все языки мира. При толковании родовых названий приводится латинизация на русском языке, объяснение значения названий приведено в кавычках и скобках, в отношении названий, образованных по фамилиям бактериологов, указаны на английском языке не только фамилии, но и имена (иначе в интернете трудно получить информацию об этих лицах), в каком виде эти фамилии вошли в русский язык, специальность (бактериолог, ветврач, хирург), страна, в которой работал ученый, для ученых прошлых лет указаны годы жизни, для наших современников — учреждение, в котором они работают.

Составители латинизмов украинского языка — Л. Б. Долинна, редактор — Р. И. Павленко. эстонского — М. Микельсаар, составители армянского — Хачатурян А. А. и Читчян К. В., редактор — Африкян Э. Г., транслитерация родовых названий — Хлгатын Ф. О., узбекского — Тураханова М. и Хамидова Х. М., редактор — Усманходжаев А., русского — Розен С. Ш., редактор — Манучарян Р. С. Выявление латинизмов в английском и русском языках и их цитируемости в интернете — Тер-Казарян М. С.

Словарь 1.

Латинско-англо-русский словарь ассимилированных видовых эпитетов важнейших патогенных бактерий

(указана частота цитирования в интернете)

Составитель: инженер-кибернетик М. Тер-Казарян, руководитель компьютерной лаборатории “Яхель-компьютерс”, Эйлатское отделение Международной академии информатизации, Эйлат, Израиль.

- abortus* (*Brucella*) — *abort's* 1500; абортная 1682
- abscessus* (*Mycobacterium*) — *abscessive* 1500, *abscess's* 429; абсцессная 68
- ananatis* (*Pantoea*) — *anas's* 2410; ананасовая 2400
- anthracis* (*Bacillus*) — *anthrax's* 56000, *anthracis* 5000; антраксная 37
- arginini* (*Mycoplasma*) — *arginine's* 9140, *argininic* 1050; аргининовая 310
- arthritidis* (*Mycoplasma*) — *arthritic* 2.470.000; артритная 15001
- asteroides* (*Nocardia*) — *asteroidal* 105.000; астероидная 1.593
- australis* (*Rickettsia*) — *Australian* 205.000.000; австралийская 2.227
- avidinii* (*Streptomyces*) — *avidin's* 1.450; авидиновый 27
- avium* (*Mycobacterium*) — *avium* 2.800; ависный 1
- bifermentans* (*Clostridium*) — *-fermenting* 1.460.000, *bifermenting* 1; биферментная 53
- botulinum* (*Clostridium*) — *botulinal* 20.600, *botulinic* 6.820; ботулизм 201.000
- bovis* (*Mycobacterium*) — *bovine* 21.200.000; бовисная 47
- brasiliensis* (*Nocardia*) — *Brazilian* 90.000.000; бразильская 1.822
- bronchiseptica* (*Bordetella*) — *bronchiseptic* 2.530; бронхосептическая 55
- capsulatus* (*Rhodobacter*) — *capsulated* 114.000; капсулированный 37.000
- enteritidis* (*Salmonella*) — *enteritic* 4.270; энтеритная 2.018
- catarrhalis* (*Branhamella*) — *catarrhal* 165.000; катарральная 164.000
- cholerae* (*Vibrio*) — *cholera's*, *choleras* 98.600; холерный 116.000
- citri* (*Spiroplasma*) — *citrus's* 8.090; цитрусовая 2.000.000
- cloacae* (*Enterobacter*) — *cloacal* 361.000, *cloaca's* 3.170; клоачный 20.000
- coli* (*Escherichia*) — *coli* 18.500.000; коли 13.000 (не союз)
- corrodens* (*Eikenella*) — *corroding* 502.000; корродирующая 56.000
- denitrificans* (*Alcaligenes*) — *denitrifying* 158.000; денитрифицирующий 5.030
- diphtheriae* (*Corynebacterium*) — *diphtheritic* 29.000; дифтерийная 51.000

diversus (*Citrobacter*) — *divergent* 7.840.000; дивергентный 28.000
dysenteriae (*Shigella*) — *dysenteric* 38.000; дизентерийная 641.000
enteritidis (*Salmonella*) — *enteritic* 4.270; энтеритная 2.018
enterocolitica (*Yersinia*) — *enterocolitic* 1.760; энтероколитная 180
epidermidis (*Staphylococcus*) — *epidermal* 5.290.000; эпидермальный 96.000
eutropha (*Ralstonia*) — *eutrophic* 356.000; эвтрофная 5.166
faecalis (*Enterococcus*) — *faecal, fecal* 819.000; фекальный 788.000
fermentans (*Mycoplasma*) — *fermentative* 292.000; ферментирующая 182.000
fetus (*Campylobacter*) — *fetal* 20.600.000; фетальный 115.000
flexneri (*Shigella*) — *Flexner's; Флекснера* 481
glutamicum (*Corynebacterium*) — *glutamic* 2.780.000; глутаминовая 62.000
gonorrhoeae (*Neisseria*) — *gonorrhoeal* 34.000; гонорейная 37.000
haemolytica (*Pastereurella*) — *haemolytic* 454.000; гемолитический 101.000
influenzae (*Haemophilus*) — *influenzal* 24.000; инфлюэнциный 6
iniae (*Streptococcus*) — *inia's* 1.720; иния 50.000
interrogans (*Leptospira*) — *interrogative* 619.000; интеррогативная 179
intracellulare (*Mycobacterium*) — *intracellular* 10.100.000; интрацеллюлярный 648
israelii (*Actinomyces*) — *Israel* 423.000; Исраэл 423.000
jejuni (*Campylobacter*) — *jejunal* 501.000; еюнальный 461
leprae (*Mycobacterium*) — *lepric* 1.610, *leprous* 232.000; лепрозная 6.249
lupini (*Rhizobium*) — *lupine's* 9.020; люпиновый 6.874
mallei (*Pseudomonas*) — *malleus's* 3.430; малеиновый 48
megaterium (*Bacillus*) — *megatherian* 367; мегатериевая 87
melitensis (*Brucella*) — *maltese* 17.100.000; мальтийская 855.000
meningitidis (*Neisseria*) — *meningitic* 13.700; менингитная 4.166
meningosepticum (*Chryseobacterium*) — *meningoseptic* 66; менингосептическая 1
monocytogenes (*Listeria*) — *monocytogenic* 156; моноцитогенная 36
multocida (*Pastereurella*) — *multocidal* 58; мультицидная 1
ovatus (*Bacteroides*) — *ovatus* 216.000; овальный 216.000
pallidum (*Treponema*) — *pallid* 1.269; паллидная 2
parahaemolyticus (*Haemophilus*) — *parahaemolytic* 1.340; параземолитический 976
parainfluenzae (*Haemophilus*) — *parainfluenzal* 452; параинфлюэнциный 2
paratyphi (*Salmonella*) — *paratyphous* 6; паратифозная 10.000
pertussis (*Bordetella*) — *pertussal* 1.640; пертуссиновая 3
pestis (*Yersinia*) — *pestilential* 8.440; пестилентная 2
petosaceus (*Bacteroides*) — *pentosal* 29; пентозный 3.362
pharaonis (*Natronomonas*) — *pharaonic* 559.000; фараоновский 8.110
pleuropneumoniae (*Actinobacillus*) — *pleuropneumonic* 589; плевропневмонийная 1
pneumoniae (*Chlamydia*) — *pneumonic* 231.000; пневмонийная 487.000
pneumophila (*Legionella*) — *pneumophilic* 158; пневмофильная 2
primatum (*Mycoplasma*) — *primatal* 45.000; приматная 1.526
pseudomallei (*Pseudomonas*) — *pseudomalleus* 406; псевдомаллеиновый 16
pseudotuberculosis (*Yersinia*) — *pseudotuberculos* 1.670; псевдотуберкулёзная 2.858
pylori (*Helicobacter*) — *pyloric* 637.000; пилорический 28.000
quintana (*Bartonella*) — *quintan* 99.300; квинтанская 11
recurrentis (*Bordetella*) — *recurrent* 1.000.000; рекуррентная 59.000
rhusiopathiae (*Erysipelothrix*) — *rhusiopatia* 769; рузиопатия 0
saprophyticus (*Staphylococcus*) — *saprophytic* 1.130; сапрофитный 25.000
sennetsu (*Rickettsia*) — *sennetsu* 174.000; сеннетсу 61 (“предгорячая”)
sonnei (*Shigella*) — *Sonne's* 2.959; Зонне 2.959
tetani (*Clostridium*) — *tetanus's* 487, *tetanic* 13.000; тетанус 7.777, тетанический 8.431
trachomatis (*Chlamydia*) — *trachomatous* 14.500; трахоматозная 5.599
tsutsugamushi (*Rickettsia*) — *tsutsugamushi* 87.900; цуцугамуши 4.992 (“клещевой болезни”)
tuberculosis (*Mycobacterium*) — *tuberculous* 903.000; туберкулёзная 110.000

tularensis (*Francisella*) — *tularemic* 11/700; *туляремийная* 7.940
typhi (*Salmonella*) — *typhous* 9.790; *тифозная* 53.790
vulgaris (*Proteus*) — *vulgar* 15.700.000; *вульгарный* 1.000.000
xylosus (*Staphylococcus*) — *xylose's* 161; *ксилозный* 258

Словарь 2.

Латинско-русско-украинский словарь бинарных названий важнейших патогенных бактерий (35 названий).

Составитель украинской части: Долинна Л. Б., главный библиограф отдела научно-исследовательских работ; редактор: Павленко Р. И., заслуженный работник культуры Украины, генеральный директор Национальной научно-медицинской библиотеки Украины, Киев, Украина.

Actinomyces israelii (“лучеобразный гриб Исроэла”, James Israel, 1848–1926, нем. хирург)
 рус. актиномицет-Исроэла;
 укр. актиноміцет Ісроэля.

Bacillus anthracis (“палочка сибиреязвенная”)
 рус. бацилла антракса, антраксная;
 укр. бацила антраксна.

Bordetella pertussis (“бактерия Борде коклюшная”, Jules Bordet, 1870–1961, бельг. бактериолог)
 рус. бордетелла пертуссиновая;
 укр. бордетела пертуссинова.

Borrelia recurrentis (“бактерия Бореля возвратная”, Amedee Borrel, 1867–1936, франц. учёный)
 рус. боррелия рекуррентная;
 укр. борелія рекурентна.

Brucella abortus (“бактерия Брюса выкидышная”, David Bruce, 1855–1931, англ. ветврач)
 рус. бруцелла абортная;
 укр. бруцела абортна.

Brucella melitensis (“бактерия Брюса мальтийская”, остров и гос-во Мальта)
 рус. бруцелла мальтийская;
 укр. бруцела мальтійська.

Burkholderia mallei (“бактерия Беркхолдера маллеиновая”, Walter H. Burgholder, фитопатолог, Корнельский университет, США)
 рус. беркхолдерия малеиновая;
 укр. беркхольдерія малеїнова.

Burkholderia pseudomallei (“бактерия Беркхолдера ложномаллеиновая”)
 рус. беркхолдерия псевдомаллеиновая;
 укр. беркхольдерія псевдомалеїнова.

Campylobacter fetus (“бактерия изогнутая внутриутробная”)
 рус. кампилобактер фетальный;
 укр. кампілобактер фетальний.

Campylobacter jejuni (“бактерия изогнутая тощей кишки”)
 рус. кампилобактер еюнальный;
 укр. кампілобактер еюнальний.

Clostridium botulinum (“веретенце ботулизма”)
 рус. клостридия ботулизма;
 укр. клостридія ботулізму.

Clostridium tetani (“веретенце судороги”)
 рус. клостридия тетануса;
 укр. клостридія тетанічна.

Corynebacterium diphtheriae (“булавообразная бактерия дифтерии”)
 рус. коринебактерия дифтерийная;

укр. коринебактерія дифтерійна.

Erysipelothrix rhusiopathiae (“рожистый волос красной патологии”, краснухи свиней)

рус. эризипелотрикс рузиопатии;

укр. еризіпелотрікс рузіопатії.

Escherichia coli (“бактерия Эшериха толстокишечная”, Theodor Escherich, 1857–1911, немецкий врач)

рус. эшерихия коли;

укр. ешерихія колі.

Francisella tularensis (“бактерия Франсиса туляремийная”, Edward Francis, 1872–1957, амер. бактериолог)

рус. франсиселла туляремийная;

укр. франсисела туляремійна.

Helicobacter pylori (“спиральная бактерия привратника”)

рус. геликобактер пилорический;

укр. гелікобактер пілоричний.

Legionella pneumophila (“бактерия легионеров, любящая лёгкие”)

рус. легионелла пневмофильная;

укр. легіонела пневмофільна.

Leptospira interrogans (“изящная спираль в форме вопросительного знака”)

рус. лептоспира интеррогативная;

укр. лептоспіра інтеррогативна.

Listeria monocytogenes (“бактерия Листера, образующая моноциты”, Joseph Lister, 1827–1912, англ. хирург)

рус. листерия моноцитогенная;

укр. лістерія моноцитогенна.

Mycobacterium avium (“бактерия грибообразная птичья”)

рус. микобактерия ависная;

укр. мікобактерія авісна.

Mycobacterium bovis (“бактерия грибообразная бычья”)

рус. микобактерия бовисная;

укр. мікобактерія бовісна.

Mycobacterium leprae (“грибообразная бактерия проказы”)

рус. микобактерия лепрозная;

укр. мікобактерія лепрозна, лепрова.

Mycobacterium tuberculosis (“бактерия грибообразная туберкулёзная”)

рус. микобактерия туберкулёзная;

укр. мікобактерія туберкульозна.

Neisseria gonorrhoeae (“бактерия Нейссера гонорейная”, Albert Neisser, 1855–1926, франц. бактериолог)

рус. нейссерия гонорейная;

укр. нейссерія гонорейна.

Neisseria meningitidis (“бактерия Нейссера менингитная”)

рус. нейссерия менингитная;

укр. нейссерія менінгітна.

Nocardia asteroides (“бактерия Нокарда звездоподобная”, Edmond Nocard, 1850–1903, франц. ветврач)

рус. нокардия астероидная;

укр. нокардія астероїдна.

Nocardia brasiliensis (“бактерия Нокарда бразильская”)

рус. нокардия бразильская;

укр. нокардія бразильська.

Pastereurella multocida (“бактерия Пастера, убивающая многих”, Луи Пастер, 1822–1895, франц. бактериолог)

рус. пастерелла мультоцидная;

укр. пастерела мультацидна.

Salmonella paratyphi (“бактерия Сальмона паратифозная”, Daniel Salmon, 1850–1914, амер. ветврач-бактериолог)

рус. сальмонелла паратифозная;

укр. сальмонела паратифозна.

Salmonella typhi (бактерия Сальмона тифозная”)

рус. сальмонелла тифозная;

укр. сальмонела тифозна.

Shigella dysenteriae (“бактерия Шиги дизентерийная”, Kiyoshi Shiga, 1870–1957, японский бактериолог)

рус. шигелла дизентерийная;

укр. шигела дизентерійна.

Shigella flexneri (“бактерия Шиги флекснеровская”, Simon Flexner, 1863–1946, амер. бактериолог и патолог)

рус. шигелла Флекснера;

укр. шигела Флекснера.

Shigella sonnei (“бактерия Шиги зонновская”, Karl Sonne, 1882–1948, датский бактериолог)

рус. шигелла Зонне;

укр. шигела Зонне.

Treponema pallidum (“вращающаяся нить бледная”)

рус. трепонема паллидная;

укр. трепонема палідна.

Vibrio cholerae (“вибрирующий холерный”)

рус. вибрион холерный;

укр. вібріон холерний.

Yersinia pestis (“бактерия Йерсена чумная”, Alexandre Yersin, 1863–1943, швейцарский бактериолог)

рус. иерсиния пестис, иерсиния пестилентная;

укр. ієрсинія пестис, пестилентна.

Yersinia pseudotuberculosis (“бактерия Йерсена ложнотуберкулёзная”)

рус. иерсиния псевдотуберкулёзная;

укр. ієрсинія псевдотуберкульозна.

Литература

Клиническая иммунология, аллергология, инфектология: словарь латинизмов для бактериологов России и Украины. Сост. Розен С., Тер-Казарян М., Павленко Р. И., Долинна Л. Б. — [Электронный ресурс]. — Киев, август 2009. — 3 с.
Русско-украинский словарь научной терминологии. — Киев: Наук. думка, 1996. — 601 с.
Усатенко О. К. Русско-украинский словарь медицинской терминологии. — Киев: Наук. думка, 1996. — 463 с.

Словарь 3.

Латинско-русско-эстонский словарь бинарных названий важнейших патогенных бактерий (55 названий).

Составитель: Микельсаар Марика (Mikelsaar Marika), доктор медицинских наук, профессор кафедры микробиологии медицинского факультета Тартуского государственного университета, Тарту, Эстония.

Bacillus anthracis (“палочка сибиреязвенная”)

рус. бацилла антракса, антраксная;

эст. antraksi-bacillus.

Bartonella quintana (“бактерия Бартона, пятая”, Бартон, Barton A. L., 1871–1950, перуанский врач)

рус. бартонелла квинтанская;

эст. kvinta-bartonella.

Bordetella bronchiseptica (“бактерия Борде, заражающая бронхи”, Борде, Jules Bordet, 1870–1961, бельг. бактериолог)

рус. бордетелла бронхосептическая;
эст. bronhiseptiline-bordetella.

Branhamella catarrhalis (“бактерия Бранхам, катаральная”, Сара Бранхам, Sarah Elizabeth Branham, 1888–1962, амер. микробиолог)

рус. бранхамелла катаральная;
эст. katarraalne-branhamella.

Brucella abortus (“бактерия Брюса, выкидышная”, Брюс, David Bruce, 1855–1931, шотландский ветврач)

рус. бруцелла абортная (выкидышная);
эст. abordi-brucella (abort-brucella).

Brucella melitensis (“бактерия Брюса, мальтийская”, Мальта, остров и гос-во)

рус. бруцелла мальтийская;
эст. malta-brucella.

Burkholderia mallei (“бактерия Беркхолдера, сапная”, Беркхолдер, Walter H. Burkholder, фитопатолог, Корнельский университет, США)

рус. беркхолдерия малеиновая;
эст. malleuse-burkholderia.

Chlamydia pneumoniae (“одетая в хламиду, мантию, пневмонийная”)

рус. хламидия пневмонийная;
эст. pneuoonia-chlamydia.

Chlamydophila pneumoniae (“любящая хламидию, сопутствующая ей, пневмонийная”)

рус. хламидофила пневмонийная
эст. pneuoonia-chlamydophila

Chryseobacterium meningosepticum (“золотистая бактерия, заражающая менингитом”)

рус. хризеобактерия менингосептическая;
эст. meningitseptiline-chryseobacterium.

Citrobacter diversus (“использующая цитрат, отличающаяся”)

рус. цитробактер дивергентный;
эст. divergent-citrobacter.

Clostridium bifermentans (“веретенце двустороннее”, сбразивающее как углеводы, так и аминокислоты”)

рус. клостридия биферментная;
эст. biferment-clostridium.

Clostridium tetani (“веретенце судороги”)

рус. клостридия тетануса, тетаническая;
эст. teetanus-clostridium.

Corynebacterium diphtheriae (“булавообразная бактерия, дифтерии”)

рус. коринебактерия дифтерии;
эст. difteeria-corinebacterium.

Corynebacterium pseudotuberculosis

рус. коринебактерия псевдотуберкулёзная;
эст. pseudotuberkuloosi-corynebacterium.

Eikenella corrodens (“бактерия Эйкена, корродирующая”, Эйкен, Eiken M., датский биолог, Университетский госпиталь Гентофта)

рус. эйкенелла корродирующая;
эст. korrodeeriv-eikenella.

Enterobacter cloacae (“кишечная бактерия сточноканальная”)

рус. энтеробактер клоачный;
эст. kloaagi-enterobacter.

Enterococcus faecalis (“кишечный кокк, фекальный”)

рус. энтерококк фекальный;
эст. fekaali-enterococcus.

Francisella tularensis (“бактерия Франсиса, туляремийная”, Франсис, Edward Francis, 1872–1957, американский бактериолог, Туларе, Tulare, Калифорния, США)

- рус. франсиселла туляремийная;
эст. tularemia-francisella.
- Haemophilus influenzae*** (“кровелюбивый гриппозный”)
рус. гемофилус инфлюэнцы, инфлюэнтный;
эст. influentsa-haemophilus.
- Haemophilus parahaemolyticus*** (“кровелюбивый, находящийся рядом с “гемолитическим”)
рус. гемофилус парагемолитический;
эст. parahemoluu-haemophilus.
- Helicobacter pylori*** (“спиральная бактерия привратниковая”)
рус. геликобактер пилорический;
эст. puloogus-helicobacter.
- Klebsiella pneumoniae*** (“бактерия Клебса пневмонии”, Клебс, Theodor Albrecht Klebs, 1834–1913, немецкий и американский бактериолог)
рус. клебсиелла пневмонийная;
эст. pneumoonia-klebsiella.
- Legionella pneumophila*** (“бактерия болезни легионеров, любящая легкие”)
рус. легионелла пневмофильная;
эст. pneumofiilia-legionella.
- Mycobacterium abscessus*** (“грибообразная бактерия нарывная”)
рус. микобактерия абсцессная;
эст. abstsessi-mycobacterium.
- Mycobacterium intracellulare*** (“грибообразная бактерия внутриклеточная”)
рус. микобактерия интрацеллюлярная;
эст. intratsellulaar mycobacterium.
- Mycobacterium leprae*** (“грибообразная бактерия, проказы”)
рус. микобактерия лепры, лепрозная;
эст. leepra-mycobacterium.
- Mycobacterium tuberculosis*** (“грибообразная бактерия, туберкулёза”)
рус. микобактерия туберкулёзная;
эст. tuberkuloosi-mycobacterium.
- Mycoplasma fermentans*** (“грибообразная плазма бродящая”)
рус. микоплазма ферментирующая;
эст. fermenteeriv-mycoplasma.
- Mycoplasma pneumoniae*** (“грибообразная плазма, пневмонийная”)
рус. микоплазма пневмонийная;
эст. pneumoonia-mycoplasma.
- Neisseria gonorrhoeae*** (“бактерия Нейссера, гонорейная”, Нейссер, Albert Neisser, 1855–1926, французский бактериолог)
рус. нейссерия гонорейная;
эст. gonorroiline-neisseria (gonorroa-neisseria).
- Neisseria meningitidis*** (“бактерия Нейссера менингитная”)
рус. нейссерия менингитная;
эст. meningiit-neisseria.
- Nocardia brasiliensis*** (“бактерия Нокарда бразильская”, Нокард, Edmond Nocard, 1850–1903, французский ветврач)
рус. нокардия бразильская;
эст. brasiilia-nocardia.
- Pasteurella haemolytica*** (“бактерия Пастера кроверастворяющая”, Луи Пастер)
рус. пастерелла гемолитическая;
эст. hemoluus-pasteurella.
- Proteus vulgaris*** (“протей обыкновенный”, изменчив, как морской бог Протей)
рус. протей вульгарный;
эст. vulgaar-proteus.
- Pseudomonas mallei*** (“ложное тельце сапное”)

рус. псевдомонас малеиновый;
эст. malleuse-pseudomonas.

Pseudomonas pseudomallei (“ложное тельце ложносапное”)

рус. псевдомонас псевдомаллеиновый;
эст. pseudomalleuse-pseudomonas.

Rickettsia australis (“бактерия Риккетса, австралийская”, Риккетс. Howard Teilor Ricketts, 1871–1910, американский бактериолог)

рус. риккетсия австралийская;
эст. australia-rickettsia.

Rickettsia sennetsu (“бактерия Риккетса, предгорячечная”)

рус. риккетсия сеннетсу;
эст. sennetsu-rickettsia.

Rickettsia tsutsugamushi (“бактерия Риккетса клещевой болезни”)

рус. риккетсия цуцугамуши;
эст. tsutsugamusi-rickettsia.

Rickettsia typhi (“бактерия Риккетса тифозная”)

рус. риккетсия тифозная;
эст. tuufuse-ricketsia.

Salmonella enteritidis (“бактерия Сальмона, тонкокишечная”, Daniel Salmon, 1850–1914, американский ветврач-бактериолог)

рус. сальмонелла энтеритная;
эст. enteriit-salmonella.

Salmonella paratyphi (“бактерия Сальмона, близкая к “тифозной”)

рус. сальмонелла паратифозная;
эст. paratuufuse-salmonella.

Salmonella typhi (“бактерия Сальмона тифозная”)

рус. сальмонелла тифозная;
эст. tuufuse-salmonella.

Shigella dysenteriae (“бактерия Шиги дизентерийная”, Шига, Kiyoshi Shiga, 1870–1957, японский бактериолог)

рус. шигелла дизентерии, дизентерийная;
эст. dusenteeria-shigella.

Staphylococcus epidermidis (“гроздевидный кокк эпидермальный”)

рус. стафилококк эпидермальный;
эст. epidermis-staphylococcus.

Staphylococcus saprophyticus (“гроздевидный кокк сапрофитный”)

рус. стафилококк сапрофитный;
эст. saprofuut-staphylococ.

Streptococcus faecalis (“цепочка кокков фекальная”)

рус. стрептококк фекальный;
эст. fekaali-streptococcus.

Streptococcus pneumoniae (“цепочка кокков пневмонийная”)

рус. стрептококк пневмонийный;
эст. pneumonia-streptococcus.

Thermoactinomyces vulgaris (“термальный лучеобразный гриб, обыкновенный”)

рус. термоактиномицет вульгарный);
эст. vulgar-thermoactinomyces.

Vibrio cholerae (“вибрирующий холерный”)

рус. вибрион холерный;
эст. koolera-vibrio.

Vibrio parahaemolyticus (“вибрирующий, находящийся рядом с “гемолитическим”)

рус. вибрион парагемолитический;
эст. parahemoluus-vibrio.

Yersinia enterocolitica (“бактерия Йерсина, воспаления тонких и толстых кишок”, Alexandre Yersin, 1863–1943, швейцарский бактериолог)

рус. иерсиния энтероколитная;
эст. enterokoliit-yersinia.

Yersinia pseudotuberculosis (“бактерия Йерсина, ложнотуберкулёзная”)

рус. иерсиния псевдотуберкулёзная;
эст. pseudotuberkuloosi-yersinia.

Словарь 4

Латинско-русско-армянский словарь бинарных названий важнейших патогенных бактерий (27 названий).

Составители видовых эпитетов: Хачатурян А. А., старший научный сотрудник; Читчан К. В., научный сотрудник; редактор: Африкян Э. Г., директор Центра микробиологии и депонирования микробов НАН Армении, Абовян, Армения; транслитерация родовых названий: Хлгатян Ф. О., профессор, зав. кафедрой арменоведения Ереванского государственного лингвистического университета им. В. Брюсова.

Actinobacillus pleuropneumoniae (“лучеобразная бацилла плевропневмонийная”)

рус. актинобацилла плевропневмонийная;
арм. ակտինոբացիլ պլերոպնյունոնիակախն.

Alcaligenes denitrificans (“образующий щёлочь денитрофицирующий”)

рус. алкалигенес денитрифицирующий;
арм. ալկալիզենեզ դենիտրիֆիկացնող.

Bacillus megaterium (“палочка мегатериумная” ископаемого ленивца)

рус. бацилла мегатериумная;
арм. բացիլ մեգատերիումային.

Bacteroides petosaceus (“подобный бактерии пентозный”)

рус. бактероидес пентозный;
арм. պեպտոստրեպտոկոկ պենտոզային.

Chlamydia trachomatis (“одетая в хламиду, мантию, трахомы, трахоматозная”)

рус. хламидия трахоматозная;
арм. իլամիդիա տրախոմատոզային.

Clostridium botulinum (“веретенце ботулизма”)

рус. клостридия ботулизма;
арм. կլոստրիդիա բոտուլինային.

Corynebacterium glutamicum (“булавообразная бактерия глутаминовая”)

рус. коринебактерия глутаминовая;
арм. կորինաբակտերիա գլուտամինային.

Eikenella corrodens (“бактерия Эйкена коррозирующая”, Эйкен, М. Eiken, датский биолог, университетский госпиталь Гентофта)

рус. эйкенелла коррозирующая;
арм. էյկենելա կորոզիային.

Haemophilus parainfluenzae (“кроволюбивый параинфлюэнцы”)

рус. гемофилус параинфлюэнцы;
арм. հեմոֆիլուս պարահինֆլյունցային.

Listeria monocytogenes (“бактерия Листера моноцитобразующая”, Листер, Joseph Lister, 1827–1912, английский хирург)

рус. листерия моноцитогенная;
арм. լիստերիա մոնոցիտոգենային.

Moraxella catarrhalis (“бактерия Моракса катаральная”, Моракс, Victor Morax, 1866–1935, швейцарско-французский офтальмолог)

рус. моракселла катаральная;
арм. մորաքսելա կատարալային.

Mycoplasma arginini (“грибообразная плазма аргининовая”)

рус. микоплазма аргининовая;
арм. միկոպլազմա արգինինային.

Mycoplasma primate (“грибообразная плазма приматов”)

рус. микоплазма приматная;
арм. միկոպլազմա պրիմատային.

Natronomonas pharaonis (“содовое тельце фараоновское”)

рус. натрономонас фараоновский;
арм. նատրոնոմոնաշս փարավոնային.

Neisseria meningitidis (“бактерия Нейссера, менингитная”, Нейссер, Albert Neisser, 1855–1926, французский бактериолог)

рус. нейссерия менингитная;
арм. նեյսերիա մենինգիտային.

Pantoea ananatis (“всеохватывающая ананасная, повсеместная ананасная”)

рус. пантэя ананасная;
арм. պանթեյա անանասային.

Ralstonia eutropha (“бактерия Ральстон нормально питающаяся”, Ральстон, Ericka Ralston, Калифорнийский университет, США)

рус. ральстония евтрофная;
арм. րալստոնիա էվտրոֆային.

Rhizobium lupini (“живущий на корнях, люпиновый”)

рус. ризобиум люпиновый;
арм. րիզոբիում լյուպինի նման.

Salmonella enteritidis (“бактерия Сальмона тонкокишечная”, Сальмон, Daniel Salmon, 1850–1914, американский ветврач-бактериолог)

рус. сальмонелла энтеритная;
арм. սալմոնելա էնտերիտային.

Shigella dysenteriae (“бактерия Шиги дизентерийная”, Шига, Kiyoshi Shiga, 1870–1957, японский бактериолог)

рус. шигелла дизентерийная;
арм. շիգելա դիզենտերային.

Spiroplasma citri (“спиральная плазма цитрусовая”)

рус. спироплазма цитрусовая;
арм. սպիրոպլազմա ցիտրուսային.

Staphylococcus saprophyticus (“гроздевидный кокк, сапрофитный”)

рус. стафилококк сапрофитный;
арм. ստաֆիլոկոկ սապրոֆիտ.

Staphylococcus xylosus (“гроздевидный кокк ксилотный”)

рус. стафилококк ксилотный;
арм. ստաֆիլոկոկ քսիլոտային.

Streptococcus iniae (“цепочка кокков инии, амазонского дельфина”)

рус. стрептококк инии;
арм. ստրեպտոկոկ ինիային.

Streptomyces avidinii (“изогнутый гриб авидиновый”)

рус. стрептомицет авидиновый;
арм. ստրեպտոմիցետ վիդինային.

Vibrio cholerae (“вибрирующий холерный”)

рус. вибрион холерный;
арм. վիբրիոն խոլերային.

Yersinia enterocolitica (“бактерия Йерсена энтероколитная”, воспаления тонких и толстых кишок, Йерсин, Alexandre Yersin, 1863–1943, швейцарский бактериолог)

рус. иерсиния энтероколитная;
арм. երսինիա էնտերիտկոլիտային.

Литература

- Симонян А. А., Батикян И. Г. Русско-англо-армянский биологический толковый словарь. — Ереван, 1998.
 Аветисян А. Г. Англо-русско-армянский медицинский словарь. — Ереван, 2001.
 Манучарян Р. С., ред. Русско-армянский и армянско-русский словарь. — Ереван, 1987.
 Гарибян А. Русско-армянский словарь. — Ереван, 1982.
 Хлгатын Ф. О. Новые слова и значения: словарь-справочник. — Ереван, 1982.

Словарь 5

Латинско-русско-узбекский словарь бинарных названий важнейших патогенных бактерий (21 название).

Составители: Тураханова М., к.б.н., ответ. секретарь редколлегии журнала “Хамшира”; Хамидова Х. М., к.б.н., зам директора по научной работе Института микробиологии НАН Узбекистана, Ташкент, Узбекистан; редактор: Усманходжаев А., доктор медицинских наук, главный редактор журнала “Хамшира”.

- Bacteroides ovatus*** (“подобный бактерии овальный”)
 рус. бактериодес овальный;
 узб. бактериодес овалшаклли (*Bacteroides ovalshaklli*).
- Chlamydia pneumoniae*** (“одетая в хламиду пневмония”)
 рус. хламидия пневмония;
 узб. хламидия пневмониягаоид (*Chlamydia pnevmoniyagaoid*).
- Corynebacterium glutamicum*** (“булавообразная бактерия глутаминовая”)
 рус. коринебактерия глутаминовая;
 узб. коринебактерия глутамингаоид (*Corynebacterium glutamingaoid*).
- Klebsiella pneumoniae*** (“бактерия Клебса пневмония”, Клебс, Theodor Albrecht Edwin Klebs, 1834–1913, немецкий и американский бактериолог)
 рус. клебсиелла пневмония;
 узб. клебсиелла пневмониягаоид (*Klebsiella pnevmoniyagaoid*).
- Moraxella catarrhalis*** (“бактерия Моракса катаральная”, Victor Morax, 1866–1935, швейцарский и французский офтальмолог)
 рус. моракселла катаральная;
 узб. моракселла катаргаоид (*Moraxella katargaoid*).
- Mycobacterium tuberculosis*** (“грибообразная бактерия туберкулёза, туберкулёзная”)
 рус. микоплазма туберкулезная;
 узб. микоплазма туберкулезгаоид (*Mycobacterium tuberkulyozgaoid*).
- Mycoplasma arthritidis*** (“грибообразная плазма артритная”)
 рус. микоплазма артритная;
 узб. микоплазма артритгаоид (*Mycoplasma artritgaoid*).
- Mycoplasma pneumoniae*** (“грибообразная плазма пневмония”)
 рус. микоплазма пневмония;
 узб. микоплазма пневмониягаоид (*Mycoplasma pnevmoniyagaoid*).
- Mycoplasma primatum*** (“грибообразная плазма приматов”)
 рус. микоплазма приматная;
 узб. микоплазма приматларгаоид (*Mycoplasma primatlargaoid*).
- Natronomonas pharaonis*** (“содовое тельце фараоновское”)
 рус. натрономонас фараоновский;
 узб. натрономонас фиръавний (*Natronomonas fir'avniy*).
- Neisseria meningitidis*** (“бактерия Нейссера, менингитная”, Нейссер, Albert Neisser, 1855–1926, французский бактериолог)
 рус. нейссерия менингитная;
 узб. нейссерия менингитгаоид (*Neisseria meningitgaoid*).
- Pantoea ananatis*** (“всеохватывающая ананасная, повсеместная ананасная”)
 рус. пантэя ананасная;
 узб. пантэя ананасгаоид (*Pantoea ananasgaoid*).
- Rhizobium lupini*** (“живущий на корнях люпиновый”)

рус. ризобиум люпиновый;
узб. ризобиум люпингаоид (*Rhizobium lyupingaoid*).

Rhodobacter capsulatus (“розовая бактерия в капсуле”)

рус. родобактер капсулярный, капсульный;
узб. родобактер капсулали (*Rhodobacter kapsulali*).

Salmonella enteritidis (“бактерия Сальмона тонкокишечная”, Сальмон, Daniel Salmon, 1850–1914, американский ветврач-бактериолог)

рус. сальмонелла энтеритная;
узб. сальмонелла энтеритгаоид (*Salmonella enteritgaoid*).

Shigella dysenteriae (“бактерия Шиги дизентерийная”, Шига, Kiyoshi Shiga, 1870–1957, японский бактериолог)

рус. шигелла дизентерийная;
узб. шигелла дизентериягаоид (*Shigella dizenteriyagaoid*).

Spiroplasma citri (“спиральная плазма цитрусовая”)

рус. спироплазма цитрусовая;
узб. спироплазма цитрусгаоид (*Spiroplasma sitrusgaoid*).

Staphylococcus epidermidis (“гроздевидный кокк эпидермальный”)

рус. стафилококк эпидермальный;
узб. стафилококк эпидермисгаоид (*Staphylococcus epidermisgaoid*).

Streptococcus pneumoniae (“цепочка кокков пневмонийная”)

рус. стрептококк пневмонийный;
узб. стрептококк пневмонияоид (*Streptococcus pnevmoniyaoid*).

Streptomyces avidinii (“изогнутый гриб авидиновый”)

рус. стрептомицет авидиновый;
узб. стрептомицет авидингаоид (*Streptomyces avidingaoid*).

Yersinia enterocolitica (“бактерия Йерсена энтероколитная”, воспаления тонких и толстых кишек, Йерсин, Alexandre Yersin, 1863–1943, швейцарский бактериолог)

рус. иерсиния энтероколитная;
узб. иерсиния энтероколитгаоид (*Yersinia enterokolitgaoid*).

В лекции в Тель-Авивском университете, с которой посчастливилось выступить одному из нас [15], высказывалась мысль о том, что внедрение международной номенклатурной реформы в бактериологии можно будет считать законченным, когда названия бактерий, с которыми сталкиваются бактериологи каждой постсоветской страны, будут этимологизированы на официальном языке этой страны. Об этом же сообщалось позднее на конференции в Одессе [16]. Внедрение реформы можно будет считать законченной, когда транслитерирование названий этих бактерий, ничего не дающее для толкования и засоряющее язык, будет вытеснено исконными словами, раскрывающими функцию, форму, происхождение каждой бактерии. Эти исконные названия нужны для успешной подготовки будущих биологов и медиков, для журналистов и рекламодателей, так как научным работникам и уже состоявшимся специалистам достаточно латыни.

Необходимо отметить, что составители не ставили целью учёт всех важнейших патогенных бактерий, а лишь ознакомление лингвистов и бактериологов с незамеченным до сих пор явлением — ассимиляцией компонентов бинарных названий бактерий в национальных языках — и рекомендацию их использования вместо транслитерации для объяснения значения бинарных названий.

В СССР было четыре группы союзных республик — восточноевропейская, прибалтийская, закавказская и среднеазиатская. В данной статье эти группы представляют, соответственно, языки Украины, Эстонии, Армении и Узбекистана. Авторы статьи надеются, что статья активизирует подобную работу в других постсоветских государствах, использующих русский язык в качестве основного языка-посредника в науке.

1. *Международный кодекс номенклатуры бактерий*. — М., 1978.

2. *Краткий определитель бактерий Берги*. — М., 1980.

3. *Проект международного кодекса номенклатуры бактерий*. — Ереван, 1974.

4. *Методическое пособие* по определению родов бактерий. — Ереван, 1975.
5. *Латинские названия* бактерий и их синонимы. — Ереван, 1977, 1978.
6. *Одобрённые списки* названий бактерий. — Ереван, 1982.
7. *Дополнительные ключи* к «Краткому определителю бактерий Берги». — Ереван, 1982.
8. *Словарь-справочник* современных научных названий бактерий. — Ереван, 1989; *Current Latin names of bacterial taxa*. — Yerevan, 1990. — Biological Abstracts / RRM. — № 39(9). — Nov. 1990, реферат 94944.
9. *Rosen S., Ter-Kazarian M.* Latin-English-Russian Semasiological Dictionary of Bacterial Names. — Moscow-Eilat, 2001.
10. *Dolinna L. B., Rosen S., Ter-Kazarian M.* Latin-English-Russian-Ukrainian Semasiological dictionary of bacterial names: 350 interpreted binary and 150 transliterated generic names. — Moscow-Eilat-Kiev. — 2004.
11. *Rosen S., Ter-Kazarian M.* Annual stocktaking lists of bacterial species studied in East labs. — 2001. — 1st Issue. — Middle East. Aid for Interpretation of 124 Binary Names in Arabic, 84 — in Turkish, 46 — in Hebrew and 35 — in Persian Starting from English and Russian. — Moscow-Eilat, 2004.
12. *Тер-Казарьян С. Ш., Романовская В. А.* Ассимиляция (но не перевод) видовых эпитетов и транслитерация родовых названий как способ образования русских названий патогенных бактерий. — Международная научная конференция «Микробная технология»: Тезисы докладов. — Одесса, 2005. С. 222–224.
13. *Тер-Казарьян С. Ш., Горбань В. В., Степанов Е. Н.* Видовые атрибутивные компоненты биномиальной номенклатуры патогенных бактерий в русском языке // Мова: науково-теоретичний часопис. — 2007. — № 12. — С. 209–215.
14. *Тер-Казарьян С. Ш., Цисык А. З.* Латинско-русский словарь научных названий бактерий. — [Электронный ресурс]. — 01.09.2008. — 19 с.
15. *Rosen S., Nazarian L.* 1998. Is the nomenclature reform completed today? Lecture in Tel-Aviv University, February, 9 — ISM News, published by the Israeli Society for Microbiology. — P. 28.
16. *Тер-Казарьян С. Ш.* Этимологизация названий бактерий на официальных языках Союза независимых государств. — Международная научная конференция «Микробная технология»: Тезисы докладов. — Одесса, 2006. — С. 220–221.

S. Rosen, M. Ter-Kazarian, R. I. Pavlenko, M. Mikelsaar, E. G. Afrikian, A. Usmankhodzhaev

ASSIMILATION OF BINARY NAMES OF MAJOR PATHOGENIC BACTERIA IN THE UKRAINIAN, ESTONIAN, ARMENIAN AND UZBEK LANGUAGES

As a result of long-term work of the “Bactaxon” center the sample consisting of 83 binary names of bacteria, which specific epithets are assimilated in the form of Latinisms in the English and Russian languages is made. It is counted that every Latinism is quoted in the Internet in English 5 million times, in Russian — 100 thousand times. To two ways of popularization of binary names of bacteria — transliteration in national alphabets and ethimologization in national languages, the third way — assimilation of Latin words by lexical funds of languages is added. The tendency to use assimilated bacteria names is observed by authors of the article.

Key words: binary names of bacteria; latinization of components of term; word stock; Russian, Ukrainian, Estonian, Armenian, Uzbek, Latin for science.

С. Розен, М. Тер-Казарян, Р. І. Павленко, М. Мікельсаар, Е. Г. Африкян, А. Усманходжаєв

АСИМІЛЯЦІЯ ВИДОВИХ ЕПІТЕТІВ БІНАРНИХ НАЗВ НАЙВАЖЛИВІШИХ ПАТОГЕННИХ БАКТЕРІЙ В РОСІЙСЬКІЙ, УКРАЇНСЬКІЙ, ЕСТОНСЬКІЙ, ВІРМЕНСЬКІЙ І УЗБЕЦЬКІЙ МОВАХ

Результатом багаторічної роботи центру “Бактаксон” було складено вибірку з 83 бінарних назв найважливіших патогенних бактерій, видові епітети яких засимільовані як латинізми в англійській і російській мовах. Підраховано в Інтернеті, що кожний латинізм видової назви цитується в англійських текстах в середньому 5 млн., у російськомовних — 100 тис. разів. Установлено, що родові назви найважливіших бактерій транслітеруються національними алфавітами, а до мов, що користуються латиницею, входять без змін. В українській мові виявлено 35 асимільованих латинських слів, що використовуються як видові епітети, в естонській — 55, у вірменській — 27, в узбецькій — 21. Таким чином, до двох способів популяризації бінарних назв бактерій — транслітерації на національних алфавітах і етимологізації на національних мовах, яка веде до перекладу — додається третій — асиміляція латинських слів лексичними фондами мов. Помічено тенденцію витіснення у мовленні викладачів, журналістів, рекламодавців транслітерованих слів засимільованими.

Ключові слова: бінарні назви бактерій; латинізація компонентів терміна; лексичний фонд; російська, українська, естонська, вірменська, узбецька мови, наукова латинь.

УДК 811:161.2'373.46/.611:621.39.049.77

О. П. Шонц

Словотвірні способи творення української термінології цифрових телекомунікаційних технологій

У статті досліджується роль словотвірних способів у творенні української термінології цифрових телекомунікаційних технологій. Найактивнішими є морфологічні способи словотворення — суфіксальний і комбінований.

Ключові слова: спосіб словотворення, морфема, термін, цифрові телекомунікаційні технології, українська мова.

Швидкісний розвиток мережних телекомунікаційних технологій зв'язку за останнє десятиріччя призвів до появи великої кількості нових термінів. Особливо багато нових термінів з'явилося з початком використання технологій SDN, ISDN, XDSL, ATM для цифрової передачі потоків даних і мовних повідомлень.

Цифрові телекомунікаційні технології мають свої підсистеми, відповідно до яких їхню термінологію умовно можна поділити на певні тематичні групи:

I. Терміни технологій: 1) РДН (ПЦІ — плезіохронна цифрова ієрархія); 2) SDN (СЦІ — синхронна цифрова ієрархія); 3) WDM (МРДХ — мультиплексування з розподілом на довжини хвилі), яка розподіляється на SWDM (ГМРДВ — грубе мультиплексування з розподілом по довжині хвилі) і DWDM (спектральне ущільнення з розділенням за довжиною хвилі).

II. Терміни технологій ISDN (цифрова мережа з інтеграцією служб) і xDSL (цифрова абонентська лінія).

Роль словотвірних способів у творенні української термінології програмування, комп'ютерних мереж та захисту інформації досліджувалась А. О. Ніколаєвою [1], у творенні українських термінів інформатики — Л. М. Філюк [2].

Метою даної статті є визначення активності кожного морфологічного словотвірного способу у творенні української термінології цифрових телекомунікаційних технологій.

Об'єкт дослідження — термінологія цифрових телекомунікаційних технологій, розміщена в словнику П. О. Пашолка [3], що нараховує близько 1600 одиниць, які входять до різних тематичних груп і утворені різними словотвірними способами.

У результаті спостережень можемо відзначити, що цифрова термінологія за походженням поділяється на власне українську, іншомовну і змішаного типу. Власне українські цифрові терміни складають 22 %: *запит, стик, повідомлення, послуга, вказівник тощо*. Іншомовні слова-терміни становлять 10 %: *кадр, триб, байт, сплітер* і т. ін. Найбільше цифрових термінів утворено за допомогою іншомовних компонентів. Змішані утворення являють собою, як правило, поєднання іншомовних коренів і власне українських афіксів: *модуляція, фазування, маршрутизатор, адаптер; надцикл, напівдуплекс* та ін.

Як правило, ключові слова цифрових термінологічних словосполучень — це іншомовні слова, утворені за допомогою іншомовних афіксів: *інтерфейс, банкінг, демультимплексор, консорціум*; або терміни, утворені з двох іншомовних слів: *крос-конектор, аудіодиск, аналог-цифра, октет-байт*.

У ході дослідження цієї термінології виявлено, що значна кількість таких термінів (25 %) утворена суфіксальним способом. Серед них є власне українські терміни (*лічильник, частота, комірка, дільник* тощо) і запозичені з інших мов (*білінг, комутація, ідентифікатор* та ін.).

При творенні цифрової термінології переважають суфікси -ник, -к-, -ик, -ач, -атор, -ер, -инг, -інг, -іж-, -ур-: *дільник, перетворювач, генератор, швидкість, чарунка, індикація, кінцевик, апаратура, моніторинг*. При цьому слова іншомовного походження були запозичені вже в “готовому вигляді”, разом із суфіксами, бо словотвірний процес відбувався у мовах-джерелах.

Прикметники, що входять до складу термінологічних одиниць, утворені за допомогою суфіксів -н-, -льн-, -ськ-, -ов-, -ев-: *трибний блок, двійковий символ, обчислювальна мережа, абонентський комплект, кінцевий ехокомпенсатор* тощо.

До складу термінологічних одиниць входять і пасивні дієприкметники, утворені за допомогою суфіксів -н-, -ен-: *інтегрований комутатор, децентралізована сигналізація, виділений (спеціалізований) канал*. Виявлені й дієприкметники теперішнього часу: *діючий оператор*.

Префіксальним способом утворено 11 % дериватів. Переважають іншомовні префікси а-, бі- та власне українського походження під-, між-, з-, без-, пере-: *асинхронний, біполярний, підсистема, міжмережний, безпровідний, перезапуск*.

У творенні цифрових термінів беруть участь іншомовні префіксоїди: інтер-, мікро-, мульти-, транс-, суб-, інфра-, інтра- : *мультиплексор, трансєвропейська (система), субфрейм, інфраструктура, інтраофісна (секція)* та ін. (6 %).

Частина цифрових термінів (5 %) утворена префіксально-суфіксальним способом. Здебільшого це прикметники у складі термінологічних словосполучень: *міжміська станція, міжнародна абетка, розподілене обчислювальне середовище* та ін.

Способом аббревіації утворено 12 % термінів цифрових телекомунікаційних технологій: *СДА (система абонентського доступу), МАД (мережа абонентського доступу)* — звукова аббревіація; *ЦТТ (цифрові телекомунікаційні технології), ІКМ (імпульсно-кодова модуляція)* — буквенна аббревіація.

Основоскладанням утворено 7 % цифрових термінів: *радіомережа, взаємодія, електрозв'язок* та ін.

Нові вузькоспеціальні терміни цифрових телекомунікаційних технологій на позначення якихось складних понять створюються фахівцями на основі словоскладання. Як правило, це слова іншомовного походження, з іменником прикладкового характеру: *октет-байт, крос-конектор, компакт-диск, цифра-аналог* тощо (9 %).

Багато цифрових термінів (21 %) утворено комбінованим способом. Це основоскладання + суфіксальний спосіб творення слів: *радіопередавання* тощо. Таким способом творяться здебільшого прикметники, що входять до складу термінологічних словосполучень: *цифро-цифровий (перетворювач), амплітудно-фазова (модуляція), широкосмугова (система зв'язку), семирівнева (модель)* та ін.

Частина термінів утворена комбінованим способом усічення + суфіксальний: *устаткування, підрахунок, перемноження, передача* та ін.

Незначна кількість цифрових термінів (4 %) утворена безафіксним способом (усічення морфем). Це віддієслівні іменники: *доступ, виклик, розподіл*. Як правило, це слова українського походження.

Серед цифрових термінів виявлені і такі, що утворені морфолого-синтаксичним способом (шляхом субстантивації): *вихідна АТМ, спільна несуча*.

Отже, досліджений матеріал дозволяє розподілити способи словотворення термінів цифрових телекомунікаційних технологій за активністю словотвірних засобів у такому порядку: 1) суфіксальний; 2) комбінований; 3) аббревіація; 4) префіксальний; 5) словоскладання; 6) префіксоїдний; 7) основоскладання; 8) префіксально-суфіксальний; 9) безафіксний; 10) морфолого-синтаксичний (субстантивація).

1. *Ніколаєва А. О.* Структурно-семантична характеристика термінології програмування комп'ютерних мереж та захисту інформації : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10.02.01 "Українська мова". — Харків, 2002.
2. *Філюк Л. М.* Активність словотвірних способів у творенні українських термінів інформатики // Записки з українського мовознавства: [зб. наук. праць/ наук. ред. Бондар О. І. та ін.]. — Одеса, 2006. — С. 266–276.
3. *Паюлок П. О.* Термінологія цифрових телекомунікаційних технологій : навч. посібник. — Одеса, 2003.

О. Р. Shonts

WORD-FORMATION METHODS OF UKRAINIAN TERMINOLOGY CREATION IN DIGITAL TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES

The article deals with the role of word formation types in the terminology formation of the digital telecommunication technology. The most active are morphological types of word formation, such as suffixal and combined ones.

Key words: word-formation types, term, digital telecommunication technologies, morpheme, Ukrainian.

Е. П. Шонц

СПОСОБЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ УКРАИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ЦИФРОВЫХ ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В статье исследуется роль способов словообразования в создании украинской терминологии цифровых телекоммуникационных технологий. Наиболее активными являются морфологические способы словообразования — суффиксальный и комбинированный.

Ключевые слова: способы словообразования, морфема, термин, цифровые телекоммуникационные технологии, украинский язык.

УДК 811.161.2'373.6'373.237

Л. М. Філюк

Словотвірні типи термінів інформатики зі значеннями “подібний за структурою” та “подібний за формою”

У статті розглядаються особливості творення лексико-семантичних дериватів української терміносистеми інформатики за суспільно-природничими сферами твірних слів.

Ключові слова: лексико-семантичний спосіб словотвору, словотвірний тип, дериват, сема, терміни інформатики.

У творенні термінів інформатики досить продуктивним є лексико-семантичний спосіб. Серед усіх похідних термінів засвідчено 80 дериватів, утворених цим способом, що становить 24,2 %. З-поміж усіх виділених нами словотвірних типів (далі СТ) лексико-семантичного способу творення найпоширенішим є СТ зі значенням “подібний за функцією”. Таку ж ситуацію

відзначають дослідники і щодо інших терміносистем [3: 9]. Зафіксовано 57 дериватів даного СТ, що становить 71,25 %.

Метою даної наукової розвідки є аналіз метафоризації лексико-семантичних дериватів СТ зі значеннями “подібний за структурою” та “подібний за формою”. Розглянемо це на конкретних прикладах. Під першим номером подаватимемо семантему, що стосується твірного слова, під другим — семантему деривата. Аналіз проведимо за суспільно-природничими сферами твірних слів. Різну участь сфер-джерел для лексико-семантичного способу словотворення термінів інформатики зумовлено бажанням творців термінів підібрати найвиразніші мовні засоби. Л. В. Івіна вважає, що значну роль у цьому процесі можуть відігравати тісні когнітивні і мотиваційні зв'язки людини з довкіллям, що зумовлюють актуалізацію в кожній семантичній сфері своїх властивих ознак і застосування відповідних аксіологічних оцінок [1:131].

Стандартні тлумачення слів нами не завжди зберігалися незмінними для зведення двох тлумачень до “спільного семантичного знаменника”. Тільки в такому разі стає експліцитною природа метафоризації (перенесення).

Менш продуктивним у порівнянні з СТ зі значенням ‘подібний за функцією’ є СТ зі значенням “подібний за структурою”. Зафіксовано 18 дериватів даного СТ, що становить 22,5 %, тобто менше чверті. Це порівняно невелика частина з усієї кількості СТ. Причому явної переваги якоїсь сфери-джерела не спостерігається. З зафіксованих дериватів найбільша кількість (5, або 33,3 %) стосується сфери “Будівництво” і (4, або 22,2 %) сфери “Процеси та стани”. До сфери “Точні науки” належать 3 слова (або 16,8 %), до сфери “Світ людини” — 2 слова (або 11,1 %). Одиначними словами представлені сфери “Техніка”, “Світ тварин” і “Просторово-часова орієнтація”. Не представлені сфери “Економіка” і “Біологія та медицина”. Розглянемо особливості творення дериватів зі значенням ‘подібний за структурою’.

Деривати *вкладка* і *мова* представляють сферу “Світ людини”.

Вкладка 1. Вкладений у книжку, журнал чи газету додатковий аркуш; 2. Спосіб структурування інформації в діалоговому вікні операційної системи. Більшість діалогових вікон містять більше інформації, ніж може бути розташовано на одній екранній сторінці вікна. За допомогою вкладок в одне вікно вміщують (‘вкладають’) кілька сторінок, тобто віртуальні сторінки вкладаються у вікно подібно до реальних сторінок у книжку. Перенесення за структурою ‘додатковий елемент серед подібних’. Віднесено до сфери “Світ людини” через своє призначення: вкладки використовуються для полегшення пошуку інформації людиною.

Мова 1. Система знаків і правил, що забезпечує процес спілкування, відображення, описування, передавання інформації людиною; 2. Штучна система знаків і правил, призначена для написання алгоритмів. Спільною підставою для перенесення є структурні складники ‘система знаків і правил’, тоді як функції їх різні.

Суспільно-природнича сфера “Техніка” не стала значним джерелом для творення дериватів зі значенням ‘подібний за структурою’. Лише одне слово *вітка* пов'язане з цією сферою.

Вітка 1. Ділянка кривої електричного кола, залізничної колії тощо, що виходить із точки розгалуження; 2. Один з альтернативних шляхів алгоритму, що виходить із точки розгалуження. Структурна підстава перенесення: ‘лінія, що виходить із точки розгалуження’.

До сфери “Процеси та стани” належать деривати *розширення* та *стискування* (з похідними).

Розширення 1. Збільшення за складом, величиною; 2. Необов'язкове доповнення до імені файлу. Спільні структурні ознаки перенесення ‘збільшення за складом, величиною’ і ‘доповнення’, оскільки ‘доповнювати’ означає ‘додавати щось до чогось, збільшуючи його склад, величину’.

Стискати (стиснення, стиснутий, стиснений) 1. Зменшувати об'єм, ущільнювати що-небудь; 2. Зменшувати обсяг даних шляхом усунення надлишковості в їх поданні. Структурна характеристика матеріального світу переноситься на світ віртуальний.

Суспільно-природнича сфера “Будівництво” представлена дериватами *архітектура*, *квартирка*, *комірка*, *магістраль*, *панель*, *фасад*.

Архітектура 1. Характер і стиль об'єкта для життя і діяльності людини; 2. Склад і загальна система взаємозв'язків елементів на логічному, фізичному та програмному рівнях. Характер і стиль будівельного об'єкта визначається складом і загальною системою взаємозв'язків фізичних елементів. Перенесення за структурою здійснюється в кількох напрямках: 1) з матеріального сві-

ту будівництва на матеріальний світ комп'ютерної техніки, наприклад, *архітектура комп'ютера*; 2) з матеріального світу на віртуальний світ інформатики, наприклад, *архітектура бази даних*.

Кватирка 1. Шибка прямокутної форми у вікні; 2. Підвікно, вікно у вікні. Ознака перенесення — 'підпорядкована структура щодо вікна'.

Комірка 1. Невелике приміщення; 2. Мінімальна ділянка пам'яті, яку можна адресувати. Структурна ознака 'невелике приміщення' як частина більшої структури переноситься на невелику ділянку пам'яті як частину більшої структури.

Магістраль 1. Основна лінія в шляхах сполучення; 2. Основна лінія для передавання інформації та сигналів керування між пристроями комп'ютера. Структурна ознака — 'основна лінія сполучення'. Можливе також перенесення зі сфери телефонного зв'язку (*телефонна магістраль*), або техніки (*водогінна магістраль*).

Панель 1. Нижня частина стіни, звичайно пофарбована; 2. Нижня частина ділянки екрана для подання певної інформації. Структурна ознака — 'нижня частина'.

Фасад 1. Зовнішній бік будівлі; 2. Елементи програми, доступні для безпосереднього спостереження користувачем. Фасад, як зовнішній бік будівлі, найчастіше виходить на вулицю і є доступним для спостереження.

Зі сфери "Точні науки", насамперед з математики, твірною базою стали три слова: *відлуння, дерево, топологія*.

Відлуння 1. Відбиття хвиль від якої-небудь перешкоди, спрямоване в бік джерела; 2. Режим роботи системи, коли пристрій, що приймає повідомлення, посилає на передавальний пристрій сигнали, які підтверджують приймання даних. Посилання приймальним пристроєм сигналів на передавальний пристрій ототожнюється з їх відбиттям.

Дерево 1. Граф, що має ієрархічну структуру; 2. Структура даних, що має ієрархічну організацію. Структурна ознака, що переноситься — 'ієрархічна структура'.

Топологія 1. Загальна схема з'єднань; 2. Загальна схема з'єднань вузлів у комп'ютерній мережі. Спільна підстава для структурного перенесення — 'загальна схема з'єднань'.

Одним словом *павутина* представлена сфера "Світ тварин" і словом *висхідний* сфера "Просторово-часова орієнтація".

Павутина (павутиння) 1. Сітка, яку виготовляють павуки; 2. Набір зв'язаних документів, що разом утворюють гіпертекстове подання. Набір зв'язаних документів за структурою подібний до сітки павука.

Висхідний 1. Який підіймається вгору; 2. Спосіб організації системи меню (вікон), за якого активізація даного пункту меню викликає появу одного або кількох додаткових меню (вікон). Ознаки-складники 'підіймається вгору' ототожнюється зі складником 'появляється'. Меню (вікно) появляється на екрані монітора, ніби воно знаходилося десь унизу, на дні і піднялося вгору.

Найпоширенішим видом перенесення СТ зі значенням 'подібний за структурою' є:

1) Перенесення за структурою, пов'язане з перенесенням ознаки з реального світу до віртуального: *вкладка, вітка, павутиння, розширення, стискати (стиснення, стиснутий, стиснений), архітектура, комірка, фасад, висхідний* (9 різнокореневих).

Решта перенесень трапляється зрідка.

2) Перенесення за структурою, пов'язане з перенесенням ознак людини на машину: *мова* (1).

3) Перенесення за структурою, пов'язане з перенесенням ознаки з матеріального світу на матеріальний світ комп'ютерної техніки: *магістраль, відлуння* (2 різнокореневих).

4) Перенесення за структурою, пов'язане з перенесенням ознаки з віртуального світу математики на віртуальний світ інформатики: *дерево, топологія* (2 різнокореневих).

Серед типів транспонованих сем цього СТ переважають квалітативно-орієнтовані семи (7 випадків із 18), наприклад: *дерево* 'який має ієрархічну структуру', *магістраль* 'основний', *панель* 'бічний', *фасад* 'передній'. Акціонально-орієнтованих транспонованих сем теж помітна кількість (6 випадків), наприклад: *висхідний* 'підійматися, появлятися', *відлуння* 'відбивати', *розширення* 'збільшувати обсяг', *стискати* 'зменшувати обсяг'. У порівнянні з СТ зі значенням 'подібний за функцією' в даному СТ зафіксовано досить значну кількість дериватів з транспонованою об'єктно-орієнтованою семою (4 випадки): *архітектура* 'склад і загальна система взаємозв'язків елементів', *мова* 'система знаків і правил', *павутиння* 'мережа ліній зв'язку', *топологія* 'схема

мережі'. Зафіксовано також одну квантитативно-орієнтовану транспоновану сему — *комірка* 'невеликий'. Дериватам *вітка*, *вкладка*, *магістраль* притаманні визначальні квалітативно-орієнтована транспортована сема і другорядна об'єктно-орієнтована, деривату *архітектура* визначальна об'єктно-орієнтована сема і другорядна квалітативно-орієнтована, деривату *розширення* — визначальна акціонально-орієнтована і другорядна об'єктно-орієнтована сема. А дериват *квартирка* утворений перенесенням трьох сем: визначальної квалітативно-орієнтованої ('підпорядкований') і двох другорядних — об'єктно-орієнтована ('структура') і квантитативно-орієнтована ('невеликий').

Дериватів *СТ* зі значенням 'подібний за формою' серед української терміносистеми інформатики (далі УТІ) зафіксовано небагато — 5, що становить тільки 6,25 % від усіх дериватів, утворених лексико-семантичним способом. Отже, для творення УТІ такий *СТ* є малопродуктивним. Через свою нечисельність важко судити про поширення тих чи інших сфер-джерел. З зафіксованих дериватів найбільшу кількість (по 2 слова, або 50 %) використано зі сфери "Будівництво" (це становить 40,0 % від усієї кількості актуалізованих слів цієї групи) і зі сфери "Світ людини", щоправда, доля від усієї кількості слів сфери надто невелика — 6,3 %. Зі сфери "Світ тварин" маємо лише 1 дериват, що становить 16,7 % від загальної кількості дериватів. Суспільно-природничі сфери "Техніка", "Процеси та стани", "Економіка", "Точні науки", "Біологія та медицина" і "Просторово-часова орієнтація" у цьому *СТ* не представлені.

СТ зі значенням 'подібний за формою' не має поширення у творенні УТІ через переважно віртуальний характер об'єктів інформатики, для яких головне — їх функціональні (меншою мірою структурні) характеристики, а не формальні. Термінів, що торкаються технічного забезпечення (так званого 'заліза'), набагато менше.

Розглянемо особливості творення дериватів зі значенням 'подібний за формою'.

До сфери "Світ людини" належать деривати *карта* і *прапорець*.

Карта 1. Прямокутний аркуш твердого паперу з певними графічними даними; 2. Носій даних у формі прямокутної пластини. Ознака перенесення — 'прямокутна пластина'.

Прапорець 1. Невелике полотнище певного кольору і форми як емблема чогось; 2. Змінна, що вказує на появу в програмі певної події або стану. Невеликі прапорці частіше бувають трикутної форми, а змінна графічно позначається знаком, схожим на трикутний прапорець. В українській мові цим словом не позначали знак ✓, який називався 'галочка', тому в даному разі виступає лексико-семантичний спосіб словотворення.

Суспільно-природнича сфера "Будівництво" представлена словами *вікно* та *шпалера*.

Вікно 1. Отвір певного призначення у споруді; 2. Прямокутна частина екрана, виділена для відображення інформації. Твірне слово найчастіше вказує на прямокутний отвір, тому ознака перенесення — 'прямокутна форма'. Недомінантною є ознака перенесення за функцією: частина вікон слугує для того, щоб крізь них дивитися і одержувати інформацію. Перенесення за функцією — 'одержання інформації'.

Шпалера 1. Широкі смуги паперу з малюнком, візерунком для обклеювання стін; 2. Тло, на яке виводять меню та панелі вікон. Перенесення за формою 'візерунок'.

Одним словом *миша* представлена сфера "Світ тварин".

Миша 1. Невеликий гризун сірого кольору з довгим хвостом; 2. Маніпулятор для вибору інформації на екрані комп'ютера, що зовні нагадує мишу. Ознака перенесення — 'розмір, сірий колір і довгий хвіст' (у маніпулятора провід).

Матеріал дозволяє виділити лише два види перенесення *СТ* зі значенням 'подібний за формою':

1) перенесення за формою, пов'язане з перенесенням ознаки з реального світу до віртуального: *прапорець*, *вікно*, *шпалера* (3 різнокореневих);

2) перенесення за формою, пов'язане з перенесенням ознаки з матеріального світу на матеріальний світ комп'ютерної техніки: *карта*, *миша* (2 різнокореневих).

СТ зі значенням "подібний за формою" властиві квалітативно-орієнтовані транспоновані семи, наприклад, *вікно* 'прямокутний', *карта* 'прямокутний', *миша* 'сірий', 'довгий'. Щоправда, на другому плані нерідко присутня квантитативно-орієнтована транспонована сема, наприклад, у деривата *миша* 'невеликий', *прапорець* 'невеликий' тощо. Деривату *шпалера* притаманні визначальна об'єктно-орієнтована сема 'візерунок' і другорядна квалітативно-орієнтована 'широкий'.

1. *Ивина Л. В.* Лингво-когнитивные основы анализа отраслевых терминосистем. — М.: Академический Проект, 2003.
2. *Новий російсько-українсько-англійський тлумачний словник з інформатики.* — Харків: Корвін, 2002.
3. *Олійник А. Д.* Роль запозичень-англіцизмів у розвитку сучасної української мікроекономічної термінології: Автореф. дис. ... канд. філол. наук. — К., 2002.

L. N. Fyluk

THE WORD-FORMATION TYPES OF INFORMATION SCIENCE TERMS WITH THE MEANINGS “SIMILAR TO A STRUCTURE” AND “SIMILAR TO A FORM”

The given article deals with the main features of lexical-semantic derivatives formation of Ukrainian terminological system of information science according to social-natural spheres of forming words.

Key words: lexical-semantic way, word-formation type, derivative, sema.

Л. Н. Филук

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТИПЫ ТЕРМИНОВ ИНФОРМАТИКИ СО ЗНАЧЕНИЯМИ ‘ПОДОБНЫЙ ПО СТРУКТУРЕ’ И ‘ПОДОБНЫЙ ПО ФОРМЕ’

В статье рассматриваются особенности образования лексико-семантических дериватов украинской терминосистемы информатики по общественно-естественным сферам производящих слов.

Ключевые слова: лексико-семантический способ словообразования, словообразовательный тип, дериват, сема.

ПИТАННЯ ФРАЗЕОЛОГІЇ

УДК. 811.161.1'76

Т. Г. Крапотина

Фразеология как отражение эмоционального и рационального в русской языковой картине мира

В статье фразеологизм рассматривается как феномен, отражающий особенности эмоциональной и рациональной сфер в языковой картине мира. Проведённый анализ позволил доказать преобладание чувственной сферы над рациональной в картине мира русского человека.

Ключевые слова: фразеология, языковая картина мира, эмоциональное, рациональное, культурная коннотация, концепт, фрейм.

В нашей статье фразеологизм рассматривается как феномен, отражающий особенности эмоциональной и рациональной сфер в русской языковой картине мира. Цель нашего исследования — анализ некоторых особенностей фразеологических средств, способствующих “наполнению” основополагающих концептов русского национального менталитета, актуализирующих эмоциональное и рациональное начала в мировоззрении русского человека.

Эмоциональное и рациональное восприятие информации человеком происходит на двух уровнях: эмоциональном и логическом. Человек воспринимает и запоминает информацию при помощи этих двух механизмов.

Сравнивая языки, В. фон Гумбольдт отмечал, что в них не может быть полного сходства и их нельзя считать средством выражения одной и той же социальной действительности. Миры, в которых живут различные общества, представляют собой разные миры, это “вовсе не один и тот же мир с различными навешанными на него ярлыками” [1: 104]. Гумбольдт подчёркивал, что родной язык влияет на категоризацию мира, которая обуславливает возможности его познания. В данных высказываниях выражена предпосылка идеи, что наивная картина мира присуща любому языку и чувственно-эмоциональному восприятию. Посредством языка происходит переход от восприятий и представлений к понятиям, протекает процесс оперирования понятиями. В речи человек фиксирует свои мысли, чувства и благодаря этому имеет возможность подвергать их анализу как вне его лежащий идеальный объект.

Сердце с умом в ладу живёт. Эта фразеологическая единица (далее ФЕ) отображает суть человеческого бытия. Человек, мозг которого являет собой управляющую систему высокой степени сложности, устроен так, чтобы не только получать, хранить и перерабатывать информацию, но и формулировать план действий и осуществлять активное, творческое управление действиями.

Человеческие чувства — это факт сознания, отражения мира и выражение отношения человека к удовлетворению или неудовлетворению своих потребностей, интересов, соответствия чего-либо своим представлениям и понятиям. Ничто в нашем сознании не совершается вне эмоциональной окраски, имеющей громадный жизненный смысл. Эмоциональный стимул заставляет организовывать наши мысли и действия для достижения определённой цели. Таким образом, два человеческих начала — эмоциональное и рациональное (ум и сердце, *ratio* и *emotio*) — находятся в тесной взаимосвязи друг с другом: мысли влияют на чувства, а чувства, в свою очередь, на мысли. Средством выражения этих двух категорий является язык.

Общепризнано, что одной из языковых областей, в которой отражается национальное своеобразие народа, является фразеологический фонд языка. Фразеологизмы как образные единицы языка воспроизводят культурную традицию её носителей, а также воздействуют на человеческие взаимоотношения. Так, внутренняя форма фразеологических единиц не просто является носителем мотивированности, но и содержит элементы национально-культурного плана, так как в основе возникновения этих элементов языка лежит образное представление

о действительности, которое отображает обиходно-эмпирический, исторический и духовный опыт языкового коллектива [Телия 1993: 304]. Причём ФЕ, как правило, делают речь образной и выразительной, эмоционально и экспрессивно окрашенной, лаконизируют её, обеспечивают обобщающими умозаключениями и терминологической точностью, облегчают смысловой подбор. В функции образного выражения прежде всего выступают те ФЕ, которые способны придать речи своеобразное ритмомелодическое звучание, что достигается не только благодаря эмоционально-экспрессивным свойствам большинства фразеологизмов, но и тому, что в структуре ФЕ используются такие средства речевой выразительности, как тропы и фигуры. На основе сравнения, например, построены ФЕ *ни уму ни сердцу* (безразлично), *не от большого ума* (очень глупо), метафора положена в основу образности *сердце не камень* (говорится при проявлении слабости). Среди образных выразительных средств художественной речи особо выделяются паремии — пословицы, поговорки: *сколько голов, столько (и) умов; ум хорошо, а два лучше; сердцу не прикажешь; ученье свет, а неученье тьма* и др.

Остановимся на концептах “ум” и “сердце” как основных репрезентантах рациональной и эмоциональной сфер в русской языковой картине мира.

В нашем исследовании семантики рационального и эмоционального применялся принцип полевого подхода, на основании которого выделен состав фразеосемантических полей (ФСП), то есть их фреймовая организация. Изучение системного характера ФСП позволило выявить иерархические отношения, существующие между микросистемами в поле. Здесь можно обозначить несколько фразео-семантических групп, включающих в себя имя УМ, такие, например, как: имя УМ в значении “способность человека мыслить, основа сознательной, разумной жизни”, УМ-Безумие, УМ-Действие, УМ-Мысли, УМ-Размер и др.

Фрейм *Ум-Безумие* представлен фразеологическими оборотами: *сойти с ума, тронуться умом, выжить из ума, мешаться в уме, в уме ли?, ума помрачился, ума лишиться, своротить с ума, спрыгнуть с ума* и др. Ср.: И он не сделался поэтом, / Не умер, не сошел с ума (Пушкин); На свете дивные бывают приключения! / В его лета с ума спрыгнул (Грибоедов); Рассказывали о том, как все губернские дамы сошли с ума от его любезности (Лесков); Что мелешь-то, старый, совсем из ума выжил (Лесков); В последние дни он, сидя у меня, бредил. Я видел, что он *мешается в уме* (Достоевский); И напал на него страх, суда очень боялся, так и *помешался в уме* со страха (Островский).

Фрейм *Ум-Действие* репрезентируется фразеологизмами со значением “возникать в сознании кого-либо”. Эта группа представлена следующими ФЕ: *присвоить ум, уму-разуму учить(ся); ума не приложу, на ум нейдет, ум за разум заходит, взяться за ум, набраться ума, раскинуть/раскидывать умом, ума не терять, не выходит из ума, на ум пришло, ума искать, хватиться за ум* и др. Ср.: Ах, если любит кто кого, / Зачем *ума искать* и ехать так далеко? (Грибоедов); И снова преданный безделью, / Томясь душевной пустотой, / Уселся он с похвальной целью, / Себе *присвоить ум* чужой!” (Пушкин); Жил так и так, теперь хочу *за ум взяться* (Островский); Ну, слава Богу, *набрался-таки ума* (Л. Толстой); ...Чужбина, ведь, неподатлива — *ума прибавит*, да и горя набавит (Мельников-Печерский); Поступил я на маленькое жалованье, взятку брать не могу — душа не переносит, а жить чем-нибудь надо. Вот я и *взялся за ум*: принялся за адвокатство, стал купцам слезные прошения писать (А. Островский).

Фрейм *Ум — Мысли* представлен следующими ФЕ: *у тебя на уме, себе на уме, не своим умом* и др. Ср. в значении “скрытен, хитер, не обнаруживает своих мыслей, намерений”: Этот человек опытный, *себе на уме*, не злой и не добрый, а более расчетливый. (Тургенев); А крестный *себе на уме*, пожирает смех на сердце, а сам бровью не моргнет (Мельников-Печерский). Ср. употребление ФЕ данного фрейма в значении “*в помыслах*”: Татьяна пишет, и все Евгений *на уме*, / И в необдуманном письме / Любовь невинной девы дышит (Пушкин); С первого слова я смекнул, что *у тебя на уме* (Мельников-Печерский); Кто его знает, что *у него на уме* (А. Островский); Она смотрит на меня с своей постели, долго смотрит, как бы вызывая меня угадать, что *у ней на уме* (Достоевский).

Фрейм *Ум-Размер* представлен следующими фразеологизмами: *ума палата, один ум, два ума, сто умов, ума хватит, ума ни на грош, ума мало, короткий ум* и др. Например, фразеологизм *ума палата* — “выдающиеся умственные способности”. Имеется в виду, что лицо (X) обладает блестящим интеллектом, широким кругозором, глубокими познаниями разного характера.

Говорится с одобрением. Образ ФЕ восходит к сложившемуся в архетипических формах осознанию мира, противопоставлению “большой-маленький”, а также к представлению об открытом — закрытом пространстве. В структуре ФЕ компонент *ума* соотносится с антропным, то есть собственно человеческим, кодом культуры как с обозначением интеллектуальных действий и состояний человека; компонент *палата* соотносится с вещным кодом культуры, а также с пространственным кодом. Ср.: Как не знать Максима Алексеевича! *Ума палата* (Мельников-Печерский); “Да, у меня *ума палата*”, — усмехнулся Николай (Мельников-Печерский). А также: *Ума* в нём только *мало*; / Но чтоб иметь детей, / Кому *ума недоставало* (Грибоедов); Если у кого *один ум*, то это хорошо, а придет в гости человек, то будет еще лучше, ибо будет *два ума*, а не один только (Достоевский); Иногда и стыдно ему, что у меня *ума-то мало* (А. Островский); Хвастаться тебе нечем, тут твоего *ума ни на волос* не было (Мельников-Печерский).

Фрейм **Ум-Определение** представлен следующими ФЕ: *пытливый ум, томный ум, хладный ум, охлаждённый ум, резкий ум, бедный ум, здравый ум, недалёкий ум, короткий ум, чужой ум, задний ум, тёмный ум* и др. Ср.: Смешные, бритые, седые подбородки, / Как платья, волосы, так и *умы коротки* (Грибоедов); Ты, матушка, *задним умом* крепка (Лесков); Отец Савелий в его семьдесят лет был свеж, ясен и тёпл; в каждом слове его блестел *здравый ум*, в каждой ноте слышалась задушевная искренность (Лесков); Да, Владыка наш не *бедного ума* человек” (Лесков); “*Ум у тебя короткий*”, — сказал Иван (Достоевский); Аристарх Владимирович гений... гений, Наполеон. *Ума необъятного* (А. Островский).

Как видим, концепт УМ имеет богатое и сложное содержание. Не менее разнообразно представлен в русской фразеологической картине мира и концепт СЕРДЦЕ. Его фреймовая структура может быть рассмотрена через понятия Сердце-Сердцевина, Сердце-Гнев, Сердце-Определение, Сердце-Любовь и др.

Фрейм **Сердце-Сердцевина** представлен фразеологизмами со значением “ядро, середина чего-либо”: *сердце Родины, сердце Земли, сердце дерева, бьется сердце* и др. Эти ФЕ обозначают главный элемент, источник жизни, источник всего сущего, источник жизни на Земле. Ср.: Волны землетрясения шли из самого *сердца Земли* (Айтматов); На стволе зияло огромное дупло — будто какой-то силач вырвал *сердце дерева* (А. Иванов).

Обобщённый образ Сердца как ядра и начала всех начал, источника жизни на Земле рождает очень точные метафоры, которые становятся основой многих фразеологизмов. Ассоциативная связь имени Сердца — Сердцевины с прямым значением слова *сердцевина* очевидна. В доказательство можно процитировать афоризм: “Человек жив, пока бьётся сердце в его груди”, то есть процесс жизни протекает именно в сердце. Расширяя понятийный ряд имени Сердце, его стали использовать для обозначения пространственно-географических понятий: Москва — *сердце* нашей *Родины*.

Фрейм **Сердце-Переживание** представлен ФЕ, которые относятся к эмоционально-волевому состоянию человека. В основе этих единиц лежат такие понятия, как милосердие, сострадание, сочувствие, сопереживание. Категория Сердце-Переживание представлена следующими ФЕ: *принять близко к сердцу, муки сердца, сердечные муки, сжималось сердце, за сердце хватает, сердце мучилось, в сердце вонзилось, сердце надрывалось, сердечко защемило, сердце не на месте, сердце в ключья рвется, сердце замирает* и др. Ср.: *Сердце замирало* во мне и мучилось от беспредельной боли (Достоевский); *Сердце Серебряного надрывалось* (А. К. Толстой).

К эмоционально-волевой сфере, близкой к переживанию, можно отнести ФЕ со значением “тревоги, печали, волнения”. Ср.: Наконец мы приехали, и я вошёл к моим старикам с *замиранием сердца* (Достоевский); Боже! Если б ты знал, Ваня, что тогда со мной случилось! Как будто в *сердце* мне что-то *вонзилось* (Достоевский); Как подумаю, что будет впереди, *сердце* так и *замрёт* (Мельников-Печерский).

Фразеологическим единицам со значением “переживание, тревога, волнение” и т. п. противопоставлены единицы со значением “душевный покой”. Ср.: Я близ тебя ещё спокойство находил, / Я *сердцем отдыхал*; друг друга мы любили; / И бури надо мной свирепость утомили (Пушкин); Весело было теперь князю и *легко на сердце* возвращаться на Родину (А. К. Толстой).

Фрейм **Сердце-Принуждение**. Например: *Скрепя сердце* согласился он приехать в Москву (Тургенев); Я хотела приказать остановиться, но так уж, *скрепя сердце*, поехала дальше (А. Островский).

Фрейм **Сердце-Гнев** представлен следующими ФЕ: *сердцем крут, с сердцов ругал, сердце в кло- чья, не лежало сердце, держу сердце (на кого-то)* и др. Ср.: “Молчи! Баба!” — *с сердцем* сказал Данила (Гоголь); Как страшно я ее *с сердцов ругала* (Лесков); “Ещё только посватается? Я думал, что он давно уже сватается”. — “Вы отлично, хорошо знаете, что нет!” — *с сердцем* сказала она (Достоевский); Кити поняла, что *сказанное* ею *в сердцах* слово о неверности мужа и об унижении до глубины сердца поразило сестру (Л. Толстой).

Фрейм **Сердце-Доброта** представлен ФЕ: *от большого сердца, от всего сердца, с добрым серд- цем, доброе сердце* и др. Ср.: Способностями Бог меня не наградил: / Дал *сердце доброе*, вот чем я людям мил (Грибоедов); Ахти мне, горе с моим *добрым сердцем* (Лесков); И слезы даже у нее от *большого сердца* остановились (Лесков); Ахти мне горе с моим *добрым сердцем* (Лесков); *Большого сердца* был муж, дружок мой, Максим Савватейч (Горький).

Фрейм **Сердце-Искренность** представлен следующими ФЕ: *от чистого сердца, от всего серд- ца, по велению сердца* и др. Ср.: Мария Ивановна так просто рассказала моим родителям о стран- ном знакомстве моем с Пугачевым, что оно не только не обеспокоило их, но еще заставляло часто смеяться от *чистого сердца* (Пушкин); Знаю, Вы горды, но я говорю искренно, *от сердца* (Достоевский); Я хочу смотреть сатиры и комедии на взяточников и хохотать от *чистого сердца* (А. Островский); Да вернешься ты невредим из Слободы, как от печи пламенной, и да обниму тебя тогда, как теперь обнимаю, от *всего сердца*, от всей души (А. К. Толстой).

Фрейм **Сердце-Любовь** представлен ФЕ, которые обозначают сам процесс: “глубокое, эмо- циональное влечение, сильное сердечное чувство”. Ср.: Страстей игру мы знали оба, / Томила жизнь обоих нас, / В обоих *сердца жар* угас (Пушкин); Но мне нужно же, наконец, *покорить* ваше *сердце* (А. Островский); На второй же год после её свадьбы с Калитиным, который в не- сколько дней успел *покорить* её *сердце*, Покровское было променено на другое имение (Турге- нев).

Таким образом, концепт “сердце”, согласно нашему исследованию, является средоточи- ем всего человека, всех его душевных сил. Это не означает, что душа тождественна душевному сердцу, но она наиболее ясно и полно отражается в нём.

Итак, как видим, особая значимость ФЕ заключается в том, что они, актуализируя чувствен- ное и логическое начала в жизни человека, являются бесценным лингвострановедческим ис- точником, поскольку ФЕ, как правило, содержат в своей семантике национально-культурный компонент, отражающий особенности культуры и быта народа — носителя данного языка.

При исследовании рационального и эмоционального мировосприятия в русской языковой картине мира нами обнаружена некоторая закономерность. Проведенный анализ свидетель- ствует: современный русский язык богат единицами, передающими самые различные чувства- состояния человека (то есть *emotio*), которые в количественном отношении явно преобладают над единицами, передающими интеллектуальную сферу жизнедеятельности человека (то есть *ratio*). Статистически это выражается следующими данными: примерно 70 % составляют еди- ницы, актуализирующие семантику эмоционального, 30 % — семантику рационального. Таким образом, проведенный анализ позволил доказать преобладание чувственной сферы над рацио- нальной в картине мира русского человека.

В заключение сделаем некоторые выводы. Одним из возможных способов лингвострано- ведческого описания устойчивых словесных комплексов является создание фразеосеманти- ческих полей. При моделировании внутренней структуры ФСП мы исходили из положения, что она является особым рода парадигмой, которая возникает при сегментации лексико- фразеологического континуума на отрезки, соответствующие отдельным фразеологизмам, при- чем в этом континууме возможно выделение макрополей, то есть макроконцептов, и микропо- лей (микромоделей, микроконцептов). Так, в ФСП “ум” мы выделили следующие микрополя: “ум-безумие”, “ум-действие”, “ум-мысли”, “ум-размер”, “ум-определение” и т. п.; в ФСП “сердце” — “сердце-сердцевина”, “сердце-переживание”, “сердце-принуждение”, “сердце- гнев”, “сердце-искренность”, “сердце-доброта” и т. п.

Причём при дальнейшем структурировании макрополя /макроконцепта в рамках соответ- ствующего ФСП возможно вычленение третьего уровня абстракции, то есть сем, с помощью которых выявляются различия между микрополями внутри определенного макрополя. В част- ности, к таким семам можно отнести оценочные семы: семы положительного характера (мелио-

ративные семы) актуализируются в ФЕ: *светлый ум, блестящий ум* и т. д.; семы отрицательного характера (пейоративные семы) актуализируются в ФЕ: *тёмный ум, убогий ум* и т. д.

В основу структурирования анализируемых концептов (“ум” и “сердце”) положено традиционное учение о семантической микроструктуре слова или фразеологической единицы — вычленение сем различного уровня абстракции, с помощью которых возможным оказалось выявление различий и сходства между микрополями внутри макрополя.

Таким образом, в данной статье представлены фрагменты возможного лингвокогнитивного моделирования фразеосемантических полей через призму ключевых ментальных концептов, отражающих мировидение русского народа. Мы остановились лишь на концептах, которые, на наш взгляд, являются основополагающими в пространстве рациональной и эмоциональной сфер деятельности человека.

1. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Избранные труды по языкознанию. — М., 1984.
2. Телия В. Н. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов (от мировидения к миропониманию) // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. — М., 1993.

T. G. Krapotina

PHRASEOLOGY AS A REFLECTION OF EMOTIONAL AND RATIONAL ASPECTS IN THE RUSSIAN WORLD OUTLOOK

In this article a phraseological unit is considered as a phenomenon which reflects the peculiarities of the spheres of the linguistic picture of the world. The given analysis allows us to prove that the emotional sphere in the linguistic picture of the Russian people prevails over the rational sphere.

Key words: phraseological unit, emotional aspect, rational aspect, linguistic picture of the world, concept, frame.

Т. Г. Крапотіна

ФРАЗЕОЛОГІЯ ЯК ВІДОБРАЖЕННЯ ЕМОЦІЙНОГО ТА РАЦІОНАЛЬНОГО В РОСІЙСЬКІЙ МОВНІЙ КАРТИНІ СВІТУ

У статті фразеологізм розглядається як феномен, що відображує особливості емоційної та раціональної сфер у мовній картині світу. Проведено аналіз, що дозволив довести переважання чуттєвої сфери над раціональною в картині світу росіянина.

Ключові слова: фразеологія, мовна картина світу, емоційне, раціональне, культурна конотація, концепт, фрейм.

У. Ю. Медведева

Новые окказиональные сочетания как единицы зоны лексико-фразеологической переходности (на материале периодических изданий)

В настоящее время заметное место в проблеме употребления фразеологизмов в речи занимают вопросы индивидуально-авторского, окказионального преобразования и создания фразеологических единиц. В данной статье исследуется специфика новых сочетаний окказионального, индивидуально-авторского характера, которые мы относим к зоне лексико-фразеологической переходности. Их анализ позволяет выявить особенности словотворчества на страницах периодической печати.

Ключевые слова: фразеология, неология, новое сочетание окказионального характера, фразеологическое новообразование, периодические издания.

Всё чаще на страницах периодической печати и художественных произведений, как чутких регистраторов языковых новшеств, можно встретить различные новообразования, в том числе и фразеологические инновации, что свидетельствует о постоянном развитии языка. “Высокая активность процесса пополнения номинативного фонда за счёт новых слов... — это ещё одно яркое свидетельство, подтверждающее динамический характер языка” [9: 5]. Наиболее интенсивно и ярко процесс неологизации проявляет себя на уровне лексики и фразеологии как “основных репрезентантов процессов неологизации” [5: 135]. Исследователь Т. Г. Крапотина справедливо отмечает, что “художественные произведения и публицистика не только позволяют проследить речевое использование фразеологических единиц и установить закономерности их лексико-семантического и структурно-грамматического функционирования, но и представляют собой ту питательную среду, где рождаются новые фразеологизмы” [2: 85].

Создание фразеологических новообразований и структурно-семантических преобразований фразеологизмов в языке современных печатных изданий объясняется реализацией коммуникативной потребности, поиском новых экспрессивных форм выражения. Помимо этого И. Ю. Третьякова считает, что “окказиональные преобразования фразеологических единиц” обуславливают “стремление авторов речи (текстов) к конкретизации речи, или её эллиптированию, или интенсификации отдельных коннотаций и смыслов” [10: 322].

Являясь стилистическим средством выражения образности, отражая национальную специфику языка, его самобытность, новые устойчивые сочетания дают возможность изучить особенности процесса неологизации фразеологической системы, также способствуют раскрытию механизма обновления языковой картины мира.

Отмеченные положения обусловили **цель** данной работы: исследовать особенности новых сочетаний окказионального характера. Она направлена на решение следующих **задач**: дать характеристику компонентного состава, семантики и особенности функционирования новых сочетаний в текстах печатных периодических изданий.

Особенность сочетаний окказионального употребления заключается в их разовом использовании в конкретном речевом отрезке, они образованы “на случай” (occasion — лат. “случай”). Для таких сочетаний характерна абсолютная новизна, зависимость от контекста; их используют как яркое стилистическое средство: они образны, кратки, метки, художественны, выразительны и эмоциональны. Новые сочетания отражают актуальные явления определённого этапа развития российского общества.

На сегодняшний день лингвисты не дают однозначного ответа на вопрос о том, считать ли новое сочетание окказионального употребления фразеологической единицей. Мы думаем, что подобного рода “фразеологические новообразования” [3: 3], “индивидуально-авторские фразеологизмы” и “авторские фразеологизмы” [1: 147] можно включать в состав единиц зоны

лексико-фразеологической переходности, поскольку многими лингвистами отмечается тесная связь между понятиями “фразеологизм” и “окаzionale, авторское сочетание”.

К квалификационным признакам фразеологических новообразований языковед И. Н. Кулина относит лексикографическую неотмеченность их в словарях тезаурусного типа, воспроизводимость, устойчивость, семантическую ёмкость таких единиц, образную основу целостного значения оборота [3: 8]. Мы разделяем точку зрения лингвиста по данному вопросу.

Языковой материал нашего исследования был взят из серии словарей “Новое в русской лексике. Словарные материалы” (далее НРЛ. СМ) за 90-е годы XX века под редакцией Н. З. Котеловой, в которых собраны лексико-семантические новообразования, а также новые устойчивые сочетания слов, различные по степени устойчивости, воспроизводимости и признаку новизны. Включив в серию словарей окаzionale и индивидуально-авторские слова и выражения, составители стремились показать на ограниченном временном отрезке весь новый подвижный, текучий материал.

Поскольку одним из актуальных и менее разработанных вопросов, связанных с изучением фразеологической системы русского литературного языка, является вопрос о создании, преобразовании и переосмыслении устойчивых сочетаний, нас, в первую очередь, заинтересовали сочетания окаzionale, индивидуально-авторского употребления.

Новые фразеологические сочетания неоднородного состава, извлечённые методом сплошной выборки из ранее указанных лексикографических источников, были распределены нами в зависимости от особенностей новизны компонентов, составляющих окаzionale сочетания, в следующие группы, представленные в серии “НРЛ. СМ”:

1. **Сочетания, в основе которых слова с новым значением (семантические дериваты).** Данная группа является наиболее представительной в количественном отношении (более 50 %) и тесно связана с таким явлением, как переосмысление. В результате переосмысления словоформа, вошедшая в состав фразеологизма, утрачивает своё прежнее, собственное значение и приобретает новое. Существенную роль в этом играет контекст. Т. Г. Крапотина так описывает данное явление: “В структуре значения оборота в условиях определённого контекста происходит значительный семантический сдвиг, приводящий к выявлению имплицитных свойств компонентов оборота, что не только порождает определённую степень его абстрагированности, но и приводит к появлению метафорической ассоциации” [2: 83].

Проиллюстрируем вышеизложенное положение. Опорный компонент нового сочетания — слово *ампир* — со значением “художественный стиль, воплощавший в империи Наполеона I идею государственного могущества и воинской силы” переосмысливается в трансформированном фразеологизме под воздействием способа контаминации, приобретая более отвлечённое значение: “Кто-то назвал тоталитарную культуру, а точнее, её идеологическую доктрину — социализм — *“ампиром во время чумы”*”. — ЛГ, 50, с.4 [6: 27]. Образцом для создания такого сочетания послужила фразеологическое выражение “*пир во время чумы*” (веселье во время бедствия).

Представляют интерес и другие новые устойчивые сочетания с переосмыслённым существительным: *нести валютные яйца; кисель власти; духовный вампиризм; дипломатический балет; из глотки ноги растут; в сроках, как в шелках; пятилетка крушения; диктатура совести; развитой абсурдизм; пиала терпения переполнена; сесть на не совсем табурет; морковкино, картошкино, петрушкино заговенье; интеллектуалы моря* и др.

В “НРЛ. СМ — 92” представлено образное сочетание *интеллектуалы моря* (о дельфинах), в котором расширено значение слова *интеллектуалы* до значения “все живые организмы, наделённые разумом”: “Развернув... программу изучения рассудка и языка *“интеллектуалов моря”*, нейрофизиолог... стал получать... результаты”. — Аврора, 1 [7: 69]. Благодаря метафорическому выражению, автор акцентирует внимание на удивительных способностях этих животных и, возможно, даёт понять людям, что необходимо с уважением относиться к равноправным представителям окружающего их мира.

Слово *партийный* в окаzionale сочетании *вылить три ушата партийной воды на кого* воспринимается не в прямом значении “отражающий интересы партии”, а в переносном: “Как-то, когда я в очередной раз повёл себя не очень послушно, один высокий партийный руководитель сказал мне: “Твоё, Дудинцев, счастье, что ты не член партии, а то мы **вылили** бы на тебя **три**”

ушата партійної води". — ЛГ, 41, с.6 [6: 357]. Таким образом, в данном контексте, по нашему мнению, автор использует прилагательное *партійний* в значении "читать нотации, делать наставления".

2. **Сочетания с единицей разового использования, окказионализмом, индивидуально-авторским образованием.** Это вторая по количеству группа устойчивых сочетаний окказионального употребления (более 30 %). Понятие "окказионализм" мы рассматриваем вслед за А. Г. Лыковым как "выражение противоречия между фактом речи, с одной стороны, и системой и нормой — с другой", причём, "данное противоречие проявляется в самых различных направлениях" [4: 73]. Так, идиоматическое выражение "*семи пядей во лбу кто*" (об очень умном, мудром человеке) преобразуется в окказиональное сочетание *семипядевый во лбу (кто)*: "*Длительность и процедурные тонкости процесса открытия не сможет, наверно, просчитать и предсказать самый семипядевый во лбу футурно-экономполитолог*" — КП, 8.11 [6:483]. Сложный окказионализм *семипядевый*, образованный сложносuffixальным способом, придаёт сочетанию большую значимость, акцентирует внимание на необычном признаке человека.

Привлекающее внимание своей необычностью сочетание *Жена-Помощница-Радистка-Верный Друг-Боевой Товарищ* со значением лица образуется сложением слов и словосочетаний: "*Римма внезапно вошла в фавор к начальству, озарённой идеей выковать из неё Жену-Помощницу-Радистку-Верного Друга-Боевого Товарища и направить дружную семью на бой, покой нам только снится!*" — Огонёк, 37, с.24 [6: 149]. Сложное новообразование позволяет создать обобщённый национальный образ русской женщины.

Индивидуально-авторское прилагательное *мафиозно-свободный*, имеющее негативно-оценочный характер, в сочетании со словом *цена* создают в контексте образ беспредела, преступной вседозволенности: "*Львиная доля всех товаров и услуг будет распределяться по карточкам, а остальная часть уйдёт "в тень", которая и станет формировать свои мафиозно-свободные цены*". — Огонёк, 44, с.7 [6: 266].

Довольно распространены сочетания окказионального употребления, в состав которых входят новые слова с отвлечённым понятием: *кокализация, шопизация, тряпизация, жвачнизация кого, чего; райский куцизм*.

Очевидно, что на основе фразеологизма "*райские кущи*" (о каком-либо месте как воплощении обилия и благополучия) образована неофразама с новым словом *куцизм*: "*Что касается Земли, то столько, сколько она намерена вертеться, будь там хоть трижды расцвет наук и социализм, хоть в сто сорок солнц сияющий коммунизм, или — уж не знаю, как назвать, — райский куцизм, что ли, мы, грешные, как болели, так и будем болеть*". — Крокодил, 31, с.6 [6: 241]. Благодаря новообразованию всё сочетание имеет иронический оттенок.

3. **Сочетания, включающие новообразования.** Статистическая обработка собранного языкового материала показала, что данных сочетаний не так много, их всего 5 %. В качестве примера можно привести устойчивое сочетание *Большой Хапок* со словом *хапок*, образованным, судя по контексту, от глагола *хапать*: "*Держите вора! Захватают наши поля, обездолят, сделают батраками!*" — *рупоры оси Стародубцев — Полозков гремят и в Верховном Совете, и в рептильной прессе. Что спорить — время Большого Хапка наступило, но кто в первых рядах хватугаев?* ". — ЛГ, 40, с.4 [6: 571]. Новое сочетание автор употребляет как имя собственное, подчёркивая индивидуальность, единичность данного явления. Читатель, несомненно, почувствует иронию, которой надделено фразеологическое новообразование, отражающее особенность "смутного" перестроечного времени.

Существительное иноязычного происхождения *брэд* (от английского *bread* "хлеб") входит в состав устойчивого сочетания *перебиваться с брэда на воду* и отражает тем самым западный колорит: "*Певец из ресторана "Одесса"... перенёс педалированно блатную интонацию на образ бывшего советского еврея, ошарашенного Нью-Йорком и перебивающегося в Бруклине с брэда на воду*". — Аврора, 9, с.45 [6: 64]. Рассматриваемое сочетание образовано на основе известного фразеологического единства *перебиваться с хлеба на квас*, который употребляется в значении "бедствовать, жить плохо, бедно".

Интересны по семантике сочетания окказионального характера *цена в полнарода кому, маргинал-люмпены интеллекта* со сложными существительными в составе. По нашему мнению, фразеологическое новообразование *цена в полнарода кому* по значению тесно связано с

фразеологизмом *грош цена кому-нибудь, чему-нибудь* “ничего не стоить, никуда не годиться”. Необычный образ, привлекающий внимание читателей, создаётся с помощью нового сочетания *маргинал-люмпены интеллекта* с ярко выраженной негативной оценкой, которое, по всей видимости, называет неформальное, замкнутое объединение людей, резко отличающееся своей агрессивностью, нетерпимым отношением к чему-либо.

Как новообразование в “НРЛ. СМ — 94” даётся глагол *вскучерявить* в составе сочетания *против шерсти вскучерявить (чубчик)*: “Село всё, полгорода знают хапугу, а надо год, чтобы дело открыть, да ещё годик, чтобы доказать, ну и потом легонько так ручкой **против шерсти** чубчик **непутёвый вскучерявить**”. — Сельск. жизнь, 12.1, с.3 [8: 68]. Оно построено на обыгрывании фразеологизма “*гладить против шерсти*” со значением “говорить или делать неприятное, не так, как хочется кому-нибудь”. Новым глаголом автор, скорее всего, пытается точнее выразить свою мысль: не просто *гладить*, а *вскучерявить против шерсти*, т.е. слегка поругать. Такое удачное преобразование известного фразеологического выражения усиливает воздействие всего текста на читателей.

4. Сочетания, включающие слова с новым окказиональным значением. Сочетания этого типа, так же как и сочетания предыдущей группы, немногочисленны (5 %), например: “*Хозяйственник-диссидент времён застоя директор ярославского совхоза Дмитрий Стародубцев... в ответ на решение райкома партии ликвидировать в хозяйстве платную должность секретаря партийной организации вызвался финансировать её из средств совхоза*”. — Огонёк, 46, с.28 [6:135]. С. И. Ожегов в “Словаре русского языка” так определяет слово *диссидент*: “Лицо, отколовшееся от господствующего вероисповедания, вероотступник; инакомыслящий”. В анализируемом ироничном сочетании *хозяйственник-диссидент* существительное *диссидент* представлено в необычном широком значении: человек, который не согласен с чем-либо.

Впервые зафиксированная в сборнике “НРЛ. СМ — 90” неофраза *шишки претыкания*, отличающаяся образностью, возникла на основе устаревшего фразеологического единства “*камень претыкания*” в значении “соблазн, опасная приманка”, но в новом сочетании существительное *претыкание* понимается как что-либо неудачное, вызывающее затруднения: “*Роман Пушкина был бы, вероятно, не так оригинален, не так субъективен, не так обременён и даже не так содержателен, пожалуй, как “Война и мир”; но зато ненужных мух на лицах и шишек “претыкания” в языке не было бы вовсе*”. — ЛГ, 43, с.6 [6: 409].

Несвойственное значение реализует в составе окказионального сочетания существительное *самокрутка*. В просторечии это — папирота, свёрнутая из бумаги самим курильщиком, контекст же представляет иное, окказиональное значение данного слова, а именно, “самостоятельно создающийся”, в сочетании *самокрутка-очередь*: “*С утра до половины шестого вечера огромная **самокрутка-очередь** перекрыла движение транспорта в центре Минска... Правда, миролюбивый характер минчан, их привычка к порядку и умелая работа ГАИ помогли немного разрядить ситуацию — кольца очереди переместились на тротуар*”. — Труд, 10.8 [6: 464]. В метафорическое сочетание автор вкладывает свое, индивидуальное представление об очереди как о живом организме, изображая на страницах периодической печати яркий, самобытный образ.

Как видим, в состав нового сочетания окказионального, индивидуально-авторского употребления входят новообразования, слова с новым значением (семантические дериваты) и слова с окказиональным значением. Анализ собранного языкового материала показал, что наиболее часто употребляются сочетания, включающие семантические дериваты.

В текстах периодической печати новые сочетания окказионального употребления используются в качестве яркого образительно-выразительного средства для описания социокультурных процессов России 90-х годов, поскольку основной функцией фразеологических единиц является экспрессивная характеристика, часто сочетающаяся с образной характеристикой. Для них характерны такие признаки, как образность, краткость, меткость, художественность, выразительность и экспрессивность. Каждое из новых окказиональных сочетаний демонстрирует динамику фразеологической системы и отражает актуальные явления определённого этапа развития российского общества, своеобразие национальной культуры народа и специфику его менталитета, поэтому каждое из них может явиться предметом специального анализа.

1. *Гаврин С. Г.* Фразеология современного русского языка: Учеб. пособие по спецкурсу для филологов. — Пермь, 1974.
2. *Крапотина Т. Г.* К вопросу о семантической и структурной трансформации фразеологизмов // Русский язык в школе. — 2001. — № 2 — С. 83–85.
3. *Куклина И. Н.* Явления фразеологизации и дефразеологизации в языке современной прессы: Автореф. дисс... канд. филол. наук. — М., 2006.
4. *Лыков А. Г.* Оказиональное слово как лексическая единица речи // Филологические науки. — 1971. — № 5. — С. 70–81.
5. *Мокиенко В. М.* Фразеологические неологизмы в славянских языках // Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich / Red. nauk. S. Gajda. — 2000. — S. 133–156.
6. *Новое в русской лексике.* Словарные материалы 1990 / Под ред. Т. Н. Буцевой. — С. Пб., 2004.
7. *Новое в русской лексике.* Словарные материалы 1992 / Под ред. Е. А. Левашова. — С. Пб., 2004.
8. *Новое в русской лексике.* Словарные материалы 1994. Под редакцией Ю. Ф. Денисенко. — С. Пб., 2006.
9. *Плотникова Л. И.* Новое слово: порождение, функционирование, узуализация: Монография. — Белгород, 2000.
10. *Третьякова И. Ю.* Оказиональные преобразования фразеологических образов // Фразеология и когнитивистика: Материалы 1-й Междунар. науч. конф.: В 2-х т. / Отв. ред. проф. Н. Ф. Алефиренко. — Белгород, 2008. — Т. 1 Идиоматика и познание. — С. 321–325.

U. Yu. Medvedeva

NEW OCCASIONAL COMBINATIONS AS UNITS OF LEXICAL-PHRASEOLOGICAL TRANSITIVITY ZONES (ON MATERIAL OF MAGAZINES)

The questions of individually-author, occasional transformations and creations of phraseological units occupy a noticeable place in the problem of phraseological units in speech. The specific aspects of new occasional combinations of individually-author character are analyzed in this article, which we refer to the area of lexical-phraseological transitivity zones. The analysis allows to reveal the features of word creation on the pages of periodicals.

Key words: phraseology, neology, new combination of occasional character, phraseological new formation, magazines.

У. Ю. Медведєва

НОВІ ОКАЗІОНАЛЬНІ СПОЛУКИ ЯК ОДИНИЦІ ЗОНИ ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГІЧНОЇ ПЕРЕХІДНОСТІ (НА МАТЕРІАЛІ ПЕРІОДИЧНИХ ВИДАНЬ)

Помітне місце у проблемі вживання фразеологізмів у мові мають питання індивідуально-авторського, okazionalного перетворення і творення фразеологізмів. У даній статті досліджено специфіку нових сполук okazionalного, індивідуально-авторського характеру, які ми відносимо до зони лексико-фразеологічної перехідності. Їх аналіз дозволяє виявити особливості словотворення на сторінках періодичних видань.

Ключові слова: фразеологія, неологія, нова okazionalна сполука, фразеологічні новоутворення, періодичні видання.

Функционирование фразеологизмов в художественных текстах (на материале текстов круга детского чтения)

Практическое использование фразеологических единиц происходит в процессе их регулярного воспроизведения в речи. Анализ функционирования фразеологизмов обнаруживает широкие возможности их использования в литературных текстах и разговорной речи. В статье рассматривается важная особенность функционирования фразеологизмов: их способность, в зависимости от коммуникативной ситуации и замысла говорящего, выполнять одновременно несколько функций.

Ключевые слова: фразеологизмы, функции фразеологизмов, текст, круг детского чтения.

Функциональное направление — одно из важнейших в современной лингвистике. Оно призвано отвечать на вопросы: каковы цели использования тех или иных языковых единиц и как функционируют языковые единицы в языке и речи? Функционирование фразеологических единиц в коммуникативном аспекте изучали А. М. Эмирова, Ю. А. Гвоздарев, А. В. Кунин, В. Г. Гак, В. Н. Телия, О. В. Гаврин, Е. А. Добрыднева, И. И. Чернышева, А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко и др. По мнению исследователей, функции фразеологизмов находятся между собой в иерархических отношениях: одни из них являются основными, ведущими, другие — дополнительными.

В теории вопроса различают общеязыковые функции и речевые функции. Так, Ю. А. Гвоздарев к общеязыковым относит номинативную, сигнификативную (дифференцирующую), синтаксическую. Среди речевых функций учёный выделяет обобщающую, оценочно-характеризующую, экспрессивно-образную и стилеобразующую [3]. Так, сигнификативная функция фразеологизмов позволяет дифференцировать употребление единиц с общим значением в разных контекстах, например фразеологизмы со значением “мало”: *с гулькин нос, раз два и обчелся, капля в море* хотя и имеют общее значение, не могут употребляться в одних и тех же контекстах: единицы *с гулькин нос, раз два и обчелся* употребляются, когда речь идёт о конкретных, считаемых предметах, употребление фразеологизма *капля в море* более уместно, когда речь идёт о каких-либо отвлечённых понятиях.

А. М. Эмирова относит к языковым функцию сообщения и субфункции обозначения (номинативную), обобщения (сигнификативную), символическую, кумулятивную; а также эпифункции: прагматическую (экспрессивного воздействия, эмоционального воздействия, фатическую, эстетическую [11].

Конститутивная функция определяет природу языка, поэтому конститутивная функция есть функция коммуникативная. Субфункции представляют собой функции отдельных составных элементов языка, а эпифункции, по мнению учёного, характеризуют употребление языка в конкретной ситуации, поэтому трактуются как функции речи. “Соотносясь с элементами внеязыковой действительности и обозначая свойства, качества действия, состояния предметов и их отношения (номинативная функция), фразеологизмы тем самым сообщают результат гносеологической деятельности человека (сигнификативная функция), что позволяет им выполнять так называемую кумулятивную функцию — функцию фиксации и накопления в своем содержании общественно значимого опыта, информацию о постигнутой действительности” [10: 78]. Под символической функцией А. М. Эмирова понимает способность фразеологизмов именовать различные символы, символические действия, предметы и т. п. (*дамоклов меч, почивать на лаврах, камень на душе* и т. п.) [11].

Прагматическая функция проявляется в способности языкового знака выражать “отношение говорящего к действительности, к содержанию общения и к адресату речи” [5: 13]. С реализацией прагматической функции языкового знака непосредственно связан коннотативный компонент значения, содержащий экспрессивный, эмотивный, оценочный элементы. Система

нравственных и эстетических ценностей, психическое состояние человека, его чувства и эмоции отражаются в системе коннотаций, входящих в структуру фразеологического значения. А. М. Эмирова отмечает, что особой чертой фразеологических единиц является высокий прагматический потенциал, поскольку фразеологизмы не только обозначают и называют предметы действительности, но и одновременно являются средством выражения многообразных эмоциональных и оценочных отношений говорящего к тому, что происходит в его внутреннем мире или вне его [1:3]. Н. Ф. Алефиренко указывает, что “речевая коннотация — источник возникновения коннотации языковой. ... С точки зрения употребления знака, речевая коннотация — коммуникативно-значимая реализация языковой коннотации с тем или иным набором ее смысловых компонентов” [1: 206]. А. М. Мелерович справедливо отмечает, что “коннотацию следует рассматривать в единстве ее аспектов, находящих выражение в коннотативных семантических элементах..., как часть языкового знака, неразрывно связанного с его предметно-логическим содержанием” [8: 80]. Вопрос о структуре коннотации сложен и не имеет однозначной интерпретации. Некоторые ученые (И. А. Федосов, В. Н. Вакуров) отводят коннотативному компоненту ведущее место в структуре фразеологического значения, считая, что фразеологизмы служат лишь элементами выразительности, средством передачи эмоций в языке. Однако даже при такой высокой степени представленности коннотативного компонента в структуре значения фразеологизма ему обязательно присуща номинативная функция. Как справедливо отмечает А. В. Кунин, “сколь бы значительным ни был коннотативный элемент в значении фразеологизмов, он не отменяет их номинативную функцию, что убедительно доказывается тем, что коннотация не может существовать без связи с предметным содержанием” [6: 187]. Мы придерживаемся точки зрения на структуру коннотации как компонента фразеологического значения, состоящего из трех взаимосвязанных элементов — экспрессивного, эмотивного и оценочного. В связи с вышесказанным, функция фразеологических единиц, определяемая коннотативным компонентом их значения, обозначается различными исследователями по-разному: как прагматическая, эмотивная, экспрессивная. Понятие прагматики является более широким по отношению к понятиям эмотивности, экспрессивности, оценочности и включает в себя названные понятия, отражая весь спектр отношений, которые способна выражать единица языка. Однако в различных коммуникативных ситуациях фразеологизм может служить для выражения эмоций, экспрессии или оценки, поэтому в рамках прагматической функции в речи необходимо разделить эмотивную функцию, экспрессивную функцию и функцию оценки.

Экспрессивная функция заключается в создании с помощью образного значения фразеологизма настроения фразы, особой выразительности, силы проявления чувств, переживаний. В Лингвистическом энциклопедическом словаре понятие экспрессивности определяется широко: “это совокупность семантико-стилистических признаков единицы языка, которые обеспечивают её способность выступать в коммуникативном акте, как средство субъективного выражения отношения говорящего к содержанию или адресату речи” [7: 591]. Экспрессивность определяется учёными как особая степень выразительности. И. В. Арнольд предлагает следующее общее определение экспрессивности: “экспрессивность — это то, что передаёт смысл с увеличенной интенсивностью и имеет своим результатом эмоциональное и логическое усиление” [10: 62]. Одним из обязательных параметров понятия “экспрессивность” является интенция речевого воздействия на адресата и/или интенсивность самовыражения последнего. О. С. Ахманова определяет экспрессивность как “выразительно-изобразительные качества речи, отличающие её от обычной (или стилистически нейтральной) и придающие ей образность и эмоциональную окрашенность” [2: 524]. Таким образом, категория экспрессивности толкуется в разных источниках как широко, включая такие понятия, как эмоциональность и оценочность, так и узко, понимая под экспрессивностью особую выразительную силу. С точки зрения выполняемой фразеологизмами экспрессивной функции мы придерживаемся узкого понимания экспрессивности, как способности фразеологизма, благодаря образности фразеологического значения, придать речи особую выразительность.

Эмотивная функция проявляется в способности фразеологизма создавать эмоциональное насыщение речи, передавать чувства говорящего, широкую гамму эмоций субъекта.

Оценочная функция фразеологизма заключается в способности давать оценку номинируемому понятию. Оценочно-характеризующая функция отмечается многими исследователями

(Ю. А. Гвоздарев, А. И. Ефимов, Ф. А. Краснов, А. И. Олейникова, Е. Г. Сиверина, И. А. Федосов и другие). И. А. Федосов полагает, что основное назначение фразеологизма — выражать оценку, В. П. Жуков указывал на то, что “оценочное значение — составной элемент фразеологического значения” [4: 52]. Ю. А. Гвоздарев выделил в структуре оценочной функции два вида: 1) фразеологизм оценивает субъект или объект, указания на который нет в компонентном составе единицы, не содержится во внешней структуре фразеологизма, то есть оценочные семы содержатся только в структуре фразеологического значения (*ни рыба ни мясо, бить баклуши*); 2) фразеологизм включает в свою структуру компонент или компоненты, образно именуемые оцениваемый субъект, и содержит во фразеологическом значении коннотативный компонент, выражающий его оценку (*мокрая курица, умная голова, царь природы*).

Фатическая функция определяется как контактоустанавливающая, социативная функция. Примером использования данной функции может служить использование в речи фразеологических единиц речевого этикета (*добро пожаловать, будьте здоровы, милости просим* и др.).

Под эстетической функцией понимается использование фразеологизмов с целью вызывать у коммуникантов положительное эмоциональное состояние. Данная функция наиболее ярко проявляется в художественной речи, где фразеологизм способен реализовать весь свой потенциал выразительности.

Исследованию вопросов текстового функционирования фразеологических единиц посвящены исследования таких ученых, как Е. В. Падучева, А. Г. Ломов, М. А. Фокина, С. С. Кузнецова, Н. Г. Михальчук, А. М. Чепасова, Н. А. Семёнова, Е. А. Чернявская, Н. В. Воропаева, А. Э. Павлова, М. Р. Лившиц и др. Как указывает Н. А. Семенова, “несмотря на огромное количество работ по фразеологии, вопрос о функциях фразеологических оборотов до сих пор не решен...” [10: 73]. В тексте художественного произведения языковые единицы выполняют те же функции, что и в речи. Как отмечает Е. В. Падучева, “целостность структуры и композиция художественного текста обеспечивается, в конечном счете, единством стоящего за ним сознания”, “текст неотделим от своего создателя, говорящего” [9: 200, 217]. Исследования текстового функционирования фразеологических единиц позволили, помимо названных выше функций, выявить следующие: 1) апеллятивная функция заключается в обращении к адресату, воздействию на него. Руководствуясь этой функцией, автор передает читателю особую логику развития событий, настраивает на этические, нравственные оценки. Выбор фразеологических единиц и способ их включения в текст предполагает достижение мысленно прогнозируемого результата: формирования у адресата определенного мнения; 2) характерологическая функция (функция речевой характеристики персонажей). Фразеологизмы могут характеризовать персонажей с точки зрения автора или являться средством речевой характеристики говорящего с социально-исторической позиции, как представителя социально-культурного типа, со стороны рода занятий, образа жизни и т. д.; 3) функция лаконизации речи заключается в способности фразеологизма давать четкие, отражающие сущность реалии именованная, создавать образ обозначенной реалии, избегая при этом пространных описаний.

Функционирование фразеологизмов в языке и речи тесно связано с их семантической структурой. Существуют определённые закономерности функционирования в текстах фразеологических единиц различной категориальной семантики. Так, фразеологизмы со значением **признака** номинируют признаки, качества предметов или явлений, лиц или отвлеченных понятий: *грош цена* — “ненужный; неважный, ничего не стоящий”, *как бритва* — “очень острый”, *пальцы (пальчики) оближешь* — “очень вкусный”. Большое количество ФЕ называют различные состояния: *сам не свой* — “взволнованный, возбужденный, встревоженный”; *света не видать* — “темно, ничего не видно”; *хоть в петлю полезай* — “очень плохо”; *хоть трава не расти* — “всё равно; безразлично”; *в (своём) уме 1* — “нормальный”; *всё равно 1* — “одинаков(-ый), безразличн(-ый), несущественн(-ый)” и др.

Наряду с основной, номинативной функцией, признаковые фразеологизмы способны одновременно выполнять в текстах и другие функции:

— оценочную: *Умный хозяин сам поймёт, а если без царя в голове* — зря слова изведёшь. Н. Грибачёв. *А у князя женка есть, Что не можно глаз отвести: Днём свет божий затмевает Ночью землю освещает; Месяц по косой блестит, А во лбу звезда горит. А. С. Пушкин. — Удивительно умная голова наша лягушка, — говорили они. — Даже между утками мало таких найдётся. В. М. Гаршин;*

— експресивную: *Весне и горя мало: Умылася в снегу И лишь румяней стала Наперекор врагу. Ф. И. Тютчев. И пошла плясать улица и ухать, пошло такое...— этого и сказать нельзя. И. С. Шмелёв. “Приезжай, милый дедушка, — продолжал Ванька, — Христом Богом тебя молю, возьми меня отседа. Пожалей ты меня, сироту несчастную, а то меня все колотят и кушать страсть хочется, а скука такая, что и сказать нельзя, всё плачу”. А. П. Чехов. Он долго возился, сопел и кряхтел, зато, когда всё было сделано, на заплатку было любо взглянуть. Н. Н. Носов. “Заплата”;*

— характерологическую: *Я даже видел то вчера: Что Климыч на руку нечист, все это знают; Про взятки Климычу читают, А он украдкою кивает на Петра. И. А. Крылов. Я, Миша, страх как на подъём тяжёл! Н. И. Сладков;*

— стилеобразующую: *Святогор конь да будто лютый зверь, у богатыря плечи да во косу сажень. “Илья Муромец и Святогор”. Былина. На руках трое детей... Дети мал мала меньше — остаются дома одни, то и дело хворают. Л. Пантелеев. “Честное слово”. Едет пахарь с сохой, едет — песню поет; По плечу молодцу всё тяжёлое... И. С. Никитин;*

— эстетическую: *Красны, ясны и тихи стояли короткие зимние дни, похожие, как две капли воды, один на другой. С. Т. Аксаков. “Очерк зимнего дня”. Первый снег очень к лицу земле... К. Г. Паустовский. “Прощание с летом”. А в лесу Мороз кружева развесил. Ни пером описать, ни в сказке сказать... И. Соколов-Микитов. “Беляк”;*

— фатическую: *Совершенно верно, — сказал король. — К вашим услугам. Кир Булычев. “Консилиум”;*

— функцию лаконизации речи: фразеологизмы *точь-в-точь, тут как тут, легок на помине, не тот* и др. позволяют кратко и точно передать своеобразие качества, признака объекта: *Серый волк перевернулся через голову и сделался точь-в-точь Еленой Прекрасной. Русская нар. сказка “Иван-царевич и серый волк”. Яшка тут как тут: сидит на коленях, и ждёт, — ёрзает, тянется. Б. С. Житков. “Про обезьянку”. С шумом, конечно, заявили; Медвежонок ревёт, Собачонок лает, Котёнок мяукает! Легки на помине! В. Медведев. “Как Воробьёнок придумал голосами меняться и что из этого вышло”. Малька была легка на помине. Я видел, как она подбежала к воде, сунулась туда-сюда. В. И. Белов. “Ещё про Мальку”. Снег теперь уже не тот, — Потемнел он в поле. С. Я. Маршак. “Двенадцать месяцев”.*

Перечисленные выше функции фразеологизмы выполняют в речи не изолированно, а в комплексе, в различных комбинациях друг с другом. Таким образом, для фразеологизмов номинативных классов первичной является номинативная функция, при этом анализ функционирования названных единиц показывает, что для большинства из них характерен синкретизм нескольких функций.

1. Алефиренко Н. Ф., Золотых Л. Г. Проблемы фразеологического значения и смысла (в аспекте межуровневого взаимодействия): Монография. 2-е изд., испр. и доп. — Астрахань: ИД Астраханский университет, 2004. — 296 с.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. — М.: Сов. Энциклопедия, 1976. — 648 с.
3. Гвоздарев Ю. А. Основы русского фразообразования. — Ростов-н/Д: РГУ, 1977. — 184 с.
4. Жуков В. П. Семантика фразеологических оборотов: Учеб. пособие. — М.: Просвещение, 1978. — 160 с.
5. Зимин В. И. Оценка и эмотивность как основные прагматические компоненты фразеологических единиц. // Фразеология — 2000: Материалы Всеросс. науч. конф. — Тула: Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2000. — С. 13–14.
6. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. — М.: Высш. шк.; Дубна: Феникс, 1996. — 138 с.
7. Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Сов. энциклопедия, 1990. — 600 с.
8. Мелерович А. М. Проблема семантического анализа фразеологических единиц современного русского языка. — Ярославль: ЯрГПИ, 1979. — 79 с.
9. Падучева Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; семантика нарратива). — М., 1996. — 224 с.
10. Семёнова Н. А. Фразеология и её функции в романе Ф. М. Достоевского “Преступление и наказание”: Дисс... канд. филол. наук. — М., 2004—347с.
11. Эмирова А. М. Русская фразеология в коммуникативном аспекте. — Ташкент: Изд-во ФАН, 1988. — 92 с.

E. E. Petrenko

FUNCTIONING OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE TEXTS FOR CHILDREN

The practical use of phraseological units occurs in the process of their regular reproducing in speech. The analysis of phraseological units' functioning shows the opportunities of the use in the literary texts and conversational speech. The important peculiarity of functioning of phraseological units is analyzed in the article. Their ability to perform several functions simultaneously depending on communicative situation and the idea of the speaker is shown here.

Key words: phraseological units, functioning of phraseological units, text, the texts for children.

О. Є. Петренко

ФУНКЦІОНУВАННЯ ФРАЗЕОЛОГІЗМІВ У ХУДОЖНІХ ТЕКСТАХ (НА МАТЕРІАЛІ ТЕКСТІВ ДЛЯ ДИТЯЧОГО ЧИТАННЯ)

Практичне використання фразеологічних одиниць відбувається у процесі їх регулярного відтворення в мовленні. Аналіз функціонування фразеологізмів відкриває широкі можливості їх використання в літературних текстах і розмовному мовленні. У статті розглянуто важливу особливість функціонування фразеологізмів: їхню здатність, залежно від комунікативної ситуації та задуму мовця, виконувати водночас декілька функцій.

Ключові слова: фразеологізми, функції фразеологізмів, текст, дитяче читання.

Роль субъектно-объектных детерминантов в модально-номинативном плане выражения

Статья посвящена описанию субъектно-объектных детерминантов в семантическом аспекте: определению их роли при модусно/диктумном членении высказывания.

Ключевые слова: детерминант, субъектно-объектная детерминантная структура, модально-номинативный аспект, модусно/диктумное членение высказывания.

Специфика предложения как основной синтаксической единицы проявляется в совокупности обязательных субъективных значений, в которых реализуется коммуникативное намерение, передается отношение говорящего к отображаемому в предложении фрагменту действительности. Говорящий прежде всего актуализирует передаваемое в предложении объективное содержание, то есть “привязывает” его к ситуации речи, а также наполняет предложение другими обязательными субъективными значениями.

В определении информативно-референтного содержания предложения необходимо учитывать роль субъективно-прагматических факторов, связанных с личностью говорящего. Именно “через коммуникативно-прагматические интенции говорящего на обобщенное представление актуального объекта речи проектируется значение идентификации или характеристики этого объекта со стороны говорящего” [1: 3]. Таким образом, в содержании предложения формируются два плана выражения: номинативно-репрезентативный (диктумный) и модально-коммуникативный (модусный), — которые имеют в языке разные, но в то же время соотносимые способы выражения. Считаем целесообразным обозначить модусно/диктумное членение высказывания как модально-номинативный аспект.

Анализ модуса и диктума в структуре предложения “дает возможность глубже познать своеобразие их системной организации, определить особенности грамматической семантики, потенциальные, функциональные и стилистические возможности” [1: 5].

В лингвистической интерпретации термин “модус” претерпел много изменений, сам Ш. Балли четко не определил суть этого понятия, но его структуру ограничил двумя компонентами — модальным глаголом (мысли, волеизъявления, чувственного восприятия) и модальным субъектом [2: 41]. Это привело к противоречивым толкованиям данного термина. Так, в концепциях Н. Д. Арутюновой и Т. Б. Алисовой модус употребляется для обозначения субъективно-модальных или модально-оценочных значений [3; 4]. О. В. Трунова, отталкиваясь от значения слова “модус” в латинском языке, считает его прежде всего способом введения модальности в предложение [5]. Интересна интерпретация модуса Е. Бенвенистом. Согласно его концепции, весь комплекс субъективных отношений отраженного в предложении явления к действительности определяют как модус [6].

Т. В. Шмелева трактует модус как “комплекс таких субъективных значений, которые и может и должен выразить говорящий, вступая в тот или иной способ общения и становясь автором высказываний, построенных по законам данного языка [7: 78–100].

Большинство исследователей считает, что понятие модуса объединяет достаточно большой круг значений, общей чертой которых является субъективность: в центре внимания говорящий и его отношение к тому, о чем идет речь в предложении.

В основе выражения диктума лежит содержательная близость соотносительных форм при отличиях способа номинации, структурирования содержания. При этом очень важно учитывать коммуникативно-прагматические интенции говорящего, помня о том, что значение языковой

единицы, “знаковая информация” складывается “из содержательных, стилистических, экспрессивных и конфигуративных признаков” [8: 143].

Отношения диктума в предложении устанавливаются в результате вариативной языковой семантической интерпретации понятийных категорий (референтов). Отсюда “диктум формирует информативно-референтное содержание предложения и является конструктивным носителем объективных значений, отражением объективной действительности” [1: 123].

В языкознании диктумом чаще всего называют ту часть предложения, которая передает основное содержание сообщения [2; 9; 4].

Синтаксическое разграничение модуса и диктума предложила Н. Д. Арутюнова. Анализируя предложение *Думаю, что уже поздно*, она отмечает, что его главная часть составляет модус, а придаточная — диктум [9: 45]. Диктум определенным образом относится к действительности, то есть содержит в себе некоторую модальность, которую чаще всего называют объективной [10: 58].

М. И. Черемисина и Т. О. Колосова определяют диктум “как основное сообщение, референтом которого является состояние дел в той реальности, которая выражается в речи” [11, 35].

Исследуя семантико-синтаксическую структуру предложения в современном украинском языке, А. П. Загнитко считает, что диктум — это номинативный аспект предложения [12, 283].

Семантико-синтаксические категории диктума неоднородны по своей природе. Их разделяют на две группы: предикатные категории диктума и субстанциальные категории диктума. Субстанциальные категории “передают значение реальной предметности. Они выделяются на основе субстанциальных семантико-синтаксических отношений, которые указывают на отношение субстанциальных синтаксем к соответствующему классу предикатов” [1, 168].

Высказывания, содержащие эксплицитные модусные категории, по мнению Н. И. Большаковой, целесообразно делить по семантике и синтаксической структуре на конструкции *de re* и *de dicto*. В конструкциях *de re* нет явного разделения высказывания на модусную и диктумную части [13]. Высказывания структуры *de dicto* представляют собой конструкции “модус — диктум”, в которых эксплицитный модус выступает самостоятельно и присоединяет к себе диктум.

Цель данной статьи — определение роли субъектно-объектных детерминантов в составе данных конструкций.

I. Субъектно-объектные детерминанты в составе конструкции *de re*:

Мне очень нравился север (К. Паустовский); Матери понравилась работа сына (А. Гончар); Их дипломатическая изощренность Коновалову даже немного нравилась своей кажущейся безобидностью (В. Владимиров); Мне чрезвычайно понравилась картина Пластова и очень не понравилась картина Лактионова (М. Алигер); Мне вовсе не безоговорочно понравилась пьеса Светлова (М. Алигер); До сих пор я не знала Эренбурга-поэта, а когда много позднее прочла стихи его молодости, они скорее не понравились мне (М. Алигер); Ему очень понравилась эта цифра (К. Паустовский); Сергею сразу понравились ее глаза (В. Балязин).

II. Субъектно-объектные детерминанты в составе конструкции *de dicto*:

1. В составе модусной части:

Внезапно Коновалову стало стыдно за себя — какой все-таки несносный он и высокомерный: только себя полагает хранителем истины (В. Владимиров); Мне стало легче жить на этом свете (К. Паустовский); Ему было определено удобно иметь такую благообразную, благопристойную, заурядную внешность (М. Алигер); И смотреть ему в глаза мне было трудно (М. Алигер); Весело мне знать, что оба мы вышли из лесу, шутя, или появились из сугроба, или возникли из дождя (Л. Васильева); Мне всегда было любопытно, как Корней Иванович прочтет то или иное произведение (М. Алигер); Мне любопытно было вернуться к молодому нашему спору, и я рада и сегодня почувствовать в нем нечто живое, горячее (М. Алигер); Но мне нравится заниматься домашними делами (А. Гончар); Мне очень больно, что со статьей о Чехове я поступил не по-чеховски (М. Алигер); Мне нравилось разбивать лед, доставать эти замерзшие листья и приносить их домой (К. Паустовский); Мне так хочется хоть чем-нибудь помочь вам (М. Алигер); Мне еще хочется видеть переливы этих красок (М. Алигер); Мне хочется плакать от этого звука и тихо смеяться в ответ, и в пропасть зовет меня сладкая мука, которой названия нет (Л. Васильева).

2. В составе диктумной части:

Кажется, где-то у нас осталась банка крабов (М. Алигер); Я знаю, что у женщин сейчас много проблем (Н. Федорова); Мы очень хотим вас опубликовать, поэтому у нас должно быть много сти-

хов, много возможностей (М. Алигер); **Конечно**, есть у нас упущения (В. Владимиров); **По правде говоря**, прятать-то было нечего, и ему надоело ловить на себе сочувствующие взгляды (В. Владимиров); **Понимаю**, нам сейчас не о Достоевском думать (В. Владимиров); **Я думала**, это наша заслуга, что дело для нас — прежде всего (В. Астафьев); **Я знал**, что у Корнеева есть только фамилия (В. Владимиров); **Слава богу**, и демократия у нас в почете, и гласность не в загоне (В. Балязин); **Конечно**, у нас были написаны за эти годы хорошие и даже отличные стихи (М. Алигер); **К сожалению**, к 35 годам у меня появился достаточный жизненный опыт, который не всегда складывался из приятных собственных переживаний (В. Балязин).

Как следует из анализа представленного материала, субъектно-объектные детерминанты активно функционируют в предложениях, которые являются и конструкциями *de dicto*, и конструкциями *de re*.

На современном этапе развития синтаксической науки субъект квалифицируют преимущественно как семантико-синтаксическую единицу предложения (компонент семантико-синтаксической структуры предложения). Он играет важную роль в содержательной организации предложения. Его основная собственно семантическая (связанная с внеязыковым миром) функция — идентифицировать предмет действительности, о котором идет речь [14: 497].

Субъектная синтаксема является необходимым компонентом семантико-синтаксической структуры простого предложения. Она вместе с предикатом формирует все типы предложений. Субъектная синтаксема имеет разнообразные формы выражения и может выступать как в роли зависимого компонента словосочетания, так и в роли детерминанта.

В конструкциях *de re* и *de dicto* при употреблении детерминанта в модусной части высказывания субъектно-объектный детерминант играет роль субъекта, который конкретизирует деятеля предикативного признака и участвует в формировании семантико-синтаксической структуры определенного типа предложения. В структуре же *de dicto*, когда субъектно-объектный детерминант функционирует в ее диктумной части, он выступает в качестве субстанциальной категории диктума.

1. Шинкарук В. Д. Категорії модусу і диктуму у структурі речення. — Чернівці: Рута, 2002.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. — М.: Изд-во иностр. лит., 1955.
3. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. — М.: Наука, 1976.
4. Алисова Т. Б. Дополнительные отношения модуса и диктума // Вопросы языкознания. — 1971. — № 1. — С. 54–64.
5. Трунова О. В. Природа и языковой статус категории модальности. — Барнаул-Новосибирск, 1991.
6. Бенвенист Э. Общая лингвистика. — М.: Прогресс, 1974.
7. Шмелёва Т. В. Смысловая организация предложения и проблема модальности // Актуальные проблемы русского синтаксиса. — М.: Изд-во МГУ, 1984. — С. 78–100.
8. Селиверстова О. Н. Об объекте лингвистической семантики и адекватности её описания // Принципы и методы семантических исследований. — М.: Наука, 1976. — С. 119–146.
9. Арутюнова Н. Д. Синтаксис // Общее языкознание. Внутренняя структура языка. — М.: Наука, 1972.
10. Бондарко А. В. Теория морфологических категорий. — Л.: Наука, 1976.
11. Черемисина М. И., Колосова Т. А. Очерки по теории сложного предложения. — Новосибирск: Наука, 1987.
12. Загнітко А. П. Теоретична граматика української мови: Синтаксис: Монографія. — Донецьк: ДонНУ, 2001.
13. Большакова Н. И. Языковое оформление модусных категорий (на материале переписки М. Цветаевой и Б. Пастернака): Дисс...канд. филол. наук: 10.02.01 / Киевский государственный педагогический институт им. М. П. Драгоманова. — К., 1993.
14. Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1990.

О. В. Гейна

РОЛЬ СУБ'ЄКТНО-ОБ'ЄКТНИХ ДЕТЕРМІНАНТІВ У МОДАЛЬНО-НОМІНАТИВНОМУ ПЛАНІ ВИРАЖЕННЯ

Статтю присвячено опису суб'єктно-об'єктних детермінантів у семантичному аспекті: визначенню їх ролі при модусно/диктумному членуванні висловлювання.

Ключові слова: детермінант, суб'єктно-об'єктна детермінантна конструкція, модально-номінативний аспект, модусно-диктумне членування висловлювання.

O. V. Geyna

THE ROLE OF SUBJECT-OBJECT DETERMINANTS IN MODUS AND DICTUM PARSING OF THE UTTERANCE

The article is dedicated to the semantic analysis of subject-object determinants: their role in modus and dictum parsing of the utterance.

Key words: determinant, subject-objective determining structure, modus and dictum parsing of the utterance.

УДК 81'255.4/2:659.1.01:504

Н. И. Жабо

Лингвостилистические особенности рекламных текстов экологической тематики

Исследование посвящено анализу лексических процессов, лежащих в основе создания образных единиц экологической тематики текстов рекламного и научно-публицистического стиля, в частности, ресемантизации, а также приёмов перевода терминов такого рода.

Ключевые слова: лингвостилистика, рекламный текст, тематическая группа *экология*.

Актуальность работы обусловлена возросшим интересом к способам анализа внутренней формы слова, позволяющим переводчику-практику оптимизировать принятие переводческих решений при переводе.

В основе классификации видов рекламы могут лежать различные критерии: 1) цель текста; 2) средства рекламы; 3) реципиент рекламы (таргет-аудитория); 4) вид психологического воздействия (информативная реклама; увещательная реклама; напоминающая реклама) [5] и т. д. Авторы рекламных текстов используют совокупность представлений о мире, заключенную в значениях слов и выражений и таким образом воздействующую на получателя текста через посредство единой системы взглядов или предписаний, чаще всего неосознаваемых, но обязательных для носителей языка данной культуры [4].

Основной целью рекламных текстов по экостроительству, которые мы анализируем в статье, является информирование покупателя о том, что определённый товар (мы выбрали тему “дом с нулевыми энергозатратами”) существует, его нужно купить, а главный аргумент в пользу приобретения именно этого товара — то, что покупатель не пожалеет о покупке. Затруднения при переводе терминов экологической тематики в таких текстах возникают, главным образом, по причине интерпретации слова как репрезентанта разных терминосистем [1], то есть омонимии знака научного языка; из-за присвоения общеупотребительной лексической или фразеологической единице терминологического статуса; а также в связи с “прозрачностью” внутренней формы термина [7].

Нулевой дом — один из частотных элементов современной экологической терминологии, обозначающий жильё, использующее новые виды источников энергии, благодаря чему влияние на окружающую среду, потребление расходных средств и ущерб окружающей среде сводятся к минимуму. Такие дома обсуждаются и на русском языке как в научных дискуссиях, так и в рекламных материалах; бывает, что при переводе применяется калька *нулевой дом*, часто поставленная в кавычки.

Обозначение жилья, продуцирующего почти столько же электроэнергии, сколько и потребляющего, в английском языке введено в обиход несколько лет назад. *Zero house* подразумевает, прежде всего, малое негативное влияние содержания построенного таким образом дома на окружающую среду. Дом полностью обеспечивает собственные нужды в энергии, а выбросы углекислого газа сведены к нулю.

Переводческий анализ французских и русских переводов нового понятия *zero house* позволяет говорить о разной степени сформированности в этих языках самого понятия, являющегося

в наше время составляющей единого информационного пространства. Во французском языке принят приём эксплицирования [9], при этом вводятся дополнительные единицы, указывающие либо на количество выброса углекислого газа (*maison zéro carbone*), либо на расход энергии (*maison zéro énergie* или *maison à énergie zéro*). В русском языке слово *нулевой* включено во многие терминосистемы (*нулевая точка; нулевой цикл строительства; нулевая сварка профиля; нулевой провод; нулевая декларация; нулевой отчет*); русские журналисты широко используют слово *нулевой* в метафорических значениях: *нулевые годы; нулевые чтения в Думе; новости нулевого дня форума*. В смысле экономии затрат это слово стало применяться в сельском хозяйстве (*хозяйствование по нулевой технологии*). Переводчики всё же стремятся избежать отрицательных коннотаций слова *нулевой* (*нулевой сервис; нулевой уровень знаний*), поэтому для *zero house* ищут не кальку, а смысловые эквиваленты: *эко-дом; зелёный дом*.

В текстах переводов мы обнаружили более десяти синонимов, некоторые из них образованы способом амплификации: *дом нулевой энергии; нулевой эко-дом; дом нулевого энергопотребления; энергосберегающие дома; экологический дом; “энергетическая башня”; энергоэффективный дом; здания с нулевым балансом энергии; экологическое энергетически-эффективное здание*.

Однако в контексте обсуждения преимуществ такого дома, в конце концов, происходит переосмысление слова *нулевой*, появляется новое значение этого эпитета, словосочетание *нулевой дом* закрепляется как нейтральный экологический термин со сложным содержанием, раскрывающимся в тексте.

В отличие от большинства лексических единиц, термины обозначают точно определённые понятия, предметы, явления; терминосистема стремится к созданию набора однозначных единиц, лишённых синонимов и не имеющих коннотативных значений: в научном стиле независимо от контекста термин переводится полным и абсолютным термином-эквивалентом. В нашем случае нарушаются все эти условия. Рекламный текст придаёт коннотативные значения терминам экологии, добавляя аффективно-оценочные компоненты: *нулевой дом — это хороший дом!*

Важную роль в понимании термина (в том числе и экологического) и процессов терминообразования играет понимание такого процесса, как образование значения слова способом метафоры. В настоящее время метафора стала интерпретироваться на основе когнитивного или когнитивно-семантического подходов: рассматриваются прежде всего собственно языковые механизмы, то есть план выражения, и анализируются глубинные, концептуальные (ментальные) механизмы порождения, то есть план содержания [8]. Когнитивистика рассматривает метафору как основную ментальную операцию, как способ познания, структурирования, оценки и объяснения мира [6].

Метафорическое переосмысление отражает средствами языка познавательный процесс получения новой информации, основанный на сравнении. Понятие, входя в сознание человека, образует ассоциации, результатом становится появление концепта. Метафора рассматривается как вербализованный способ постижения мира, то есть универсальный познавательный механизм. Коммуникативный аспект изучения научной метафоры позволяет рассматривать её с точки зрения адекватности задач самой коммуникации. Метафора как средство выражения специального понятия облегчает передачу знания. Ассоциируя специальное понятие с чем-то уже известным, человек осознаёт понятие через образ, создаёт собственную стратегию его постижения, поскольку научная коммуникация — это диалог, в котором мы понимаем новое благодаря обсуждению его параметров [3]. В. Г. Так писал: “И в обыденной, и в художественной речи люди очень часто прибегают к косвенным высказываниям. Их употребление основывается на пресуппозиции, на причинно-следственных знаниях, на общих знаниях людей. Речевое высказывание всегда опирается на общие знания говорящих, на общие законы мышления” [2: 16].

Амплификация, основанная на франкофонной пресуппозиции. Гренельские соглашения.

Некоторые элементы текста требуют особого вида осмысления фразы, основанного на анализе специфических семантических компонентов предложения, имеющих в данном контексте конкретное наполнение. В. Г. Так [2; 3], развивая позиции Е. В. Падучевой [6], вводил понятие прагматической пресуппозиции, пришедшее в лингвистику из философской логики (Г. Фреге, П. Ф. Стросон), в том случае, когда само собой подразумевается, что какое-то значение элемента предложения известно и автору текста, и слушателю. Вслед за В. Г. Таком мы можем найти в тексте рекламы эко-дома общую энциклопедическую пресуппозицию; франкофонную пре-

суппозицию, свойственную культуре Франции определенной эпохи; контекстуальную пресуппозицию.

Рассмотрим случай франкофонной пресуппозиции амплификации в текстах экологической тематики: *Le Grenelle de l'environnement. Tous les médias reviennent aujourd'hui sur l'information du jour : Nicolas Sarkozy et Alain Juppé ont reçu les ONG écologistes à l'Élysée pour discuter des modalités d'organisation d'une grande conférence sur l'environnement qui devrait avoir lieu dans la deuxième semaine d'octobre* (www.politique.net, 21.06.2007).

Как же переводится эта единица на русский?

Некоторые переводчики добавляют слово *форум* или *совещание*:

Le Grenelle de l'environnement a rendu ses conclusions après plus de 1000 heures de discussion et 53 réunions depuis juillet 2007.

После 53 совещаний и более чем 1000 часов обсуждений, начавшихся ещё в июле 2007 года, были опубликованы выводы Гренельского форума по защите окружающей среды.

Можно найти использование замены: *Очередные переговоры по вопросам экологии во Франции в ходе национальной конференции по защите окружающей среды "Гренель" прошли в июле 2007 года.*

Часто образуют кальку: *Гренель окружающей среды.*

Можно встретить опущение топонима в названии: *национальный форум / совещание / конференция по вопросам экологии.*

Проанализируем причины этих колебаний.

Из истории Парижа мы знаем, что топоним *Гренель (Grenelle)* — это название и бульвара, и улицы, и моста в столице Франции (по названию села, вошедшего в черту города в 1860 г.).

Чтобы передать прагматическое наполнение этой составной единицы в рекламном тексте об эко-доме, необходимо знать о событиях, произошедших в мае 1968 г. во Франции, о которых Робер Мерль написал знаменитый роман "За стеклом". События мая 1968 года начались в парижских университетах, конкретно, в университете Париж X — Нант, а затем и в самой Сорбонне. Движущей силой студентов были различного рода крайне левые идеи. И одним из самых известных лидеров этих волнений был 23-летний Даниэль Кон-Бендит [10; 11], до сих пор профессионально занимающийся политикой, депутат в Европарламенте с 1994 года, сопresident союза Verts/ALE (экологическое движение) Европарламента с 2002 г., выставивший свою кандидатуру в 2009 г. по списку партии *Europe Écologie* от Франции на европейских выборах. Помимо общего молодёжного протеста (самый знаменитый лозунг — "Запрещать запрещается"), это было время социального кризиса во Франции, вылившегося в демонстрации, массовые беспорядки и всеобщую забастовку, что привело, в конечном счете, к смене правительства, отставке президента Шарля де Голля и, в более широком смысле, к огромным изменениям во французском обществе.

Все завершилось так называемыми Гренельскими соглашениями 27 мая 1968 г., полное название которых *les accords de la rue de Grenelle* дают точный адрес Министерства труда Франции (127, rue de Grenelle, Paris, 7e). Там собрались политические деятели, чьи имена до сих пор хорошо известны любому французу: от правительства выступали Жорж Помпиду и Жак Ширак (оба позднее станут президентами Франции), от сообщества владельцев предприятий (патроната) и от профсоюзов трудящихся также выступали видные люди Франции (Жорж Сеги, Анри Красуски). Соглашения так и не были подписаны, но через три дня Де Голль распускает Национальную Ассамблею, назначаются выборы, на которых победят голлисты, и новая внутренняя политика руководства страны приводит страну к стабилизации.

События 1968 года не забыты во Франции, французы гордятся этой студенческой революцией, так резко изменившей политический и социальный климат Французской республики. В 2000-х годах это выражение поднято на щит для обозначения особого формата встреч правительственных и неправительственных организаций по какой-либо проблеме для усиления эффекта "больших ожиданий и будущих свершений". В языке средств массовой информации выражение является амплификацией и было лексикализовано посредством эллипсиса: *les accords de la rue de Grenelle* → *les accords de Grenelle* → *le Grenelle* (заметим, что во французском языке суффикс *-elle* — суффикс женского рода, то есть при обозначении данного формата встреч происходит конверсия с оформлением артиклем мужского рода, что, как представляется, должно быть следствием опущения слова мужского рода *forum, sommet, projet* и т. п.).

Состоялись следующие встречи: в 2001 г. — *le Grenelle de la santé* (о здравоохранении); в 2007 г.: *le Grenelle de l'environnement* (по защите окружающей среды), *le Grenelle de l'insertion* (по проблемам лиц, имеющих судимость), *le Grenelle de l'audiovisuel* (о телевидении), *le Grenelle de la formation* (по проблемам образования); *le Grenelle du très haut-débit* (по телефонной связи); в 2009 г. — *le Grenelle de la mer* (по проблемам морских ресурсов) и *le Grenelle des ondes* (по мобильной телефонной связи). Были приняты пакеты законодательных актов *Les lois Grenelle I, Grenelle II: un second projet de loi, dit "Grenelle II", détaillant les modalités d'application du Grenelle I; Un "Grenelle de la mer" a complété le dispositif* (AFP, 12.07.2009).

Гренельский форум, он же *Гренель окружающей среды* (*Grenelle Environnement* или, как его ещё называют, *Le Grenelle de l'environnement*), состоявшийся во Франции в октябре 2007 года, — это политические совещания, направленные на поиск решений долгосрочных вопросов, касающихся окружающей среды и устойчивого развития, в частности на восстановление биоразнообразия, создание зелёных зон, решение проблем экологии воды; разработку планов порегиональной экологической целостности, главной целью которых является сокращение выбросов парниковых газов в атмосферу и повышение энергоэффективности.

Таким образом, полная передача прагматического смысла этого словосочетания требует комментариев как исторического характера, так и политического: в нашем контексте мы выявили двойную пресуппозицию, понятную только французам, потому что, когда Николя Саркози ввел это название "*Grenelle de l'environnement*" с намёком, он как бы призвал к очередной революции, которая должна привести Францию к всеобщему переосмыслению ценностей: мы можем перефразировать лозунг "*Запретить запрещать!*" в "*Запретить загрязнять!*"

Для русского же читателя этот новый термин непонятен, и узнать о заключенных в нем смыслах русскому читателю невозможно, в самих французских текстах он понимается по умолчанию и никак не комментируется. Таким образом, прагматическая амплификация в русском тексте исчезает, потому что все заключенные в данном выражении смыслы неизвестны русским.

В интернет ресурсах присутствует даже написание слова Гренель через "и", то же и для производного: *Гринельский*. Ошибка кроется в неправильной семантизации корневой морфемы как английского green из-за безударности первого "е": английское слово green "зелёный" широко распространено, и его метафорическое значение известно практически всем, то есть произошли подмена семы и придание Гренельскому форуму оттенка экологической тематики:

В присутствии Президента Франции Николя Саркози компании Renault, EDF, GBH (Groupe Bernard Hayot), Total Réunion, GE Money и агентство GERRI подписали специальную декларацию о намерениях провести экспериментальный тест 50 электромобилей Renault на острове Реюньон совместно с испытанием и развитием инфраструктуры по зарядке батарей, которая будет основана в основном на возобновляемой энергии. Письмо о намерениях было подписано в Реюньоне 6-ю партнерами, указанными выше, под руководством Николя Саркози, ответственность возлагается на проект VERT (Electric Vehicle for a Technological Reunion), который является основной частью программы GERRI (Grenelle Environment Forum in Reunion — Succeeding in Innovation) — Гринельского форума по защите окружающей среде в Реюньоне. Это преуспевающая инициатива, специализирующаяся на природозащитных инновациях (AUTO-Consulting, 27.01.2010).

То есть термин, попав в русские средства массовой информации в третий раз прошел ресемантизацию, но при этом задуманная Саркози амплификация французского термина исчезла.

Экологическое просвещение потребителей — дело узких специалистов: строителей экодомов, специалистов по энергосетям, специалистов по проведению особых ресурсосберегающих видов канализации и водоснабжения. Совместная разработка и внедрение новых экологических и строительных технологий и методик является одним из важнейших аспектов решения проблем окружающей среды и эко-строительства. Мы считаем, что потребность в переводах рекламных текстов экологической и строительной тематик растет, при этом цель переводчика заключается в преодолении трудностей, связанных со спецификой таких текстов.

Выбор приёмов адекватной передачи терминологических единиц такого текста в особом окружении лексики рекламного и научно-публицистического стиля определяется прагматической целью: вызвать у потребителя желание жить в гармонии с окружающей средой.

В этих целях были проанализированы переводческие трансформации лексического, грамматического и стилистического характера, применяемые при переводе единиц текста эколого-строительной тематики, что позволяет сделать следующие выводы:

1. Авторы текста на экологическую тематику не обязательно имеют узкоспециальную профессию учёного, ими могут быть чиновники государственного аппарата и журналисты, берущиеся донести идеи экологических исследований до массового читателя; большое количество современных текстов на экологическую тематику написаны в рекламных целях. Специфика такого текста предполагает ориентацию на читателя, не являющегося профессионалом в области науки.

2. Метафоричность мышления — характерная особенность, присущая французам при создании новых терминов экологической тематики; целью подобных текстов является привлечение общественности и правительственных кругов к важному научному вопросу или проблеме.

3. Некоторые важные термины создаются с помощью амплификации, основанной на пресуппозиции данной культуры и времени, и при переводе таких единиц может происходить ресемантизация формы.

1. *Валеева Н. Г.* Введение в переводоведение. Жанрово-стилистическая характеристика научных текстов. — М.: Изд-во РУДН, 2006. — 124 с.
2. *Гак В. Г.* Сравнительная типология французского и русского языков. — М.: УРСС, 2003. — 453 с.
3. *Гак В. Г.* Теоретическая грамматика французского языка. — М.: Добросвет, 2000. — 832 с.
4. *Корнилов О. А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. — М.: ЧеРо, 2003. — 367 с.
5. *Кузнецов В. Г.* Функциональные стили современного французского языка. — М. Высшая школа, 1991. — С. 13–27.
6. *Падучева Е. В.* Пресуппозиция // Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: БСЭ, 1990 — С. 396.
7. *Телия В. Н.* Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. — М, Изд-во МГУ, 1988. — С. 302–312.
8. *Чернышёва И. Б.* Единое информационное пространство как фактор ресемантизации терминов политического дискурса // III международная конференция по переводоведению “Федоровские чтения-2006”. — СПб.: СПбГУ, 2007. — С. 327–339.
9. *Щетинкин В. Е.* Пособие по переводу с французского языка на русский — М.: Просвещение, 1987. — 115 с.
10. *Arius, Paul et Leray, Florence.* Cohn-Bendit, l'imposture, Max Milo, 2010.
11. *Cazi, Emeline.* Le vrai Cohn-Bendit, Editeur Plon, 2010.

Использованные электронные ресурсы

<http://www.politique.net/2007052103>
www.actionspace.ru/services/consulting/selfsupporting/
www.autoconsulting.com.ua/article.php?sid=15358
www.cityprice.fr/dico_construc.php
[47117-green_and_sustainable_buildings.html#7570321](http://www.cityprice.fr/dico_construc.php)

N. I. Zhabo

ADVERTISING LANGUAGE OF TEXTS ON ENVIRONMENTAL TOPICS

The study is focused on the analysis of lexical processes bringing to formation of figurative name units in advertising and scientific-journalistic style of texts on environmental topics, in particular, the resemantization as well as translation methods.

Key words: linguo-stylistics, advertising texts, environmental topics.

Н. І. Жабо

ЛІНГВІСТИЧНІ ОСОБЛИВОСТІ РЕКЛАМНИХ ТЕКСТІВ ЕКОЛОГІЧНОЇ ТЕМАТИКИ

Дослідження присвячено аналізу лексичних процесів, що лежать в основі творення образних одиниць екологічної тематики текстів рекламного та науково-публіцистичного стилю, зокрема ресемантизації, а також прийомів перекладу термінів такого роду.

Ключові слова: лінгвостилістика, рекламний текст, тематична група *екологія*.

Л. В. Добровольская, Н. Г. Иванова, Л. Г. Кириченко

Научный стиль речи: аутентичный текст как объект рецептивной текстуализации

В статье представлена характеристика аутентичного текста как объекта рецептивной текстуализации. Данная статья рассматривает некоторые положения системной организации и предъявления аутентичных текстов по специальности при изучении иностранного языка.

Ключевые слова: научный стиль речи, аутентичный текст, рецептивная текстуализация.

Текст как законченное, целостное, тематически и предметно однородное образование характеризуется коммуникативной направленностью. Аутентичным традиционно принято считать текст, который не был изначально приспособлен для учебных целей (Scarcella R., Oxford R. J.; Wallace C.; Nuttal C.; Nunan D.; Morrow K.; Harmer J.; Wilkins D. A.); текст, написанный для носителей языка носителями этого языка. Little, Devitt и Singleton под аутентичными текстами понимают тексты, произведённые для того, чтобы выполнить некий социальный заказ при изучении языка, не написанные специально для изучающих второй язык (образцы газетных или журнальных статей, радиопередачи, рекламные объявления) [4]. Несколько иная интерпретация понятия аутентичного текста встречается у С. В. Самарской, признающей аутентичным текст, обладающий лингводидактическими особенностями, отражающими специфику сферы делового общения [7]. С методической точки зрения, аутентичный текст обладает несомненными преимуществами по сравнению с единицами нижележащих уровней (предложение, абзац, сверхфразовое единство и др.) в плане возможностей развития у читателей коммуникативной компетенции в данном виде речевой деятельности, т.е. по мнению Е. В. Носоновича, “методически аутентичный текст представляет собой естественное речевое произведение, созданное (скорее, по нашему мнению, привлечённое) в методических целях” [6: 18].

Достоинства аутентичного текста определяются его природой и проистекают вследствие:

1) использования в рамках аутентичного текста ограниченного лексического инвентаря, обладающего известной повторяемостью и обеспечивающего тематическую и предметную неоднородность аутентичного текста. Для того, чтобы каждый этап в усвоении терминологической лексики проходил с максимальной эффективностью, необходимо “включать” у студентов механизм импринтинга, “когда в памяти образуется как бы ловушка для слова, благодаря чему оно и запечатлевается” [4];

2) возможности однозначной идентификации реципиентом необходимой семемы многозначных лексических единиц;

3) семантизация информации профессионального характера на уровне более высоком, чем лексический и грамматический. Это позволяет читателю опираться на всю аккумулятивную семантику предшествующего данной “точке снятия” текста отрезка речевого образования [8] или, по словам А. П. Загнитко, на “організуючий центр речення на логіко-семантичному і семантико-синтаксичному рівні” [2: 319];

4) естественного разворачивания различных синтаксических структур на базе определённого семантического содержания информации. Антиципация этих структур формирует стереотип восприятия синтаксических моделей, реальная последовательность которых существует в языке.

Анализ комплексных характеристик информационно-коммуникативных процессов, происходящих при чтении целого текста, даёт нам основание утверждать, что усвоенная читателем информация профессионального характера активизирует процесс антиципации в отношении семантики последующих профессионально-ориентированных речевых произведений; реконструируемые коммуникантом сведения, информативность которых объективна, стимулируют процесс продолжения чтения.

Аутентичный текст профессиональной направленности, будучи созданным носителем языка, обладает специфическими особенностями, проистекающими вследствие проявления двух

взаимоисключающих тенденций аранжировки текстового поля: экспансии и компрессии. Такой принцип построения любого специального текста в искомой области знаний позволяет автору аутентичного текста оптимальным образом оформить высказывание, обеспечить научность содержания, объективность и обоснованность, логичность развертывания мысли.

В данном случае речь идёт об обеспечении нормального протекания процесса рецептивной текстуализации — многоуровневого поликомпонентного процесса восприятия и дешифровки письменного кода, оценки и интерпретации сообщения автора с целью создания реципиентом-читателем собственной информации, особенно в профессиональной сфере.

Репрезентация смысла аутентичного материала претерпевает изменения вследствие взаимодействия с психикой носителя языка по трем основным параметрам: понятийно-концептуальному, лингвистическому и коммуникативно-прагматическому, при этом последний из названных выше параметров непосредственно обуславливается способом передачи нуцеллёзных образований: от центра к периферии или наоборот. Возможность возникновения несвойственных микротекстов может объясняться тем, что “слово хранит воспоминания о всех прошлых контекстах (словосочетаниях, предложениях), в которых оно участвовало, и несёт на себе тень всех будущих контекстов, в которых оно может участвовать согласно своей природе” [9: 15]. Не следует забывать о том, что условия — факторы предречевой ориентировки — должны быть заданы и сформулированы достаточно полно, конкретно, “чтобы вызвать у учащегося коммуникативное намерение, реализуемое в замысле высказывания” [9]. Традиционно среди факторов предречевой и предтекстовой ориентировки существенными признаются: социальные (социологические характеристики участников общения, общественный и социальный статус — пол, возраст, уровень образования, уровень информированности о предмете общения и др. и конкретные условия общения — место, время); психологические (психологический климат общения, эмоциональный настрой, состояние, особенности характеров партнеров и пр.); дидактико-методические (чёткая и конкретная формулировка коммуникативной задачи, предлагаемая учащемуся).

Несколько иначе выглядят коммуникативные задачи, связанные с учебно-профессиональной сферой общения, например: запросить информацию о том или ином факте (событии), о характере изучаемых объектов, их признаках, структуре, применении, использовании, функционировании; описать прибор (явление, методику исследования и пр.); прокомментировать устройство измерительного прибора (двигателя, аппарата), предложить иной вариант решения поставленной задачи, сделать вывод (заключение), подвести итог рассуждению и т. д.).

Анализ психофизиологических, психолингвистических и информационно-коммуникативных аспектов рецептивной текстуализации, протекающей в естественных условиях, показал, что для оптимизации деятельности чтения необходимо воссоздание в учебной аудитории эффекта “возвратного прочтения” (термин И. И. Бергмана [1: 99]) и формирование у обучаемых профессионального тезауруса как особого психолингвистического аппарата декодирования иноязычного кода представления профессиональной информации.

Разработанная нами методика обучения рецептивной текстуализации основывается на этих фундаментальных положениях. Предлагается блок заданий, в которых текст выступает как основа и материал фонетических, лексических и грамматических упражнений, а также информационно-коммуникативных упражнений различных типов. Последовательность выполнения заданий обучаемыми строго детерминирована, так как навыки более низкого порядка включаются в формируемые умения и навыки более высокого порядка по принципу “снежного кома”. Помимо традиционного способа представления заданий, используются тесты множественного выбора, а некоторые упражнения носят метрический характер, снабжены ключами и комментариями, что позволяет обучаемым осуществить самоконтроль и самокоррекцию деятельности чтения.

1. Бергман И. М. Эффект возвратного прочтения и экспериментальное исследование фразовой стереотипии // Вопросы психологии. — 1989. — № 2. — С. 98–106.
2. Загнітко А. П. Теоретична грамати́ка української мови: Морфологія: Монографія. — Донецьк, 1996.
3. Киян О. Н. Аутентичность как методическая категория в обучении иностранному языку. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://main.isuct.ru/files/konf/antropos/section/4/KIYAN.htm>
4. Леонтьев А. А., Китайгородская Г. А. Содержание и границы понятия “Интенсивное обучение”. — М., 1983.

5. Морковкин В. В. Семантика и сочетаемость слова // Сочетаемость слов и вопросы обучения русскому языку иностранцев. — М., 1989. — С. 5–15.
6. Носонович Е. В. Параметры аутентичного учебного текста // Иностранные языки в школе. — 1999. — № 1. — С. 14–21.
7. Самарская С. В. Особенности обучения деловому иностранному языку на фоне новых тенденций в развитии мировой экономики. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.t21.rgups.ru/doc2008/2/26.doc>
8. Скалкин В. Л. Основы обучения устной иноязычной речи. — М., 1981.
9. Шванцара Й. и др. Диагностика психического развития / Пер. с чешск. — М., 2002. — С. 43–47.

L. V. Dobrovolskaya, N. G. Ivanova, L. G. Kiritschenko

SCIENTIFIC STYLE OF THE SPEECH: AUTHENTIC TEXTS AS OBJECT OF RECEPTIVE TEXTUALIZATION

The article presents the characteristics of the authentic text as an object of receptive textualization. This article examines some theses of the system organization and presentation of authentic texts specializing in the study of the foreign language.

Key words: scientific style of speech, the authentic text, receptive textualization

Л. В. Добровольська, Н. Г. Іванова, Л. Г. Кириченко

НАУКОВИЙ СТИЛЬ МОВЛЕННЯ: АВТЕНТИЧНІ ТЕКСТИ ЯК ОБ'ЄКТ РЕЦЕПТИВНОЇ ТЕКСТУАЛІЗАЦІЇ

У статті представлено характеристику автентичного тексту як об'єкта рецептивної текстуалізації. Розглядаються деякі положення системної організації та пред'явлення автентичних текстів за фахом при вивченні іноземної мови.

Ключові слова: науковий стиль мовлення, автентичний текст, рецептивна текстуалізація.

УДК 81'38: 81'42

Т. Е. Лаевская

Лексико-синтаксические особенности жанра издательской аннотации к современным художественным произведениям

В данной работе рассматриваются особенности эволюции жанра издательской аннотации к современным художественным произведениям. Исследуются изменения данного жанра в области лексической и синтаксической организации репрезентирующих его текстов, соотношения стандартности и аномативности в системе средств языковой реализации современных издательских аннотаций. Выявляются основные тенденции развития данного жанра на современном этапе.

Ключевые слова: жанр, текст, дискурс, аннотация.

Введение

В современной речевой практике весьма активно идут процессы возникновения новых и модификации уже существующих жанров, размывания жанровых границ, расширение дискурсивных контактов различных жанров. Все эти факты, обусловленные динамическими процессами современного общества, могут рассматриваться в качестве основных проблем жанроведения.

На феномен эволюции различных речевых жанров обращают внимание не только специалисты в области речеведения, но и исследователи языка современной художественной литературы. Ср.: “Следует специально остановиться на такой черте современных художественных текстов, как жанровые модификации, вариации, стилизации. Практически все исследователи современ-

ной литературы, обращаясь к анализу отдельных произведений, пишут об их жанровой размытости, невозможности ясного отнесения текста к известным в литературе жанрам... Известно, что жанровое определение или признаки жанровой принадлежности, легко угадываемые в тексте, позволяют читателю определить (расширить, сузить, уточнить) собственный горизонт ожидания... Современные авторы заведомо разрушают это традиционное “предвкушение” текста. Происходит это сознательно или бессознательно, но писатели не стремятся сдерживать себя своеобразной жанровой уздой” [1].

Трансформации существующих жанровых форм связаны с изменением основных жанрообразующих признаков, таких, как наличие и особенности выражения авторского начала, цель сообщения, предметное содержание, стандартность / новационность средств выражения, объем и др., и могут приводить к изменениям в жанровой системе, к возникновению новых жанров.

В данном аспекте вторичные жанры, которые понимаются как тексты, созданные на базе других текстов и сохранившие их основное содержание, пока не привлекли к себе должного исследовательского интереса. Это можно объяснить тем, что вторичные жанры, на наш взгляд, в меньшей степени подвержены модификациям, несмотря на то, что их особенности обусловлены особенностями первичных (исходных) жанров. Структура большинства вторичных жанров в достаточной степени стандартизирована, что связано с их стремлением к информационной компрессии (реферат, резюме, конспект) и строгой функционально-целевой направленностью (в отзыве, например, основной является оценочная функция).

Вместе с тем некоторые вторичные тексты могут быть подвержены определенным изменениям наряду с текстами первичными. С этой точки зрения особый интерес представляет исследование жанра издательской аннотации к художественным произведениям, которая, с одной стороны, является типичным образцом вторичного жанра, так как напрямую зависит от исходного текста (художественного произведения), а с другой стороны, обладает некоторыми признаками самостоятельного художественного текста.

Цель данной работы — выявить особенности лексической и синтаксической организации текстов издательских аннотаций к современным художественным произведениям.

Результаты исследования

С нашей точки зрения, лексико-синтаксическая организация издательской аннотации связана с определенными модификациями наряду с целью сообщения, выражением авторского начала и др., несмотря на то, что указанный жанр зачастую рассматривается как один из наиболее клишированных, стандартизированных вторичных жанров.

Приведём некоторые формулировки, определения, требования к содержанию, построению и оформлению текстов аннотаций из Межгосударственного стандарта ГОСТ 7.9–95 (ИС 0214–76):

– Аннотация не должна повторять заглавие первоисточника, а наоборот, раскрыть его, конкретизировать. При составлении аннотации следует избегать избыточности информации, в частности ее повторения, лишних фраз, вводных слов и предложений, сложных придаточных предложений.

– Объем аннотации — 500 печатных знаков. Справочные (описательные) аннотации не должны превышать 800–1000 печатных знаков.

– В аннотации не используются ключевые фрагменты оригинала, а даются формулировки автора аннотации. Лексика аннотации отличается преобладанием имён над глаголами, абстрактных существительных над конкретными, относительной замкнутостью, однородностью лексического состава.

– Логичность изложения материала в тексте аннотации вызывает широкое употребление пассивных конструкций, безличных предложений с инфинитивом и предикативными наречиями на “-о”, с безличными глаголами или с личными в значении безличных.

– Выбор лексических средств и синтаксических конструкций должен способствовать достижению высокой степени лаконичности, обобщённости, точности и логичности подачи материала в тексте аннотации.

Исследование текстов издательских аннотаций позволяет выделить такие особенности лексической организации аннотаций к современным художественным произведениям, как функционально-стилистическое разнообразие употребляемой лексики, отступление от исполь-

зования клишированных элементов, обусловленность лексического “пространства” аннотации жанрово-тематическими особенностями первичного текста.

С нашей точки зрения, раскрепощение лексического состава данного жанра способствует не только корреляции текста аннотации и текста-первоисточника в аспекте содержания и жанрово-тематической принадлежности, но и определённому “копированию” стиля художественного произведения. Таким образом, текст аннотации может отражать обобщенный образ первичного текста, оправдывая потенциальные ожидания читателя в отношении специфики определенного жанра художественного произведения, его тематической отнесенности и даже индивидуального авторского стиля.

В качестве примера рассмотрим специфику лексической организации издательских аннотаций в аспекте ее взаимосвязи с отнесенностью первичного текста к той или иной жанрово-тематической разновидности.

Так, для аннотаций к любовным, любовно-авантюрным и любовно-историческим романам характерны лексемы с семантикой интимных чувств: любовь (любовный, любовник), счастье, страсть, сердце; характеристика внешности и возраста героев: юный (юная), красивый (красивая, красавица, красавец); слова со значением бытийности: жизнь, судьба, преграды: “*В романе современной американской писательницы К. Кэмп, впервые переведенном на русский язык, читатель знакомится с юной Мимисент Хэйз, посвятившей жизнь брату-калеке. Она не знает, что такое настоящая **страсть**, пока в ее городке не появляется **красивый незнакомец***” (Кэмп К. *Розовое дерево*. — Смоленск: Русич, 1994).

Большинство лексических элементов в данных аннотациях обладают дополнительной эмоционально-экспрессивной коннотацией, что создает возвышенный эмоциональный фон повествования: юная красавица вместо молодая красивая девушка, красивый незнакомец вместо красивый незнакомый человек, преграды вместо препятствия. Они могут входить в состав сочетаний, которые для таких аннотаций являются традиционными, клишированными: преодолеть преграды, счастье с любимым, юная красавица, посвятить жизнь, сложные взаимоотношения, разобратся в чувствах и др.

Аннотации к литературе ужасов и мистическим триллерам могут включать следующие лексико-семантические группы: негативные чувства (*страх, кошмар, ужас, боль*), наименования зла (*ад, тьма, зло, преисподняя*), негативные характеристики действительности (*садистские, жестокие, кровавые, чёрные*), обозначения противоборства (*битва, противостояние, борьба, одержать верх*). Для аннотаций к таким произведениям характерно употребление антонимов (*жизнь — смерть, реальный — ирреальный, мирный — злой*), которые подчёркивают в данных текстах противопоставление добра и зла: “*В мирном университетском городке поселилось **Зло**, и каждодневной нормой стали садистские оргии, жестокие убийства и черные мессы. Но и это еще не все — чем необратимее смыкается вокруг университета сеть кровавого кошмара, тем тоньше становится грань, отделяющая **реальный** мир от **ирреального**. И тогда открываются врата ада, и из предвечной тьмы выходят в общежития, аудитории и библиотеки порождения Ужаса, неся **гибель** всему живому...*” (Б. Литтл. *Университет*).

Употребление вышеуказанной лексики ориентировано на эмоционально-чувственную сферу потенциального читателя и способствует формированию в его сознании ожидаемого образа первичного текста.

Следует заметить, что определяющее значение для лексического пространства аннотации может иметь не только жанрово-тематическая принадлежность первичного текста, но и его стилистическая специфика. В качестве примера приведем аннотации к произведениям, написанным в жанре так называемого “городского фэнтези”:

“*Вампиры?! И воображение живо рисует эдакое inferнальное бледное существо с алыми губами и... Впрочем, коренной астраханец, художник-авангардист Дэн Титовский — не таков. Он — вампир энергетический и питается ‘серебряными чувствами доверчивых девушек’. Но, несмотря на длинный шлейф разбитых сердец, есть у него многолетняя привязанность — в меру безобидная представительница местного клана Лишённых Тени, умопомрачительная, ни с кем не сравнимая вамп Сабрина фон Страстенберг. Указующий перст Судьбы — и именно над ней сгущаются тучи в лице непримиримой воительницы, зеленоглазой грозы вампиров юной Евы Лопатковой, ступившей на охотничью тропу по заданию тайного Ордена Гончих...*” (А. Белянин. *Вкус вампира*).

"Ночные охотники" городских улиц. Вампиры и оборотни, колдуны и ведьмаки. Те, что живут в часы, когда опускается на землю мгла. Те, что веками противостоят силам белых магов. Потому что понимают — равновесие должно быть соблюдено. Потому что понимают — Тьма для этого мира не менее важна, чем Свет.

Вы уже знаете историю Ночного Дозора? послушайте теперь историю дозора Дневного.

Послушайте — вам расскажут о себе проклятые и проклинаемые. Тогда, возможно, вы поймете — не так все просто в вечной войне Добра и Зла... (С. Лукьяненко. Дневной дозор).

В первом тексте элементы эдакое, длинный шлейф разбитых сердец, в меру безобидная, уместная вамп создают юмористическое настроение. Созданию иронического отношения к герою способствует сочетание фразеологических элементов *сгущаются тучи, непримиримой воительницы, ступившей на тропу*, которые можно отнести к высокому книжному стилю, и прозаического имени Ева Лопаткова. Такие приёмы способствуют восприятию читателем первичного текста как ироничного.

Лексика второго текста приближена к лексике аннотаций к мистическим триллерам и литературе ужасов. Элементы *живут в часы, мгла опускается, проклятые и проклинаемые*, которые можно отнести к высокому книжному стилю, противопоставление лексем *Тьма* и *Свет, Добро* и *Зло* создают ощущение драматизма, характерного для стиля текста-первоисточника.

Синтаксический уровень языка аннотаций подвержен модификациям наряду с лексикой данного жанра. Наблюдение над текстами издательских аннотаций позволяет выделить следующие особенности синтаксической организации данного жанра на современном этапе его развития.

1) Наличие большого числа вопросительных конструкций, которые могут носить риторический характер, являться элементом рассуждения автора аннотации по поводу содержания первичного произведения, выступать в качестве зачина либо служить для создания момента интриги. Вопросительные конструкции могут располагаться в любом месте текста аннотации: *"Вампир принцессе не товарищ? Все верно, вампир принцессе — конкурент. А когда речь заходит о мировом господстве, тут уж, извините, воспитание и без того строптивой девицы роли не играет..." (Филиппова К. От принцесс добра не ищут. — М.: Альфа-книга, 2008).*

2) Частое использование восклицательных предложений, что повышает эмоциональность текстов аннотаций и способствует заинтересованности потенциального читателя первичным текстом: *"Вы — сотрудник Института Экспериментальной Истории. Работа, между прочим, еще та — шататься по параллельным реальностям и восстанавливать нарушенную историческую справедливость! Вы получили новое задание..." (Свержин В. Ищущий битву. — М.: КК КСД, 2006).*

3) Использование большого (на фоне малого объема текста) количества абзацных отступов. Зачастую каждое предложение выделяется в отдельный абзац:

В твоей квартире живут чужие люди.

Твое место на работе занято другим...

Тебя не узнают ни друзья, ни любимая девушка...

Тебя стирают из этого мира.

Кто?

(Лукьяненко С. В. Черновик. — М.: АСТ: Транзиткнига, 2006).

Такой приём, очевидно, способствует акцентуации внимания читателя, упрощает восприятие им текста аннотации, увеличивает смысловую значимость каждого отдельного предложения.

4) Употребление предложений, осложненных обособленными и однородными членами, сложноподчиненных предложений, что характерно для книжных стилей. Использование однородных членов служит усилению экспрессивности, выразительности текста, способствует созданию так называемого "эффекта калейдоскопа": *"...Экипаж самолета наблюдателя ООН, космонавты со станции "Мир", британские солдаты времен королевы Виктории, первобытные люди, воины Александра Македонского и воинственные кочевники Чингисхана — отныне все они персонажи одной драмы, за которой наблюдают странные висающие в воздухе сферические объекты (Кларк А., Бакстер С. Око времени. — М.: Эксмо, 2006).* Использование данных синтаксических элементов позволяет сконцентрировать значительное количество информации в малом объеме текста.

5) Использование элементов, характерных в большей степени для разговорной речи: сложных бессоюзных предложений и вводных конструкций: *"...Миссия, положим, очень выполнима:*

прорваться в конце веселого XII столетия и вытащить из плена этого, как его там, плохого монарха, плохого поэта и славнейшего из рыцарей...” (Свержин В. *Ищущий битву*. — М.: КК КСД, 2006). Данный факт позволяет говорить о сближении языка текстов аннотаций с языком разговорного стиля.

6) Частое употребление именительного представления: “Стражи. Некогда они защищали Границы, разделяющие миры, а потом исчезли. Куда? Этого не знал никто... Но теперь — века и века спустя — оставленные без присмотра Границы истончаются и рвутся, и сквозь эти разрывы в миры приходит Нечто, несущее смерть.” (Воронин Д. *Гавань смерти ветров*. — М.: АСТ, 2005). Использование такой синтаксической конструкции создает атмосферу напряженности, логически актуализирует тему текста, сосредоточивает внимание потенциального читателя на том главном, о котором речь пойдет не только в аннотации, но и в первичном тексте.

7) Использование номинативных предложений, которые способствуют лаконичности и емкости характеристик, создают динамику событий, вызывают эффект “смены кадров”: “Полуразрушенная французская усадьба... Мальчик, вернувшийся из пансиона... Мать, которую он не видел МНОГО ЛЕТ. Одиночество — и СТРАХ” (Брюссоло С. *Зимняя жатва*).

8) Применение лексической анафоры, которая усиливает значимость определенного слова для высказывания: “Века и века живут они рядом с нами — люди, в совершенстве постигшие страшное, кровавое, древнее искусство черной магии... Века и века несут они нам гибель — и, как темные тени, исчезают в ночи. Века и века находят на улицах истерзанные людские тела — и некому догадаться, сколь близко от жертв стоят — неузнанные, неведомые — убийцы” (Божкер Д. *Отходная молитва*).

Заключение

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод об использовании в текстах современных аннотаций лексических и синтаксических элементов, которые являются нетипичными для построения традиционной аннотации. Обусловленность лексической структуры современных аннотаций жанрово-тематическими и стилистическими особенностями первичного текста способствует восприятию аннотации и художественного произведения как единого целого. Синтаксические конструкции, выступая в качестве средств выразительности речи, направлены на акцентуацию читательского внимания, способствуют раскрепощению языка аннотаций, несут значительную смысловую и экспрессивную нагрузку в рамках ограниченного объема текста. Эволюционные особенности синтаксической организации аннотаций к художественным произведениям могут быть детерминированы поиском новых способов привлечения читательского интереса в условиях конкуренции современного литературного рынка.

1. Елина Е. Г. Маргинальные жанры в современной русской литературе // Сервер конференций Ставропольского государственного университета [Электронный ресурс]. — 2006. — Режим доступа: <http://conf.stavsu.ru>. — Дата доступа: 27.03.2007.

Т. Е. Laevskaya

LEXICAL AND SYNTACTIC FEATURES OF THE GENRE OF THE PUBLISHING SUMMARY TO MODERN WORKS OF ART

The features of evolution of a genre of the publishing summary to modern works of art are analyzed in this article. Changes in the field of lexical and syntactic organisation of texts are examined. The basic tendencies of development of this genre in modern life come to light.

Key words: genre, text, discourse, annotation.

Т. Є. Ласєвська

ЛЕКСИКО-СИНТАКСИЧНІ ОСОБЛИВОСТІ ЖАНРУ ВИДАВНИЦЬКОЇ АНОТАЦІЇ ДО СУЧАСНИХ ХУДОЖНІХ ТВОРІВ

В роботі розглянуто особливості еволюції жанру видавницької анотації до сучасних художніх творів. Досліджено зміни лексичної та синтаксичної організації текстів, що репрезентують даний жанр, співвідношення стандартності й анормативності в системі засобів мовної реалізації сучасних видавницьких анотацій. Визначено основні тенденції розвитку жанру на сучасному етапі.

Ключові слова: жанр, текст, дискурс, анотація.

УДК 811.161.1'42–053.5(075.8)

А. Р. Габидуллина

К вопросу о дискурсивных стратегиях учебного текста (на примере школьного учебника русского языка)

Статья посвящена анализу стратегий и тактик современных учебников русского языка. Дается характеристика дискурсивных стратегий. Описываются эпистемические, метадискурсивные и коммуникативно-прагматические стратегии.

Ключевые слова: школьный учебник; дискурсивные стратегии; эпистемические, метадискурсивные и коммуникативно-прагматические стратегии.

Цель статьи — показать, как реализуются дискурсивные стратегии в современных школьных учебниках русского языка для классов с русским языком обучения (учебники под ред. Е. И. Быковой, Е. П. Голобородько, Е. В. Малыхиной, Л. В. Давыдюк, Н. А. Пашковской).

Дискурсивная стратегия — это “проективное концептуальное видение субъектом определенного социального института своего дискурсивного поведения, основанное на осознании путей оптимального достижения цели в условиях социальной интеракции и способов их выражения в конкретных языковых средствах” [2: 7]. Проективность заключается в видении деятельности автора в ее перспекции, т. е. в последовательности развития от анализа экстралингвистической ситуации, осознания интенций, фиксирования цели через пути ее реализации к желаемому результату. Концептуальное видение означает ориентирование дискурсивной личности в коммуникативной ситуации, основанное на ее концептуализации, подразумевающей осознание ее сущности, особенностей, противоречий и возможных способов преодоления выявленных противоречий и ограничений. По сути, дискурсивная стратегия являет собой ведущую трансакционную макроструктуру смысла с четко ориентированной целевой доминантой, развиваемую коммуникантом в определенных условиях порождения УТ (учебного текста).

Дискурсивная стратегия проявляется в тактиках как совокупности коммуникативных действий, приемов, выполняющих определенную функцию и служащих для реализации одной из коммуникативных стратегий на определенном этапе сложного коммуникативного события. Стратегия определяется, как правило, общей целью, тактика — коммуникативным намерением (интенцией).

Единицами анализа речевых / коммуникативных стратегий в работах разных авторов выступают высказывание (Т. Е. Янко), диалогическое единство (А. Н. Баранов, Г. В. Димова, С. В. Беспалова и др.), диалог как коммуникативное событие (О. С. Иссерс).

В учебниках русского языка отчетливо выделяются основные, эпистемические (познавательные) макростратегии и вспомогательные микростратегии: метадискурсивные и коммуникативно-прагматические. Эпистемические стратегии являются основными, потому что УПД обращен прежде всего к ментальным механизмам, мышлению учащихся. В качестве “процессора”, обрабатывающего знания, выступает когнитивная система человека (А. Н. Баранов). Между стратегиями различного типа наблюдается известная функциональная общность.

Основные стратегии учебника — информирующая, организующая и контролирующая.

Информирующая стратегия обнаруживается в формулировании заголовков, системе рубрикации, способах введения терминов и т. д.

Заголовки обычно представляют собой именные темы, что позволяет судить о коммуникативном намерении автора УТ в самом приблизительном виде: стратегия - конкретизация “картины мира” в сознании адресата, тактика - максимальное “обезличивание” текста, то есть сообщение фактов вне их оценки. В этом случае мотивировка дальнейшего продолжения “общения” с учебным текстом ложится целиком на адресата или посредника (учителя).

Система рубрикации тоже является отражением эпистемических стратегий автора. Во всех учебниках она включает оглавление (содержание) как инструмент поиска адресатом нужной информации. В пределах параграфа система рубрикации у разных авторов своя. Так, Е. В. Малыгина выстраивает ее в следующей последовательности: актуализация опорных знаний (рубрика “Вспомните изученное: блок повторения”) → описание / характеристика изучаемого явления (рубрика “Это надо знать!”) → алгоритм применения правила / анализа языковой единицы → опорный конспект — система упражнений. У других авторов столь жесткой детерминации познавательных действий адресата нет. Теоретический материал выделяется с помощью условных обозначений, упражнения нумеруются. Иными словами, эффективность познавательных стратегий с помощью рубрикации довольно низкая.

Введение терминов (понятий) производится с помощью разнообразных дефиниций, наиболее частотными из которых являются классификационные (строятся на основе признака-классификатора и признака видовых характеристик: *Текст — это два или несколько предложений, связанных между собой по смыслу*); трансформационные (содержание понятия раскрывается через синоним, перифразу и пр.: *Фразеологизм — это устойчивое сочетание слов*); интерпретационные (представляют собой инструкцию по употреблению языковой единицы: *В — предлог, который употребляется для обозначения места и направления, например: “Закладка лежит в книге” или “Мы едем в Москву”*). В некоторых случаях в определении понятий отсутствует указание на их существенные признаки, например, отмечаются только видовые признаки без указания родового. Общую тенденцию введения терминов в учебнике можно назвать тактикой редукции: это упрощение толкования, сообщение только тех признаков референта, которые необходимы для дальнейшей коммуникации.

Изложение теоретического материала. В теоретической части учебников представлены в основном два основных вида знаний - декларативные (“знание что”) и процедурные (“знание как”). Декларативные знания преобладают, в то время как одна из основных современных тенденций при презентации теоретического материала - отражение не только описываемой действительности, но и самого хода мысли (стратегия воспроизведения логики рассуждений). Здесь важен такой параметр анализа УТ, как характер “упаковки” текстов правил. Сейчас они формулируются в основном как констатация некоей данности. Но прагматическая цель, которая стоит перед обучающимся, — узнать, какие шаги, действия он должен предпринять, чтобы достичь результата, то есть он нуждается в инструкции. Появление такого способа упаковки правил - характерная черта учебников последних 10–15 лет. В качестве названия для него часто используется заимствованное из информатики слово “алгоритм” (в несколько более широком значении). Таким образом, учебники постепенно превращаются в свод инструкций плюс справочник с определением терминов, упомянутых в инструкциях. Эту тенденцию мы обнаружили у Е. В. Малыгиной, где стратегия воспроизведения логики рассуждений реализуется через памятки, алгоритмы применения орфографических и пунктуационных правил и пр.

Перед изложением нового теоретического материала все авторы учебников создают информационный контекст. Как правило, это происходит с помощью тактики “актуализация опорных знаний”: использования опорных конспектов, таблиц и пр.

Встречается в учебниках и тактика “разумной недоговоренности”. Речь идет о намеренном оставлении информационных лакун, которые адресат УТ заполняет самостоятельно.

Все авторы УТ стремятся использовать тактику опоры на фоновые знания адресата, предпочитая индуктивный способ изложения дедуктивному.

Формулирование правил. Немаловажной характеристикой учебника является коммуникативный аспект словесного оформления правил, законов, выводов, то есть той информации, ко-

торая должна быть усвоена адресатом в обязательном порядке. Наиболее оптимальной является “позитивная” формулировка, то есть указание на то, что надо делать, а не на то, чего делать не следует. Однако встречается и вариант реализации стратегии предупреждения, которую условно можно назвать тактикой запрета на определённые действия.

Анализ школьных учебников также показывает, что в них мало используются специальные речевые средства, направленные на интенсификацию запоминания (кроме шрифтового выделения и внетекстовых помет “Запомни!”, “Возьмите на заметку!”). То есть основная забота авторов при формулировании правил - научно точное определение, а не облегчение запоминания. Не обнаружены в школьных УТ и речевые тактики, направленные на облегчение усвоения информации визуалами, аудиалами и кинестетиками.

Способы “упаковки” теоретического материала в УТ в целом существенно зависят от того, какой аспект знания здесь преобладает - предметно-онтологический или гносеологический. “Для первого характерно то, что основу предмета дисциплины составляют теории изучаемой науки, а ее методы воспринимаются при этом как вспомогательные средства. При гносеологическом подходе к моделированию знания преобладает методология и история изучаемой науки, её познавательные средства и технологии. Следовательно, в зависимости от стратегии, выбранной автором УТ, языковое оформление учебного материала формирует ряд психологических установок: 1) так устроено в мире, это объективная данность, поэтому в моих же интересах это знать и учитывать в дальнейшей деятельности; 2) так придумал кто-то; возможно, у него есть объективные, логически обоснованные причины так считать, а может быть, и нет. Очевидно, что информация, изложенная первым способом, будет усвоена с меньшим внутренним сопротивлением” [3:12]. В основу учебников русского языка Украины положен первый аспект.

Организирующая стратегия обнаруживается в формулировании заданий, правил, специфике вопросов и т. д.

Самой частотной тактикой при формулировании заданий является прямое побуждение, коммуникативный центр которого - императив. Косвенные тактики побуждения представлены вопросами, которые легко преобразуются в директив. Это может быть указание на объективную необходимость выполнения тех или иных действий в предложенной ситуации.

Вопросы реализуют стратегию стимулирования таких мыслительных процессов адресата, как опознавание различных объектов и фиксацию некоторой информации. Большая часть вопросов — репродуктивная, небольшая часть — креативная. Тип вопроса — маркер того, каким по своим ментальным способностям видит адресата автор УТ.

Контролирующая стратегия проявляется в учебниках по-разному. Наиболее разнообразно она представлена в учебнике Е. В. Малыхиной. Это: а) тактика самоконтроля, которая используется в “листах самоконтроля”, “карточках самоконтроля” после изучения темы или раздела, контрольных диктантах; б) воспроизведение опорного конспекта (в форме монолога и диалога); в) заполнение таблицы своими примерами и т. д. В учебнике Г. А. Михайловской контролирующая стратегия реализуется в контрольных работах. Это тесты по языковым темам, вопросы к теоретической части параграфа, устные сообщения учащихся по теме параграфа и пр. В учебниках Е. И. Быковой каждый раздел заканчивается блоком “Готовимся к тематической аттестации”.

Таким образом, мы видим, что авторы школьных учебников русского языка придерживаются нормативно-репродуктивных стратегий формирования знаний и умений, что соответствует принятой в обществе “дискурсивной практике”.

Цель метадискурсивных стратегий учебника — управление вниманием адресата при формировании его умственных действий. Они реализуются с помощью следующих тактик: 1) использование паралингвистических средств; 2) использование приемов фасцинации; 3) использование аппарата издания (сведений справочного, научного или пояснительного характера, дополняющих основной текст, помогающих лучше понимать его, облегчающих пользование книгой).

В структуре учебника взаимодействуют тексты различной семиотической природы: вербальные, невербальные и смешанные. Основная их задача — повысить эффективность восприятия учебной информации, которая, по мнению психологов и педагогов, лучше всего воспринимается в графическом виде: “Любой раздражитель, изменяющий силу своего воздействия (свет, звук, окраска и т. п.), привлекает к себе внимание. Это может быть картинка, фотография, схе-

ма, логотип — любое неординарное графическое изображение. Вокруг такого центра должна строиться подача всей остальной информации. Таким образом, текста должно быть как можно меньше, а большую часть информации следует представить в графическом виде” [1: 7].

Главным средством привлечения внимания является цвет. Красный (розовый) во всех учебниках русского языка используется для выделения наиболее важной информации (материала для запоминания). Остальные цвета и их сочетания несут разную функциональную нагрузку.

Так, в учебниках Е. И. Быковой, Л. И. Давыдюк преобладают яркие тона. Главным является желтый. Сочетанием желтого фона и красного шрифта выделены рубрики “Это интересно”, “Заглянем в словарь”, заключающие в себе дополнительную по отношению к основному УТ информацию. Рубрика “Для справок” оформлена жирным шрифтом на желтом фоне. Желтый фон используется в таблицах и схемах. И это не случайно: психологи характеризуют его как “легкий”, “теплый”, “радостный”. Он способствует концентрации внимания, повышению эмоционального тонуса учащихся.

Характерно сочетание красного и голубого, как и в книге Е. В. Малыхиной: красный/розовый фон — для правил, голубой — для памяток, инструкций, опорных конспектов, сопутствующих дефиниций (рубрика “Заглянем в словарь”). Кроме того, для управления вниманием адресата используется система шрифтовых выделений: полужирный шрифт используется для обозначения рубрик “Примите решение!”, “Это надо знать!” и др.

В учебниках Г. А. Михайловской и Е. П. Голобородько преобладают “спокойные”, даже “холодные” тона: голубой, блекло-розовый, блекло-оранжевый. Первым выделены названия параграфов, номера упражнений. Вторым — правила (в сочетании с жирным шрифтом). Третьим — названия глав. Учебник для старшеклассников (Пашковская-10,11) вообще лишен какой-либо цветовой палитры. Нам кажется, что полиграфическая невыразительность этих учебников делает метадикурсивные стратегии управления вниманием адресата неэффективными.

Еще одна особенность метадикурсивных стратегий учебника — создание положительного эмоционального настроения, поскольку он способствует лучшему усвоению информации. Она реализуется с помощью невербальных средств (см. выше), игровых заданий, лингвистических сказок, имитации живого диалога, дополнительной информации, содержащей этимологические справки, сведения о биографии выдающихся лингвистов и пр. Наиболее последовательно фасцинативные тактики реализуются только в учебниках Е. И. Быковой.

Аппаратом книги принято называть совокупность материалов, которые дополняют основной текст, поясняют его, позволяют читателю быстрее отыскивать нужные элементы текста и легче воспринимать содержащуюся в книге информацию: *предисловие*, задача которого — привлечь внимание читателя к изданию, охарактеризовать его особенности, определить его место и роль в учебном процессе; *прикнижная аннотация*, цель которой — в краткой и ясной форме ознакомить читателя с содержанием и назначением книги, дать сведения о ее достоинствах и особенностях, познакомить с системой условных обозначений. Обозначения и сокращения облегчают и ускоряют процесс чтения: не приходится тратить время на многократное прочитывание развёрнутого наименования, термина и т. п., что при сквозном чтении отвлекает и утомляет школьника.

Наиболее эффективно аппарат книги применяют Е. И. Быкова и Л. В. Давыдюк. Предисловие (не смешивать с введением!) используется для диалога с читателем (*У вас в руках удивительная книга — учебник русского языка! Чем же она удивительна? Прежде всего тем, что продолжит ваше путешествие в мир русского языка, который, как вы уже убедились, живет по своим правилам и законам*” и т. д.). Авторы реализуют такие тактики, как прогнозирование познавательных действий школьников, адаптированная аннотация книги, косвенное декларирование важности предъявляемой информации, информирование о принципах организации учебного материала, описание условных обозначений в учебнике. “Работает” даже форзац, на котором показаны элементы дидактического аппарата учебника, в состав которого входят учебные задания: контрольные вопросы, примеры, упражнения, тесты и т. д. Форзац в конце книги содержит образцы языкового разбора.

Коммуникативно-прагматические стратегии учебника — это стратегии организации обратной связи автора с адресатом и контроля за успешностью такой связи. Партнер по диалогу в письменной коммуникации фактически отсутствует, но сам повод для общения в учебнике (передача

некоторых сведений, обязательных для усвоения) создает известную заданность, предугадываемость реакции адресата, желательной для автора текста. О том, как, по мысли автора УТ, должна быть вербально оформлена эта реакция, можно судить по “контрольным” вопросам, ответить на которые предлагает автор учебника. Таким образом, тактики задавания вопросов в УТ служат реализации не только эпистемических, но и коммуникативно-прагматических стратегий.

Все вопросы в учебниках русского языка можно разделить на репродуктивные и эвристические. В первом случае автор выступает как авторитарная дискурсивная личность, безапелляционно приказывающая адресату и полностью регламентирующая его деятельность. Для ответа ученику необходимо точно процитировать соответствующий фрагмент текста, что и будет, по мысли адресанта, показателем качественной обратной связи со школьником. Во втором случае вопросы сформулированы так, чтобы ученик не нашел готового ответа ни в УНТ, ни в дидактическом тексте. Чаще всего это *ли-*, *почему-* и *или-*вопросы.

Скрытой тактикой обратной связи может быть и тактика актуализации изученного материала, демонстрация его связи с насущными потребностями адресата. Сигналом “заботы” автора об учащемся может быть отсылка к тому, где искать путь решения той или иной задачи, либо косвенная подсказка (например, указание на то, сколько может быть вариантов ответа: *Найдите в тексте фразеологизмы. Их должно быть двенадцать*). Но такие тактики встречаются, как правило, лишь в учебниках Е. И. Быковой и Л. В. Давыдюк. У других авторов они довольно редки.

Итак, мы можем говорить о специфическом использовании в учебно-педагогическом дискурсе коммуникативных стратегий. Единицей анализа стратегий учебника является фрагмент учебного текста (как правило, функционально-смысловой блок.). Стратегии и тактики автора учебника ограничены рамками типовой программы, особенностями “дискурсивной практики”, характерной для данной образовательной парадигмы, отсутствием реального адресата, реакция которого влияет на ход интеракции. Поэтому на реальном уроке стратегии учителя гораздо богаче, они вариативны и зависят от статусно-ориентированного или личностно-ориентированного подхода к обучению.

1. Бондаренко А. Н. Мультимедийные технологии в презентации и образовательном процессе: Курс лекций / А. Н. Бондаренко. — Новосибирск: Изд-во СГУПС, 2003.
2. Димова Г. В. Основные стратегии французского университетского педагогического дискурса: дисс. ... канд. филол. наук. — Иркутск, 2004.
3. Токарева П. В. Коммуникативные стратегии и тактики в современном учебном дискурсе: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — Омск, 2005.

A. Gabidullina

TO THE QUESTION OF DISCOURSIVE STRATEGIES OF THE EDUCATIONAL TEXT (THE RUSSIAN SCHOOL TEXTBOOK)

The article deals with the analysis of strategies and tactics of modern Russian textbooks. The characteristics of discursive strategies are shown. Epistemic, metadiscursive, communicative and pragmatic strategies are described.

Key words: school textbook, discursive strategies, epistemic, communicative and pragmatic strategies.

A. P. Габідулліна

ДО ПИТАННЯ ПРО ДИСКУРСИВНІ СТРАТЕГІЇ НАВЧАЛЬНОГО ТЕКСТУ (НА ПРИКЛАДІ ШКІЛЬНОГО ПІДРУЧНИКА З РОСІЙСЬКОЇ МОВИ)

Статтю присвячено аналізу стратегій і тактик сучасних підручників з російської мови. Дається характеристика дискурсивних стратегій. Описуються епістемічні, метадискурсивні та метакомунікативно-прагматичні стратегії.

Ключові слова: шкільний підручник, дискурсивні стратегії, епістемічні, метадискурсивні та комунікативно-прагматичні стратегії.

О. Ю. Побережная

Дискурсивная специфика аннотирования текста: гендерный аспект

Статья посвящена изучению особенностей аннотирования текста гендерной языковой личностью на уровне дискурса. Языковая личность рассматривается с точки зрения гендерной дифференциации и направленности мышления. Исследование дискурсивной специфики речевой деятельности языковой личности осуществляется благодаря анализу текстов-аннотаций, созданных представителями разных полов с определенным типом мышления.

Ключевые слова: гендер, языковая личность, речевая деятельность, аннотирование текста, дискурс.

На сегодняшний день продолжается активное развитие гендерных исследований в лингвистике. Проблема изучения социопсихолингвистического аспекта в лингвистической гендерологии (Земская Е. А.) [2], а также гендерного своеобразия коммуникативного поведения (Стернин И. А. [7], Коноваленко И. В. [4]) является наиболее актуальной.

На наш взгляд, рассматривая особенности речевой деятельности мужчины и женщины, необходимо учитывать не только гендерную дифференциацию, но и направленность мышления, которая может быть маскулинной (типично мужской), фемининной (типично женской) или андрогинной (сочетать в себе одновременно мужское и женское). Как отмечают исследователи, в мозге человека существуют потенциальные возможности программирования маскулинного или фемининного поведения [3], которое актуализируется в процессе индивидуального развития в зависимости от воздействия психофизиологических и социокультурных факторов.

Цель статьи — выявить гендерно-когнитивные особенности аннотирования текста на дискурсивном уровне.

Материалом исследования послужили тексты-аннотации, созданные мужчинами и женщинами с определенной направленностью мышления.

Речевая деятельность представляет собой совокупность продуктивных и рецептивных возможностей репрезентации мысли. В нашей статье мы исследуем процесс аннотирования текста, так как, на наш взгляд, наиболее четкое и достоверное представление о своеобразии речевой деятельности языковой личности можно получить благодаря сравнению исходного текста и текста, воссозданного на его основе. Это связано с тем, что структура вторичного текста предстает как множественность возможных интерпретаций уже имеющегося исходного текста, а процесс его переработки включает в себя важнейшие психолингвистические механизмы восприятия, понимания, интерпретации и воспроизводства существующего априори речевого сообщения. Сопоставление и анализ данных текстов дает возможность наиболее полного выявления гендерно-когнитивных характеристик языковой личности.

Аннотация, наряду с пересказом, конспектом, рефератом, тезисами, стилизацией, пародией, интертекстуальными заимствованиями и т. п., представляет собой вторичное порождение текста.

Процесс создания вторичного текста как речевая деятельность состоит из двух стадий: 1) рецептивной (здесь на первом месте — текст, вокруг которого организуется деятельность языковой личности по восприятию и пониманию) и 2) креативной (на этом этапе на первый план выходит собственно языковая личность, от личностных и языковых (речевых) особенностей которой будет зависеть качество воспроизводимого текста).

Каждую из выделенных стадий, в свою очередь, можно разделить на две ступени. Так, рецептивная стадия включает в себя: 1) восприятие языковой личностью оригинального текста — чувственное постижение текста как образного материала; 2) понимание воспринятого (воспринимаемого) текста — освоение идейно-смысловой и формально-языковой его сторон. Креативная стадия состоит также из двух ступеней: 1) интерпретации текста, то есть отбора из всего массива

понятой и воспринятой информации оригинального текста тех его аспектов, которые будут перенесены во вторичный текст; 2) подбора языковых средств для выражения интерпретативного варианта оригинала.

Конечно же, нельзя считать названные элементы стадиями в чистом виде, так как между ними отсутствуют четкие границы. Текст всегда воспринимается в целом — в единстве формы и содержания, так что восприятие текста теснейшим образом связано с его пониманием. Содержание и понимание текста — это две стороны одного и того же явления: преобразование анализирующего текст тезауруса. Как текст существует только в процессе восприятия, так и содержание текста существует только в процессе понимания: конкретный текст содержит то и столько, что и сколько принимает реципиент [6].

Таким образом, процесс создания вторичного текста можно рассматривать как речевую психоментальную преобразующую деятельность личности по отражению реальной действительности на основе ее способностей интерпретатора с целью передачи системы смыслов (максимально полной, но всегда частичной (в случае с пересказом и переводом) или максимально сжатой (в случае с аннотацией)), заключенной в исходном сообщении.

Особенность речевой деятельности при аннотировании заключается в том, что языковая личность продуцирует в результате аналитико-синтетической обработки информации первичного текста создает ее компрессивную репрезентацию в виде вторичного текста-аннотации, производство которого зависит от гендерной принадлежности и направленности мышления данной языковой личности.

Языковая компетенция создателя текста-аннотации, его знание мира и социума, психофизиологические и социокультурные особенности оказывают непосредственное влияние на внешнюю структуру аннотации, включая отбор материала, способ его презентации и количество текста [5].

Рассматривая вторичные тексты как своеобразные "кодовые трансформации", в основе которых заложен субъективный момент [5], и подвергая их количественной характеристике, следует заметить, что специфика текста-аннотации связана с упрощением факультативной информации и уменьшением объема текста.

Однако аннотация содержит некоторое количество новой информации, основанной на базе не оригинальных, а уже имеющихся данных. Новым в аннотации являются не новые факты и концепции, а новая интерпретация, новое понимание уже имеющихся знаний и установление новых связей между ними [5]. Это обусловлено тем, что целью аннотации является, прежде всего, облегчение адресату восприятия информации первичного текста.

При создании текста-аннотации действуют речемыслительные механизмы восприятия, понимания, интерпретации и лингвистической экспликации реципиентом содержания текста. В процессе аннотирования происходит восприятие и понимание информации первоисточника, ее включение в смысловое поле реципиента, принятие содержания текста языковой личностью, компрессионная интерпретация информации и ее лингвистическое воплощение. Особенности создания вторичного текста аннотации зависят от гендерной дифференциации языковой личности и направленности ее мышления.

Сравнивая вторичные тексты, созданные представителями разных полов в процессе аннотирования текста-стимула, в общем следует отметить, что аннотации мужчин с маскулинной и андрогинной направленностью мышления меньше по объему и более лаконичны, чем аннотации женщин с типично женским складом ума и женщин-андрогинов.

Информанты акцентируют внимание на различных содержательных аспектах текста. Для представителей мужского пола (особенно для мужчин с типично мужским складом ума и андрогинной направленностью мышления) наиболее важным оказывается предикативная характеристика предмета, поступки, совершаемые человеком, тогда как женщины-информанты (особенно женщины с типично женским складом ума и андрогинной направленностью мышления) фокусируют свое внимание на атрибутивных особенностях предмета, на человеческих качествах. Например, текст-аннотация, созданный информантами мужского пола: *На железнодорожной станции прозвенел звонок. Люди суетились. На станции стояли двое: мужчина и женщина. Женщина уезжала на неделю, и мужчина попросил ее передать деньги знакомому. Они долго прощались, и когда поезд тронулся мужчина вспомнил, что не получил расписку от женщины.* Текст-

аннотация, созданный информантами женского пола: *В этом тексте говорится о молодой паре, о сильной любви девушки к парню и недоверии парня к девушке. Страстное прощание, любовь и слезы. Все романтично. Но иллюзию искренности разбивает желание парня взять с любимой девушки расписку за полученные ею деньги.* Текст-аннотация, созданный информантами мужского пола: *В этом тексте рассказывается о женщине, которая работала в музее без специальной подготовки. Она выучила грамоту и знала все о месте, где работала. Александра Федоровна проводила экскурсии, убирала в доме Пушкина, следила за посетителями.* Текст-аннотация, созданный информантами женского пола: *В тексте рассказывается о простой крестьянской женщине, которая была настоящим музейным работником даже без специального образования. Эта женщина была настолько органична атмосфере усадьбы, что ее часто сравнивали с небезызвестной Ариной Родионовной. Александра Федоровна была необыкновенным человеком, очень доброй, порядочной и аккуратной.*

В ходе исследования текстов-аннотаций нами было замечено, что женщины, независимо от направленности их мышления, большое внимание уделяют различного рода деталям, что нехарактерно для представителей мужского пола. Например, *Ее часто сравнивали с няней Пушкина — Ариной Родионовной. И даже если была генеральная уборка, все равно всех пускала, только без обуви. Она была добросовестным смотрителем музея и всегда смотрела, чтобы кто-то по забывчивости не закурил. В руках Александры Федоровны от природы была “живая вода”* и т. п.

Анализ текстов-аннотаций говорит о том, что такая речемыслительная трансформация, как модуляция, достигаемая за счет изменения точки зрения, освещения, а часто и категории мышления, включающая в себя многочисленные разновидности семантических преобразований, используется представителями обоих полов. Мужчины, независимо от направленности их мышления, и женщины с преимущественно мужским складом ума предпочитают использовать такой тип модуляции, при котором действие, описанное в первичном тексте, заменяется результатом в тексте-аннотации. Например, в первичном тексте: *Она тогда поняла, что служить в доме Пушкина и быть неграмотной — нельзя, что хранить пушкинский дом — это значит не только сберечь его, ценить, любить, но и понимать его и тех, кто приходит сюда.* В тексте-аннотации: *Она знала, что работать в доме Пушкина без знания грамоты нельзя. Она выучила грамоту и знала все о месте, где работала* и т. п.

Такое изменение хода мыслей, возможно, связано с психологическими особенностями мужской личности, когда мужчины при решении каких-либо вопросов ориентированы на результат, а не на процесс. Данная черта представителей мужского пола зафиксирована в работах исследователей, изучающих особенности психологического и коммуникативного поведения мужчин и женщин. Они отмечают, что мужчины в коммуникации ориентированы на результат — получение информации, а для женщин характерна коммуникация сотрудничества, основной целью которой является сам процесс разговора, поддержание контакта с собеседником [2; 4].

В ходе изучения процесса аннотирования текста было замечено, что все женщины, в особенности женщины с женским складом ума, предпочитают использовать такой прием, как нулевая трансформация, то есть они стараются придерживаться структуры исходного текста. Например, *Под ее руками все преображалось и оживало. Она грамоту узнала под старость, когда поступила работать в заповедник. В руках Александры Федоровны от природы была “живая вода”* и т. п.

Возможно, данная специфика женского речемыслительного механизма связана с психологической склонностью женщин придерживаться определенного образца, боязнью использовать новации, определенной дисциплинированностью, стремлением четко придерживаться инструкций.

Анализируя рецептивно-креативную речевую деятельность по созданию текста-аннотации, было замечено, что информанты независимо от пола предпочитают использовать такую речемыслительную трансформацию, как пермутация, представляющую собой синтаксическое преобразование хода мыслей, которое заключается во взаимном изменении позиций элементов высказывания (изменение расположения субъекта, предиката, признака, обстоятельств и т. п.). При этом изменение хода течения мысли происходит по-разному, в зависимости от гендерно-когнитивной принадлежности информанта.

Женщины и мужчины с фемининной направленностью мышления и женщины-андрогины предпочитают трансформировать активные конструкции текста-стимула в пассивные конструкции во вторичном тексте. Например, *Ей пришлось обучиться грамоте, чтобы можно было*

работать в доме Пушкина. Ей нравилось смотреть за музеем. Молодому человеку нужно было, чтобы она передала Мракову деньги. От неё веяло добром и любовью к пушкинским местам и т. п. Мужчины же с маскулинной и андрогинной направленностью мышления всегда сохраняют активную конструкцию: Она выучила грамоту, когда стала работать в усадьбе Пушкина. Она заботливо смотрела за заповедником. Молодой человек передает Мракову деньги через Варю, но забывает получить расписку. Она любила Пушкина и все пушкинское и т. п.

Данная тенденция может быть связана с социокультурными особенностями, в частности, с гендерными стереотипами, когда типичные представители мужского и женского пола стараются соответствовать существующим в обществе гендерным ролям: мужчина занимает активную позицию в социуме, тогда как для женщин традиционно отводится второстепенная роль. Этот факт, также как и психофизиологические особенности, может влиять на специфику коммуникативного и речевого поведения полов. При этом наличие противоположной своему гендеру направленности мышления, вероятно, позволяет противостоять общепринятым стереотипам, что можно наблюдать на примере речевой деятельности женщин с преимущественно мужским и мужчин с преимущественно женским складом ума.

Рассматривая данную особенность, можно провести параллель между женскими вариантами аннотирования текста (это же характерно для мужчин с женской направленностью мышления) и спецификой русской лингвоментальности, о которой говорит А. Вежицкая [1].

В ситуации выбора между активными и пассивными конструкциями представители мужского пола в центр внимания ставят субъект, отвечающий за свои поступки, совершающий активные действия. Данный факт сближает ментальную репрезентацию реальности у мужчин с мужской и андрогинной направленностью мышления с отражением действительности в западной лингвоментальности. Для женской же речевой деятельности и для речевой деятельности фемининных мужчин характерна актуализация внимания на действии, которое совершается кем-то и синтаксически выражается безличными конструкциями, когда “субъект изображён не как активный контролер жизненных ситуаций, а как пассивный экспериенцер..., не способный сознательно пользоваться накопленным опытом, ибо тот не находится под его контролем” [1: 47]. Подобное когнитивное отображение реальности характерно для русской лингвоментальности.

Ещё в начале XX века данное соотношение на уровне ментальности было замечено русскими философами Н. А. Бердяевым, В. Ф. Эрном, В. В. Розановым, В. С. Соловьёвым, Д. С. Мережковским и П. А. Флоренским, что позволило ассоциировать русскую нацию с женским началом, противопоставляя её западной мужественности.

Таким образом, процесс аннотирования текста представляет собой рецептивно-креативную речевую деятельность, осуществляя которую, субъект использует определенные речемыслительные трансформации. Специфика употребления данных трансформаций зависит от гендерно-когнитивных особенностей языковой личности.

1. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание: Пер. с англ. — М., 1996.
2. Земская Е. А. Особенности мужской и женской речи // Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь. — М., 2004. — С. 446–492.
3. Кимура К. Половые различия в организации мозга // В мире науки. — М., 1992. — № 11–12. — С. 73–80.
4. Коноваленко И. В. Роль гендерного фактора в коммуникативном поведении мужчин и женщин: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02. — Омск, 2003.
5. Михайлюк Т. М. Понятийно-логический аспект адресованности вторичного научного текста (на примере аннотации к научной статье) [Электронный ресурс] // ФГУ ГНИИ ИТТ “Информика”: [сайт]. — М., 1997–2005. — URL: http://www.informika.ru/text/magaz/pedagog/pedagog_8/at11.htm
6. Мурзин Л. Н., Штерн А. С. Текст и его восприятие. — Свердловск, 1991.
7. Стернин И. А. Общение с мужчинами и женщинами. — Воронеж, 2001.

O. Yu. Poberezhnaya

DISCURSIVE FEATURES OF TEXT ANNOTATION: GENDER ASPECT

This article concerns the peculiarities of text annotation made by gender language personality at the discourse level. Language personality is examined from the viewpoint of gender differentiation and type of thought. Discovery of discourse features of the language personality speech activity is carried out by means of texts analysis made by men and women with different types of thought.

Key words: gender, language personality, speech activity, text annotation, discourse.

О. Ю. Побережна

ДИСКУРСИВНА СПЕЦИФІКА АНОТУВАННЯ ТЕКСТУ: ГЕНДЕРНИЙ АСПЕКТ

Статтю присвячено вивченню особливостей анутовання тексту гендерною мовною особистістю на рівні дискурсу. Мовна особистість розглядається з точки зору гендерної диференціації та спрямованості мислення. Вивчення дискурсивної специфіки мовленнєвої діяльності мовної особистості здійснюється завдяки аналізу текстів-анотацій, що були створені представниками різної статі з певним типом мислення.

Ключові слова: гендер, мовна особистість, мовленнєва діяльність, анутовання тексту, дискурс.

УДК 811.161.1'42:82—4 Татьяна Толстая

А. В. Полонский, М. С. Донникова

Публицистика Татьяны Толстой: на гранях дискурса

В статье рассматриваются особенности языка публицистики Татьяны Толстой как одного из ярких представителей постмодернизма.

Ключевые слова: публицистика, постмодернизм, дискурс, дискурсивный разрыв, прецедентный текст.

Человек всегда стремится познать мир, в котором он воссоздаёт свою духовную сущность. На этом процессе познания обязательно сказывается время, которое определяет не только широту и глубину проникновения мыслью в познаваемый фрагмент социального бытия, но и способ этого проникновения.

Ключевой особенностью нового способа осознания человеком мира и самого себя является то, что всякая мысль представляет собой результат наложения других мыслей, необязательно вступающих друг с другом в целенаправленный диалог, однако создающих такое смысловое пространство, в котором каждый фрагмент фокусируется, проявляется или затемняется под воздействием другого. Такой познавательный принцип (принцип случайных фокальных объектов), активно используемый сегодня в рекламном творчестве, формирует стилистику и постмодернистской публицистики, в которой через контаминацию фрагментов различных дискурсов, через переключку цитат и цитаций выражается мировоззрение автора и его социальная позиция. Для такого типа мышления, называемого постмодернистским [2], базовым является принцип относительности любого знания, поэтому оно должно подвергаться постоянной перепроверке [6] посредством его погружения в различные контексты и ситуации, что и создаёт бесконечность смысловых приращений и точек зрения.

Казалось бы, публицистике как особому виду творчества, предназначенному с предельной ясностью говорить о сегодняшнем дне, точно и доступно выражать социальную точку зрения автора на обозначенный в пространстве и времени социальный факт, не присущ хор сосуществующих “голосов”, врывающихся из воспоминаний разных людей, то есть их социальной памяти, и из их воображения, то есть социального прогноза. Это объясняется тем, что публицистика как один из способов осознания и описания мира должна быть понятной аудитории, не

примитивной, тем не менее однозначно прочитываемой аудиторией в свете её социальных потребностей и переживаний. Однако, как верно замечает Н. Кириллова, в конце XX века объективно происходят дискурсивные трансформации культурного пространства, которые в первую очередь затрагивают медиакультуру, и публицистику в том числе, выстраивающуюся на основе дихотомии “элитарное — массовое” [3: 431]. Как показывает практика, современная публицистика смело осваивает всё новые возможности письма, не забывая о своём предназначении — гармонизации запросов личности с потребностями общества. Ярким тому примером является публицистическое творчество Татьяны Толстой.

Интертекстуальность — одна из важнейших черт её художественного и художественно-публицистического письма [1]. Благодаря интертекстуальности публицистика Т. Толстой приобретает особую смысловую глубину, поскольку злободневные социальные проблемы получают осмысление в новом формате, расширяющемся до философии быта и бытия, подвластного контролю социального человека. Приём интертекстуальности позволяет сделать социальные проблемы не только более зримыми, не только повернуть их своими новыми гранями, не только задать новый фокус их видения, но и утвердить новый способ описания мира, в котором слово становится полифоничным.

Тексты Т. Толстой похожи на “лоскутные панно”, сшитые из прецедентных текстов, хотя и “белыми нитками”, но весьма изящно, тонко, со вкусом, изысканно, с точным математическим расчётом, что придаёт повествованию особенную выразительность, многозначность, смысловую неодноплановость и притягательность.

Автор совмещает прецедентные тексты, представляющие различные дискурсы, создавая, таким образом, поле напряжённого социального диалога уже внутри фразы. Благодаря сплавлению текстов и их перефразированию создаётся новый смысл, который наслаивается на уже устоявшиеся ассоциации, благодаря чему создаётся смысловое напряжение. Расширение пределов значимого и эмоционально переживаемого достигается в публицистике Т. Толстой благодаря тому, что смыслы вынуждены вступать в продуктивный диалог за счёт их инодискурсивных связей, то есть за счёт выхода за пределы дискурса.

Рассмотрим, как Т. Толстая использует методику дискурсивного разрыва для создания публицистического образа Соединённых Штатов Америки. Рекламный образ Америки, тщательно создаваемый для его экспорта в Европу и прежде всего в постсоветские страны, эффектно разбивается Т. Толстой прецедентными текстами из советского дискурса. Выразительная картина американской выставки как маркетинговый инструмент демонстрации заокеанского образа жизни, переведённая на другую почву, обнаруживает свою несостоятельность и лишь кричащую претензию на истинность.

Для иллюстрации вышесказанного обратимся к эссе “Лёд и пламень” [4: 139–144], в котором отражается современное мировоззрение американцев и культ личности “цементирующего создателя нации”, “национальной мыши” — Микки Мауса.

Советская пропаганда породила огромное количество общеизвестных лозунгов. Т. Толстая вводит их в ткань публицистического текста, заставляя читателя по-другому взглянуть на рекламируемый мир американской демократии. Она сообщает о том, что миллиардными тиражами расходятся изображения “Друга Всех Детей”, имея в виду, конечно, мышшь, то есть знаменитого героя американских мультфильмов Микки Мауса. Однако для российского читателя словосочетание *Друг Всех Детей* имеет жёсткую ассоциацию — Владимир Ильич Ленин или Иосиф Виссарионович Сталин. Третьего не дано. В социальной памяти остался лозунг — “Да здравствует Сталин, лучший друг советских детей!”, а аббревиатура данного словосочетания даже обрела жизнь в мужских именах — *Ледруд* (Ленин Друг Детей) и *Лелюд* (Ленин Любит Детей).

Тоталитаризм всегда диктует обязательность общей идеологии, единых ценностей и идиологов. В СССР портреты вождей “украшали” площади городов, учреждения, квартиры, нагрудные значки. В Америке сегодня также со всех вещей, “безвредных для прижимания к груди”, смотрит Микки Маус — маленький идол, требующий, как любой божок, поклонения и жертв.

Несмотря на то, что каждая американская семья “видела грызуна триллионы раз”, она опять и опять хочет к нему возвращаться: “*Не насытится око!...*”. И вновь выход в советский дискурс: “*На октябрьский праздник // Дедушка-сосед // Подарил мне в рамке // Ленина портрет. // Я портретом этим // Очень дорожу // И всегда с любовью // На него гляжу*”.

“Да, это он!”, — восклицает Т. Толстая, говоря о Микки. “Кто же ещё описывается в таких терминах: воплотил в себе лучшие черты человечества, активный, положительный характер, заслужил постоянное место в истории”. В советском дискурсе 60-х гг. в таких терминах описывался, как известно, первый космонавт, герой Советского Союза Юрий Гагарин — настоящий русский парень, проложивший путь к звёздам всему человечеству. Им по праву гордился весь советский народ. В Америке же гордятся мышью из мультфильма.

Проводя параллели с советским обществом, где господствует “мы”, где личность не обретает голоса вне хора, Т. Толстая обнаруживает и американский тоталитаризм, выражающийся в том, что “весь американский народ, как один человек, в едином порыве, пьёт те же липкие конкурирующие колы, носит те же бейсбольные кепки, горячо и верно любит мышь”.

Автор “Льда и пламени” отсылает нас к формулам столь распространённым в советском дискурсе, что их смысл в другом дискурсе доводится до абсурда, как, например, торжественная клятва пионера Советского Союза: “Я (Имя, Фамилия), вступая в ряды Всесоюзной Пионерской Организации имени Владимира Ильича Ленина, перед лицом своих товарищей торжественно обещаю: горячо и верно любить свою Родину”.

Демократия обеспечивает реализацию личности. Однако на поверку это утверждение оказывается лишь мифом, ещё одной американской картинкой. Т. Толстая рассказывает об американской фигуристке Ненси Керриган, опрометчиво обронившей “дурное слово” по отношению к Микки Маусу. “Её шёпот расслышал один журналист, который немедленно донёс на получемпионку. Тут началось!... Вся страна, разгневанная, поднялась на защиту народной мыши”. Фигуристка, ставшая вдруг врагом народа, “плакала по телевизору, просила прощения... Но суровые лица простых тружеников... — далее см. материалы бухаринско-зиновьевских процессов”. Прямая отсылка к советской действительности, данной Т. Толстой, позволяет почувствовать всю жёсткость и жестокость американской машины, в которой личность может, но едва способна сущностно реализоваться. Псевдодемократическое американское общество отправило бы соотечественницу, если бы таковые существовали, “в лагеря Мордовии”. ГУЛАГ — не такой уж и призрак. Он всегда рядом.

Т. Толстая утверждает, что тоталитарное мышление присуще всем слоям американского общества, кроме того, в нём присутствует истерия шпионажа. В доказательство она приводит свой диалог с профессором-либералом, представителем американской интеллигенции, который также жарко клянется в любви к диснеевскому персонажу, “всё же разговаривал он с иностранцем и план КВЖД за жемчугу стакан не продал”. Здесь опять дискурсивный разрыв — цитация из песни “Марсель” (“Таинственный гражданин / Отмычкой отмыкает / Шикарный чемодан / Он предлагал мне деньги / И жемчуга стакан / Чтоб я ему разведал / Жиркомбината план”), сочинённой в ссылке политическим заключённым филологом-германистом Ахиллом Левинтоном. Песня, скорее всего, относится к концу 20-х — началу 30-х годов прошлого века, когда в воздухе витал призрак надвигающейся войны и в обществе нагнеталась истерия шпиономании.

Постоянные сообщения советской прессы о различных диверсиях и террористических актах сеяли среди населения настоящую панику. Отметим, что на этом фоне особенно остро звучали повторяющиеся призывы к бдительности, требования разоблачать шпионов везде. Как кажется, аналогичная ситуация сложилась и в США — только в начале XXI века. Как пишет Татьяна Толстая, “простому, испуганному человеку вскоре начинает казаться, что окружающий мир только по чистой случайности ещё не весь оштрафован и не весь посажен”. Кроме того, по её утверждению, правительство США, опять-таки под лозунгом демократии, активно следит и за речемыслительными процессами граждан: “Засилье политически корректного языка и соответственно выражаемых этим языком политически корректных мыслей и понятий захлестнуло современную американскую культуру” [5:270–300].

Подхваченный у французских революционеров лозунг “Свобода, равенство и братство” выкрикивали большевики семьдесят лет. Демократическая Америка также “восприняла идеи равенства и братства и как может воплощает их в жизнь. И старается исправить не только дела, но и слова, ибо слово это и есть дело”. С этой целью устанавливаются всё новые нормы для сограждан, и всё тщательнее следят за их выполнением. Согласно современной американской мифологии, “белые мужчины много веков правили миром, угнетая меньшинства, небелые расы, женщин, животных, растения”. Данное высказывание представляет собой явную аллюзию на тексты Ио-

сифа Виссарионовича Сталина, а именно утверждённые ЦК партии и опубликованные в газете “Правда” в 1921 г. “Тезисы к X съезду РКП(б)” [http://petrograd.biz/stalin/5–20.php], в которых та же риторика направлена на “буржуазию” и “империализм”.

Ф. М. Достоевский в “Зимних заметках о летних впечатлениях”, опубликованных в 1863 г., писал: “В муравейнике всё так хорошо, всё так разлиновано, все сыты, счастливы, каждый знает своё дело, одним словом: далеко ещё человеку до муравейника!”. Условием достижения подобного счастья является следование учениям великих социальных утопистов, среди которых наиболее ярким является Томас Мор с его идеей института надсмотрщиков и наставников. Подключается к этому диалогу и Татьяна Толстая. “...Для того, чтобы успешно построить будущее, — замечает она, — кто-то должен бдительно”. И “бдят”. Американская “либеральная жандармерия, политический РАПП... на три метра под землёй видит”. Контролирующие функции Российской ассоциации пролетарских писателей в Америке выполняют активисты феминистского, экологического движений, общества по защите национальных меньшинств, суды разных юрисдикций.

В Америке, говорит Толстая, “тревожно обведёшь глазами присутствующих, прежде чем ляпнуть вслух”: “Слепец! Я в ком искал награду всех трудов!”. Оказывается, и в Америке “горе от ума”, во всяком случае, перенос “обременённого” свободомыслием грибоедовского героя в американское общество демонстрирует то, что и там он не в почёте.

Т. Толстая приходит к безрадостному выводу о стране, в которой “поиск счастья внесён в Конституцию”: “Никто здесь не признаёт в нас право быть другими, любить другое, зависеть от своих демонов, не от общепринятых” (эссе “Николаевская Америка”).

Таким образом, публицистика Т. Толстой являет нам пример яркого постмодернистского письма, которое по-новому открывает нам общество.

1. *Высочина Ю. Л.* Интертекстуальность прозы Татьяны Толстой (на материале романа “Кысь”): Дисс. ... канд. филол. наук. — Челябинск, 2007. — 164 с.
2. *Ильин И.* Постмодернизм: Словарь терминов. — М.: INTRADA, 2001. — 384 с.
3. *Кириллова Н.* Медиакультура от модерна к постмодерну. — М.: Академический проспект, 2006. — 448 с.
4. *Толстая Т.* День: Личное: Сборник рассказов и фельетонов разных лет. — М.: Подкова, 2002. — 416 с.
5. *Толстая Т.* Изюм: Избранное. — М.: Эскмо, 2008. — 480 с.
6. *Юрков С. Е.* Постмодернизм: приближение к антимиру // *Эстетика в интерпарадигмальном пространстве: перспективы нового века: Мат-лы науч. конф.* 10.10.2001 г. Сер. “Symposium”. — Вып. 16. — С. Пб., 2001. — С. 85–88.

А. В. Полонський, М. С. Донникова

ПУБЛІЦИСТИКА ТЕТЯНИ ТОЛСТОЇ: НА ГРАНЯХ ДИСКУРСУ

У статті розглянуто особливості мови публіцистики Тетяни Толстої як однієї з яскравих представниць постмодернізму.

Ключові слова: публіцистика, постмодернізм, дискурс, дискурсивний розрив, прецедентний текст.

A. V. Polonskiy, M. S. Donnikova

DISCOURSE DESCRIPTION OF TATYANA TOLSTAYA'S PUBLICISM

The author examines the language of publicism of Tatyana Tolstaya as a bright representative of postmodernism.

Key words: publicism, postmodernism, discourse, discursive break, precedent text.

Е. М. Юрченко

Художественный образ ребёнка-жертвы и языковые способы его репрезентации в рассказе Ф. М. Достоевского “Мальчик у Христа на ёлке”

В статье изучаются структурные особенности образа ребенка-жертвы в рассказе Ф. М. Достоевского “Мальчик у Христа на елке”. Анализируются языковые средства создания образа, выявляются художественно-композиционные приемы писателя и интерпретируются их основные функции.

Ключевые слова: нарратор, художественный образ, ребёнок-жертва, языковые средства.

Человек и его внутренний мир во всем своем многообразии всегда оставался объектом высокоорганизованного художественного изображения литературных произведений Ф. М. Достоевского. Художественный образ является тем феноменом, который отражает систему ценностей, настроений, оценки автора. Это ключ, открывающий дверь в художественный мир его создателя.

Актуальность представленного исследования обусловлена повышенным интересом современных филологов к структуре художественного текста вообще и к языковой личности писателя в частности. Мастер слова, являясь продуцентом художественного текста, отбирает и организует языковой материал в семантико-эстетическое единство. Художественная канва произведения становится отражением ее творца.

Как отмечает Ю. Г. Кудрявцев, “при анализе художественного творчества мы всегда сталкиваемся со сложностью: за мировоззрением героев найти мировоззрение автора” [3: 386], при этом анализ способов репрезентации и языковых средств создания художественных образов позволяют нам в определенной мере перевести “...многозначность образного мышления художника на однозначность понятийного” [3: 386].

Цель данного исследования состоит в анализе языковых средств создания художественного образа ребёнка-жертвы в рассказе Достоевского “Мальчик у Христа на ёлке”. Это позволит нам интерпретировать авторское понимание жертвы, с одной стороны, и выявить языковые средства создания детских образов в этих текстах, с другой.

В. Б. Шкловский выделяет особый способ описания Достоевского, благодаря которому создается тематическая многоплановость произведения: “...кажущиеся случайности смены кусков создают единство произведения, охватывающее многих героев и не делящее их на главных и второстепенных” [5: 107].

В произведении “Мальчик у Христа на елке” при описании событий, происходящих с персонажем, художественный микроскоп сфокусирован на антитезе — дети благополучные и дети несчастные. Построение образа ребенка-жертвы в данном рассказе ведется по принципу двухвекторного изображения главного героя. Внимание автора сосредоточено как на моральных характеристиках детей, так и на эмоциональных.

Презентация главного персонажа в рассказе осуществляется нарратором, внимание которого сфокусировано на внешнем виде мальчика, его физическом и эмоциональном состоянии и на описании места его пребывания: *Этот мальчик проснулся утром в сыром и холодном подвале. Одет он был в какой-то халатик и дрожал ... и он, сидя в углу на сундуке, от скуки нарочно пускал этот пар изо рта и забавлялся, смотря, как он вылетает. Но ему очень хотелось кушать* [2: 361].

В данном фрагменте авторское внимание направлено на внешний вид мальчика и на его действия, которые и определяют род его развлечений. При описании одежды центрального персонажа используется словосочетание *какой-то халатик*. Неопределенное местоимение, находящееся в препозиции по отношению к уменьшительно-ласкательному существительному *халатик*, передает авторское недоумение и сочувствие к герою. Глагол *дрожал*, который описывает физическое состояние ребенка, позволяет предположить, что упомянутый предмет одежды — *халатик* — был единственным, что мальчика согрело. Определяя развлечения централь-

ного персонажа, автор использует сочетания *пускал пар и забавлялся*. В этом фрагменте показана причина подобного времяпровождения мальчика — *скука*. Ребёнок забавляется тем, что пускает пар. Особо интересно то, что автором используется глагол *забавлялся*: именно семантика данного глагола — ‘проводить время в забавах, развлечениях, играх’ [4:170] — в максимальной степени подчёркивает детскость персонажа. При описании места, где находится мальчик, используется слово *подвал*, значение которого подразумевает ‘помещение в доме под первым этажом, ниже уровня земли’ [4:434]. Прилагательные *сырой* и *холодный*, имеющие негативную коннотацию, передают авторскую характеристику описываемого места. *Холодный и сырой подвал...и ещё очень маленький мальчик* — не соотносимые для авторского сознания вещи. Физическое состояние мальчика передано выражением *очень хотелось кушать*. Слово *очень* передаёт состояние мальчика в максимальной степени.

Совмещение повествования нарратора и внутренней речи героя позволяет одновременно и передать эмоциональное состояние мальчика-жертвы, и охарактеризовать богатых детей: *Ух, какое большое стекло, а за стеклом комната,...а по комнате бегают дети, нарядные, чистенькие, смеются и играют, и едят, и пьют что-то. Вот эта девочка начала с мальчиком танцевать, какая хорошенькая девочка! Глядит мальчик, дивится, уж и смеётся...* [2: 362].

Изображение богатых детей представлено во внутренней речи главного героя. Особый интерес вызывает локус наблюдателя. Мальчик наблюдает за происходящим через стекло — это некий барьер, разводящий детей по разные стороны существования. Таким образом, ярче подчёркивается разница между детьми. На наш взгляд, именно данная позиция наблюдения “через стекло” позволяет показать в концентрированной форме сближение мальчика с миром богатых детей (благодаря прозрачности стекла, мальчик видит жизнь других, не таких как он, детей) и в то же время подчёркивает невозможность проникновения мальчика в этот мир. Положительная семантика прилагательных *нарядные, чистенькие*, определяющих слово *дети*, а также глаголы несовершенного вида *смеются и играют, и едят, и пьют что-то*, позволяют определить подобный способ существования детей как обывденный. Эмоциональное состояние восхищения увиденным передано восклицательным предложением *Какая хорошенькая девочка!* и семантикой слов *смеётся* и *дивится*. Значение глагола *дивится* подразумевает “удивление от существования чего-либо” [4: 144]. Это позволяет предположить, что для мальчика существование этих богатых детей является чем-то нереальным, дивным.

Можно сказать, что образ мальчика-жертвы строится по принципу противопоставления локусов, внешнего вида, физического и эмоционального состояния детей. Именно подобный принцип контрастирующей параллели при построении образа позволяет выявить различия и сходства между образами детей.

	Мальчик-жертва	Дети из богатых семей
Локус	холодный и сырой подвал	комната
Внешний вид	одет в какой-то халатик	чистенькие и нарядные
Физическое состояние	дрожал, очень хотел кушать	едят и пьют что-то
Эмоциональное состояние	забавляется	бегают, смеются, играют

Из представленной таблицы видно, что характеристики детей совпадают только по параметру эмоционального состояния. Приём контрастирующей параллели позволяет автору одновременно сближать детей как носителей чистого, наивного и беспечного, и разводить их как носителей материальных сущностей.

По ходу сюжетного развёртывания рассказа мальчик встречается с другими детьми, такими же, как он, бездомными. Здесь автор также изображает детей по принципу контрастирующей параллели, он описывает детей в однотипных ситуациях, но в то же время останавливается на деталях, которые отличают детей. Такой способ изображения персонажей позволяет подчеркнуть авторское отношение к описываемым героям. Как известно, “одним из важнейших субъектов оценки выступает сам автор, оценивая героя в художественном произведении” [1: 57]. “Различные типы дискриптивных номинаций героя используются автором не только в целях идентификации, они носят частнооценочный характер, сочетающий дискрипцию и оценку” [1: 56–57]. В следующем фрагменте изображение персонажей строится на контрасте моральных ценностей мальчиков. Главный персонаж как носитель позитивного противопоставляется

мальчику-обидчику: *Вдруг ему почудилось, что **сзади** его кто-то схватил за халатик: **большой злой мальчик** стоял подле и вдруг **треснул** его по голове, **сорвал** картуз, а сам снизу **поддал** ему ножкой* [2: 363].

Действия мальчика-обидчика переданы рядом глаголов: *треснул* (по голове), *сорвал* (картуз), *поддал* (ему ножкой). Негативная коннотация глаголов вносит дополнительную информацию к денотативному значению и тем самым передаёт авторскую оценку поведения мальчика-обидчика. Особый интерес вызывает то, что, идентифицируя поведение мальчика-обидчика, автор использует наречие *сзади*: “выполнение действий с задней стороны” [4, 575]. В данном случае, наречие *сзади* выполняет не только описательную функцию, но и характерологическую. Автор таким способом подчеркивает подлость и низость производимых мальчиком-обидчиком действий.

Из словосочетания *большой злой мальчик* видно, что мальчик-обидчик чуть старше описываемого персонажа мальчика-жертвы. Автор использует номинацию *мальчик*, в которой актуализированы семы ‘незрелость’, ‘мужской пол’. Определяющее прилагательное *большой*, находящееся в препозиции по отношению к существительному *мальчик*, передает возрастную разницу между персонажами. Авторское отношение к мальчику-обидчику выражено словосочетанием *поддал ножкой* — уменьшительно-ласкательная форма существительного *ножкой* передает неоднозначное авторское суждение, в котором есть элементы осуждения и сочувствия по отношению к мальчику-обидчику. Для автора он, по сути, такая же жертва, как и главный герой повествования. Сравним: *Покатился мальчик наземь, тут закричали, обомлел он, вскочил и бежать-бежать, и вдруг забежал сам не знает куда, в подворотню, на чужой двор, — и присел за дровами: “Тут не сыщут, да и темно”* [2: 363]. В данном фрагменте действия мальчика-жертвы переданы глаголами *вскочил*, *бежать-бежать*. Значение глаголов передаёт модель поведения мальчика и авторскую оценку действий персонажа. Мальчик-жертва не вступает в конфликт с обидчиком, его ответным действием является побег. Эмоциональное состояние страха передано глаголом *обомлел*: “испытывать чувство оцепенения, испуга” [4: 356]. Чувство страха, испытываемое мальчиком, передано в несобственно-прямой речи героя — *Тут не сыщут, да и темно*. Неопределённо-личная конструкция *не сыщут* показывает, что мальчик боится быть найденным обидчиком. Обозначение действий персонажей становится средством изображения и дифференциации действий и чувств персонажей.

По ходу сюжетного развёртывания рассказа мальчик-жертва сталкивается с детьми из удачных семей и детьми бездомными. Это позволяет автору опосредованно показать пути возможного существования ребёнка в мире. Он может принадлежать к миру удачных семей и жить в домашнем тепле и заботе (как дети, описанные в первом фрагменте), а может принадлежать к кругу беспризорников и вырасти жестоким *диким существом* (как мальчик-обидчик). Но для главного персонажа повести невозможно как первое (по социальным причинам), так и второе (по причинам внутренне-психологического характера). А значит, ему нет места ни в том, ни в другом мире. Развитие сюжета в этом смысле логично и художественно обоснованно.

Причины превращения детей в жертвы автор усматривает в равнодушном отношении взрослых к подобным детям. Их жестокость становится причиной превращения этих детей в жертвы — жертвы равнодушия общества. Вследствие сурового опыта жестокой жизни и столкновения с безразличием взрослых сущностно жизнерадостные дети становятся *дикими существами*. В рассматриваемом рассказе представлена цепочка ситуаций, в которых дети-жертвы представляются автором как факты обыденной действительности: *Один из них (мальчиков) **ночевал** несколько ночей сряду у одного дворника в какой-то **корзине**, и **тот** его **так и не замечал*** [2:360]. Идея безразличия взрослых к подобным детям передана опосредованно через выражения *ночевал несколько ночей сряду / и не заметил*. Семантика несовершенного вида глагола *ночевал* подразумевает повторяемость действия, передаваемого глаголом. Обстоятельство времени *несколько ночей сряду* указывает на неоднократность и регулярность выполняемого действия. Особый интерес вызывает глагольная форма *не замечал*. На наш взгляд, именно семантика данного глагола в максимальной степени передает идею равнодушия общества к детям-жертвам. Значение глагола (*не*) *заметить* подразумевает неосознанное отсутствие внимания субъекта на чём-то [4: 182], ком-то: как в выражении *так и не замечал*, что передаёт авторскую идею несущественности наличия подобных детей в обществе. Семантика несовершенного вида данного глагола передаёт

значение повторяемости действия. Частица *так* в сочетании с глаголом *не замечал* подчеркивает двойственный характер передаваемого действия. Действие, которое происходит несколько раз и должно быть замечено, остаётся вне поля зрения дворника. Субъекты действия в данном выражении обозначены разными местоименными словами: личным местоимением *он* автор обозначил мальчика-жертву, указательным местоимением *тот* — дворника. Это подразумевает некую отдаленность дворника от мальчика. Приведем еще несколько примеров, в которых подчеркивается идея равнодушия общества по отношению к детям: *Мимо прошёл блюститель порядка и отвернулся, чтоб не заметить мальчика* [2: 362]. Локализация глагола *не заметить* в придаточной части предложения с союзом *чтоб* меняет его значение “неосознанное отсутствие внимания субъекта на ком-то, чём-то” [4: 182] на “намеренное, осознанное (подчёркнуто нами. — Е. Ю.) действие субъекта (блюстителя порядка) по отношению к объекту” (мальчику). Намеренность действий, выполняемых субъектом, подчёркнута семантикой глагола *отвернулся*. Сам же субъект действия определяется автором как *блюститель порядка*, профессиональная обязанность которого — повышенное внимание к происходящему. Даже *блюститель порядка* идёт вразрез своим профессиональным обязанностям, чтобы не заметить таких детей. В следующем примере также выделена идея безразличия взрослых к бездомным детям: *Одна барыня подошла поскорее и сунула ему в руку копеечку, а сама отворила ему дверь на улицу* [2: 362]. Здесь подчёркнут двойственный характер выполняемого барыней действия. Словосочетание *сунула копеечку* передаёт жалость барыни по отношению к мальчику (она дала деньги мальчику и тем самым проявила милость), но семантика глагола *сунуть* подразумевает “небрежность выполнения данного действия” [4: 593], что подчёркивает нежелание барыни думать о дальнейшей его судьбе. Противоречивость выполняемого действия поддерживается противительным союзом *а*, который противопоставляет действия *сунула копеечку* — *отворила дверь*. Автор имплицитно показывает, что барыня выгоняет мальчика на улицу — *отворила дверь*, после того как проявляет “милость”.

Проведённый анализ языковых единиц позволяет выявить авторское отношение к взрослым, которые являются причиной существования бездомных детей.

В заключении рассказа мальчик-жертва предстаёт в ирреальном мире — на небесах Христовых. Эмоциональное состояние мальчика от места его пребывания передано aukториальным повествователем в выражениях *всё блестит, всё сияет* и в прямой речи персонажа *О, какой свет! О, какая ёлка!* Положительное отношение автора к описываемым событиям выражено существительными *блеск, свет, сияние*.

В конце рассказа (одна из сильных позиций текста) представлено авторское понимание детей-жертв в максимальной степени: *И узнал он, что мальчики эти и девочки все были все такие же, как он, дети, но одни замёрзли ещё в корзинах, в которых их подкинули... другие задохлись у чухонок... третьи умерли у иссохшей груди своих матерей... четвёртые задохлись в вагонах третьего класса... и все-то они здесь, все они теперь как ангелы, все у Христа...* [2: 364]. Автор определяет детей-жертв через ряд субстантивированных числительных: *одни, другие, третьи, четвёртые*. Синтаксическое построение данного фрагмента позволяет автору описать множество ситуаций одновременно. Таким образом представляется вся множественность и неоднородность жизни и смерти детей-жертв в ее разнообразии. Общим для этих детей является одно — гибель в результате равнодушия окружающих. В заключительной части данного фрагмента *все они теперь как ангелы* автор отождествляет всех детей-жертв с ангелами: элементы грамматической основы выступают в значении тождества, а не сравнения.

Можно было бы обнаружить, а точнее, выстроить параллель между авторской идеей равнодушия общества к детям, заявленной в рассматриваемом рассказе “Мальчик у Христа на ёлке”, и идеей всеобщей ответственности и поруки за ближнего своего в романе “Братья Карамазовы”. В последнем произведении Достоевского в речи Мити Карамазова *все мы изверги, все плакать заставляем людей, матерей, и грудных детей* прослеживается ссылка на трактовку греха в Библии “всяк за всех виноват”, которая знаменует всеобщую ответственность человечества за происходящее на земле. Такая направленность художественной мысли автора сохраняет свою актуальность и в рассматриваемом рассказе “Мальчик у Христа на ёлке”. И здесь автор даёт чёткий ответ на вопрос, поставленный в романе “Братья Карамазовы” *Кто виноват, что дети страдают?* — Взрослые.

Проведений лінгвістический аналіз мовних засобів створення дитячих персонажів в оповіданні Ф. М. Достоєвського “Мальчик у Христа на ёлке” і виявлення композиційних способів їх репрезентації дозволяє заключити, що образ дитини-жертви створюється як семантичними і синтаксическими засобами, так і композиційним прийомом сопоставлення.

Перспективою дослідження є вивчення інших образів дітей в художественних текстах Ф. Достоєвського. Це допоможе нам відтворити єдиний художественний образ дитини в творі письменника і виявити ставлення автора до теми дитинства.

1. *Бойко І. В.* Человек как объект вербальной оценки в поэме Н. В. Гоголя “Мёртвые души” // Русская филология. Украинский вестник: Республ. научно-методич. журнал. — Харьков, 2009. — № 2 (39). — С. 56–58.
2. *Достоевский Ф. М.* Собрание сочинений: В 10-ти т. — Т. 10 — М., 1958.
3. *Кудрявцев Ю. Г.* Три круга Достоевского. Событийное. Временное. Вечное. — М., 1991.
4. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка. — М., 2008.
5. *Шкловский В. Б.* За и Против. Заметки о Достоевском. — М., 1957.

E. M. Yurchenko

LINGUISTIC MEANS OF CHARACTER CREATION IN THE STORY “МАЛЬЧИК У ХРИСТА НА ЁЛКЕ” BY F. DOSTOEVSKY

The article is devoted to the problems of character creation in the story “Мальчик у Христа на елке” by F. Dostoevsky. The linguistic means of character creation are analyzed in the present work. Individual author’s methods and their functions in the story analyzed are also emphasized in the article.

Key words: narrator, character, child-victim, linguistic means.

О. М. Юрченко

ХУДОЖНІЙ ОБРАЗ ДИТИНИ-ЖЕРТВИ ТА МОВНІ ЗАСОБИ ЇЇ РЕПРЕЗЕНТАЦІЇ В ОПОВІДАННІ ДОСТОЄВСЬКОГО “МАЛЬЧИК У ХРИСТА НА ЁЛКЕ”

У статті досліджуються особливості творення образу дитини-жертви в оповіданні Достоєвського “Мальчик у Христа на елке”. Аналізуються мовні засоби створення образу, виявляються художньо-композиційні прийоми письменника та інтерпретуються їх функції.

Ключові слова: наратор, художній образ, дитина-жертва, мовні засоби.

ПИТАННЯ ГЛОТОДИДАКТИКИ І МЕТОДИКИ ВИКЛАДАННЯ МОВИ

УДК [811.161.1+811.111]’373.22:177.1:159.922.4

Т. Ф. Новикова

Лингвокультурологические понятия как новые лингводидактические единицы в культуросообразном преподавании родного языка

В статье обозначаются проблемы языкового образования, связанные с активным включением в современное лингвистическое знание понятий и терминов лингвокультурологии и когнитивистики: лексический фон, культурный компонент слова, национально-культурные семантические доли значения, языковая константа, прецедентный текст, лингвокультурема, концепт, логоэпистема, сапиентема (“сверхконцепт”); обосновывается актуальность новых понятий как дидактических единиц, дающих наглядное представление о формировании понятий и смыслов слов. Также в работе названы способы объективации фоновой информации в слове, представлены некоторые организационные формы, направленные на практическую работу с новыми понятиями.

Ключевые слова: лингвокультурология, лингводидактика, дидактические единицы, план содержания и план выражения слова, культурный компонент слова, лингвокультурема, концепт, “сверхконцепт”, “слово-тема”.

Слово — ключевое понятие для лингвистики, в каком бы из современных направлений эта наука ни развивалась. Центральное место слова в системе языка обусловлено тем, что все остальные языковые единицы так или иначе рассматриваются по отношению к слову. Слово само по себе является текстом истории, текстом культуры и доносит своей внутренней формой, переносными значениями, “ассоциативным ореолом” произошедшие изменения в мировоззрении общества, научно-технические достижения, социальную динамику, конфессиональную эволюцию и в целом то, что называют “языковым вкусом эпохи” (В. Г. Костомаров). Слово также средство передачи мысли говорящего, “которую он упаковывает в некую языковую структуру. Знания, используемые при этом, не являются лишь знаниями о языке...” [9:4]. Исследованием того, как хранятся и структурируются в языке наши знания о мире, занимаются лингвокультурология и когнитивная лингвистика. Ключевой идеей этих наук, взятой на вооружение методистами, является идея поиска информации, скрытой в слове, механизмы и способы ее обработки человеческим разумом, знания и их репрезентации в сознании человека, в т.ч. в различного рода нормах, причем не только речевых, но поведенческих, этических. В таком случае появляется возможность определить, как происходит видение мира сквозь призму национального языка, когда язык выступает как выразитель особой национальной ментальности. Однако для реализации новых подходов к работе со словом требуется освоение нового знания и новой терминологии в том числе.

Показателем научной зрелости той или иной дисциплины считается наличие системы базовых терминов, в данном случае — категориального аппарата лингвокультурологии, без чего невозможен профессиональный полилог специалистов. Перечень актуальных для лингвокультурологии и когнитивной лингвистики единиц находим в исследовании В. А. Масловой: “Наиболее важные понятия — это те, с помощью которых может быть представлена культурная информация в языковых единицах: *культурные семы, культурный фон, культурные концепты и культурные коннотации*” [8: 48]. Помимо этого, следует назвать также и другие понятия: *культурный текст, артефакт культуры, контекст культуры, субкультура, прецедентные имена культуры, ключевые имена культуры, культурная универсалия, культурная (культуроведческая) компетенция, культурные традиции, культурный процесс, культурные установки* и др.

Слово тесно связано с познанием — оно и есть итог познания, в котором резюмируется определенная совокупность знаний; с одной стороны, оно принадлежит психике, мышлению

и изучается в психологии; с другой стороны, оно связано с лексикой и принадлежит языку и, следовательно, изучается в лингвистике. “Элементарные частицы” в составе объединяющего их общего понятия в логике и лингвистике называются по-разному: *семантическими компонентами, семантическими множителями, семантическими долями, семами* (последнее наиболее распространено в лингвистической практике). Семантические доли (СД) — “относительно самостоятельная и элементарная часть плана содержания слова” [1: 15]. Если из семемы “вычесть” понятийные СД, то в остатке окажется совокупность непонятийных СД. Эту совокупность авторы концепции (Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров) называют *лексическим фоном*. Термин *лексический фон* обусловлен другим — *фоновые знания* и сложился в русле социолингвистической и лингвострановедческой проблематики. Впервые этот термин и теория лексического фона были введены в статье Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова и В. В. Морковкина “Лингвострановедческий словарь: изъяснение русского слова в учебных целях” в журнале “Русский язык за рубежом” еще в 1974 г. По определению авторов, “лексический фон — это взятые вместе непонятийные СД, которые входят в семему, но не участвуют в опосредованной языком классифицирующей деятельности человека” [1: 27].

Убеждение в том, что в слове, кроме лексического значения, существует еще “нечто”, обусловило появление терминов *лексический фон, культурный компонент слова, лексика с национально-культурным компонентом, фоновая лексика, безэквивалентная лексика*. По сравнению с лексическим понятием этому “нечто” свойственна большая динамичность, из-за чего его трудно определить и трактовать однозначно. Этот компонент оказывается воспринимаемым по-разному у разных носителей языка, но он всегда значим и не может быть проигнорирован. Неопределенное “туманное нечто” (С. А. Аскольдов-Алексеев) стало пониматься как “сгусток культурной среды в сознании человека” (Ю. М. Лотман), как “единица измерения ментальности”, как “то, посредством чего человек входит в культуру”, а в некоторых случаях и влияет на нее (Ю. С. Степанов), т.е. концепт. Активное обращение к новой терминологии обозначило концептуальный подход к исследованию языка.

Центральным объектом анализа в когнитивной лингвистике является концепт. Концепты — “концентрат культуры и опыта народа”, “ментальные сущности, которые имеют имена в языке и отражают культурно-национальное представление человека о мире” [9:5]. В современной когнитивной лингвистике концепт чаще понимается как “термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике” [7: 90]. В работах лингвокультурологов концепт предстает в своих содержательных формах как *образ*, как *понятие*, как *символ*. В этом случае под концептом следует понимать не *conceptus* (условно передается термином “понятие”), а *conceptum* — “зародыш, зернышко”, “зерно первосмысла <...>, из которого и произрастают в процессе коммуникации все содержательные формы его воплощения в действительности” (В. В. Колесов).

Понятие *концепт* в терминологической функции стало активно употребляться в российской лингвистической литературе с начала 90-х годов XX в. Ю. С. Степанов ввел в научный оборот этот термин для обозначения единицы культурологии и определил его как “понятие в виде слова (предложения, текста), отражающего образ культуры носителя языка”.

Связь концепта с вербальными средствами выражения отмечается практически во всех его лингвокультурных определениях: “знаменательный (сигнификативный) образ, отражающий фрагмент национальной картины мира, обобщенный в слове” (В. П. Нерознак); “нечто идеальное, представляющее собой единство “язык-мысль” (Т. Н. Снитко); “любая дискретная единица коллективного сознания, которая отражает предмет реального или идеального мира и хранится в национальной памяти языка в вербально обозначенном виде” (А. П. Бабушкин), однако единства во мнениях относительно конкретных значимых единиц языка, с которыми соотносится концепт, у лингвоконцептуалистов пока не выработано. Чаще всего представительство концепта в языке приписывается *слову*; само слово получает статус *имени концепта* — языкового знака, передающего содержание концепта наиболее полно и адекватно. Концепт, как правило, соотносится более чем с одной лексической единицей, и логическим завершением подобного подхода является его соотнесение с планом выражения всей совокупности разнородных сино-

нимических (собственно лексических, фразеологических и афористических) средств, описывающих его в языке. Какое из словарных значений слова замещает собой концепт, выясняется обычно из контекста, а иногда даже из общей ситуации.

Лингвисты, считавшие термин “*концепт*” “недостаточно лингвистическим”, придерживались иных терминов — *языковая константа*, *лингвокультурема* и, наконец, *логоэпистема*, введенная в научный оборот В. Г. Костомаровым и Н. Д. Бурвиковой в 1996 году “для обозначения языкового выражения закрепленного через общественную культурную память следа отражения действительности в сознании носителей языка, что является результатом постижения ими духовных ценностей отечественной и мировой культур...” <...> За логоэпистемой стоит некоторый когнитивный смысл, некоторое знание, некоторая информация” [6: 141]. Примерами логоэпистем являются словосочетания типа “*Вот тебе, бабушка, и Юрьев день*”, “*Куликовская битва*”, “*Илья Муромец*” и др., нуждающиеся для их полного и адекватного понимания в лингвострановедческом и культуроведческом анализе и комментариях. В работах лингвокультурологов в последние годы чаще используется другой термин для обозначения подобных фактов — *прецедентный текст*.

В. В. Воробьев основной комплексной единицей описания “культурного объекта” называет *лингвокультурологическое поле*, иерархическую систему единиц которого составляют *лингвокультуремы* [См.: 3]. Этот термин в определенной мере соотносится с термином “*семантическое поле*”, который уже принят в лингвистике для описания как лексики, так и других уровней языка. Базовыми для категориального аппарата лингвокультурологии стали также понятия *языковой личности* и *концепта*.

Все названные понятия объединяет то, что они созданы для того, чтобы фиксировать и осмысливать отражение национально маркированного образа культуры в языке носителя этого языка, но с разной степенью полноты и абстракции. Появление данных терминов после выхода в свет последней монографии Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова можно считать лишь подступами к рождению еще одного понятия — *сапиентемы* (*sapientia* в переводе с латыни дословно обозначает “благоразумие, рассудительность, ум; мудрость...”). Что такое сапиентема, не предполагает (по мнению самих авторов) однозначного ответа. С одной стороны, при объяснении сапиентемы соавторы ссылаются на предложенный ими ранее термин *логоэпистема*, который уже имеет традицию употребления. Тем не менее, Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров считают, что за недолгий период своего существования “термин логоэпистема оказался наполнен иным содержанием” по сравнению с тем, который нужен для их новой работы, поэтому авторы отказываются от термина *логоэпистема* и предлагают новое именование, еще не имеющее традиции употребления. Новая концепция такова: сапиентема как некая обобщенная идея, содержащая в себе программу развертывания смыслов и этических оценок, способна к этому самому развертыванию или конкретизации. На разных стадиях или ступенях этой конкретизации идея все более кристаллизуется в сознании, вербализуется и становится *лингвосапиентемой*. Нетрудно заметить сходство в толковании понятий *сапиентема* и *концепт*. Эти термины входят в область межкультурной компетенции, показателем владения которой является правильность речи не только с точки зрения норм изучаемого языка, но и с точки зрения культурного контекста на основе сравнения разных культур. Исходная (внутренняя) форма, этимология, сжатая до основных признаков содержания, история, современные ассоциации и оценки, свойственные, по Ю. С. Степанову, концепту, обнаруживаются и здесь. О самом близком сходстве концепта с выдвигаемой идеей сапиентемы говорят и сами авторы “Языка и культуры”. Однако, признавая свои теоретические взгляды и исследовательскую методику близкой подходу Ю. С. Степанова, авторы видят основания для разведения терминов *концепт* и *сапиентема*: “Поскольку термин концепт — это латинское наименование *понятия* (и Ю. С. Степанов сам подчеркивает “однопорядковость” концепта и понятия), а для нас лексический фон не только *не понятие*, но и явление, по функции противоположное понятию...” [2: 427–428]. Это попытка “свести многообразие фактов взаимодействия языка и культуры к каузальному единству путем постулирования сверхконцепта, включающего в себя соположенные концепты *лексического фона* и *рече-поведенческой тактики*” [2: 1036]. Совокупность лексического фона и концептов рече-поведенческих тактик, сложившихся вследствие развертывания одной и той же идеи, образует сложное объединение нескольких концептов и появление *сверхконцепта*, или *сапиентемы*. Са-

пиентема — это сопряжение двух идей: онтологической и этической (знания и этические установки и ценности), в ней, как уже было сказано, заложена программа развертывания смыслов и этических оценок. Идея сапиентемы синтезирует и помогает обобщить статику и динамику, смысл и оценку, возможные толкования, т.е. разные виды информации, по принципу анализа, предложенного И. Р. Гальпериным, где помимо содержательно-фактуальной информации выделяются два уровня: подтекстовая и концептуальная содержательная информация, представляющие собой своеобразное “скрещение” статики и динамики в одном явлении [2].

Естественно обобщение: поскольку лингвокультурология изучает “определённым образом отобранную и организованную совокупность духовных ценностей и опыта языковой личности данной национально-культурной общности”, это “обеспечивает выполнение образовательных, воспитательных и интеллектуальных задач обучения” [3: 97; выд. нами. — Н. Т.]. Философские, психолого-педагогические и лингвистические установки, касающиеся изменений в обучении родному языку в сложившихся социокультурных условиях, опережают современную практику преподавания (где, как установлено, до сих пор представлен преимущественно “знаниецентристский” подход к изучению языка). В обосновании, теоретическом и практическом становлении культуросообразного преподавания языка мы видим реальный путь постепенного закрепления наметившихся изменений в изучении языка на современном этапе школьного образования. Изучение языка с позиции концептуальной методики отвечает современным принципам преподавания русского языка как родного. Эта методика по своей сути культуросообразная, культууроформирующая, интегративная.

С точки зрения поиска методических приемов работы в культуросообразном преподавании родного языка важно знать способы выявления фоновой информации: *опрос информантов*, связанный с толкованием отдельных слов и понятий, *ассоциативный эксперимент*, *развертывание информации*, которая всегда присутствует в скрытом виде в любом тексте: бытовом, публицистическом, художественном, и, на наш взгляд, эти пути применимы в школьном языковом образовании, хотя их методический потенциал до сих пор по-настоящему не осмыслен. Возможен также термин “*экфория*” — “оживление накопленного опыта по одной детали”, введенный Н. А. Рубакиным в 1929 г. в его “Кратком введении в библиографическую психологию” [12]. Часто в качестве подобной детали выступает прецедентное слово, словосочетание, предложение, текст, цитата, имя собственное. Способ объективации фоновой информации в публицистическом и в художественном произведениях принципиально отличается: публицистический и художественный тексты указывают на наличие в тексте фоновой информации лишь косвенно, а ее прояснение зависит от читателя или исследователя. В большинстве случаев фоновая информация в художественном или публицистическом тексте бывает перефразирована, превращена в намек, аллюзию, иносказание, т. е. как бы зашифрована, поэтому ее извлечение иногда и для русского читателя непросто. Между тем без такой расшифровки подлинный смысл произведения не постигается: неподготовленный читатель неспособен к адекватному восприятию текста.

Названные способы объективации фоновой информации могут рассматриваться не только как специальные приемы работы на уроках родного языка культурологической направленности, но и шире — как пути развития языковой личности, формирования ее лингвистической и культуроведческой компетенций.

Для реализации новых лингвистических идей методической науке необходимо освоить новые приемы работы со словом, определить место традиционных приемов в системе школьного языкового анализа, вводить новый для школы концептуальный анализ, цель которого — дать по возможности полное знание о понятии, существующее в сознании носителей культуры и выраженное в определенных языковых стереотипах. С опорой на это принципиальное положение разрабатываются и проводятся нами культурологические “Уроки одного слова” [См. 10]. Организационными формами их проведения становятся уроки — путешествия, уроки — творческие мастерские, уроки защиты проектов и др.

При выявлении наиболее важных концептов той или иной культуры слова рассматриваются в одном ряду с более сложными — и в структурном, и в семантическом плане — “культуроносными” явлениями. Примером такого подхода может служить методическая работа украинского филолога Г. В. Онкович “Слово-тема як конденсат культурологічних знань і підходи до його актуалізації” [11], в которой автор, приведя многочисленные контексты одного из ключевых

слов української культури *хата* (слова-теми, по терминології автора), розглядає слово саме як культуроносне явлення, ключовий концепт культури. *Слово-тема* — “поняття, яке відрізняється від “просто слова” тим, що, являючись результатом компресії визначених знань, вимагає прийомів розвертання цих знань в методичному полі, в першу чергу культурологічного, професійно-ціннісного плану <...>. Границі культурної пам'яті студентів значно розширюються, коли слово — мовний знак (наприклад, *тризуб, хата, щедрівка*) виступає не просто знаком-символом, а і знаком-темою, конденсатом культурологічних відомостей про національну культуру, духовності і ментальності народу <...>. Активізація слова-теми відбувається впродовж всього періоду оволодіння мовою” [11: 49].

В освітньому стандарті названі основні компоненти змісту ціннісно-культурологічно орієнтованого курсу російської мови — “одиниці мови з національно-культурним компонентом значення”, але не розкриті принципи їх вибору і систематизації. В розв'язанні цієї задачі ми бачимо найближчу перспективу лінгвометодичних досліджень.

1. *Верецагин Е. М., Костомаров В. Г.* Лінгвострановедчі теорії слова. — М., 1980.
2. *Верецагин Е. М., Костомаров В. Г.* Мова і культура. — М., 2005.
3. *Вороб'єв В. В.* Лінгвокультурологія в колі інших гуманітарних наук // Російська мова за кордоном. — 1999. — № 2. — С. 76–82.
4. *Виготський Л. С.* Мислення і мова. — М.: Лабіринт, 1996.
5. *Гальперін І. Р.* Текст як об'єкт лінгвістичного дослідження. — М., 1981.
6. *Костомаров В. Г., Бурвікова Н. Д.* Як тексти стають прецедентними // Російська мова за кордоном. — 1994. — № 1. — С. 73–76.
7. *Кубрякова Е. С., Дем'янков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузіна Л. Г.* Короткий словник когнітивних термінів. — М.: МГУ, 1996.
8. *Маслова В. А.* Лінгвокультурологія: навч. посібник. — 3-є вид., випр. — М.: Академія, 2007.
9. *Маслова В. А.* Когнітивна лінгвістика: навч. посібник. — 3-є вид., перероб. і доп. — Мінськ, 2008.
10. *Новикова Т. Ф.* “Простір слова”. Формування етнокультурної компетенції учнів на уроках мовної освіти // Російська мова в школі. — 2004. — № 5. — С. 22–26.
11. *Онкович Г. В.* Слово-тема як конденсат культурологічних знань і підходи до його актуалізації // Українознавство і лінгводидактика. — К., 1998.
12. *Рубакін Н. А.* Психологія читача і книги: коротке введення в бібліографічну психологію. — М., 1929.

T. F. Novikova

CULTURAL AND LINGUISTIC CONCEPTS AS NEW DIDACTIC UNITS IN CULTURE-ADAPTING MOTHER TONGUE TEACHING

The article deals with the problems of language education, related to active including of such cognitive concepts and terms as: lexical background, cultural component of the word, nationally cultural semantic part of value, language constant, precedent text, concept, “super-concept”. The author shows actuality of new concepts as didactic units, the ways of information background presentation and some organizational forms, oriented to practical work with new concepts.

Key words: didactic units, the plan of the word contents and the plan of the word expression, cultural component of the word, precedent text, concept, “super-concept”, “word-theme”.

Т. Ф. Новікова

ЛІНГВОКУЛЬТУРОЛОГІЧНІ ПОНЯТТЯ ЯК НОВІ ЛІНГВОДИДАКТИЧНІ ОДИНИЦІ В УЗГОДЖЕНОМУ З КУЛЬТУРОЮ ВИКЛАДАННІ РІДНОЇ МОВИ

У статті визначено проблеми мовної освіти, що пов'язані з активним входженням до сучасної лінгвістики понять і термінів лінгвокультурології та когнітивістики: лексичний фон, культурний компонент слова, національно-культурні семантичні частки значення, мовна константа, прецедентний текст, лінгвокультурема, концепт, логоепістема, сапієнтема (“суперконцепт”); доведено актуальність нових понять як дидактичних одиниць, які надають наочне уявлення про формування понять і значень слів. В роботі також названо способи об'єктивізації фонетичної інформації у слові, подано деякі організаційні форми, спрямовані на практичну роботу з новими поняттями.

Ключові слова: лінгвокультурологія, лінгводидактика, дидактичні одиниці, план змісту і план вираження слова, культурний компонент слова, лінгвокультурема, концепт, “суперконцепт”, “слово-тема”.

Т. В. Самосенкова

Интерпретация текста в практике преподавания русского языка иностранным студентам

В статье текст рассматривается не только как результат смысловых, но и коммуникативных интенций, т.к. коммуникативная ориентированность грамматики помогает понять, что правила существуют как средства управления коммуникативным процессом, как средство порождения и понимания различных текстов в единстве их формы, содержания и функционального назначения, в соответствии с потребностями и характером общения.

Ключевые слова: текст, профессиональное общение, русский (иностраннй) язык, коммуникативная лингвистика, речевая деятельность.

Обучение иностранному (русскому) языку с точки зрения коммуникативной лингвистики должно быть максимально приближено к условиям и целям его реального использования. Функциональный подход к языку нацелен “на установление форм и сфер его использования, роли языковых средств в образовании функциональных единиц, на описание особенностей употребления языковых форм индивидуумами и социумами” [5: 39]. Как бы ни были глубоко изучены строение и функционирование единиц языка, адекватное их познание и использование может быть достигнуто при изучении закономерностей, свойственных языку в целом, т.е. во всей динамике процесса речевого общения.

Определённые успехи в области семантического и коммуникативного синтаксиса, функциональной грамматики, прагматики, теории речевого поведения, социолингвистики позволяют выявить коммуникативные потребности, определить границы интенционального плана речи говорящего / пишущего. Достижения функциональной стилистики, культуры речи и особенностей их использования, теории текста, теории актуального членения предоставляют возможность воплощения в обучении принципа соответствия языкового и речевого материала тому или иному виду речевой деятельности.

Если коммуникативная лингвистика описывает речь, речевое общение, т.е. применение языковой системы в действии, то для определения характера речевого общения фундаментальное значение имеет понятие деятельности. В философском смысле человеческая деятельность определяется как особая форма взаимодействия людей — членов общества с окружающей их действительностью.

Коммуникативная деятельность человека описывается лингвистами в аспекте процесса, протекания этой деятельности (процессуальный аспект) и в аспекте результата/результатов этой деятельности (результативный аспект). В соответствии с этими аспектами описания коммуникативная лингвистика делится на две дисциплины: теорию речевой деятельности и лингвистику текста. Предметом теории речевой деятельности являются компоненты и фазы порождения, восприятия и понимания речи, социальные, ситуативные, культурно-исторические (включая лингвострановедческие, лингвокультурологические) и другие факторы и условия, влияющие как на отдельные речевые действия, так и на речевую деятельность в целом. Важное место занимают вопросы мотивации и ее отношения к формированию речевой интенции, проблемы внутренней речи (включая процессы кодирования и перекодирования при переходе от родного языка к иностранному в сознании говорящего/пишущего), языковой памяти, интерференции и др.

Так как речевая деятельность — сложная иерархия действий и операций, в ней выделяются константные, характерные моменты, без которых невозможно речевое общение. Следовательно, одной из главных задач теории речевой деятельности является моделирование функционально упорядоченных языковых средств и речевого общения, реализующегося в нашей работе как профессиональное речевое общение на иностранном языке.

Речевое намерение (интенция) — неотъемлемый компонент речевой деятельности, оно находит отражение в языке, приобретает свое воплощение специализированными средствами,

например: интенционные глаголы, своими семантическими и валентными свойствами предназначенные для выражения интенций; побудительные предложения, специализация которых — выражение просьбы и побуждения, а также модальные слова.

Сочетание устно-разговорной и книжно-письменной форм речи рассматривается в современной русистике “как два полюса в пространстве общелитературного русского языка, признаки которых в разной пропорции, в разной степени характеризуют речевые произведения единой языковой системы, а соотношение тех и других признаков определяется коммуникативным назначением речи, жанром, ситуацией и индивидуальными свойствами говорящего” [4:15].

Предметом лингвистики текста является текст, рассматриваемый как результат речевого действия (с т.з. говорящего/пишущего), как объект рецептивной деятельности (с т.з. слушателя/читателя). Лингвистика текста описывает текст как определяемую содержанием и целью речевого действия упорядоченную совокупность предложений, которые связаны между собой отношениями как содержательного, так и формального характера. В круг проблем, связанных с текстом и изучаемых лингвистикой текста, входят следующие: определение качественных и количественных характеристик текста; типология текстов на основе функционального и др. критериев; структура текста в аспектах содержания (композиция) и формы (архитектоника), в частности, подбора коммуникативных приемов/операций, лексических, грамматических и других средств для реализации коммуникативного намерения; связность и цельность текста; стилистическая характеристика текста, в частности, проявление стилистических норм в выборе речевых средств для выражения коммуникативного намерения; разработка надежных путей и способов анализа и адаптации текстов и др. (П. Р. Гальперин, М. Я. Дымарский, Г. А. Золотова, С. Г. Ильенко, Л. М. Лосева, О. И. Москальская, В. В. Одинцов, Г. Я. Солганик, и др.).

Так, Г. А. Золотова считает, что одним из главных организаторов связности текста являются тема и рема, с помощью которых происходит развитие мысли в тексте, и показывает, как рематически ударные слова (существительные, прилагательные, глаголы) в различных фрагментах текстов формируют рематическую доминанту — предметную, качественную или динамическую, которые в речевой практике создают “типичные значения текстовых фрагментов”: описание места, характеристика персонажа, предмета, динамика действия, состояния (природы, среды, лица), изменение состояния, переход от состояния к действию, субъективно-оценочное восприятие действительности [4:129]. Именно Г. А. Золотова, обратившись к коммуникативной грамматике, сумела показать коммуникативную направленность текста как продукта речевой деятельности на адресата, на передачу не только информации, но и на воздействие лексико-синтаксических средств текста на эмоции и волю слушателя/читателя. Г. А. Золотова, рассматривая позиции синтаксической теории текста, выявила органическое взаимодействие семантико-синтаксической модели предложения с семантико-грамматическими разрядами слов в выделенных семантических типах текстовых фрагментов и характеризующих их рематических доминант [4:120–126]. Именно этот подход к типологии учебных текстов позволил по-новому подойти к пониманию принципа обучения русскому языку как иностранному на текстовой основе. Г. А. Золотова показывает, что “смысл речевого целого... создается соотношением смыслов соединяющихся в нем семантико-синтаксических языковых единиц” в таком важном звене текста, как рема, “на уровне ее семантико-грамматического, категориального значения..., создавая рематическую доминанту текстового фрагмента” [4:131]. Таким образом, имеется возможность на всех этапах обучения иностранных студентов-филологов углублять их знания и представления о любой известной им языковой единице, например глагола, за счет ее речевой функции и раскрыть перспективу в изучении русского языка на каждом из этапов — единство языковой системы с системой речи. “Язык статичен, речь динамична, но командует и управляет этой динамикой язык”, — считал Н. И. Жинкин, но в то же время он показал, что в языке, кроме лексического и грамматического отделов, имеется еще третий — “система управления языком и речью. Управление языком — это самонаучение и самоуправление. Управление речью — это смысловое развертывание и сжатие смысла предложения” [3:88] и, следовательно, текста как продукта речевой деятельности во всех его жанрово-стилистических вариациях, сложившихся в истории русской устной и письменной традиции. Поэтому реализация принципа изучения иностранного (русского) языка на текстовой основе позволяет обращаться к проблемам построения текста и функционирования в нем языковых единиц на практических занятиях в иностранной

аудитории. Это позволяет иностранным студентам-филологам на практическом материале осознать неразрывное единство языка/речи и текста как продукта речевой деятельности в устной и письменной речи, развить свои аналитические способности в процессе его восприятия и интерпретации, совершенствуя текстовые умения и текстовую интуицию как важнейшие качества языковой личности в процессе непрерывного обучения. Этому способствуют свойства самого языкового средства.

Функциональные разновидности литературного языка обеспечивают своим материалом наиболее адекватное реальной речевой деятельности воплощение методического принципа — коммуникативного соответствия языкового материала виду речевой деятельности. Отметим, что в условиях непрерывного обучения при восприятии дидактических текстов иностранные студенты-филологи овладевают их композиционно-смысловыми структурами и дифференцируют в своем языковом/речевом сознании выбор языковых единиц (языкового материала) для создания речевых произведений (текстов как речевых данностей) с учетом коммуникативного замысла говорящего/пишущего. Этот функционально-деятельностный подход к формированию языкового сознания иностранных студентов позволяет с позиций социальной коммуникации, единицей которой Т. М. Дридзе считает текст, рассматривать их учебную деятельность с дидактическими (учебными) текстами как текстовую деятельность, т.к. восприятие, понимание, истолкование и др. текстов рассматриваются ею как источники познания, как единицы общения, обмена информацией, обогащения личностного и общественного сознания студента

Задача современной коммуникативной лингвистики и методики — сформировать у будущих учителей-филологов иное, чем при формальном подходе, методическое мышление, чтобы подвести иностранного студента-филолога к осознанию языка как коммуникативной системы, что позволит ему “увидеть ...(язык) “изнутри” и представить возможность иных конфигураций смыслов, иных средств их выражения и механизмов, осуществляющих функционирование этих средств в других языках” [1: 4], без чего невозможно эффективное преподавание языка как средства общения, тем более профессионального. Данный подход представляет возможность обучать иностранных студентов-филологов языку не как застывшей системе, а в процессе его функционирования в речи, с учетом особенностей и закономерностей использования языковых единиц в процессе коммуникации.

1. *Всеволодова М. В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: Учебник. — М., 2000.
2. *Жинкин Н. И.* Механизмы речи. — М., 1982.
3. *Золотова Г. А.* Роль ремы в организации и типологии текста. / Синтаксис текста. — М., 1979. — С. 113–135.
4. *Колшанский Т. В.* Лингвокоммуникативные аспекты речевого общения. // Иностранные языки в школе. — 1985. — № 1. — С. 25.

T. V. Samosenkova

TEXT INTERPRETATION IN PRACTICE OF THE RUSSIAN LANGUAGE TEACHING TO FOREIGN STUDENTS

The article is devoted to consideration of text not only as the result of meaningful but also communicative intention, because communicative direction of grammar helps to understand that rules exist as means of communicative process management, as means of creation and comprehension of different texts in integrity of their forms, content and functional purposes according to necessity and nature of communication.

Key words: text, professional communication, the Russian (foreign) language, communicative linguistics, speech activity.

Т. В. Самосенкова

ІНТЕРПРЕТАЦІЯ ТЕКСТУ У ПРАКТИЦІ ВИКЛАДАННЯ РОСІЙСЬКОЇ МОВИ ІНОЗЕМНИМ СТУДЕНТАМ

У статті текст розглянуто не тільки як результат змістовних, але й комунікативних інтенцій, оскільки комунікативна орієнтованість граматики допомагає зрозуміти, що правила є засобами керування комунікативним процесом, засобом творення та розуміння різних текстів у єдності їх форми, змісту та функціонального призначення відповідно до потреб і характеру спілкування.

Ключові слова: текст, професійне спілкування, російська (іноземна) мова, комунікативна лінгвістика, мовленнєва діяльність.

УДК 811.161.1'36:168.522:376.68

С. Юзефяк

Место грамматики русского языка как иностранного в межкультурной коммуникации

В статье показано место грамматики в процессе формирования коммуникативной компетенции студентов, начинающих изучать русский язык с нулевого уровня. Автор рекомендует на начальном этапе работы сформировать т.н. базисный язык, а на продвинутом этапе использовать систему квантов, которые выполняют роль сигнальных показателей в процессе формирования и совершенствования коммуникативно-культурной компетенции, соотнося её с грамматическими и социокультурными нормами русского языка.

Ключевые слова: русский язык как иностранный; грамматика, упражнения и задания, межкультурная коммуникация, базисный язык.

Опираясь на наш многолетний опыт обучения русскому языку в общеобразовательных школах и на отделении русской филологии Краковского педагогического университета (1974–2009 гг.) и основываясь на положении о том, что изучение лингвистической системы близкородственных языков тесно связано с чрезвычайно сильным воздействием интерференции, мы считаем, что формирование в памяти учащихся так называемого “базисного” языка необходимо осуществлять уже на начальном этапе работы над языком. Базисным языком называют “состав усвоенных учащимся языковых средств (слов, флективных парадигм, синтаксических структур, семантических категорий), предусмотренных программой обучения данному иностранному языку, позволяющих эффективно им пользоваться в жизненных ситуациях” [6: 13]. На продвинутом этапе следует совершенствовать лингвистический код при участии системы квантов, предлагаемой некоторыми современными лингводидактами. Раньше теорию квантования грамматических и лексических единиц освещал в своих публикациях Я. Генцель [2; 3]. Затем Е. И. Пассов выдвинул тезис о том, что “необходимо делить содержание обучения на более мелкие кванты, которые и станут объектами овладения. На каждом уроке, постепенно и системно, шаг за шагом должно происходить овладение именно этими квантами, которые целесообразны с методических позиций, с точки зрения технологии. Поэтому необходимо чётко определить объекты овладения не только в учебном аспекте, но и в познавательном, развивающем и воспитательном, распределить их в системе образования и снабдить средствами овладения (упражнениями). <...> Такое программируемое квантование содержания — серьёзная основа его усвоения [4].

В последнее время эту концепцию развивает А. Бердичевский, исходя из позиций межкультурного совершенствования учителей [1: 4–5].

На наш взгляд, логически обоснованный путь, ведущий к успеху в работе с квантами, начинается с ознакомления с полной, т.е. развёрнутой лингвистической системой изучаемого языка, а затем постепенной редукцией общей парадигматичности (грамматических категорий) вплоть

до выявления существенных показателей (квантов) из области отдельных категорий и последовательного их применения на практике речепорождения и письма.

Общие принципы работы по первой концепции, предназначенной для школьного, “базисного” обучения, должны охватывать следующие шаги:

1. Презентацию общей парадигмы, например, имени существительного данного склонения, спряжения глаголов или других форм той или иной части речи вместе с сопутствующими им лингвистическими комментариями, определяющими межъязыковые контрасты.

2. Подачу практически сжатого комментария к общей схеме вводимой парадигмы, а затем путём квантующе-редуктивного анализа подведение учащегося к осознанному извлечению конечной формы кванта и применению его в ходе реализации речевых или письменных иноязычных упражнений (репродуктивных, а затем продуктивных).

Блок упражнений, содержащий примеры, отличающиеся возрастающей степенью трудности:

- а) упражнения на распознавание — на базе текста(-ов);
- б) упражнения на выбор из числа нескольких изолированных примеров;
- в) упражнения переводческие (трансляционные) с родного на иностранный язык;
- г) упражнения на конструирование (слова даны в рассыпную и приведены в словарной форме).

Формирование в памяти учащихся полной (развёрнутой) структуры лингвистического кода, иначе говоря, “базы” изучаемого языка, должно быть результатом предложенных ниже дидактических операций. Ниже приводятся примеры упражнений к отдельным пунктам лестничной (шаговой) процедуры, описанной выше.

Практические примеры I

(начальный — развёрнутый этап работы с квантами)

Грамматико-орфографические единицы:

Пример квантов лингвистической информации:

Квант номер 1

Шаг 1 (презентация полного, т.е. развёрнутого языкового образца)

Глаголы 1 спряжения (читать, писать)

1. Я чита-ю	1. Мы чита-ем
2. Ты чита-ешь	2. Вы чита-ете
3. Он, она, оно чита-ет	3. Они чита-ют; пиш-ут

Глаголы 2 спряжения (говорить, лежать)

1. Я говор-ю	1. Мы говор-им
2. Ты говор-ишь	2. Вы говори-те
3. Он, она, оно говор-ит	3. Они говор-ят

Шаг 2 (лингвистический комментарий + извлечение квантов)

Кванты: W *temacie* (e/e) ; 3. os. I. mn. (-ут, -ют);

w *temacie* (и) ; w 3 os. I. mn. (- ат, -ят).

Пример короткого текста:

Я люблю читать; Ему не хочется учиться.

(что делать?, что сделать?) Ты чита**ешь** интересную книгу; Ты напиш**ешь** сочинение.

Достан**ь** свою тетрадь.

Ты / Вы уч**ись** / уч**итесь** пению.

Лингвистический комментарий:

Znak miękki (*ь*) w czasownikach rosyjskich piszemy (Мягкий знак в глагольных формах мы пишем):

- а) w bezokoliczniku czasownika, т.е. в инфинитиве;
- б) w 2 osobie I. poj. czasu teraźniejszego i przyszłego prostego, - во 2 л. ед. ч. наст. и будущ. прост. времени;
- в) w niektórych formach trybu rozkazującego, - в некоторых ф-мах повелит. накл.;
- г) w czasownikach zwrotnych — в возвратных глаголах.

Шаг 3 (упражнения, проводимые согласно следующим указаниям)

а) Анализ текста, содержащего глагольные формы обоих спряжений под углом зрения наличия введённых квантов — процесс распознавания

Упражнение 1. В приведённых предложениях найдите глаголы, включите их в таблицу, определяя их род, лицо, тип спряжения и время:

На дворе стоит прекрасная погода. Дети стояли у ворот школы. Маша каждое утро ходит по разным магазинам. Ты читаешь интересную книгу. Народы хотят жить без войны. Дети любят эту собаку. Вы завтра будете плавать в море. Мы не хотим купаться. Саша хотел купить новый велосипед. Будьте добры, зайдите к нам в гости! Соня, прочитай этот рассказ! Сиди спокойно! Он научится хорошо работать. Почему вы смеётесь над ним? Сядьте, пожалуйста, слушайте внимательно! Вера, когда ты напишешь письмо матери? Время каникул бежит так быстро. Мы едим вкусное яблоко.

Форма глагола — лицо — число — тип спряжения — время (настоящее, прошедшее, будущее)

1/

2/ ... 10/

б) Выбор глаголов из числа приведённых примеров, согласно выступившему виду кванта

Упражнение 2. Образуйте формы глаголов настоящего, прошедшего, будущего времени:

Форма глагола Настоящее время прошедшее время будущее время

1. Я (ехать) в бассейн
2. Ты (слушать) концерт, музыку
3. Он (ходить) вечером на прогулку
4. Мы (работать) дружно.
5. Они (говорить) по-немецки.

Упражнение 3. Заполните предложения помещёнными в скобках глаголами в нужной форме повелительного наклонения:

1. Саша (сказать)..... сколько тебе лет?
2. (Сесть) за стол
3. (Дать) мне, пожалуйста, эту книгу!
4. (Достать) свои учебники!
5. Витя (прочитать) своё задание!
6. Мальчики (не мешать) слушать музыку!
7. (Беречь)..... книги!
8. (Принести) мне ваши тетради!

Упражнение 4. Найдите в предложениях глаголы с мягким знаком и объясните их правописание:

- Научитесь читать текст!
 Ты пишешь письмо матери.
 Мы любим заниматься спортом.
 Нина хочет зажечь костёр.
 Вы смеётесь слишком громко.
 Мы сделаем эту работу.
 „ь” в инфинитиве „ь” во 2 лице ед. ч. наст. вр. „ь” в возвратных и будущ. прост. времени глаголов.

1.

2. ... 6.

в) Переводческие упражнения с учётом глаголов, содержащих представленные ранее кванты

Упражнение 5. Переведи на русский язык предложения с глаголами прошедшего времени:

1. Wczoraj czytałam ciekawe opowiadanie.
2. Napisałeś do mnie piękny list.
3. Kiedy byliście w kinie?
4. Dzieci wieczorem wrócili z wycieczki.
5. Na ulicy widzieliśmy nieszczęśliwy wypadek.

Упражнение 6. Переведите предложения на русский язык:

1. Przyjdę do siebie dzisiaj wieczorem.
2. Oni przyniosą mamie kwiaty.
3. Jutro po lekcjach będziemy grać w piłkę.
4. Zaśpiewamy przy ognisku harcerskie piosenki.
5. Uczniowie będą pracować na działce szkolnej.
6. Będę pomagał(a) swojej mamie sprzątać mieszkanie.

Упражнение 7. Переведите на русский язык предложения, содержащие глаголы с иным, чем в польском языке, падежным управлением:

1. Lubimy słuchać muzyki.
2. Tania zatelefonowała do babci.
3. Już trzeci (czwarty) rok uczę się języka rosyjskiego.
4. Cieszę się z nowej sukienki.
5. Ojciec pogratulował mi dobrych ocen.
6. Wiera zachorowała na grypę.
7. Napisz list do taty!

Упражнение 8. Переведите предложения на русский язык:

1. Usiądź przy stole!
2. Przeczytaj gazetę!
3. Przynieś swyż zeszyt!
4. Piszcie uważnie!
5. Usiądźcie!
6. Pracujcie dobrze!

г) **Упражнения на конструирование с применением глаголов обоих квантовых вариантов**

Упражнение 9. Сконструлируйте предложения в настоящем, прошедшем и будущем времени, сочетая данные глаголы с именами существительными:

Катя	читать (что)	книга, роман, стихотворение
Миша	любить (что)	футбол, кино, музыка
Ребёнок	заниматься(чем)	игрушки, рисование
Федя	работать (кем)	химик, геолог, водитель
Папа	слушать (что)	концерт, радио
Она	болеть (чем)	грипп, корь, ангина

д) **Коммуникативные задания монологического или диалогического типа, учитывающие глагольные формы обеих квантовых групп**

Упражнение 10. Проведите короткий диалог с партнёром или партнёршей по группе на тему своего рабочего дня, употребляя подходящие по смыслу глаголы, заключённые в рамке.

Упражнение 11. Опишите своё последнее путешествие в горы.

Упражнение 12. Расскажи о том, как ты провёл последние каникулы.

Всё это требует от учителей презентации этого материала в форме квантов, чтобы в случае необходимости употребления таковых языковых единиц в речевых или письменных высказываниях легче можно было мгновенно извлекать их “порции” из “склада” долговременной памяти и сразу включать в продуцируемые предложения, не тормозя высказывания.

Как подсказывает опыт, очень важным звеном работы по совершенствованию квантов является применение принципа “вертикали-горизонталей” в ходе мыслительных (умственных) операций, заключающегося в извлечении из “склада” долговременной памяти порций (квантов) из области одной грамматической категории, а затем их сопоставление с квантами других категорий. К примеру, кванты, касающиеся правописания мягкого знака в глаголах, а затем в прилагательных и других частях речи. Эти “скачки” заставляют учащихся думать, сравнивать, противопоставлять, развивая тем самым операции моментальной рефлексии, необходимой в процессах речепорождения. В результате осуществления таких процессов учащиеся старались сознательно избегать ошибок, допускаясь ранее вследствие ото-

ждествления близких по звучанию или написанию лексических единиц или грамматических форм.

Основные принципы работы по т.н. редуکتивно-квантовой системе, **совпадающей с продвинутым этапом обучения**, обусловлены, по мнению А. Бердичевского, тем, что “грамматический материал учебника тесно связан с изучаемым межкультурным содержанием и имеет ярко выраженную функциональную направленность”, в связи с чем “в центре внимания находится не форма, как на начальной стадии обучения, а культурологическая функция грамматического явления, т.е. то, каким образом данный грамматический материал выражает то или иное содержание, отражающее культуру изучаемого языка”. Мы поддерживаем эту точку зрения, ибо на продвинутой стадии развития коммуникативно-культурной компетенции студент должен свободно оперировать квантами, то есть уметь применять грамматику в функциональном плане.

Ниже изложены очередные дидактические шаги, направленные на формирование в долговременной памяти учащихся квантов лингвистической информации (интеллектуальные леса), и способы извлечения квантов в процессах порождения устных и письменных высказываний.

Вышеупомянутую **компрессию** лингвистических категорий до формы квантов следует понимать как цикл технических приёмов, сориентированных на:

а) презентацию отрывка текста, содержащего культураную и грамматическое (-ие) явление(-я), напр.: *А, почему, но, да, нет* и т. п.;

б) диалог или монолог с приложенным вопросом о том, почему говорящий А поступил так, а должен был поступить иначе в ситуации, когда Б высказался так или иначе. В данном случае А должен сослаться на культурологический комментарий и квант, определяющий применение нужной грамматической формы [ср.: 1];

в) учёт в ходе презентации лингво-культурологических материалов современных СМИ, т.е. компьютерной техники и интернета. Эти средства способны обеспечивать учителям подготовку презентаций по горизонтальной модели — от общего к частному, т.е. кванту [5].

Резюмируя, необходимо обратить внимание на факт, что согласно нашим соображениям, первый этап работы по внедрению грамматического материала должен охватывать ознакомление с полной системой изучаемого языка в сопоставлении с явлениями родного языка учащегося / студента, готовящее к восприятию её в форме квантов.

Второй этап работы по квантам должен быть направлен на умение оперировать этими единицами в практике речевой коммуникации в разных социально-культурологических ситуациях.

Практические примеры II

(продвинутый — культурологический — этап работы по квантам)

Ad. Диалог 1. **Приветствие.**

П.: Добрый день, Иван Петров.

П.: Вы вчера вернулись из заграничной поездки?

Р.: Да, вернулся...

Р.: А как ваши дела?

П.: Всё в порядке.

П.: Куда Вы ездили?

Р.: Я путешествовал в Грецию пообщаться с партнёрами по различным служебным вопросам...

П.: Вы не сердитесь на меня?

А.: Не сержусь, но...

1. Скажите, пожалуйста, почему Б почувствовал себя некомфортно?

Какую грамматическую функцию выполняет союз **но** в данном диалоге?

Диалог 1а. **Приветствие.**

Вера недавно получила новую квартиру. Она пригласила своих друзей на новоселье.

Ирина: Привет, Вера. (Ирина дарит Вере цветы). Прошу прощения за то, что мы с Андреем немножко опоздали. (Муж Ирины Андрей — поляк).

(Андрей, в свою очередь, приветствует Веру, говоря):

Добрый день, мне очень приятно познакомиться с Вами. (Андрей собирается поцеловать Вере руку). Вера, убирая руку, возражает:

Ну, что Вы...?

Вера предлагает гостям сесть за стол.

Угощайтесь, пожалуйста ...

Комментарий:

1. Чему Вера удивилась, здороваясь с Андреем?

2. Какую грамматическую роль выполняет здесь конструкция: **Ну, что Вы...?**

Диалог 2. **С визитом у знакомых.**

Павел и Ванда, приехавшие к своим московским друзьям Ирине и Олегу, условились по телефону навестить их дома.

Ванда: Алло, Ирина, это я, Ванда. Знаешь, мы с Павлом уже на Белорусском вокзале.

Скажи, пожалуйста, мы можем завтра вечером заглянуть к вам?

Ирина: Сколько лет, сколько зим мы не виделись! Приезжайте к нам... Ванда, ты помнишь наш адрес?

Ванда: Сокольники, ул. Вернадского, 83, дом 15, кв. 7.

Ирина: Мы живём на четвёртом этаже. Будем Вас ждать часов в семь.

На следующий день:

Ванда с Павлом поднялись на лифте на пятый этаж, но квартиры не нашли...

Квартиру знакомых, находившуюся этажом ниже, помогли им найти соседи Ирины и Олега.

Почему Ванда и Павел не могли найти квартиру знакомых?

Почему она, встретившись, в конце концов, со знакомыми, спрашивала у них, **какую** ошибку в адресе она допустила?

Комментарий: Что полякам, приезжающим в Россию, нужно знать на тему этажей?

Диалог 3

(В семье поляков в Кракове)

За обедом

Барбара и Роман решили пригласить своих друзей из Санкт-Петербурга вместе пообедать.

— Обед подан, — заявляет Барбара. На столе у всех томатный суп. (Рядом находится всё необходимое для второго блюда и десерта: тарелки, блюдечки, вилки и другие столовые приборы...)

Барбара, обращаясь к Маше и Виктору, просит угощаться.

Роман (добавляет): Приятного аппетита.

Виктор: Извини меня, Барбара, **ты не смогла бы** дать нам несколько ломтиков чёрного хлеба?

Барбара (удивляясь, спрашивает): Виктор, ты что, не любишь супов?

(Однако она уходит на кухню и через некоторое время приносит три-четыре ломтика белого хлеба).

Гости принимаются за еду.

1. Почему Виктор обратился с вопросом к Барбаре?

2. Какую грамматическую форму он употребил, чтобы вызвать реакцию хозяев?

3. Комментарий: Объясните, какая привычка проявляется у россиян во время обеда?

Подытоживая, подчеркнём, что на втором этапе дидактической работы следует стремиться в ходе постепенной редукции парадигм к выявлению и закреплению многих квантов, функционирующих в изучаемом языке. По нашему мнению, кванты способны выполнять роль сигнальных показателей в процессе формирования и совершенствования коммуникативно-культурной компетенции языка обучения и становиться базой, опираясь на которую учащийся или студент сможет найти подсказку, гарантирующую ему выход из затруднительного ситуативно-коммуникативного положения в диалоге с собеседником(-ами).

1. *Бердичевский А.* Национальный вариант межкультурного учебника как основного средства межкультурного образования. — М., 2009.
2. *Генцель Я.* Билингвальная модель порождения высказывания и вопросы оптимизации преподавания русского языка как иностранного // Русский язык за рубежом. — 1992. — № 2.
3. *Генцель Я.* Квантование лингвистической информации и его применение в лингводидактических материалах по русскому языку // Вопросы лингвистики и лингводидактики: Мат-лы конф. МАПРЯЛ (Краков, 23–24.04. 1996) / Под ред. Т. Жеберек. — Кракów, 1996. — С. 214–222.

4. Пассов Е. И. Русское слово в методике как путь в мир русского Слова, или Есть ли у методики будущее? Научно-фантастическое эссе // 11-й конгресс МАПРЯЛ (Варна, 17–21.09.2007). — Липецк, 2007. — С. 23–28.
5. Tadeusiewicz R. Internet jako narzędzie dydaktyczne // Dydaktyka informatyki. Problemy metodyki / Red. W. Furmanek, A. Piecuch. — Wrocław, 2004.
6. Tymińska J., Woźniiewicz W., (red.) Szczegółowa taksonomia celów nauki języka rosyjskiego w szkole średniej / Instytut Programów Szkolnych Ministerstwa Oświaty i Wychowania. — Warszawa, 1982.

S. Józefiak

THE ROLE OF GRAMMAR IN THE TEACHING OF RUSSIAN AS THE FOREIGN LANGUAGE FOR DEVELOPMENT OF INTERCULTURAL COMMUNICATION

The article contains information about the place of grammar in process of forming the students' communication competence for the scholars who begin to study Russian with “zero” level. The author of the article recommends form to the initial language “base”, and on advanced stage to use quanta of information to make linguistic and cultural competence correlating with grammatical and socio-cultural norms of Russian.

Key words: Russian as the foreign language, intercultural communication, base language, grammar, exercises.

С. Юзефяк

МІСЦЕ ГРАМАТИКИ РОСІЙСЬКОЇ МОВИ ЯК ІНОЗЕМНОЇ В МІЖКУЛЬТУРНІЙ КОМУНІКАЦІЇ

У статті показано роль граматики в процесі формування комунікативної компетенції студентів, що починають вивчати російську мову з нульового рівня. Автор рекомендує на початковому етапі роботи сформулювати так звану базисну мову, а на розвинутому етапі використовувати систему квантів, які виконують роль сигнальних показників у процесі формування й удосконалення комунікативно-культурної компетенції, співвідносячи її з граматичними та соціокультурними нормами російської мови.

Ключові слова: російська мова як іноземна, граматика, вправи і завдання, міжкультурна комунікація, базисна мова, квант.

УДК 376.68:81'232:[821.161.1+821.161.2]

О. В. Филиппова

Влияние литературных произведений на формирование коммуникативной компетенции иностранных студентов гуманитарного профиля (из опыта работы)

В статье рассматриваются проблемы формирования коммуникативной компетенции иностранных студентов гуманитарного профиля с использованием художественных текстов русской и украинской литературы, подчёркивается их культурно-воспитательное и общеобразовательное значение.

Ключевые слова: коммуникативная компетенция, литературное произведение, формирование умений, речевая деятельность, воспитательное и эстетическое значение.

Коммуникативная компетенция иностранных студентов подготовительного факультета — это способность средствами изучаемого языка осуществлять речевую деятельность в соответствии с целями и ситуацией общения в рамках учебно-воспитательной системы.

Овладению коммуникативной компетенцией способствует речевая тренировка, в которой огромную роль играет художественный текст (в частности литературные произведения малых форм), который, по словам Л. Н. Толстого, переводит мысль в чувство. В художественном тексте

есть не только побудительный мотив к речевому действию, обмену впечатлениями, но и основа для решения целого ряда воспитательных задач. Кроме того, художественный текст, отражая взаимодействие различных типов речи, служит живой моделью речевого общения.

В курсе “Основы русской и украинской литературы”, разработанном на подготовительном факультете ОНПУ (авторы Миракьян И. Г., Богачёва Т. А. и Губаренко В. Н.), художественные тексты представлены, прежде всего, как явления национальной культуры. Именно поэтому в указанном курсе обучение коммуникативной компетенции начинается со знакомства с фольклорными произведениями малых форм.

В группах гуманитарного профиля знакомство с русскими и украинскими фольклорными произведениями происходит, когда студенты уже способны осмыслить небольшой текст и вступить в коммуникацию. Именно устное народное творчество является основой художественной литературы, отображающей национальный характер, менталитет, традиции и обычаи.

Однако отбор художественных текстов необходимо производить с учётом межкультурных, психологических (мотивации), лингвистических (уровни владения языком) и методических (структуризация текста) факторов. Текстовый материал должен сопровождаться наглядностью. С этой целью курс “Основы русской и украинской литературы” имеет иллюстративный тематический словарь и видеоматериалы с экранизированными литературными и фольклорными произведениями.

На подготовительном этапе обучения студентам гуманитарного профиля предпочтительнее изучать произведения классиков русской и украинской литературы А. С. Пушкина, Т. Г. Шевченко и А. П. Чехова, которые как нельзя лучше подходят для обучения данного контингента. А. П. Чехов владел искусством “коротко говорить о длинных вещах”, а А. С. Пушкин и Т. Г. Шевченко являются символами русской и украинской литературы.

Классики поднимают в своих даже небольших по размеру произведениях общечеловеческие проблемы, которые близки и понятны каждому человеку независимо от его национальности: любовь к родине, верность долгу, ответственность, семейные отношения, дружба, нравственные качества отдельного человека.

Студенты знакомятся и с творчеством Н. В. Гоголя. В учебном комплексе по русскому языку “Ключи” им предлагается для изучения текст либретто оперы “Черевички” по мотивам повести “Ночь перед Рождеством”. Как приложение к курсу “Основы русской и украинской литературы” следует использовать произведения современных писателей и поэтов, например, Виктории Токаревой, Ирины Жиленко, Анатолия Димарова и др., которые предлагаются студентам на факультативных занятиях.

Адекватному восприятию художественного произведения на неродном языке способствует наличие одной сюжетной линии, ограниченность числа персонажей, однозначность средств художественной выразительности (с учётом многозначности русской лексики), представление действительности в виде последовательной цепи взаимосвязанных действий, явлений, мыслей.

К концу второго семестра, когда студенты подготовительного факультета уже владеют довольно большим лексическим запасом, познакомившись с многозначностью слов, эпитетов, метафор и т. п., им предлагаются аутентичные тексты стихотворных произведений А. С. Пушкина и Т. Г. Шевченко.

Гуманистическая сторона содержания коммуникации существенным образом углубляется, если студенты, изучая язык, знакомятся с текстами художественной литературы как культурным явлением. Этические проблемы, поднимаемые классической литературой, не могут не влиять на мышление, чувства и убеждения иностранных студентов. Возникает потребность каждого учащегося в речемыслительной деятельности, что чрезвычайно важно для её активизации при сравнении с произведениями национальной литературы студентов.

Проживая жизнь героев произведений русской и украинской литературы, окунаясь в культуру различных эпох и социальных групп, студенты получают яркое представление о русской и украинской культурах, их ценностях, традициях, нравах, стереотипах поведения и сознания.

Знакомясь с произведениями русской и украинской литературы, студенты получают возможность не только совершенствовать русский и украинский языки, но и приобщиться к достижениям мировой культуры.

Включение литературных произведений в учебные материалы уже на подготовительном факультете имеет большую общеобразовательную, культурно-страноведческую и эмоционально-эстетическую значимость. Кроме того, художественная литература выступает как действенный стимул в общем процессе обучения русскому и украинскому языкам и в гуманитарных группах повышает уровень профессиональной ориентации учащихся.

Изучение художественных текстов предполагает глубинную работу с языком произведения, т.к. именно в литературных произведениях реализуется связь языка и культуры.

Таким образом, практика показывает, что текст художественного произведения — прекрасный материал для развития речи иностранных учащихся в результате общения. Использование художественных текстов в процессе обучения русскому и украинскому языкам как иностранным повышает уровень коммуникативной компетенции иностранных учащихся.

1. *Гаврикова И. Ю.* Проблемы изучения русской литературы в иностранной аудитории // Проблемы обучения иностранных студентов: Материалы международной научно-практической конференции 14–16 июня 2000 года. — Одесса, 2000.
2. *Иванова Л. В., Мацневская Н. П., Агекян Л. П.* Активизация речемыслительной деятельности студентов-иностранцев на материале текстов морально-этической тематики // Там же.
3. *Шилофост Н. М.* Особенности восприятия студентами из Китая произведений русской классической литературы // Там же.
4. *Громова Л. Г.* Обучение иностранных студентов русской культуре // Русское слово в мировой культуре: Материалы X Конгресса МАПРЯЛ 30 июня — 5 июля 2003 г. — Пленарные заседания: сборник докладов. Т. 2. — С. Пб., 2003.
5. *Рогова К. А., Вознесенская И. М., Гончар И. А.* и др. Художественный текст в аспекте преподавания русского языка как иностранного // Там же.
6. *Льбіна Л. Е., Чушкова Г. П.* До питання про відбір та інтерпретацію художніх текстів в іноземній аудиторії // Викладання мов у вищих навчальних закладах освіти на сучасному етапі. Міжпредметні зв'язки. Наукові дослідження. Досвід. Пошук. — Харків, 2007. — Вип. 12.
7. *Щукин А. Н.* Методика преподавания русского языка как иностранного: Учеб. пособие для вузов. — М., 2003.

O. V. Philippova

THE INFLUENCE OF THE WORKS OF LITERATURE ON FOREIGN STUDENTS' COMMUNICATIVE COMPETENCE FORMING IN HUMANITARIAN COURSES

The author considers the problems of forming the communicative competence of the foreign students of humanitarian courses on the base of Russian and Ukrainian literature, emphasizing their cultural and educational significance.

Key words: communicative competence, forming abilities, speech activity, cultural significance.

О. В. Філіппова

ВПЛИВ ЛІТЕРАТУРНИХ ТВОРІВ НА ФОРМУВАННЯ КОМУНІКАТИВНОЇ КОМПЕТЕНЦІЇ ІНОЗЕМНИХ СТУДЕНТІВ ГУМАНІТАРНОГО ПРОФІЛЮ (З ДОСВІДУ РОБОТИ)

У статті розглядаються питання формування комунікативної компетенції іноземних студентів гуманітарних груп за допомогою художніх текстів російської та української літератури, підкреслюється їх культурно-виховне, естетичне та загальноосвітнє значення.

Ключові слова: комунікативна компетенція, літературний твір, формування умінь, мовна діяльність, виховне та естетичне значення.

С. В. Плотницькая

Иноязычно-речевая коммуникативная компетенция студентов, сформированная средствами Internet-ресурсов

В статье рассматриваются принципы формирования иноязычно-речевой коммуникативной компетенции студентов, причем Internet-ресурсы играют важную роль в подготовке профессиональных журналистов.

Ключевые слова: иноязычно-речевая коммуникативная компетенция, медиаобразование, он-лайн газета.

Данная статья рассматривает *проблему* формирования языковой личности студента средствами Internet-ресурсов. Изучением особенностей коммуникативно-прагматических явлений в обществе занимались Г. В. Колшанский, Е. В. Падучева, В. З. Демьянков, А. А. Романов, И. М. Кобозева, Л. П. Семенов, Е. М. Мартынова, Т. ван Дейк, Дж. Лич, Х. П. Грайс, А. А. Залевская, Дж. Лакофф, Р. Лангакер, Л. Талми, А. Вежицкая, С. С. Дикарева, Г. Ю. Богданович, А. Н. Баранов, А. С. Герд, Б. Ю. Городецкий, Ю. Н. Караулов, А. А. Поликарпов, В. А. Широков, А. В. Зубов. Однако возможности иностранного языка расширяются, превращая его в средство: а) образования и всестороннего развития личности; б) доступа к иноязычной информации; в) осуществления межкультурного общения в контексте профессиональной деятельности. Всё это привело к необходимости переосмысления существующего подхода к обучению иноязычному профессионально-ориентированному общению.

Актуальность проблемы определяется необходимостью изучения английского языка в профессиональной сфере средствами Internet-ресурсов, которые участвуют в формировании информационной среды современного человека и определяют развитие лингвистики текста, нацеленной на изучение языковых способов передачи информации, поиска языковых способов построения и передачи текстов особой прагматической направленности, обеспечивающих общение в сфере массовой коммуникации.

Лингвистами и программистами сегодня обсуждаются такие вопросы, как структура и объем электронных словарей, принципы системной организации лексики, методы лингвистического программного обеспечения, параметры систематизации информационного материала. Один из важных аспектов в научных дискуссиях — возможности использования компьютерных технологий при создании и применении словарей, что, несомненно, играет большую роль в формировании языковой личности студента.

Основная цель данной статьи — выявить особенности формирования иноязычно-речевой коммуникативной компетенции средствами Internet-ресурсов и показать, что корпусная лингвистика, содержащая большие объемы текстов, может служить ценнейшим ресурсом для студентов на всех уровнях учебы — с самого начала вплоть до получения докторской степени.

Поставленная цель определила ряд *конкретных задач*: описать историю развития понятий: коммуникативная компетенция, иноязычная коммуникативная компетенция и иноязычно-речевая коммуникативная компетенция; показать, как с помощью Internet-ресурсов формируются знания, умения и навыки англоязычного профессионального общения у будущих журналистов.

На современном этапе информатизации профессионального вузовского образования происходит внедрение в практику обучения средств, функционирующих на базе мультимедийных, информационных и коммуникационных технологий. Особый интерес представляют инновационные технологии обучения, базирующиеся на использовании глобальной компьютерной сети Интернет, которая объединяет мировые информационные ресурсы и обеспечивает большую прозрачность в межкультурной коммуникации. Основная задача медиаобразования — подготовить новое поколение специалистов к жизни в современных условиях и овладению способами общения на основе различных форм коммуникации с помощью современных информационных технологий.

Иноязычное общение является частью профессиональной деятельности журналиста, которому необходимо уметь правильно построить устное выступление, композиционно верно оформить письменный текст: доклад, статью, эссе, — уметь грамотно сформулировать вопросы во время пресс-конференций, уметь вести диалог/полилог во время интервью. Эти знания и умения должны стать объектами целенаправленного обучения студентов иностранному языку как профессионально направленной иноязычной коммуникативной деятельности. Результатом такой деятельности является формирование профессионально ориентированной иноязычной коммуникативной компетенции в объеме, заданном государственным образовательным стандартом и программами дисциплины “Иностранный язык”. Анализ нормативных документов показывает, что студенты, обучающиеся по специальности “Журналистика”, должны быть подготовлены к реальной профессионально направленной практической деятельности с использованием иностранного языка. Процесс формирования профессионально направленной иноязычной коммуникативной компетенции будущих специалистов-журналистов должен быть управляемым и основываться на реальных ситуациях общения. По определению В. В. Сафоновой (1991), иноязычная коммуникативная компетенция — это определенный уровень владения языковыми, речевыми и социокультурными знаниями, умениями и навыками, позволяющий обучаемому коммуникативно приемлемо и целесообразно варьировать свое речевое поведение в зависимости от психологических факторов одноязычного или двуязычного общения. Понятие иноязычной коммуникативной компетенции имеет свою историю, оно зародилось в недрах коммуникативно-ориентированной методики. Термин *коммуникативная компетенция* (от лат. *competere* — быть способным к чему-либо) был использован Н. Хомским (N. Chomsky, 1965) и первоначально обозначал языковую компетенцию, складывающуюся из способности индивида: а) понимать/образовывать неограниченное число предложений, построенных по их структурным схемам; б) обнаруживать формальное сходство/различие близких по своему содержанию высказываний. Из лингвистики термин был перенесен в социолингвистику и методику обучения иностранным языкам и понимался как речевая способность индивида, т.е. совокупность конкретных умений, необходимых члену языкового сообщества для речевых контактов с другими и овладения языком как учебной дисциплиной. В коммуникативную компетенцию студентов-журналистов включается энциклопедический (когнитивный), лингвистический и интерактивный компоненты. Профессионально-ориентированная коммуникативная компетенция определяется как способность специалиста осуществлять эффективное иноязычное общение, способствующее успешной профессиональной деятельности. Языковая компетенция трактуется как освоение необходимых знаний о языке как знаковой системе и общественном явлении, его устройстве, развитии и функционировании; обогащение словарного запаса и грамматического строя; формирование способности к анализу и оценке языковых явлений и фактов, необходимых знаний о лингвистике как науке; умение пользоваться различными лингвистическими словарями. Культуроведческая компетенция выступает как осознание языка в качестве формы выражения национальной культуры, взаимосвязи языка и истории народа, национально-культурной специфики, владение нормами речевого этикета, культурой межнационального общения.

Методика обучения в последние десятилетия стремится реализовать психолингвистический подход к обучению языку как речевой деятельности; во многих работах можно найти современное определение методики преподавания языка как “теории формирования языковой / речевой компетенции обучаемых”. Несмотря на то, что выражение “языковая компетенция” попало в государственные нормативные документы, несмотря на многочисленные исследования в психолингвистической, лингвистической, педагогической и психологической литературе, авторы вкладывают в содержание понятия “языковая компетенция” разнообразные смыслы. До настоящего времени остаются мало и несистематично исследованными проблемы содержания языковой компетенции, ее развития и измерения.

Понятия “иноязычно-речевая коммуникативная компетенция или вторичные умения” — были впервые предложены В. Л. Скалкиным в 1986 г. Владимир Львович Скалкин говорил, что речевая способность или компетенция не может быть определена ни через знание, умение или навык отдельно, ни через их простую комбинацию. Это сложная (специфически человеческая) многоярусная по структуре способность к смыслокодирующей и декодирующей деятельности

и адаптивно-информационной ориентировке в ситуации общения, опирающаяся на комплекс разноаспектных и разноуровневых знаний, умений и навыков и предполагающая как сознательный выбор, конструирование нового, опору на правило или аналогию, так и автоматизм, клише, воспроизведение готового, повторяющегося, ранее встречавшегося и хранящегося в памяти элемента национального языка. Владение обучающимися активным словарем должно находиться на уровне навыков, что предполагает точное знание фонемно-орфографического образа слова, его парадигматики и основных значений и свободное оперирование им, стилистическую уместность и нормативное оформление лексических единиц в предложении, знание сочетаемости. Владение обучающимися пассивным минимумом находится на уровне умений, что предполагает восприятие формы и декодирование её смысла с помощью ряда соответствующих сознательно-механических операций, сопоставления, частичного анализа, построения и выбора гипотез. Владение обучающимся потенциальным словарем находится на уровне знаний, что предполагает активную его аналитико-синтетическую деятельность, включающую элементы дешифровки, реконструирования. Однако в едином речетворческом акте — порождении высказывания — обучающийся сталкивается с необходимостью синхронного оперирования разноуровневыми и разноаспектными элементами языка, характеризующимися различной степенью активизированности, т.е. в процессе построения фразы реализуются и навыки, и умения, и знания. Они интегрируются в едином речевом действии, образуя особый механизм (способность к речевой деятельности), который можно назвать компетенцией. Коммуникативную компетенцию следует рассматривать как неотъемлемый компонент речевой компетенции, т.к. без коммуникативной цели, направленности, ориентированности и т. д. реальной речи не бывает (1986).

Ведущей целью обучения иностранному языку (ИЯ) в вузе является коммуникативная — формирование коммуникативной компетенции, т.е. умения извлекать достаточно полную информацию при чтении иноязычных текстов, умения понять собеседника, а также навыка выразить свою мысль устно и письменно. В связи с этим необходимо формировать у студента-журналиста учебную иноязычно-речевую коммуникативную компетенцию, которая включает: 1) знания о: рациональных способах осуществления коммуникативно-познавательной деятельности; правилах работы с текстами различных функциональных стилей; преимуществах применения новейших (компьютерных) технологий в обучении и самообучении ИЯ; 2) умения и навыки: рационально распределять время и силы на выполнение различных коммуникативных заданий по ИЯ; работать с различными видами справочной литературы; эффективно использовать аудио- и видео-средства обучения, компьютер (включая Internet); осуществлять самодиагностику успешности овладения программными иноязычными знаниями, умениями и навыками. Использовать Интернет для обучения иностранным языкам удобно, плодотворно и перспективно: появился доступ к неограниченному количеству аутентичной информации на иностранном языке, чего раньше не хватало, так как не были доступны зарубежные газеты и журналы. Компьютер призван выполнять роль вспомогательного средства. Образовательная деятельность должна быть личностно-ориентированной, т.е. дифференцированной с учетом различных свойств и качеств личности. По мнению ряда специалистов, личностно-ориентированное обучение предполагает, прежде всего, смену парадигмы образования. Если раньше приоритет в системе обучения принадлежал деятельности обучающего, то в наши дни приоритет сдвинут в сторону деятельности обучающегося. Однако заменять преподавателя новыми технологиями имеет смысл только тогда, когда язык изучают самостоятельно. Компьютер никогда не заменит преподавателя. Однако компьютер — мощное средство познания и коммуникации. Перед высшими учебными заведениями стоит задача создания новых учебных материалов для обучения иностранным языкам. Это трудная работа по объёму и по сложности. На неё потребуется много времени, ибо помимо методических вопросов, возникает множество технических проблем. Компьютерная программа, компакт-диск, какими бы интерактивными при этом они ни были, могут обеспечить лишь квазиобщение, т.е. общение с машиной. Исключение составляют лишь телекоммуникации, когда студент вступает в живой диалог (письменный или устный) с реальным партнёром — носителем языка. В плане овладения межкультурной компетенцией незаменимым помощником является онлайн-газета. Она позволяет студенту-журналисту окунуться в гущу мировых событий, происходящих в текущий момент. Студент приобретает грамматические навыки, примеры которых встретились в статьях. В дополнение к работе над навыками чтения и говорения,

пополняется словарный запас. Студенты могут провести исследование статей на определенную тему одного из новостных агентств в течение длительного промежутка времени и, досконально изучив проблему, прогнозировать развитие событий. Интернет может и должен использоваться не только пассивно, но и активно. В последнее время стал возрастать интерес к корпусным данным и их применению в преподавании языка. Лингвисты поняли, что лексическим и фразеологическим единицам необходимо уделять более важную роль, чем прежде. Корпусная лингвистика открывает новые методы и исследовательские приемы для более полного описания лексического слоя современного языка, даёт возможность получить новые результаты, а исследование корпуса текстов способствует выявлению широкого спектра семантики многозначных слов в широком контексте и позволяет выявить коммуникативный потенциал слов фрагмента лексической системы.

Процесс участия в практическом занятии и научной студенческой конференции представляет собой реализацию предметно-коммуникативной компетенции, сформированной с учётом следующих содержательных компонентов: 1. Специфика использования Интернет-ресурсов, определенная на основе теоретического анализа дидактических свойств и функций ресурсов Интернета по профессиональной тематике для формирования коммуникативной компетенции студентов, предусматривает необходимость отбора и структурирования материала. 2. Для эффективной организации учебного процесса и формирования интеллектуальных умений необходимы специальные средства обучения, а именно: печатное учебное пособие, содержащее тексты для обучения изучающему чтению, комплекс упражнений для формирования языковых навыков обучения всем видам речевой деятельности; CD диск с материалами упражнений для формирования лексического навыка и текстами для аудирования; сайт, где размещаются тексты для обучения умениям ознакомительного, просмотрового и поискового видов чтения, которые можно корректировать по мере обновления информации. 3. Электронный каталог Интернет-ресурсов для самостоятельной работы во внеаудиторное время с материалами текущих событий. Таким образом, смещается акцент целей в сторону формирования у студентов исследовательских знаний, умений и навыков работать с информацией; коммуникативный аспект обучения иностранному языку реализуется более эффективно, поэтому необходимо сочетать обучение иностранному языку с помощью компьютера и традиционное обучение.

Вывод. В связи с существенным прогрессом в развитии персональных компьютеров и компьютерных технологий происходят прогрессивные изменения в процессе обучения иностранному языку и формирования иноязычно-речевой коммуникативной компетенции студентов.

1. Богданович Г. Ю. О культурно-национальной специфике подачи лингвострановедческого материала / Г. Ю. Богданович // *MegaLing*'2008. Горизонты прикладной лингвистики и лингвистических технологий. — Партенит, 2008. — С. 354–355.
2. Васильев С. Г. Основы информатики и вычислительной техники /С. Г. Васильев. — Одесса, 2009. — 94с.
3. Дикарева С. С. Инструментальная лексикографическая система в области физики магнитных явлений / С. С. Дикарева, В. Н. Бержанский, С. Н. Полулях, Е. В. Потапова // *Бионика интеллекта (информация, язык, интеллект)*. — № 2 (72). — Харьков: ХНУРЭ, 2009. — С. 48–53.
4. Скалкин В. Л. Основы теории обучения устноречевой коммуникативной деятельности: автореф. дис. на соискание учен. степени доктора пед. наук: спец. 13.00.02 “методика преподавания иностранных языков” / В. Л. Скалкин. — Москва, 1986. — 36 с.
5. <http://company.yandex.ru/class/courses/zakharov.xml>

S. V. Plotnitskaya

THE STUDENTS' FOREIGN LANGUAGE COMMUNICATIVE COMPETENCE FORMING WITH THE HELP OF INTERNET RESOURCES

The article deals with foreign language communicative competence forming principles, and Internet resources play a very important role in professional journalists' education.

Key words: foreign language communicative competence, media education, on-line newspaper.

С. В. Плотницька

ІНШОМОВНА КОМУНІКАТИВНА КОМПЕТЕНЦІЯ СТУДЕНТІВ, СФОРМОВАНА ЗАСОБАМИ INTERNET-РЕСУРСІВ

У статті розглядаються принципи формування іншомовної комунікативної компетенції, в якій Internet-ресурси відіграють значущу роль для підготовки професійних журналістів.

Ключові слова: іншомовна комунікативна компетенція, медіаосвіта, онлайн-газета.

УДК 376.68:811.161.1:371.32

Н. М. Шилофост

Особенности гуманизации процесса обучения русскому языку как иностранному в условиях глобализации

Статья посвящена описанию принципов гуманизации процесса обучения иностранцев русскому языку как иностранному путём внедрения в процесс обучения культурологической методологии с использованием экстралингвистических феноменов.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, культурологическая методология, экстралингвистический феномен, прецедентный феномен, методика РКИ.

Во 2-ой пол. XX в. в методике преподавания иностранных языков проблема гуманизации процесса обучения стала актуальной. Она рассматривалась в работах известных исследователей лингвистики и психологии: В. Г. Костомарова, [2] Е. М. Верещагина, [2] О. Д. Митрофановой, [9] А. А. Леонтьева [8].

Процесс преподавания русского языка как иностранного осуществляется сейчас в условиях кардинальных изменений во всей системе образования. Мировая цивилизация разработала систему обучения, исходящую из психологической концепции личности учащегося как субъекта учебной деятельности [8]. В условиях глобальной коммуникации и свободного доступа к информации индивидуальные возможности личности расширились и произошло осознание того, что личность соизмерима с миром. Личность становится приоритетным объектом исследования в философии, культурологии, языкознании.

Теория и практика европейской и мировой педагогики, основанной на идеях гуманизма, ориентированы на личность как первооснову при определении цели содержания образования и методов организации учебного процесса. Согласно этой концепции процесс овладения иностранными учащимися средствами вербальной коммуникации представляет собой не только пассивное восприятие дидактического материала, но и собственную деятельную активность, направленную на овладение неродным языком.

Философия коммуникативного проблемного учебного процесса предполагает творческое усвоение речевых умений и навыков субъектом обучения. Обучаемый не просто получает и перерабатывает новую информацию, он переживает этот процесс как субъективное открытие, преодоление интеллектуальных затруднений в разрешении проблемных заданий, ориентированных на индивидуально значимые коммуникативные потребности [2].

Обучение РКИ, являясь одной из форм межкультурной коммуникации, требует сопоставительного анализа лингвокогнитивного пространства обучающего и обучаемого и построения на базе полученных знаний наиболее адекватных методик обучения речевому общению представителей иных лингвокультурных общностей.

Язык и культура связаны между собой теснейшим образом. Язык, являясь средством коммуникации, одновременно представляет собой материальное выражение ментальной общности отдельного социума. Познание культуры общества, в котором функционирует изучаемый язык, должно стать неотъемлемой составляющей всей системы обучения. Изучение языковых явле-

ний, оторванное от проникновения в культуру, в значительной степени лишает процесс обучения мотивации.

Нам представляется, что полноценно реализовать коммуникативно-проблемный принцип обучения РКИ, учитывая современные тенденции гуманизации всей системы образования, возможно лишь при использовании культурологической методологии обучения вербальной коммуникации.

Внедрение культурологической методологии в процесс обучения РКИ даёт возможность использовать явления не только лингвистического, но и экстралингвистического характера и представить студенту картину мира неродного языка в виде системы рецептивных, продуктивных и аксиологических стереотипов в национальной культуре. Ядерными элементами этих стереотипов являются прецедентные феномены.

Прецедентный феномен — социокультурное явление, знакомое подавляющему большинству членов данного лингвокультурного сообщества, бытующее в речи носителей языка и входящее в их когнитивную базу (совокупность знаний и представлений, характерных для членов данного лингвокультурного сообщества). Прецедентные феномены бывают невербальными (произведения живописи, музыки, архитектуры и др.) и вербальными (прецедентное высказывание, прецедентное имя, стереотипный образ, стереотипная ситуация).

Менталитет славянских народов, территория проживания которых географически находится между Востоком и Западом, нередко относят к смешанному типу, в котором соединились черты, характерные как для западной, так и для восточной культур [7]. Это даёт возможность воспользоваться в практике преподавания русского языка как иностранного явлением “положительной комплиментарности”, которое ввел в научный обиход Л. Н. Гумилёв [5], трактуя термин “положительная комплиментарность” как ощущение взаимной симпатии, сходства между отдельными народами.

Введение в процесс обучения русскому языку как иностранному не только лингвистических, но и паралингвистических явлений в рамках реализации культурологической методологии усиливает мотивацию обучаемых к усвоению языка, стимулирует творческо-поисковый характер их учебной деятельности при выполнении следующих условий:

– включение в структуру обучения социокультурных стереотипов речевого общения с опорой на прецедентные тексты в широком смысле этого слова должно соотноситься с индивидуальным культурологическим опытом и уровнем языковой компетентности данной группы студентов;

– отбор учебной информации должен производиться как с учётом решения практических задач учащегося по овладению русским языком (в системе “ученик-учитель”), так и с целью повышения общеобразовательного и интеллектуального уровня обучаемого (в системе “учитель-ученик”).

Одним из образцов художественного текста, изобилующего прецедентными феноменами, актуальными для реализации кросс-культурной коммуникации в Украине, является повесть Н. В. Гоголя “Ночь перед Рождеством” [4]. При изучении этого художественного текста в качестве пропедевтического студент-иностранец получает представление об особенностях национального менталитета украинцев.

В условиях современной глобализации мы имеем возможность наблюдать за процессом контактирования языков и культур разных сообществ. Результат межкультурного взаимодействия не всегда однозначен: возможен вариант взаимного обогащения, но возможны и взаиморазрушающее сращение, и конфронтация, диссонанс. Умелое внедрение культурологической методологии в практику преподавания РКИ призвано дать возможность иностранным учащимся уяснить частные и общие картины мира носителей изучаемого языка, избежать психологической конфронтации с новым для них социокультурным сообществом.

1. Андреева Г. М. Социальная психология. — М., 2006.
2. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: Три лингвострановедческие концепции. — М., 2005.
3. Воробьёв В. В. Культурологическая парадигма русского языка: Теория описания языка и культуры во взаимодействии. — М., 1994.
4. Гоголь Н. В. Ночь перед Рождеством / Собр. соч. — М., 1984. — Т. 1. — С. 95–135.
5. Гумилёв Л. Н. Этносфера: история людей и история природы. — М., 2002.
6. Зимняя И. А. Педагогическая психология. — М., 2004.

7. Конрад Н. И. Запад и Восток. — М., 2001.

8. Леонтьев А. А. Психология общения. — М., 1997.

9. Митрофанова О. Д. Преподавание русского языка как иностранного: вчера, сегодня, завтра. Русский язык, литература и культура в школе и в ВУЗе. — 2005. — № 2. — С. 19–23.

N. M. Shilofost

THE FEATURES OF HUMANIZATION IN RUSSIAN TEACHING PROCESS IN GLOBALIZATION CONDITIONS

The article deals with the principles of humanizing process of teaching Russian as the foreign language by introduction the cross-cultural methodology with the use of the extra-linguistic phenomena.

Key words: cross-cultural, cultural methodology, extra-linguistic phenomenon, precedent phenomenon, methods of teaching Russian for foreigners.

Н. М. Шилофост

ОСОБЛИВОСТІ ГУМАНІЗАЦІЇ ПРОЦЕСУ НАВЧАННЯ РОСІЙСЬКІЙ МОВИ ЯК ІНОЗЕМНІЙ В УМОВАХ ГЛОБАЛІЗАЦІЇ

Статтю присвячено опису принципів гуманізації процесу навчання іноземців російській мові як іноземній шляхом впровадження у процес навчання культурологічної методології з використанням екстралінгвістичних феноменів.

Ключові слова: міжкультурна комунікація, культурологічна методологія, екстралінгвістичний феномен, прецедентний феномен, методика викладання російської мови як іноземної.

УДК 376.68:378.041:168.522

Н. М. Матвеева, И. Г. Миракьян

Культурно-воспитательная работа в педагогической системе обучения иностранцев как способ интенсификации межкультурного общения

В статье рассматривается культурно-воспитательная работа как составная часть обучения иностранных студентов в вузах Украины на неродном для них языке. Внимание акцентируется на тех видах деятельности в процессе межкультурных отношений, которые ориентированы на заинтересованное знакомство иностранных учащихся с ценностями иной культуры без ущерба для собственной.

Ключевые слова: культурно-воспитательная работа, обучение межкультурному общению, диалог культур.

Межкультурная коммуникация как наука, возникшая в 80-х годах в США, актуальна в современном иноязычном образовании. “Коммуникация — это культура, культура — это коммуникация”, — обоснованно утверждал Эдвард Холл — основоположник теории межкультурной коммуникации [1].

Межкультурное общение, представляющее собой обмен знаниями, концептами, идеями, мыслями и эмоциями между людьми из разных стран [2: 145], — одна из сторон жизни иностранных учащихся, когда важно научить их общаться, а не только понимать чужую речь. Успешность решения этой задачи зависит как от знания языка, так и от условий, в которых протекает общение, в том числе от правил этикета, знания невербальных форм выражения, наличия фоновых

знаний и т. д. Различия в диалоге носителей разных культур нередко приводят к определенным трудностям в межкультурной коммуникации, преодолеть которые можно быстрее всего опять же в процессе коммуникации.

Межкультурное обучение включает в себя как передачу суммы знаний о новой культуре, так и развитие способности её понимать, устраняя определённые предубеждения и отрицательные стереотипы и в своей собственной, и в иноязычной культуре.

Язык как средство общения уникален по своим образовательным возможностям. Это не “учебный предмет”, а “образовательная дисциплина”, обладающая огромным культурным потенциалом, способным внести весомый вклад в развитие человека как индивидуальности [3].

Эффективность коммуникации в значительной степени зависит и от опыта общения. Динамический аспект этого опыта составляют процессы социализации, аккультурации и индивидуализации, реализуемые в общении, обеспечивающие социальное развитие человека, а также адекватность его реакций на ситуации общения и их своеобразие [4].

Как показывает практика обучения иностранных студентов в Учебно-научном институте подготовки иностранных граждан Одесского национального политехнического университета, система специально планируемого обучения межкультурной коммуникации дает положительные результаты уже на этапе довузовской подготовки. Организующим центром в этой педагогической системе иноязычного образования является “Социально-культурная адаптационная программа для иностранных студентов подготовительного факультета” (СКАП).

Цель СКАП — раскрыть и реализовать все потенциальные образовательные возможности иностранного учащегося, его способность и желание участвовать в межкультурной коммуникации именно на изучаемом языке, направлять его стремления к самосовершенствованию в иноязычной речевой деятельности.

Важность и актуальность СКАП объясняется, прежде всего, её задачами:

- снять психологический барьер при общении как со студентами своего факультета, так и с носителями языка в процессе закрепления стандартов речевого общения;
- внедрять стратегию эффективной межкультурной коммуникации, фокусируя внимание на развитии межкультурной толерантности [5] на основе модели межкультурного общения, которая рассматривается нами как канал познания, средство развития, инструмент воспитания;
- усиливать мотивацию к знакомству с культурой страны обучения и проживания через язык, тем самым способствуя воспитанию морально ответственного и социально приспособленного человека.

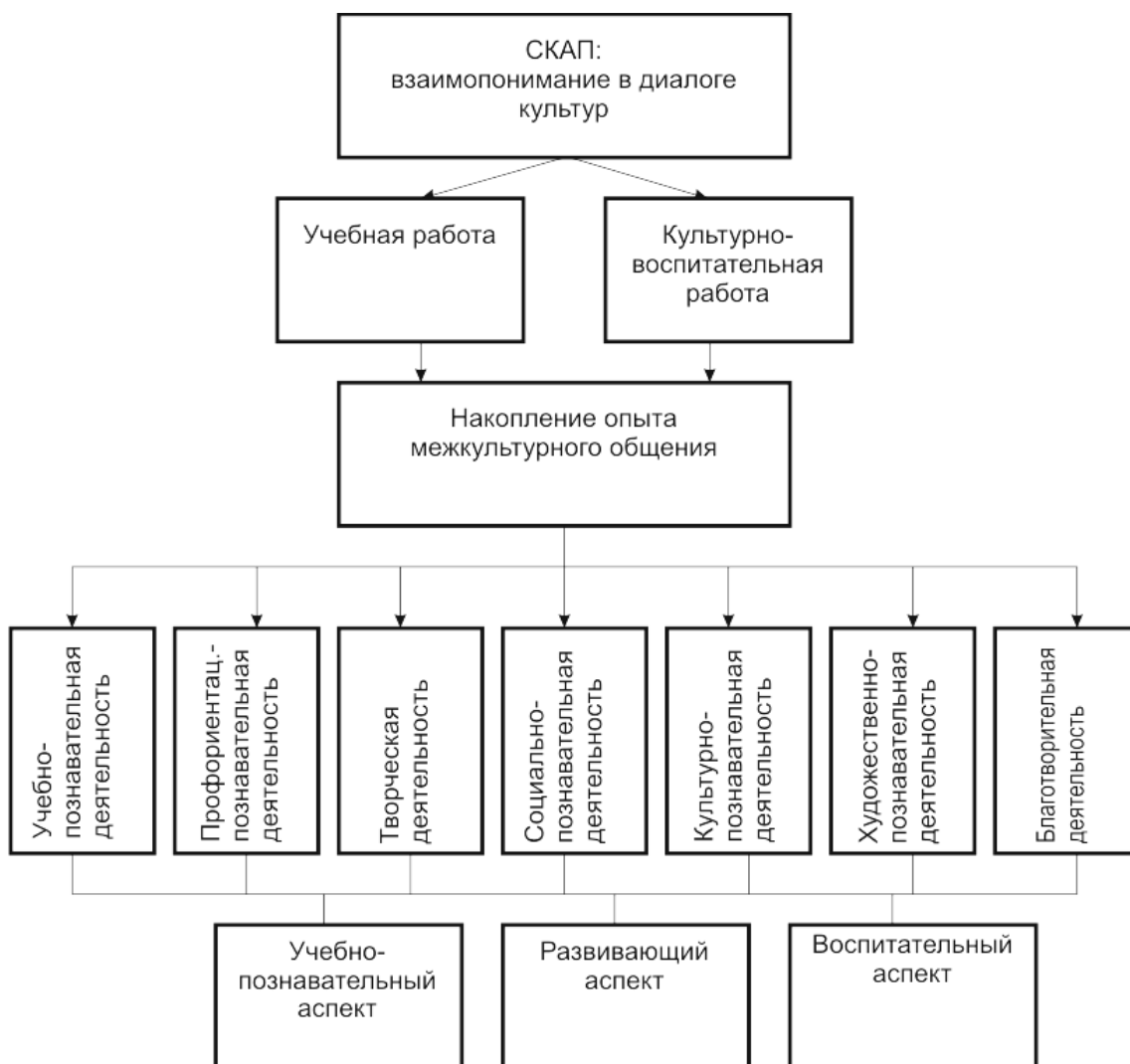
Исходя из цели и задач СКАП, можно представить организацию обучения межкультурному общению на подготовительном факультете для иностранных граждан в виде схемы.

Представленная в данной программе культурно-воспитательная работа не автономна, она дополняет учебный процесс. Учебная деятельность, в рамках которой формируются базовые языковые знания, умения и навыки, информация о культуре страны, гармонично сочетается также с внеаудиторной культурно-воспитательной работой, которая учитывает аспекты социализации и аккультурации иностранного студента в процессе утилитарного усвоения языкового материала, что создаёт условия для накопления опыта межкультурного общения.

Можно выделить наиболее актуальные виды деятельности межкультурных отношений с учётом значения их именно для общения на неродном языке.

Учебно-познавательная деятельность.

Координатором общения на уроках является сам преподаватель. Эти отношения носят характер взаимопомощи, коррекции, культурологической взаимозависимости с учётом ментальности учащихся и психолого-педагогических особенностей учебного процесса. К сожалению, фактор учебного времени на начальном этапе обучения не позволяет полностью снять некоторые психологические комплексы: “зажимы” личности, страх “потерять своё лицо” [2: 145]. Проведение культурно-воспитательных мероприятий в ситуациях неформального общения: учебные экскурсии по микрорайону проживания, по университету, посещение студенческого кафе, библиотеки, поликлиники, и др. — дают возможность сделать необходимые шаги в этом направлении.

Елементи неформального общения, вводимые в учебно-познавательную деятельность, позволяют студенту приобретать новые знания и самостоятельно применять их в различных ситуациях.

Широкие возможности предоставляет *профориентационная деятельность* преподавателя. Цель — выработать умения пользоваться разными источниками информации, получать новую информацию и творчески применять её в учебном процессе. Профориентационная деятельность включает в себя как знакомство с правилами обучения и проживания иностранных студентов в стране и вузе, так и экскурсии, связанные с выбором будущей специальности, встречи со старшекурсниками и преподавателями институтов и факультетов вуза, разные конкурсы и викторины (например: “Знаешь ли ты Украину?”, “Знаешь ли ты Одессу?”, “Наш политех”), подготовка заметок в СМИ, выпуск фотостендов и газет, написание сочинений, отзывов и др.

Социально-познавательная деятельность.

Культурное знание принадлежит ежедневным человеческим делам и включает навыки и восприятия, которые привязаны к отношениям и действиям [6]. С первых шагов пребывания в стране обучения иностранный гражданин (студент) не может избежать прямого взаимодействия и влияния других людей на организацию быта, социально-психологические связи в студенческом общежитии, в поликлинике, в библиотеке и т. д. Поэтому вхождение в процесс межкультурного общения на начальном этапе у него может оказаться достаточно сложным, т.е. неадекватным его личным представлениям и менталитету. И понятно, что он проявляет, по крайней

мере, первичное неприятие культурных различий. Роль преподавателя, куратора группы — помочь студенту выйти за рамки своих национальных стандартов, культурных стереотипов, дать ему то знание, которое поможет достичь дальнейшего взаимопонимания в диалоге культур.

Культурно-познавательная деятельность.

Концепция культурно-познавательной деятельности даёт возможность выделить наиболее распространённые формы внеаудиторной работы. Сюда, в первую очередь, можно отнести работу в клубах, экскурсии в другие города, культпоходы в театры и музеи города. Например, у студентов начального этапа обучения большой популярностью пользуются экскурсии “От Одессы старой к Одессе новой”, “Одесса — город четырёх религий”, “По поясу боевой славы”. Не меньший интерес вызывают заседания различных клубов. Тематические направления клубов разнообразны. Например, “КРОК” (Клуб развития общей культуры) знакомит студентов с самобытной культурой украинцев: “Как украинцы встречают гостей”, “Рождественские колядки”, “Весенние праздники в Украине” и др. На заседания клуба приглашаются фольклорные группы города Одессы. Иностранные студенты общаются с носителями языка. Идет активизация изучаемого языка под влиянием “контакта с живым языком”. Студенты знакомятся с традициями, обрядами, народными песнями, танцами, украинской кухней; разучивают народные украинские песни и популярные современные.

Идея организации клуба “Наша планета” возникла на факультете в связи с необходимостью как можно раньше познакомить студентов различных национальностей друг с другом с тем, чтобы общение между ними во внеучебное время происходило на русском языке. Клуб работает при студенческом общежитии. На его заседаниях активизируются модели речевого этикета, лексика и фразеология наиболее привлекательных для иностранцев дискурсов, а также демонстрируются видео и CD фильмы, которые знакомят учащихся с историей Одесского политехнического университета, жизнью и учебой иностранных студентов на подготовительном факультете.

Такие контакты не только развивают речевые умения учащихся, но и помогают преодолеть языковой барьер, дают ощущения успеха, а также обогащают дидактический процесс.

Художественно-познавательная деятельность иностранного студента реализуется в учебных тематических уроках “Зимняя сказка”, “Ах, Одесса!”, “Ты меня не забывай!”, в фестивале “Студенческая весна”, который проходит в рамках университета, в конкурсе чтецов, в концертных интернациональных программах. Уроки проходят в виде театрализованных представлений, например, “Зимняя сказка”, “Весёлая планета подфак!”, “Ах, Одесса!”, “До свидания, подфак!”, “Ты меня не забывай!”. Их подготовка проходит во внеаудиторное время, но результаты, которых достигают студенты в процессе языкового общения, музыкальных занятий, оправдывают затраченные усилия.

Проведение таких мероприятий помогает расширить знания студентов по фольклору, географии, истории населения, среди которого проживают, музыкальной культуры стран студентов.

Выделенные нами виды деятельности наиболее точно моделируют в научно-практическом аспекте межкультурное общение, функциональный путь создания условий для диалога культур применительно к конкретным задачам этапа обучения. Опыт работы подтверждает, что обучение межкультурной коммуникации особенно эффективно в сочетании собственно учебной деятельности с другими видами познавательной деятельности. Именно такой подход даёт ощутимые результаты в накоплении опыта межкультурного общения на изучаемом языке, ведёт к восприятию и пониманию чужой культуры, признанию культурной самобытности, поскольку ориентируется на заинтересованное знакомство иностранных учащихся с ценностями ещё одной культуры без ущерба для своей собственной. В этом, собственно, и состоит стратегическая цель обучения любому иностранному языку.

1. Фаст Дж., Холл Э. Язык тела. Как понять иностранца без слов / Пер. с англ. — М., 1997.
2. Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. — М., 1969.
3. Пассов Е. И. Коммуникативное иноязычное образование: Концепция развития индивидуальности в диалоге культур: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: zhurnal.ape.relarn.ru/articles/2004/233.pdf
4. Рогаль М. Основные виды внеаудиторных занятий со студентами русской филологии в словацких вузах // Внеклассные и внеаудиторные формы обучения русскому языку и литературе. — Белосток, 1981.
5. Мацумото Д. Психология и культура. — С. Пб.: Прайм еврознак; ИД Нева, 2002.

6. *Формановская Н. И.* Русский речевой этикет: лингвистические и методические аспекты. — 2-е изд. — М., 1987.
7. *Колот С. А.* Концепты культурного понимания организационной деятельности // Наука і освіта. — 2002.

N. M. Matveeva, I. G. Mirakyan

CULTURAL AND EDUCATIONAL WORK IN THE TEACHING SYSTEM FOR FOREIGN STUDENTS AS A METHOD OF INTENSIFICATION OF INTERCULTURAL COMMUNICATION

Cultural educational problem as a component of education of foreign students in Ukraine is considered in this article. Attention is paid to cross-cultural activity, which is oriented to the contact of foreign students with another culture.

Key words: cultural-educational problem, cross-cultural intercourse, dialogue of cultures.

Н. М. Матвеева, І. Г. Міракьян

КУЛЬТУРНО-ВИХОВНА РОБОТА У ПЕДАГОГІЧНІЙ СИСТЕМІ НАВЧАННЯ ІНОЗЕМЦІВ ЯК СПОСІБ ІНТЕНСИФІКАЦІЇ МІЖКУЛЬТУРНОГО СПІЛКУВАННЯ

У статті розглядається культурно-виховна робота як складова частина навчання іноземних студентів у ВНЗ України на нерідній для них мові. Увага акцентується на тих видах діяльності міжкультурних відносин, які орієнтовані на зацікавлене знайомство іноземних учнів з цінностями іншої культури без збитку для власної.

Ключові слова: культурно-виховна робота, навчання міжкультурному спілкуванню, діалог культур.

УДК 376.68:168.522:811.161.1

Т. А. Богачёва, Л. Г. Овчаренко

Проблема формирования мотивации межкультурной коммуникации у иностранных студентов подготовительного факультета

В статье рассматриваются средства формирования мотивации у иностранных студентов в межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: мотивация, межкультурная коммуникация, психологический тренинг.

В последнее десятилетие внимание к языку как лингвистическому феномену и средству общения сменилось интересом к его социальной, прагматической и культуроведческой сути. Это вызвало потребность в разработке новых учебно-методических материалов, обучающих иностранных студентов таким тактикам речевого поведения, которые обеспечивали бы их относительно безболезненное вхождение в социальные и межличностные отношения, эффективную адаптацию в чужом социокультурном пространстве, были бы направлены на преодоление национально-культурных и психологических трудностей в вербальном и невербальном общении представителей различных стран и национальностей.

Проводимые в этом направлении исследования (наблюдения, опросы, анкетирование и т. п.) позволили определить причины возникновения коммуникативных барьеров, основанные на полном незнании либо приблизительном понимании культурных и лингвистических реалий представителей других стран. Среди таких причин можно выделить:

— недостаток фоновых культурных знаний при общении на уровне определённого контекста;

- неумение и нежелание изменить шкалу собственных ценностей по отношению к представителям других культур;

- наличие в предыдущем опыте общения отрицательных эмоций.

Необходимость учёта названных причин, затрудняющих коммуникацию, и адаптационных процессов (социокультурного, психофизиологического, академического), которые проходят иностранные студенты начального этапа обучения, предполагает соответствующую организацию межкультурной коммуникации как в учебное, так и во внеучебное время с использованием разнообразных форм, средств, приёмов позитивного общения с целью коррекции социально-культурных установок у представителей разных стран.

Использование в практике обучения языку как средству общения психологических тренингов, адаптированных применительно к многонациональной аудитории иностранных студентов начального этапа обучения (в течение 4-х лет), показало, что они являются действенным инструментом формирования положительной мотивации межкультурной коммуникативной компетенции.

Изучив основные потребности иностранных студентов в первые месяцы обучения в условиях чужой культуры, отражающие, прежде всего, их стремление к безопасности, любви, пониманию, успеху, здоровью, признанию, опираясь на иерархическую структуру коммуникативных потребностей [2], служащих мотивационной основой общения, мы разработали психологический тренинг под условным названием “Знакомство”, основной целью которого является формирование у иностранных студентов “мотива аффилиации” [5; 6].

Содержание “мотива аффилиации” включает в себя потребности студентов: контактировать с членами учебной группы; принадлежать к новой социальной общности и найти своё место в ней; получать заботу, поддержку, сопереживание и сочувствие со стороны других и самому оказывать помощь; устанавливать деловые связи в совместной деятельности и сотрудничестве; обмениваться знаниями и опытом; получать оценку своей деятельности, уважение и авторитет со стороны окружающих и самому оценивать себя и других объективно [1: 205–215; 4].

Как показала практика, психологический тренинг “Знакомство” вполне учитывает потребности личности (от витальных до социальных) и отражает основные факторы, влияющие на формирование устойчивой мотивации к межкультурному общению представителей разных стран. Это групповой тренинг, основой которого является игра как особый вид обучающей деятельности, направленной на решение поэтапных задач в формировании мотивации к межкультурной коммуникации.

Разминочный этап тренинга задаёт ритм работы в группе, определяет коммуникативную мотивацию и создаёт позитивное настроение. При помощи эвритмических и кинезиологических упражнений акцентируется сосредоточенность на партнёре и развивается общая ответственность участников за конечный успешный результат. Создаётся своеобразная психологическая атмосфера, в основе которой дружелюбие, доверие, взаимопонимание без слов, на фоне чего разворачиваются события содержательного плана.

Содержательный план тренинга усиливает мотивацию к коммуникации за счёт групповых и индивидуальных заданий творческого характера, начиная с простых: “Нарисуй своё имя”, “Определи имя студента группы по каллиграмме”, “Нарисуй своё настроение сегодня”, “Изобрази животное, на которое ты похож (твой сосед по парте) и т. п. до ассоциативных диктантов, характеризующих членов группы; составления описания типичных качеств участников тренинга; предложения способов улучшения плохого настроения у члена группы; анализа степени участия каждого в тренинге [3].

Важную роль на этом этапе играют положительные эмоции, возникающие в процессе коллективного творчества; одобрение со стороны участников тренинга (где преподаватель является одним из членов группы) в виде аплодисментов.

Заключительный этап тренинга направлен на развитие коммуникативных умений как в высказывании собственного мнения, суждения, оценки, полученной в процессе игры информации, так и в диалогической речи (о себе, о других, о ситуации и т. п.). Важным моментом этого этапа является формирование умения оценивать собственную деятельность как участника тренинга (рефлексия). Характер рефлексии в значительной степени зависит от сложности содержания информации. Если оценивание рассчитано на изменение психологического состояния

групи, то обговорення гри може бути достатньо коротким: “Що робив кожен учасник?”, “Чому обрав цей варіант рішення?”, “Як він(а) себе відчував(а)?”, “Як відчуваєш себе зараз?” і т. п. На самому початковому етапі студенти просто малюють на дошці рожиці: ☺ “Я задоволений”, ☹ “Я незадоволений”.

Завдання викладача організувати роботу так, щоб інтерес до знання один одного, культурно-національних особливостей країни кожного студента групи як один з найважливіших мотивів комунікації не згас на всіх етапах тренінгу і на протязі навчання іноземних студентів на підготовчому факультеті.

Слід зазначити, що тренінг “Знакомство” постійно ускладнюється за рахунок вивчаемого програмного лексико-граматичного матеріалу. В цю гру можна грати весь навчальний рік, доповнюючи різноманітними завданнями творчого характеру з опорою на методи особистісно орієнтованого навчання. Головне — пам'ятати цілі тренінгу: формування у іноземних студентів стійких мотивів міжкультурного знання через спілкування; створення безпечного психологічного простору, в якому кожен студент відчував би себе здоровим, красивим, благополучним, успішним, щасливим (ключові слова тренінгу); створення емоційної атмосфери взаємодопомоги, взаєморозуміння, взаємодоброзичливості; забезпечення педагогічних умов для природного спілкування на іноземній мові, адекватного сприйняття соціально-культурної дійсності країни носіїв мови.

1. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. — С. Пб: Питер, 2002. — 507с.
2. Марисова Л. И. О мотивационно-потребностной основе общения. — Берлин, 1978.
3. Овчаренко Л. Г., Богачёва Т. А. Развитие кооперативных умений в многонациональной группе: Материалы IV Международной научно-практической конференции “Русский язык и литература. Проблемы изучения и преподавания в школе и вузе”. — К., 2006. — С. 361–364.
4. Реан А., Бордовская Н., Розы С. Психология и педагогика. — С. Пб: Питер, 2004. — 430с.
5. Allport G. W. Trait in Motivations Theory: Am Journal of Orthopsychiatry. — 1953. — V. 23.
6. Murrey H. A. Exploration in Personality. — N. Y., 1938.

Т. А. Богачова, Л. Г. Овчаренко

FORMING MOTIVATION OF FOREIGN STUDENTS' COMMUNICATIVE ACTIVITY IN PREPARATORY DEPARTMENT

The article considers the means of forming preparatory department foreign students' motivation for cross-cultural communication.

Key words: motivation, cross-cultural communication, psychological coaching.

Т. А. Богачова, Л. Г. Овчаренко

ПРОБЛЕМА ФОРМУВАННЯ МОТИВАЦІЇ МІЖКУЛЬТУРНОЇ КОМУНІКАЦІЇ У ІНОЗЕМНИХ СТУДЕНТІВ ПІДГОТОВЧОГО ФАКУЛЬТЕТУ

У статті розглядаються засоби формування мотивації іноземних студентів до міжкультурної комунікації.

Ключові слова: мотивація, міжкультурна комунікація, психологічний тренінг.

Т. В. Пахалкова-Соїч

Використання навчального посібника “Російська мова” у групах іноземних студентів з викладанням польською мовою

У статті надано опис і порядок роботи з навчальним посібником “Русский язык”, призначеним для навчання російській мові студентів, які вивчають в Україні дисципліни польською мовою.

Ключові слова: навчальні матеріали, викладання російської мови як іноземної, інтенсивне навчання, індивідуалізація навчання, самостійна робота, порівняльне мовознавство.

На теперішній час значна увага приділяється викладанню російської мови іноземним студентам з вивченням дисциплін польською мовою. Робота може вестись як на початковому, так і на подальших етапах вивчення мови, коли студенти вже мають деякий обсяг пасивних знань.

Навчальні матеріали, створені на кафедрі мовної підготовки ХНУРЕ для роботи з польськими студентами, які вивчають дисципліни польською мовою, співвідносяться з принципами методичної системи інтенсивного навчання іноземній мові, яку прийнято називати “Способи активізації можливостей особистості й колективу”. Весь обсяг навчального матеріалу дає можливість вибрати мінімально необхідну кількість тем, що вивчаються протягом 180–250 аудиторних годин, або використовувати його цілком на підготовчому факультеті в групах пізнього приїзду.

Підвищення якості навчання іноземних студентів з вивченням дисциплін польською мовою передбачається здійснювати через його індивідуалізацію, що сприяє організації навчання з урахуванням особистісних, творчих можливостей учнів.

З цією метою в ході навчального процесу необхідно активізувати самостійну роботу, яка нарівні з аудиторною роботою являє собою одну з важливих і ефективних форм процесу навчання.

Самостійна робота може бути організована як в аудиторний, так і в позааудиторний час, у присутності викладача або без нього.

Значну роль в організації процесу навчання відіграє комплексне використання технічних засобів навчання. Упровадження в практику навчання російській мові аудіовізуальних засобів і комп’ютерного забезпечення істотно підвищує ефективність роботи з іноземними учнями завдяки індивідуалізації навчання і систематичному контролю засвоєння матеріалу, а також скорочує час, витрачений студентом на вивчення й освоєння пропонованих навчальних матеріалів.

Досвід кафедри мовної підготовки ХНУРЕ з апробації диференційованого навчання слухачів у процесі аудіовізуальної презентації навчального матеріалу свідчить про підвищення рівня мотивації і формування у студентів механізму самоконтролю й самокорекції.

У зв’язку з новими вимогами до навчання іноземних студентів з вивченням дисциплін польською мовою виникає необхідність у підготовці спеціальних методичних розробок, що можуть бути запропоновані для самостійної роботи.

У посібнику виділено комунікативні теми, які реалізуються в типових ситуаціях повсякденного спілкування. Кожна з тем розрахована на декілька занять. Вона складається з:

1) переліку основних комунікативних намірів, які формуються в процесі роботи над цією темою;

2) лексико-граматичного матеріалу.

Тут наводиться перелік типових для даної теми лексичних та граматичних одиниць, імплікованих у діалогах, текстах. Цей матеріал також є об’єктом спеціальних занять з граматики;

3) лексико-тематичного мінімуму, який містить у собі найбільш уживані слова та словосполучення, що рекомендуються для засвоєння в межах даної теми;

4) мікродіалогів та навчальних діалогів.

У процесі роботи над мікродіалогами студенти заучують мовленнєві формули та граматичні структури, характерні для певної ситуації спілкування. Мікродіалоги та навчальні діалоги служать основою для виконання комунікативних завдань різних типів;

5) завдань на відпрацювання граматичних форм. Вони мають на меті повторити й активізувати вже відомий студентам матеріал, автоматизувати навички вживання у мовленні різних граматичних форм;

6) коротких реплік жартівливого змісту, уривків художніх текстів, які завершують кожну комунікативну тему посібника, тематично пов'язані з нею і вміщують характерну для даної теми лексику та граматичні конструкції.

З позиції сприйняття тексту, оцінки й орієнтації в ньому тексти можуть бути нейтральними або спонукальними. Спонукальні (проблемні) тексти пов'язані з мовленням. Вони провокують його, супроводжують його, сприяють йому, реалізуються в ньому.

Методичний зміст мають в основному спонукальні (проблемні) тексти, що стимулюють мовленнєве спілкування, обмін думками завдяки використанню в тексті лексичних і граматичних структур.

Створюючи посібник, ми врахували основні особливості проблемних текстів і їхній вплив на формування мовних навичок.

Існує два основних показники роботи з текстом: “упровадження” і “залучення”.

“Упровадження” означає засвоєння студентами мовного матеріалу. “Залучення” означає кількість студентів, притягнутих до активної комунікації на базі текстів.

Навчальний текст забезпечує високий рівень впровадження у свідомість студентів усієї добірки граматичних і лексичних задач, що пропонуються при вивченні конкретного тексту. Водночас такий текст викликає невисоку потребу до процесу комунікації. Це характерно для нейтральних текстів. Спонукальні тексти, як правило, гарантують високий рівень залучення студентів до комунікації, оскільки теми, порушені в цих текстах, зрозумілі й актуальні для студентів, і є спонукальною базою для вільного обміну думками. Здатність до такого обміну думками підготовлюється за допомогою комплексу вправ і завдань, представлених у посібнику. Для досягнення певної навчальної мети тексти типізуються і дидактично опрацьовуються. Таке опрацювання передбачає відбирання з кожного типу саме таких текстів, котрі є найбільш репрезентативними у змістовному, структурно-значеннєвому та лексико-граматичному відношенні; усунення з них малозначущої інформації; “збагачення” текстів необхідним лексико-граматичним матеріалом (і усунення, з іншого боку, “небажаного” для даного етапу роботи, що перевантажує текст мовного матеріалу). Застосування цієї методичної процедури щодо оригінальних текстів значною мірою підвищує їхній навчальний потенціал і дидактичну спрямованість, не позбавляючи природності й актуальності закладеної в них інформації.

Виходячи з того, що навчання мови має проходити етап пізнання системи знаків, етап розуміння змісту знаків і етап активного володіння мовою, тобто уміння розуміти мову, відтворювати сприйняту інформацію і будувати власні висловлення, уся робота була поділена нами також на три етапи.

Перший етап — перевірка розуміння прочитаного; другий — відтворення висловів, окремих речень, мікротекстів і тексту в цілому; третій — побудова складного, переважно монологічного, тексту з заздалегідь заданим змістом і обговоренням прочитаного. Усі етапи знаходяться, безумовно, у тісній взаємодії.

На першому етапі роботи пропонуються вправи, спрямовані на розуміння мовного матеріалу, що прищеплюють студентам навички автоматизованого дізнання стандартизованих структур і лексичних одиниць. Відповідно виділяються дві групи вправ:

1) вправи на дізнання мовних одиниць;

2) вправи на розпізнавання синтаксичних структур рівня простого і складного речення, складного синтаксичного цілого, визначення структурно-значеннєвих частин, їхнього граматичного оформлення і регулярного лексичного наповнення.

Наведені типи вправ співвідносяться з так званими мовними, передтекстовими вправами. Вони сприяють осмисленню і закріпленню мовних явищ, що створює необхідні передумови для наступного адекватного вживання їх у процесі мовлення.

На другому етапі пропонуються такі мовні вправи, що спрямовані на рішення значеннєвих задач. Це забезпечує орієнтування серед значень слова і сприяє здобуванню студентами різної за своєю повнотою і характером інформації. Виконання таких вправ стимулює рецептивно-

репродуктивну діяльність студентів, забезпечує передмовленнєве орієнтування, полегшуючи вербальне оформлення висловлювань.

Ці вправи виконуються з опорою на текст як на одиницю пред'явлення навчального матеріалу. Вправи мають такі завдання:

- прочитайте текст і знайдіть у ньому основні значеннєві частини (ключові слова кожного речення, абзацу, тексту);
- прочитайте текст (частину тексту), знайдіть фрази, що передають основну думку тексту;
- прочитайте текст, приготуйтеся до відповідей на запитання за його змістом;
- прочитайте текст, поставте запитання до нього в логічній послідовності (запишіть їх ліворуч, а відповіді — праворуч);
- знайдіть у тексті відповіді на поставлені питання;
- продовжіть (закінчіть) думку, використовуючи матеріал тексту;
- прочитайте питання до тексту, знайдіть у тексті відповіді на них;
- знайдіть і підкресліть у тексті вказівку щодо місця події (часу події, складу учасників, підсумкового рішення і т.п.);
- з кількох фраз визначте такі, що відповідають змістові прочитаного тексту і т.ін.

Післятекстові вправи (3-й етап) пропонуються після того, як викладач переконався, що студенти повністю зрозуміли зміст тексту. Післятекстові завдання покликані формувати вміння й навички відтворення прочитаного, підвести студентів до самостійного монологічного висловлювання. Ця мета досягається вправами з такими завданнями:

- прочитайте текст, дайте відповіді на питання;
- розділіть текст на відносно закінчені значущі частини, поставте питання до кожної частини і дайте відповіді на них;
- відтворіть зміст прочитаного повідомлення;
- складіть питання до тексту і підготуйте переказ змісту згідно з цими питаннями;
- складіть 3–4 питання, відповіді на які передадуть головну інформацію прочитаного тексту;
- прочитайте і перекажіть ту частину тексту, де йдеться про те чи інше окреме явище (процес, людину тощо);
- напишіть синтаксично полегшений варіант тексту, перекажіть його;
- знайдіть у кожній частині тексту опорні слова і перекажіть текст з опорою на них;
- за матеріалами прочитаних інформаційних повідомлень складіть кілька висловлювань на певну окрему тему;
- використовуючи проаналізовану інформацію, підготуйте розгорнуті відповіді на питання і т.п.

Розроблена система завдань, представлена в посібнику "Російська мова" для іноземних студентів з навчанням польською мовою, дозволяє вирішувати два взаємозалежних практичних завдання: а) навчання російській мові і б) одержання навичок роботи з персональним комп'ютером.

Усі види письмової роботи спрямовані на розуміння і відтворення тексту, що пред'являється студенту в аудитивній формі. Основною метою виконуваної роботи є підготовка студентів до відтворення тексту. У процесі навчання іноземними студентами реалізуються і супутні цілі — розвиток навичок аудіювання і говоріння. Усі завдання містять указівки щодо здійснення самоконтролю стосовно кожного завдання.

Типи завдань, що вважаються як потрібні для включення до передтекстової роботи, виконуваної на комп'ютері, надаються нижче. Усю систему передтекстових завдань спрямовано на зняття лексико-граматичних труднощів у розумінні й засвоєнні текстової інформації. Вона включає ознайомлення з лексичним і фразеологічним матеріалом.

Далі пропонуються завдання, які передбачають використання комп'ютерної фонограми, що дозволяє слухачам правильно проговорювати почутий зміст з метою активізації виразів, котрі вживаються в типових життєвих ситуаціях ("У магазині", "У банку" та ін.). Наступні завдання складаються з робіт зі словотворення, визначення форм і функцій слів у тексті й роботи над лексикою:

- визначення значення слів за їхніми складовими частинами або за їхнім значеннєвим оточенням у реченнях;
- заміна слів близькими чи протилежними за значенням (слова для заміни пропонуються);

- тлумачення слів і словосполучень;
- безпосередній переклад як один зі способів семантизації лексики.

Усвідомлена, а частіше неусвідомлена потреба у зіставленні мови, яка вивчається, з мовою рідною є неодмінно присутньою у свідомості будь-якої людини. Отже, пошук засобів і способів опори на рідну мову, форм урахування її впливу на процес оволодіння іншою мовою виявляється принципово важливим методичним і психологічним завданням.

З одного боку, прямий переклад є найбільш економічним способом семантизації. З цією метою до зазначеного посібника включено російсько-польський словник, у якому надано лексику, використовану в програмі мовних курсів. Однак з іншого боку — перекладна семантизація створює ілюзію тотожності між досліджуваною лексемою і її еквівалентом, оскільки в межах перекладної семантизації можна навчити вибиранню того чи іншого еквівалента, але не можна навчити слововживанню і прагматиці досліджуваних лексем, що сприяє появі інтерференційних помилок.

Вибір найбільш точного для даного контексту значення припускає виконання таких операцій:

- а) первинна презентація лексеми, тобто фіксування зв'язку між досліджуваною лексемою і її перекладом на рідну мову;
- б) визначення одного зі значень, максимально відповідного до значеннєвого змісту тексту;
- в) вправи з підготовки учнів до реалізації основної мети заняття — усного і письмового відтворення тексту.

Наступний етап — робота з навчальним фільмом і сприйняття інформації, пропонованої аудитивно (фонограма).

Заключна частина містить завдання, спрямовані на перевірку розуміння змісту тексту. Для самоперевірки слухачам пропонується відповісти на запитання, що розкривають загальний зміст інформації, та інші завдання.

Комплексне використання зазначеного посібника і технічних засобів навчання в процесі самостійної роботи розв'язує важливі комунікативні задачі і сприяє поглибленню знань іноземних студентів.

1. *Загальноєвропейські рекомендації з мовної освіти: вивчення, викладання, оцінювання* / Наук. ред. проф. С. Ю. Ніколаєва. — К., 2003.
2. *Леонов Н. И.* Психология делового общения: Учеб. пособие. — М., 2002.
3. *Николаева С., Шерстюк О.* Сучасні тенденції у викладанні іноземних мов для спеціальних цілей // *Іноземна мова.* — № 2. — 2002. — С. 91–103.
4. *Шарков Ф. И.* Основы теории коммуникации. — М., 2003.

T. V. Pahalkova-Soich

THE USING OF THE MANUAL “THE RUSSIAN LANGUAGE” FOR THE STUDENTS STUDING SPECIAL DISCIPLINES IN POLISH

This article presents description and modes of the the manual “The Russian Language” for the students studying special disciplines in Polish.

Key words: educational materials, Russian for foreigners, intensive education; individual work, comparative linguistics.

T. В. Пахалкова-Соич

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ УЧЕБНОГО ПОСОБИЯ “РУССКИЙ ЯЗЫК” В ГРУППАХ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ С ПРЕПОДАВАНИЕМ НА ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье представлены описание и порядок работы с учебным пособием “Русский язык”, предназначенным для обучения русскому языку студентов, изучающих в Украине дисциплины на польском языке.

Ключевые слова: учебные материалы, преподавание русского языка как иностранного, интенсивное обучение, индивидуализация обучения, самостоятельная работа, сравнительное языкознание.

Наші автори

- АВДОНІНА Марина Юрїївна**, к.психол.н., доцент каф. німецької та французької мов ф-ту заочно-го навчання Московського державного лінгвістичного університету (Росія, Москва)
- АФРИКЯН Еврик Гегамович**, академік НАН Вірменії, д.біол.н., радник, науковий керівник Центру мікробіології та депонування мікробів НАН Вірменії (Вірменія, Абовян)
- БОГАЧОВА Тамара Африканівна**, ст. викладач каф. лінгводидактики Одеського національного політехнічного ун-ту (Україна, Одеса)
- БОЙКО Наталя Олександрівна**, к.ф.н., доцент каф. загальноосвітніх дисциплін Національного педуніверситету ім. М. П. Драгоманова (Україна, Київ)
- ВОЛОШИНА Надія Ігнатїївна**, к.ф.н., доцент каф. французької філології Одеського національного ун-ту ім. І. І. Мечникова (Україна, Одеса)
- ГАБІДУЛЛІНА Алла Рашатївна**, к.пед.н., доцент, зав. кафедри мовознавства та російської мови Горлівського держпедінституту іноземних мов (Україна, Горлівка)
- ГЕЙНА Оксана Володимирівна**, к.ф.н., ст. викладач каф. мовної та психолого-педагогічної підготовки Одеського державного економічного ун-ту (Україна, Одеса)
- ДЖУАНИШБЕКОВ Нурболат Оринбекович**, д.ф.н., професор каф. теорії літератури та фольклористики Казахського національного ун-ту ім. Аль-Фарабі (Казахстан, Алмати)
- ДОБРОВОЛЬСЬКА Людмила Володимирівна**, к.ф.н., доцент каф. іноземних мов гуманітарних ф-тів Одеського національного ун-ту ім. І. І. Мечникова (Україна, Одеса)
- ДОННИКОВА Маргарита Сергїївна**, магістрантка Білгородського держуніверситету (Росія, Білгород)
- ДРОБИШЕВА Наталя Львівна**, стажер Інституту російської мови ім. В. В. Виноградова РАН (Росія, Москва)
- ДРУЗІНА Наталя Володимирівна**, д.ф.н., зав. кафедри романських мов Педагогічного інституту Саратовського держуніверситету ім. М. Г. Чернишевського (Росія, Саратов)
- ДБЯЧОК Наталя Василівна**, к.ф.н., доцент каф. мовознавства та російської мови Горлівського державного інституту іноземних мов (Україна, Горлівка)
- ЄРЕМЕНОК Оксана Ігорівна**, к.ф.н., доцент каф. іноземних мов гуманітарних ф-тів Одеського національного ун-ту ім. І. І. Мечникова (Україна, Одеса)
- ЄРЕМЄЄВА Галина Олександрівна**, к.ф.н., доцент Казахського національного педагогічного університету ім. Абая (Казахстан, Алмати)
- ЖАБО Наталя Іванівна**, ст. викладач каф. № 2 ф-ту іноземних мов і загальних дисциплін Російського ун-ту дружби народів (Росія, Москва)
- ЖЕЛТУХІНА Марина Ростиславівна**, д.ф.н., професор каф. англійської філології Волгоградського держпедуніверситету (Росія, Волгоград)
- ЗАЇКІНА Антонїна Іванівна**, к.ф.н., доцент каф. російської мови та методики викладання Білгородського держуніверситету (Росія, Білгород)
- ІВАНОВА Наталя Георгїївна**, к.ф.н., доцент каф. іноземних мов гуманітарних ф-тів Одеського національного ун-ту ім. І. І. Мечникова (Україна, Одеса)
- ІСКАКОВА Замїра Журусбеківна**, к.ф.н., доцент Казахського національного педагогічного університету ім. Абая (Казахстан, Алмати)
- КИРИЧЕНКО Лариса Григорївна**, к.ф.н., доцент, зав. кафедри іноземних мов природничих ф-тів Одеського національного ун-ту ім. І. І. Мечникова (Україна, Одеса)
- КОСТІНА Дарина Михайлівна**, асистент каф. другої іноземної мови Білгородського держуніверситету (Росія, Білгород)
- КРАПОТІНА Тетяна Геннадїївна**, к.ф.н., доцент Московського державного обласного ун-ту (Росія, Москва)
- КУШНІР Ольга Миколаївна**, к.ф.н., доцент, професор кафедри документознавства, архівознавства та прикладної лінгвістики Комі республіканської академії державної служби й управління, перший проректор (Росія, Сиктивкар)
- ЛАЄВСЬКА Тетяна Євгенівна**, аспірантка каф. російської мови Мозирського держпедуніверситету ім. І. П. Шамякіна (Білорусь, Мозир)

- ЛИТВИН Ольга Володимирівна**, аспірант каф. російської мови Одеського національного ун-ту ім. І. І. Мечникова (Україна, Одеса)
- ЛОБАЧОВА Наталія Олександрівна**, к.ф.н., директор Економіко-гуманітарного коледжу Кримського гуманітарного ун-ту, доцент каф. російської філології (Україна, Ялта)
- МАТВЄЄВА Наталя Михайлівна**, доцент каф. лінгводидактики Одеського національного політехнічного ун-ту (Україна, Одеса)
- МЕДВЕДЄВА Уляна Юріївна**, здобувач каф. російської мови та методики викладання Білгородського держуніверситету (Росія, Білгород)
- МІКЕЛЬСААР Марика (Marika Mikelsaar)**, д.мед.н., професор каф. мікробіології Тартуського держуніверситету (Естонія, Тарту)
- МІРАКЬЯН Ірина Георгіївна**, к.ф.н., доцент, директор Інституту підготовки іноземних громадян Одеського національного політехнічного ун-ту (Україна, Одеса)
- МОЦАЖ Марія (Maria Moczajz)**, к.ф.н., ад'юнкт Інституту слов'янської філології Люблінського католицького університету (Польща, Люблін)
- НОВІКОВА Тетяна Федорівна**, д.пед.н., професор каф. російської мови та методики викладання Білгородського держуніверситету (Росія, Білгород)
- ОВЧАРЕНКО Лариса Григорівна**, к.пед.н., доцент, зав. каф. лінгводидактики Одеського національного політехнічного ун-ту (Україна, Одеса)
- ОМЕЛЬЧЕНКО Анатолій Вікторович**, президент Школи акторської майстерності Анатолія Омельченка (Росія, Волгоград)
- ПАВЛЕНКО Раїса Іванівна**, генеральний директор Національної наукової медичинської бібліотеки України, Заслужений працівник культури України (Україна, Київ)
- ПАВЛОВА Наталя Олексіївна**, д.ф.н., професор, зав. каф. російської мови, літератури та методики їх викладання Омського держпедуніверситету (Росія, Омськ)
- ПАНЧЕНКО Інна Володимирівна**, к.ф.н., доцент каф. французької філології Одеського національного ун-ту ім. І. І. Мечникова (Україна, Одеса)
- ПАХАЛКОВА-СОЇЧ Тетяна Володимирівна**, доцент Центру мовної підготовки Харківського національного ун-ту радіоелектроніки (Україна, Харків)
- ПЕТРЕНКО Олена Євгенівна**, ст. викладач каф. російської мови, літератури та методики їх викладання Омського держпедуніверситету (Росія, Омськ)
- ПЛОТНИКОВА Лариса Іванівна**, д.ф.н., професор каф. російської мови та методики викладання Білгородського держуніверситету (Росія, Білгород)
- ПЛОТНИЦЬКА Світлана Валеріївна**, к.пед.н., доцент каф. іноземних мов гуманітарних факультетів Одеського національного ун-ту ім. І. І. Мечникова (Україна, Одеса)
- ПОБЕРЕЖНА Ольга Юріївна**, к.ф.н., ст. викладач каф. документознавства й інформаційної діяльності Одеського національного політехнічного ун-ту (Україна, Одеса)
- ПОЗДНЯКОВА Любов Єлизарівна**, ст. викл. каф. мовної підготовки Харківського національного університету радіоелектроніки (Україна, Харків)
- ПОЛОНСЬКИЙ Андрій Васильович**, д.ф.н., професор каф. російської мови та методики викладання Білгородського держуніверситету (Росія, Білгород)
- ПРИСТУПА Тетяна Іванівна**, аспірант Горлівського держпедінституту іноземних мов (Україна, Горлівка)
- РОЗЕН (ТЕР-КАЗАР'ЯН) Сергій Шмавонович**, д.біол.н., професор, президент Ейлатського відділення Міжнародної академії інформатизації, керівник Мікробіологічного центру "Бактаксон" (Ізраїль, Ейлат)
- САМОСЕНКОВА Тетяна Володимирівна**, д.пед.н., професор каф. російської мови як іноземної Білгородського держуніверситету (Росія, Білгород)
- СІЗІКОВА Ніна Олександрівна**, здобувач, методист педагогічного ф-ту Білгородського держуніверситету (Росія, Білгород)
- СЛИВА Тетяна Василівна**, к.ф.н., доцент каф. російської мови Інституту іноземної філології Національного педагогічного ун-ту ім. М. П. Драгоманова (Україна, Київ)
- СМАЛЬ Олена Леонідівна**, ст. викладач каф. російської мови Інституту іноземної філології Національного педагогічного ун-ту ім. М. П. Драгоманова (Україна, Київ)

- СТЕПАНОВ Євгеній Миколайович**, к.ф.н., доцент каф. російської мови Одеського національного ун-ту ім. І. І. Мечникова (Україна, Одеса)
- ТАХМЕЗОВА Емілія Баширівна**, к.ф.н., доцент Дагестанського держпедуніверситету (Росія, Дербент)
- ТЕЛЕЦЬКА Тетяна Володимирівна**, к.ф.н., доцент каф. французької філології Одеського національного ун-ту ім. І. І. Мечникова (Україна, Одеса)
- ТЕР-КАЗАРЯН Михайло Сергійович**, інженер-кібернетик, керівник комп'ютерної лабораторії "Яхель-комп'ютерс" Ейлатського відділення Міжнародної академії інформатизації (Ізраїль, Ейлат)
- УБИЙВОВК Наталія Володимирівна**, к.ф.н., доцент каф. української філології Придністровського державного університету ім. Т. Г. Шевченка (Молдова, Тирасполь)
- УСМАНХОДЖАЄВ Абдукарим**, д.мед.н., головний редактор часопису "Хамшира [медсестра]" (Узбекистан, Ташкент)
- ФІЛІППОВА Ольга Веніамінівна**, викладач каф. лінгводидактики Одеського національного політехнічного ун-ту (Україна, Одеса)
- ФЛЮК Лілія Миколаївна**, к.ф.н., викладач каф. іноземних мов гуманітарних факультетів Одеського національного ун-ту ім. І. І. Мечникова (Україна, Одеса)
- ХАРЧЕНКОВА Людмила Іванівна**, д.пед.н., професор, зав. кафедри міжкультурних комунікацій Санкт-Петербурзького державного університету водних комунікацій (Росія, Санкт-Петербург)
- ШИЛОФОСТ Наталя Марківна**, к.ф.н., доцент каф. мовної та психолого-педагогічної підготовки Одеського державного економічного ун-ту (Україна, Одеса)
- ШОНЦ Олена Павлівна**, к.ф.н. (Україна, Одеса)
- ЮЗЕФЯК Сильвестр (Sylwester Jyzefiak)**, д.ф.н., професор Інституту неофілології Краківської педагогічної академії (Польща, Краків)
- ЮРЧЕНКО Олена Михайлівна**, аспірант каф. російської мови Харківського національного педагогічного ун-ту ім. Г. С. Сковороди (Україна, Харків)
- ЯРОЦЬКА Галина Сергіївна**, к.ф.н., доцент каф. прикладної лінгвістики Одеського національного ун-ту ім. І. І. Мечникова (Україна, Одеса)

Наши авторы

- АВДОНИНА Марина Юрьевна**, к.психол.н., доцент каф. немецкого и французского языков ф-та заочного обучения Московского государственного лингвистического университета (Россия, Москва)
- АФРИКЯН Эврик Гегамович**, академик НАН Армении, д.биол.н., советник, научный руководитель Центра микробиологии и депонирования микробов НАН Армении (Армения, Абовян)
- БОГАЧЁВА Тамара Африкановна**, ст. преподаватель каф. лингводидактики Одесского национального политехнического ун-та (Украина, Одесса)
- БОЙКО Наталья Александровна**, к.ф.н., доцент каф. общеобразовательных дисциплин Национального педуниверситета им. М. П. Драгоманова (Украина, Киев)
- ВОЛОШИНА Надежда Игнатьевна**, к.ф.н., доцент каф. французской филологии Одесского национального ун-та им. И. И. Мечникова (Украина, Одесса)
- ГАБИДУЛЛИНА Алла Рашатовна**, к.пед.н., доцент, зав. кафедрой языкознания и русского языка Горловского госпединститута иностранных языков (Украина, Горловка)
- ГЕЙНА Оксана Владимировна**, к.ф.н., ст. преподаватель каф. языковой и психолого-педагогической подготовки Одесского государственного экономического ун-та (Украина, Одесса)
- ДЖУАНЫШБЕКОВ Нурболат Орынбекович**, д.ф.н., профессор каф. теории литературы и фольклористики Казахского национального университета им. Аль-Фараби (Казахстан, Алматы)

- ДОБРОВОЛЬСКАЯ Людмила Владимировна**, к.ф.н., доцент каф. иностранных языков гуманитарных ф-тов Одесского национального ун-та им. И. И. Мечникова (Украина, Одесса)
- ДОННИКОВА Маргарита Сергеевна**, магистрант Белгородского госуниверситета (Россия, Белгород)
- ДРОБЫШЕВА Наталья Львовна**, стажёр Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия, Москва)
- ДРУЗИНА Наталия Владимировна**, д.ф.н., зав. кафедрой романских языков Педагогического ин-та Саратовского госуниверситета им. Н. Г. Чернышевского (Россия, Саратов)
- ДЬЯЧОК Наталья Васильевна**, к.ф.н., доцент каф. языкознания и русского языка Горловского государственного института иностранных языков (Украина, Горловка)
- ЕРЕМЕЕВА Галина Александровна**, к.ф.н., доцент Казахского национального педагогического университета им. Абая (Казахстан, Алматы)
- ЕРЕМЕНОК Оксана Игоревна**, к.ф.н., доцент каф. иностранных языков гуманитарных ф-тов Одесского национального ун-та им. И. И. Мечникова (Украина, Одесса)
- ЖАБО Наталья Ивановна**, ст. преподаватель каф. № 2 ф-та иностранных языков и общих дисциплин Российского ун-та дружбы народов (Россия, Москва)
- ЖЕЛТУХИНА Марина Ростиславовна**, д.ф.н., профессор каф. английской филологии Волгоградского госпедуниверситета (Россия, Волгоград)
- ЗАЙКИНА Антонина Ивановна**, к.ф.н., доцент каф. русского языка и методики преподавания Белгородского госуниверситета (Россия, Белгород)
- ИВАНОВА Наталия Георгиевна**, к.ф.н., доцент каф. иностранных языков гуманитарных ф-тов Одесского национального ун-та им. И. И. Мечникова (Украина, Одесса)
- ИСКАКОВА Замира Журусбековна**, к.ф.н., доцент Казахского национального педагогического университета им. Абая (Казахстан, Алматы)
- КИРИЧЕНКО Лариса Григорьевна**, к.ф.н., доцент, зав. каф. иностранных языков естественных ф-тов Одесского национального ун-та им. И. И. Мечникова (Украина, Одесса)
- КОСТИНА Дарья Михайловна**, ассистент каф. второго иностранного языка Белгородского госуниверситета (Россия, Белгород)
- КРАПОТИНА Татьяна Геннадьевна**, к.ф.н., доцент Московского государственного областного ун-та (Россия, Москва)
- КУШНИР Ольга Николаевна**, к.ф.н., доцент, профессор кафедры документоведения, архивоведения и прикладной лингвистики Коми республиканской академии государственной службы и управления, первый проректор (Россия, Сыктывкар)
- ЛАЕВСКАЯ Татьяна Евгеньевна**, аспирант кафедры русского языка Мозырского госпедуниверситета им. И. П. Шамякина (Белоруссия, Мозырь)
- ЛИТВИН Ольга Владимировна**, аспирант каф. русского языка Одесского национального университета им. И. И. Мечникова (Украина, Одесса)
- ЛОБАЧЁВА Наталия Александровна**, к.ф.н., директор Экономико-гуманитарного колледжа Крымского гуманитарного ун-та, доцент каф. русской филологии (Украина, Ялта)
- МАТВЕЕВА Наталья Михайловна**, доцент каф. лингводидактики Одесского национального политехнического ун-та (Украина, Одесса)
- МЕДВЕДЕВА Ульяна Юрьевна**, соискатель каф. русского языка Белгородского госуниверситета (Россия, Белгород)
- МИКЕЛЬСААР Марика (Marika Mikelsaar)**, д.мед.н., профессор каф. микробиологии Тартуского госуниверситета (Эстония, Тарту)
- МИРАКЪЯН Ирина Георгиевна**, к.ф.н., доцент, директор Института подготовки иностранных граждан Одесского национального политехнического ун-та (Украина, Одесса)
- МОЦАЖ Мария (Magia Mocarz)**, к.ф.н., адъюнкт Института славянской филологии Люблинского католического университета (Польша, Люблин)
- НОВИКОВА Татьяна Фёдоровна**, д.пед.н., профессор каф. русского языка и методики преподавания Белгородского госуниверситета (Россия, Белгород)

- ОВЧАРЕНКО Лариса Григорьевна**, к.пед.н., доцент, зав. каф. лингводидактики Одесского национального политехнического ун-та (Украина, Одесса)
- ОМЕЛЬЧЕНКО Анатолий Викторович**, президент Школы актёрского мастерства Анатолия Омельченко (Россия, Волгоград)
- ПАВЛЕНКО Раиса Ивановна**, генеральный директор Национальной научной медицинской библиотеки Украины, Заслуженный работник культуры Украины (Украина, Киев)
- ПАВЛОВА Наталья Алексеевна**, д.ф.н., профессор, зав. каф. русского языка, литературы и методики их преподавания Омского госпедуниверситета (Россия, Омск)
- ПАНЧЕНКО Инна Владимировна**, к.ф.н., доцент каф. французской филологии Одесского национального ун-та им. И. И. Мечникова (Украина, Одесса)
- ПАХАЛКОВА-СОИЧ Татьяна Владимировна**, доцент Центра языковой подготовки Харьковско-го национального ун-та радиоэлектроники (Украина, Харьков)
- ПЕТРЕНКО Елена Евгеньевна**, ст. преподаватель каф. русского языка, литературы и методики их преподавания Омского госпедуниверситета (Россия, Омск)
- ПЛОТНИКОВА Лариса Ивановна**, д.ф.н., профессор каф. русского языка и методики преподавания Белгородского госуниверситета (Россия, Белгород)
- ПЛОТНИЦКАЯ Светлана Валерьевна**, к.пед.н., доцент каф. иностранных языков гуманитарных факультетов Одесского национального ун-та им. И. И. Мечникова (Украина, Одесса)
- ПОБЕРЕЖНАЯ Ольга Юрьевна**, к.ф.н., ст. преподаватель каф. документоведения и информационной деятельности Одесского национального политехнического ун-та (Украина, Одесса)
- ПОЗДНЯКОВА Любовь Елизаровна**, ст. преподаватель кафедры языковой подготовки Харьковского национального университета радиоэлектроники (Украина, Харьков)
- ПОЛОНСКИЙ Андрей Васильевич**, д.ф.н., профессор каф. русского языка и методики преподавания Белгородского госуниверситета (Россия, Белгород)
- ПРИСТУПА Татьяна Ивановна**, аспирант Горловского госпединститута иностранных языков (Украина, Горловка)
- РОЗЕН (ТЕР-КАЗАРЬЯН) Сергей Шмавович**, д.биол.н., профессор, президент Эйлатского отделения Международной академии информатизации, руководитель Микробиологического центра “Бактаксон” (Израиль, Эйлат)
- САМОСЕНКОВА Татьяна Владимировна**, д.пед.н., профессор каф. русского языка как иностранного Белгородского госуниверситета (Россия, Белгород)
- СИЗИКОВА Нина Александровна**, соискатель, методист педагогического ф-та Белгородского госуниверситета (Россия, Белгород)
- СЛИВА Татьяна Васильевна**, к.ф.н., доцент кафедры русского языка Института иностранной филологии Национального педуниверситета им. М. П. Драгоманова (Украина, Киев)
- СМАЛЬ Елена Леонидовна**, ст. преподаватель каф. русского языка Института иностранной филологии Национального педуниверситета им. М. П. Драгоманова (Украина, Киев)
- СТЕПАНОВ Евгений Николаевич**, к.ф.н., доцент каф. русского языка Одесского национального университета им. И. И. Мечникова (Украина, Одесса)
- ТАХМЕЗОВА Эмилия Башировна**, к.ф.н., доцент Дагестанского госпедуниверситета (Россия, Дербент)
- ТЕЛЕЦКАЯ Татьяна Владимировна**, к.ф.н., доцент каф. французской филологии Одесского национального ун-та им. И. И. Мечникова (Украина, Одесса)
- ТЕР-КАЗАРЬЯН Михаил Сергеевич**, инженер-кибернетик, руководитель компьютерной лаборатории “Яхель-компьютерс” Эйлатского отделения Международной академии информатизации (Израиль, Эйлат)
- УБЫЙВОВК Наталия Владимировна**, к.ф.н., доцент каф. украинской филологии Приднестровского госуниверситета им. Т. Г. Шевченко (Молдавия, Тирасполь)
- УСМАНХОДЖАЕВ Абдукарим**, д.мед.н., главный редактор журнала “Хамшира [медсестра]” (Узбекистан, Ташкент)

ФИЛИППОВА Ольга Вениаминовна, преподаватель каф. лингводидактики Одесского национального политехнического ун-та (Украина, Одесса)

ФИЛЮК Лилия Николаевна, к.ф.н., преподаватель каф. иностранных языков гуманитарных факультетов Одесского национального ун-та им. И. И. Мечникова (Украина, Одесса)

ХАРЧЕНКОВА Людмила Ивановна, д.пед.н., профессор, зав. кафедрой межкультурных коммуникаций Санкт-Петербургского госуниверситета водных коммуникаций (Россия, Санкт-Петербург)

ШИЛОФОСТ Наталья Марковна, к.ф.н., доцент каф. языковой и психолого-педагогической подготовки Одесского государственного экономического ун-та (Украина, Одесса)

ШОНЦ Елена Павловна, к.ф.н. (Украина, Одесса)

ЮЗЕФЯК Сильвестр (Sylwester Jyzefiak), д.ф.н., профессор Института нефилологии Краковской педагогической академии (Польша, Краков)

ЮРЧЕНКО Елена Михайловна, аспирант каф. русского языка Харьковского национального педагогического ун-та им. Г. С. Сковороды (Украина, Харьков)

ЯРОЦКАЯ Галина Сергеевна, к.ф.н., доцент каф. прикладной лингвистики Одесского национального ун-та им. И. И. Мечникова (Украина, Одесса)

Наукове видання

МОВА

**Науково-теоретичний часопис
з мовознавства**

№ 16

Українською, російською та англійською мовами

Підписано до друку 20.10.2010. Формат 60x84/16. Папір офсетний.
Гарнітура «Newton». Друк офсетний. Ум. друк. арк. 27,20.
Тираж 300 прим. Зам. № 807.

Видавництво і друкарня «Астропринт»
65091, м. Одеса, вул. Разумовська, 21
Тел.: (0482) 37-07-95, 37-24-26, 33-07-17, 37-14-25
www.astroprint.odessa.ua; www.fotoalbom-odessa.com
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 1373 від 28.05.2003 р.